АКАДЕМИЯ МУБиНТ АКАДЕМИЯ МУБиНТ АКАДЕМИЯ МУБиНТ АКАДЕМИЯ МУБиНТ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ)
«МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ БИЗНЕСА И НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(МУБИНТ)»

МОЛОДАЯ НАУКА - 2026

Сборник материалов
XVII Национальной научно-практической конференции
молодых ученых, аспирантов и студентов

Часть 2

Ярославль
2026

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ)
«МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ БИЗНЕСА И НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(МУБиНТ)»

МОЛОДАЯ НАУКА – 2026

Сборник материалов
XVII Национальной
научно-практической конференции
с международным участием
молодых ученых, аспирантов
и студентов

Часть 2

Ярославль
Международная академия бизнеса и новых технологий
(МУБиНТ)
2026

УДК 001.18
ББК 72
М5

Рецензенты:

Личак Н. А., доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук; Ярославский государственный технический университет;

Неклюдов В. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы»; Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

М5 Молодая наука – 2026: сборник материалов XVII Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов: в 3 частях. — Часть 2. — Ярославль: Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2026. — 262 с.

ISBN 978-5-93002-431-9

В сборник включены материалы секционных заседаний научно-практической конференции «Молодая наука – 2026», на которых были представлены результаты самостоятельных исследований студентов, магистрантов, аспирантов в области в области гуманитарных наук, экономики и учетно-аналитической деятельности, юриспруденции, публичного управления и менеджмента, архитектуры и градостроительства, информационно-компьютерных технологий, рекламы и связей с общественностью, лингвистики и межкультурных коммуникаций.

УДК 001.18
ББК 72

© Международная академия бизнеса
и новых технологий (МУБиНТ), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Лингвистика»

Эволюция речи как инструмента коммуникации
О. М. Бажулин, научный руководитель – Е. О. Глушкова.....8

Переводческие трансформации эпитетов в русскоязычном переводе произведения Маркуса Зусака «The Book Thief»
К. Е. Бодунов, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова.....11

Между фатикой и делом: small talk / организационная беседа как открывающий жанроид коуч-беседы
А. М. Горбачева.....15

Качество перевода британского варианта английского языка в романе Айрис Мёрдок «The Sea, The Sea» в рамках постпереводческого анализа
В. Р. Грахова, научный руководитель — В. Н. Степанов.....23

Качество перевода на русский язык лексики ограниченного употребления и реалий в произведении Кэтрин Стокетт «The Help»
И. А. Гуменюк, научные руководители — В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова.....26

Лингвистические признаки историзмов и архаизмов в произведении Маркуса Зусака «Книжный вор» в рамках предпереводческого анализа
П. Д. Загоскина, научные руководители — В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова.....32

Влияние скандинавских языков на английский язык
Д. В. Зюзюлькин, научные руководители — В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова.....37

Лингвистические признаки метафоры в романе Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «The Great Gatsby» в рамках предпереводческого анализа
В. А. Иванченко, научные руководители — В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова.....43

Качество перевода канадского варианта английского языка в романе Маргарет Этвуд «The Handmaid’s Tale» в рамках постпереводческого анализа
В. П. Клепикова, В. Н. Степанов.....48

Качество перевода оксюморона в художественных текстах (на примере романа Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle»)
У. А. Конакова, научный руководитель — В. Н. Степанов.....51

Переводческие трансформации эпитетов в книге Энтони Дорра «Memory Wall» в рамках переводческого анализа
А. В. Маханек, научные руководители — В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова.....56

Качество перевода олицетворения в художественных текстах (на примере романа Нелл Харпер Ли «To Kill A Mockingbird»)
В. С. Мусина, научный руководитель — В. Н. Степанов.....62

Лингвистические признаки британского варианта английского языка в художественных текстах в рамках предпереводческого анализа (на примере произведения Клайва Стейплза Льюиса «The Chronicles of Narnia»)
А. А. Наумкина, научные руководители — В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова 66

Качество перевода фразеологизмов в художественных текстах (на примере романа Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher In The Rye»)
А. С. Наумченкова, научный руководитель — В. Н. Степанов.....72

Архетип «псевдоэксперта»: роль речевых ошибок в создании комических персонажей в кино и анимации
В. А. Нечаева, Т. Н. Жильцова.....75

Англоязычный слоган рекламного дискурса: лингвопрагматические особенности и переводческие решения его передачи на русский язык
А. А. Новоселова, В. Н. Бабаян.....77

Сопоставительный анализ переводов романа Томаса Харриса «Красный дракон» на русский язык (на материале издательств «Эксмо» и «АСТ»)
Е. А. Самсонова.....83

Лингвопрагматические, стилистические и семантические особенности англоязычного политического публицистического дискурса
А. Е. Смирнов, В. Н. Бабаян.....86

Академическая адаптация российских студентов, обучающихся за рубежом в рамках программ академического обмена
М. В. Старшова, научный руководитель — М. Н. Аверина 93

Качество перевода градации в романе Анны Бёрнс «Milkman» в рамках переводческого анализа
П. С. Сухова, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова 97

Качество перевода нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool Of Blue Thread» в рамках постпереводческого анализа
А. А. Трандина, научный руководитель — В. Н. Степанов.....102

Структурно-семантические особенности эпитетов в романе Лианы Мориарти «Nine Perfect Strangers» в рамках предпереводческого анализа
А. И. Трофимова, научные руководители — В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова.....107

Лингвистические признаки американского варианта английского языка в художественном тексте в рамках предпереводческого анализа (на материале романа Р. П. Уоррена «All the King's Men»)
Д. О. Устюжанина, научные руководители — В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова 111

Роль стилистической окраски слова и её передача при переводе
А. В. Фомина, научный руководитель — Е. О. Глушкова.....115

Секция «Трансформация права в современных условиях»

Преступления против интеллектуальной собственности в цифровую эпоху
М. А. Боринских, П. А. Чирков.....119

Законодательство Германии 1930–1940-х гг.: историко-правовой анализ
К. О. Волкова, С. В. Гроздилов.....125

Обособленное имущество как определяющий признак юридического лица в российском гражданском праве
А. В. Герасимова, Е. Ф. Жданова 130

Противодействие экстремизму и терроризму среди молодёжи
С. Н. Дмитриева, И. И. Макаров.....133

Роль субъектов естественных монополий в финансовой системе
И. А. Егоров 136

Правовая регуляция разработки и эксплуатации технологии искусственного интеллекта
И. А. Егоров, С. В. Гроздилов.....139

Уголовная ответственность несовершеннолетних
С. Р. Женихова, научный руководитель — Д. А. Никитин.....143

Трансформация рынка труда в условиях роста фиктивной самозанятости: правовые риски, судебная практика и доктринальные подходы
Д. Д. Иванова, А. В. Моржухина, научный руководитель — О. В. Кваша 147

Сделки с земельными участками как объект мошеннических посягательств: гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты
А. А. Ипатова, И. И. Макаров 152

Налоговая система России в XIX веке
А. В. Каллаш, А. Ю. Волков 156

Противодействие легализации, отмыванию денежных средств, полученных преступным путем
А. В. Каллаш, А. Ю. Волков 163

Проблемы квалификации преступлений, совершённых группой лиц
А. В. Канатьева, П. А. Чирков.....169

Правоотношения: особенности и виды
Е. М. Кошкин, научный руководитель – Е. О. Глушкова 173

Особенности налогового регулирования криптовалюты
О. Г. Кистанова, А. Ю. Волков 177

Проблемы правоприменения в сфере налогообложения: судебная практика и ее влияние на налоговую систему
С. И. Корягина, научный руководитель — А. Ю. Волков 182

Сущность налоговой ответственности
Е. М. Котова, А. Ю. Волков 186

Правовые особенности финансового контроля
Е. М. Котова, А. Ю. Волков 189

Правовое регулирование государственных закупок: проблемы контрактной системы и перспективы цифровизации
Н. А. Крупнов, А. Ю. Волков 194

Налоговые проверки в Российской Федерации: проблемы эффективности и пути совершенствования
Н. А. Крупнов, А. Ю. Волков 197

Воздействие механизмов финансового принуждения на уровень экономической стабильности государства
М. Н. Лебедев, А. Ю. Волков 201

Правовые гарантии защиты интересов налогоплательщиков в ходе налоговых проверок
М. Н. Лебедев, А. Ю. Волков 208

Основные проблемы квалификации экономических преступлений
П. С. Ломоносова, П. А. Чирков 213

Проблемы квалификации электронных сделок
Н. В. Могутов 217

Гражданское общество и государство
А. А. Петухова, научный руководитель – Е. О. Глушкова 221

Развитие института финансовой ответственности в российском праве
Н. А. Пивоваров, А. Ю. Волков 225

Особенности ответственности налогоплательщика за нарушение налогового законодательства
Н. А. Пивоваров, А. Ю. Волков 230

Проблемы применения института необходимой обороны в уголовном праве
У. О. Проворова, П. А. Чирков 236

Проблема классификации юридических лиц
Д. Н. Серова, Е. Ф. Жданова 239

Проблема квалификации преступлений, предусмотренных статьей 158 Уголовного кодекса Российской Федерации
Е. Р. Смирнов, П. А. Чирков 242

Гражданско-правовое регулирование возмещения вреда, причинённого в состоянии крайней необходимости
А. Р. Тухватуллина, Е. Ф. Жданова 245

Основы взаимодействия государства и церкви
Д. Р. Халназарова, научный руководитель – Е. О. Глушкова 248

Судейский корпус в Российской Федерации: современное состояние и проблемы комплектования
Г. Л. Харитонов, научный руководитель – С. В. Гроздилов 254

Правовой статус искусственного интеллекта: отдельные правовые аспекты
А. С. Хон, Е. В. Колпазанова 258

Секция «Лингвистика»

УДК 81-2

Эволюция речи как инструмента коммуникации

The Evolution of Speech as a Communication Tool

О. М. Бажулин
студент
E-mail: om.bazhulin@edu.mubint.ru
научный руководитель – Е. О. Глушкова
кандидат педагогических наук
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: e.glushkova@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
O. M. Bazhulin
Student
Supervisor – E. O. Glushkova
Candidate of Pedagogical Sciences
Associate Professor of the Department of Humanities
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье представлен анализ исторического развития вербальной коммуникации. Автор последовательно раскрывает механизмы функционирования речи, рассматривает закономерности её эволюционного становления и определяет ключевые целевые функции, реализуемые посредством речевой деятельности.

Ключевые слова: речь, вербальная коммуникация, эволюция речи, развитие языка, функции речи, история коммуникации, происхождение языка, коммуникативные навыки, эволюционная лингвистика, речь и мышление, этапы развития речи, языковые универсалии.

Abstract

This article presents an analysis of the historical development of verbal communication. The author systematically reveals the mechanisms of speech functioning, examines the patterns of its evolutionary formation, and defines the key target functions realized through speech activity.

Keywords: speech, verbal communication, evolution of speech, language development, functions of speech, history of communication, origin of language, communicative skills, evolutionary linguistics, speech and thinking, stages of speech development, language universals.

Когда мы говорим об эволюции речи, биолог представит себе изменения гортани, нисхождение подъязычной кости и прочие изменения в анатомии [1]. Лингвистика же рассматривает эту эволюцию с другого ракурса: как структура знака, способы соединения единиц и функции высказывания менялись с течением времени. Речь здесь понимается не как физиологический феномен, а как социально-когнитивный механизм — способность передавать мысли с помощью звуковых (или жестовых) символов, подчиняющихся правилам.

Лингвистическая эволюция — это не линейный прогресс, это процесс адаптации языковой системы к изменяющимся когнитивным потребностям человека и условиям коммуникации.

Основные гипотезы о происхождении языка

Теория звукоподражания (ономатопея) — первые слова имитировали звуки. Слабость: абстрактные понятия не вывести из подражания [1].

Междометная теория — язык возник из непроизвольных эмоциональных возгласов. Слабость: междометия не имеют членораздельной структуры [2].

Теория социального договора — люди договорились о значениях. Слабость: чтобы договориться, нужен уже существующий язык [2].

Трудовая гипотеза (Энгельс, Нуаре) — язык возник из ритмических выкриков при совместной работе. Это объясняет появление ритма и простейших команд [2].

Жестовая теория (Кондильяк, Хьюитт) — сначала был язык жестов, затем жесты сопровождались звуками, и наконец звуки вытеснили жесты. Звуковая речь энергетически выгоднее: она не требует зрительного контакта [2].

Современный консенсус (М. Томаселло, С. Пинкер): язык возник как комбинация указательных жестов и вокализаций с постепенным переходом к символическому кодированию. Лингвист Дерек Бикертон предложил модель «протоязыка» — первой стадии, которая ещё не имеет синтаксиса. Протоязык обладает: ограниченным словарём (десятки-сотни корней); отсутствием грамматических маркеров (времени, рода, падежа); свободным порядком слов; контекстной зависимостью (слова понятны только здесь и сейчас). Пример протоязыка — пиджины (стихийные языки общения разноязычных групп), а также речь детей до 2 лет и язык приматов при обучении. Переход от протоязыка к полноценному языку — это появление синтаксиса и морфологии.

Глоттогенез — процесс становления человеческого естественного звукового языка, его формирования и развития. Речь является фундаментом человеческой коммуникации, позволяя делиться мыслями и идеями с другими людьми. Ранняя речь представляла собой аморфные корни. Аморфные корни — это грамматически неизменяемые слова-корни, которые используются в детской речи на ранних этапах её формирования. Они не имеют определённой грамматической формы и применяются в одинаковом звуковом оформлении в различных предложениях. Эволюция шла в сторону усложнения морфологии, что позволило передавать не только событие, но и временные, модальные и причинно-следственные связи.

Ключевой эволюционный скачок — появление фонем (бессмысленных единиц), комбинация которых порождает морфемы (смысловые единицы) [1]. Это сделало речь экономичной: бесконечное число сообщений из ограниченного набора звуков. Фонема — минимальная смыслоразличительная единица языка. Фонема не имеет самостоятельного лексического или грамматического значения, но служит для различения и отождествления значимых единиц языка (морфем и слов). Морфема — это минимальная (нечленимая) значимая часть слова. В отличие от слова, морфема не может функционировать самостоятельно — она существует только в составе слова. Из морфем «строятся» слова, а из слов — предложения. Если бы каждый смысл обозначался целым уникальным звуком, количество необходимых звуков равнялось бы количеству слов (миллионы) [1]. А с фонемами — около 30–40 звуков, комбинируя которые, получаем бесконечное число морфем. Это делает язык экономичным и продуктивным. Появление фонематической системы — вероятно, самый поздний этап глоттогенеза (не старше 100–50 тыс. лет назад).

Функциональная эволюция речи рассматривается в рамках прагматического подхода, при котором язык анализируется как инструмент целенаправленного воздействия и взаимодействия.

Карл Бюлер предложил модель, включающую три базовые функции речи:

1. Экспрессивная функция — отражает внутреннее состояние, эмоции и субъективные переживания говорящего, реализуя самовыражение личности.

2. Апеллятивная (конативная) функция — направлена на адресата, предполагает побуждение, воздействие или организацию поведения слушающего.

3. Репрезентативная (референтивная) функция — обеспечивает объективацию и передачу информации о внешнем мире, фиксацию фактов, событий и явлений.

В эволюции речи экспрессивная функция была первичной (крики боли, радости). Позже развилась апеллятивная (приказы, просьбы), и лишь затем репрезентативная, требующая отвлечения от «здесь и сейчас». Пока группы людей изолированы, их речь расходится (закон дивергенции). За 1000 лет из одного племени могут образоваться разные языки (например, латынь дала итальянский, французский, испанский). Это эволюция на макросоциальном уровне. На микросоциальном уровне возникают жаргоны и сленг как способ маркировать «свой-чужой». Молодёжный сленг — функцию возрастной идентичности. Появление новых социальных групп мгновенно порождает новую лексику.

Письменность — консерватор. Она фиксирует произношение и грамматику на момент её создания, а затем расхождение между устной речью и письмом нарастает. Но письменность создаёт орфоэпическую норму (правильное произношение), которую транслирует школа, радио, телевидение. Без письменности язык менялся бы быстрее и радикальнее. Вмешательство нормы — это искусственная эволюция «сверху». Во многих культурах сложилась диглоссия — сосуществование «высокого» (письменного) и «низкого» (разговорного) вариантов. Эта диглоссная ситуация — важный этап эволюции речи: язык расслаивается на две параллельные системы, которые затем могут слиться или окончательно разделиться.

Есть опасения, что цифровая речь деградирует: забывается орфография, беднеет лексика, исчезают сложные предложения. Но исследования показывают: люди, активно пишущие в чатах, сохраняют способность к сложной синтаксической речи в официальных контекстах. Язык не деградирует, а адаптируется к новой среде, как это было при переходе от устной речи к письменной. С точки зрения современной лингвистики, эволюция речи не интерпретируется как линейный процесс перехода от примитивных форм к более совершенным. Напротив, речь рассматривается как динамическая система, в которой происходит смена доминирующих коммуникативных стратегий в зависимости от социокультурного контекста и функциональных потребностей общества.

В историческом развитии можно выделить следующие ключевые этапы.

Протоязык (период от 50 до 10 тысяч лет назад) характеризовался ограниченным лексическим фондом, отсутствием развитого синтаксиса и высокой степенью зависимости от ситуативного контекста.

Языки древних государств (например, шумерский, египетский, древнекитайский) отличались богатой морфологией (флективной или агглютинативной), наличием иерархических структур и формированием первых письменных традиций.

Классические языки (древнегреческий, латинский, санскрит) характеризуются развитием гипотаксиса, формированием абстрактной лексики и метаязыковой рефлексией.

Современные стандартные языки демонстрируют тенденцию к аналитизму, упрощению морфологической системы, фиксированному порядку слов и процессам нормализации. Цифровая речь XXI века отмечена компрессией информации, использованием эмодзи, парцелляцией и возвратом к паратактическим конструкциям.

Ключевым выводом лингвистического анализа эволюции речи является признание того, что языковые изменения всегда представляют собой баланс между двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, действует принцип экономии речевых усилий, проявляющийся в фонетической редукции, грамматическом упрощении и широком распространении сокращений в электронной коммуникации. С другой стороны, язык стремится к повышению точности и выразительности, что реализуется через появление новых грамматических категорий, неологизмов и сложных синтаксических построений.

Таким образом, язык не подвергается «порче» или деградации, а гибко адаптируется к изменяющимся потребностям своих носителей. Изучение эволюции речи с позиций лингвистики позволяет понять, что каждое отклонение от существующей нормы потенциально является источником будущих языковых изменений, а каждое новое слово или конструкция — это очередной шаг в реализации фундаментальной коммуникативной задачи: передачи мысли от одного сознания к другому.

Библиографический список

1. Бурлак, С. А. Важность исследований глоттогенеза для сравнительно-исторического языкознания / С. А. Бурлак // Вопросы языкознания. — 2011. — № 2. — С. 3–18.

2. Осипова, Л. И. К вопросу о происхождении языка / Л. И. Осипова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 5 (259). — С. 102–105.

УДК 378.1

Переводческие трансформации эпитетов в русскоязычном переводе произведения Маркуса Зусака «The Book Thief»

Translation Transformations of Epithets in Marcus Zusak's Russian Translation «The Book Thief»

К. Е. Бодунов
студент
E-mail: k.bodunov@edu.mubint.ru
В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
K. E. Bodunov
Student
V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited educator of the higher school of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Статья посвящена анализу стратегий перевода эпитетов как ключевого стилистического средства в художественном тексте. Объектом исследования выступают 57 эпитетов, отобранных методом сплошной выборки из романа М. Зусака «The Book Thief» и его русскоязычного перевода Н. В. Мезина. Проводится анализ типологии и частотности пе-

реводческих трансформаций, применяемых для передачи образной функции эпитетов, выявляются доминирующие стратегии в переводе. Полученные данные подтверждают тенденцию к сохранению авторской образности при минимальных структурных трансформациях.

Ключевые слова: эпитет, переводческая трансформация, калькирование, лексико-семантическая модификация, художественный перевод, образность, адекватность.

Abstract

The article examines translation strategies for epithets as a core stylistic device in literary texts. The object of the study is 57 epithets selected by a continuous sampling method from M. Zusak's novel «The Book Thief» and its Russian translation by N. V. Mezin. The typology and frequency of translation transformations used to convey the imagery function of epithets are analyzed, and the dominant strategies in translation are identified. The data obtained confirm the tendency to preserve the author’s imagery through minimal structural transformations.

Keywords: epithet, translation transformation, calquing, lexico-semantic modification, literary translation, imagery, adequacy.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью переводческих трансформаций в сохранении стилистической и образной насыщенности художественного текста при межъязыковой трансляции. Эпитет как лингвостилистический прием выполняет в прозаическом произведении многофункциональную роль: номинативную, экспрессивную и образную, формируя эмоционально-оценочное отношение к объекту описания и конструируя художественную реальность [4, с. 131]. В условиях структурных различий английского и русского языков перевод эпитетов требует применения специальных трансформационных приемов, что делает данную проблему значимой для теории и практики художественного перевода [3; 6].

Объектом исследования выступает эпитет как средство художественной выразительности, предметом – переводческие трансформации эпитетов в романе Маркуса Зусака «The Book Thief» в переводе Н. В. Мезина. Цель работы – выявление, классификация и количественный анализ трансформаций эпитетов с целью определения стратегий переводчика при передаче образной функции стилистического средства. Для достижения поставленной цели необходимо определить типологию эпитетов в оригинале, проанализировать применяемые переводческие трансформации методом сплошной выборки, а также выявить доминирующие стратегии перевода эпитетов и их соотношение с функциональной нагрузкой стилистического средства.

Эпитет в лингвистической традиции трактуется как лексическое средство, добавляющее качественные характеристики к существительному для усиления выразительности и создания ассоциативных связей [4, с. 123]. Согласно А. А. Алавердяну, эпитет представляет собой «лингвостилистический маркер, реализующий функцию усиления образности через лексико-семантическую модификацию опорного слова» [1, с. 164]. В художественном тексте эпитеты выполняют не только описательную, но и символическую функцию, становясь элементами концептуальной картины мира автора.

Переводческий анализ эпитетов невозможен без обращения к классификации трансформаций. В. Н. Комиссаров выделяет три основные группы преобразований: лексические, грамматические и лексико-грамматические, подчеркивая, что выбор конкретной трансформации определяется необходимостью достижения эквивалентности перевода при сохранении функционального воздействия сообщения [8, с. 165].

Лексические трансформации включают транскрипцию, транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию). Грамматические преобразования предполагают изменение структуры предложения: членение, объединение, перестановку элементов. Лексико-грамматические трансформации сочетают оба уровня модификации.

Дополнительную аналитическую ценность представляет классификация В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова, расширяющая модель В. Н. Комиссарова за счет введения таких приемов, как переводческий комментарий и уточненной типологии модификаций [2, с. 32–34]. Авторы выделяют калькирование как наиболее частотную трансформацию при переводе образной лексики, поскольку она позволяет сохранить структурную и семантическую целостность оригинального словосочетания. Лексико-семантические модификации применяются в случаях, когда прямой перевод невозможен без утраты образности или нарушения норм языка перевода (ПЯ).

Роман австралийского писателя Маркуса Зусака «The Book Thief» (2005), повествующий о жизни немецкой девочки Лизель Мемингер в нацистской Германии 1939–1945 гг., представляет собой сложный художественный текст с высокой плотностью стилистических средств [3, с. 15]. Особенностью повествования является использование Смерти в качестве рассказчика, что обусловливает поэтизацию описаний и насыщенность текста метафорическими и символическими эпитетами [9, с. 8]. Русскоязычный перевод, выполненный Н. В. Мезиным (издательство «Э», 2016), демонстрирует высокий уровень адекватности при передаче авторского стиля.

Методом сплошной выборки из оригинала и перевода было отобрано 57 эпитетов, распределенных по функционально-семантическим типам: качественные (16 ед.), относительные (13 ед.), метафорические (14 ед.), олицетворяющие (10 ед.) и символические (4 ед.). Качественные эпитеты, составляющие наибольшую долю выборки, характеризуются прямым указанием на признак объекта («gentle voice» – «мягкий голос») и чаще всего подвергаются калькированию. Метафорические и олицетворяющие эпитеты требуют более сложных трансформаций из-за их образной природы.

Таблица. Процентное соотношение переводческих трансформаций эпитетов в русскоязычном переводе произведения Маркуса Зусака «The Book Thief» (составлена автором)

Вид трансформации	Количество, ед.	Доли, %
Калькирование	26	45,6
Лексические модификации	12	21,0
Лексико-семантические модификации	15	26,3
Грамматические модификации	6	10,0
Лексико-грамматические модификации	3	5,2
Транслитерация	0	0

Анализ конкретных случаев выявил следующие закономерности. Калькирование доминирует при переводе структурно совместимых сочетаний «прилагательное + существительное»: «grey air» – «серый воздух», «crooked bodies» – «скрюченные тела», «gleaming knife» – «сверкающий нож» [5, с. 112]. Такая стратегия соответствует принципу сохранения авторского замысла при минимальных структурных изменениях и обеспечивает максимальную близость к оригиналу.

Лексико-семантические модификации применялись преимущественно при передаче метафорических эпитетов. Например, «pale blue cut-outs» трансформировано в «бледно-голубые заплаты» через механизм сужения значения (конкретизации), поскольку прямой эквивалент «вырезы» не передавал бы визуальный образ потрёпанной одежды персонажа [5, с. 247]. Аналогично, «a roaring rendition» – «слаженный рев» демонстрирует функциональную замену, где многозначная лексема «rendition» (исполнение, воспроизведение) замещена контекстуально мотивированным сочетанием, усиливающим звуковую образность [5, с. 312].

Грамматические трансформации проявились в замене частей речи и изменении синтаксической структуры. В примере «the moon was undone now» – «Луну уже отпороли» наблюдается переход от пассивного залога к активному с одновременной заменой

прилагательного глаголом, что соответствует нормам русского языка и усиливает динамику образа [5, с. 405]. Лексико-грамматические модификации использовались в сложных метафорах: «a small wardrobe of a woman» – «[Роза Хуберман], которая напоминала комод» требовало раскрытия метафоры через описательный перевод с введением сравнительного оборота [5, с. 89].

Доминирование калькирования (45,6 %) свидетельствует о структурной совместимости англо-русских эпитетических моделей и стремлении переводчика к максимальной близости к оригиналу. Как отмечает В. В. Сдобников, при переводе художественных текстов «стремление к сохранению структурных особенностей оригинала является признаком ориентации на адекватность как критерий качества перевода» [9, с. 117]. Отсутствие транслитерации объясняется природой эпитета как описательной единицы, в отличие от имен собственных, для которых характерно применение транскрипции и транслитерации [2, с. 33].

Лексико-семантические трансформации (26,3 %) обеспечили адекватную передачу культурно-маркированных образов. Так, «bittersweet little victory» – «кисло-сладкая победа» демонстрирует метонимическую замену, сохраняющую оксюморонической структуру оригинала и передающую эмоциональную двойственность момента [6, с. 289]. Подобные преобразования соответствуют принципу функциональной эквивалентности, когда сохраняется не буквальное значение, а коммуникативный эффект высказывания [7, с. 84].

Сочетание калькирования с лексико-семантическими модификациями отражает баланс между эквивалентностью и адекватностью перевода. В. Н. Комиссаров подчеркивает, что «адекватность предполагает не буквальное воспроизведение формы, а достижение того же коммуникативного результата, что и в оригинале» [7, с. 76]. В случае с эпитетами это означает сохранение не только семантического содержания, но и эмоционально-оценочной нагрузки, образной насыщенности и стилистической функции.

Анализ переводческих трансформаций эпитетов в романе Маркуса Зусака «The Book Thief» в переводе Н. В. Мезина выявил следующие стратегические особенности. Во-первых, доминирующей стратегией является калькирование (45,6 %), что обусловлено структурной совместимостью англо-русских эпитетических сочетаний и стремлением переводчика к максимальной близости к авторскому тексту. Во-вторых, лексико-семантические модификации (26,3 %) применяются преимущественно при передаче метафорических и олицетворяющих эпитетов, требующих адаптации к нормам русского языка без утраты образности. В-третьих, грамматические и лексико-грамматические трансформации используются выборочно (15,2 % в совокупности) для решения специфических задач, связанных с синтаксической несовместимостью языковых структур.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что выбор переводческой трансформации определяется не только лингвистическими различиями языков, но и функциональной ролью эпитета в создании художественного мира произведения. Переводческая стратегия Н. В. Мезина ориентирована на баланс между эквивалентностью и адекватностью: при сохранении структурной основы оригинала допускаются целенаправленные модификации для передачи образной семантики. Такой подход обеспечивает сохранение авторской стилистики и эмоциональной насыщенности текста, что является ключевым критерием качества художественного перевода.

Библиографический список

1. Алавердян, А. А. Эпитет в художественном тексте: лингвостилистические и структурные модификации / А. А. Алавердян // Анализ проблем внедрения результатов инновационных исследований и пути их решения. – 2020. – С. 163–165.

2. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль : Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2024. – 136 с.

3. Бодунов, К. Е. Лингвистические признаки эпитетов в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» в рамках предпереводческого анализа / К. Е. Бодунов, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 14–19. – EDN XUBDYA.

4. Булахова, Н. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) / Н. П. Булахова, А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 2(9). – С. 122–143.

5. Зусак, М. Книжный вор / Маркус Зусак ; [пер. с англ. Н. В. Мезина]. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 608 с.

6. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.] ; под ред. В. Н. Степанова; Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. — 256 с.

7. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : курс лекций / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 1999. – 192 с.

8. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебное пособие для институтов и факультетов иностранного языка / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.

9. Сдобников, В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход) : монография / В. В. Сдобников. – М., 2019. – 214 с.

10. Zusak, M. The Book Thief / M. Zusak. – London : Black Swan, 2013. – 537 p.

УДК 811.161.1'42

Между фатикой и делом: small talk / организационная беседа как открывающий жанроид коуч-беседы

Between Phatics and Business: Small Talk / Organisational Conversation as an Opening Genreoid of Coaching Conversation

А. М. Горбачева
соискатель
E-mail: solo_82@inbox.ru
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
A. M. Gorbacheva
Applicant
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Аннотация

Статья посвящена исследованию жанроида small talk / организационная беседа — открывающего сужанра гипержанра коуч-беседы (ГЖКБ). Цель статьи — выявить интенциональные и структурные особенности данного жанроида в составе ГЖКБ. На материале корпуса транскрипций 153 коуч-сессий методами интент-анализа и автоматизированной сплошной выборки выявлены и классифицированы семь речевых интенций коуча, установлена их частотность; описаны структурные границы жанроида и его мезоин-

тенция — «Подготовить (настроить и организовать) клиента к старту коуч-беседы». Жанроид присутствует в 99 из 153 сессий (64,7 %). Подтверждён его гибридный характер как результата конвергенции жанров-прототипов (small talk и организационная беседа) и переакцентуации фатической функции в пользу организационной в условиях институционального коучинг-дискурса.

Ключевые слова: речевой жанр, жанроид, гипержанр, коуч-беседа, small talk, организационная беседа, речевая интенция, лексико-прагматические локализаторы, фатическая коммуникация, интент-анализ.

Abstract

The article is devoted to the study of the *sou genre* “small talk / organisational conversation” — an opening variety within the hypergenre of coaching conversation (HCC). The aim of the article is to identify the intentional and structural features of this sou genre within the HCC framework. Based on a corpus of transcriptions from 153 coaching sessions, seven speech intentions of the coach were identified and classified using intent analysis and automated continuous sampling methods, and their frequency was established. The structural boundaries of the sou genre and its meso-intention — “To prepare (set up and organise) the client for the start of the coaching conversation” — are described. The sou genre is present in 99 out of 153 sessions (64.7 %). Its hybrid nature is confirmed as a result of the convergence of prototype genres (small talk and organisational conversation) and the re-accentuation of the phatic function in favour of the organisational one within the institutional coaching discourse.

Keywords: speech genre, sou genre, hypergenre, coaching conversation, small talk, organisational conversation, speech intention, lexical-pragmatic localisers, phatic communication, intent analysis.

Коучинг как тип институционального дискурса привлекает внимание исследователей с 1980-х гг. на Западе и с 2010-х — в России. Лингвистические исследования коучинга немногочисленны: в отечественной науке генристическое изучение коуч-беседы не предпринималось [4]. Автор статьи ведёт его с 2024 г. в рамках жанроведческого подхода.

Теоретическую основу составляет российское жанроведение, восходящее к концепции М. М. Бахтина [1] (Т. О. Багдасарян, Г. И. Богин, В. В. Дементьев, М. Н. Кожина, В. А. Салимовский, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.). М. Ю. Федосюк [15] разграничил элементарные и комплексные речевые жанры (далее – РЖ); К. Ф. Седов [10] предложил иерархическую модель: субжанр → речевой жанр → гипержанр, которая легла в основу данной работы. Речевой жанр трактуется в исследовании как типическая текстовая организация, с помощью которой люди формируют (создают) и передают собственный жизненный опыт общения в данном языковом коллективе и воспринимают чужой опыт. Это, по мнению К. Ф. Седова, «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [10, с. 372] и основная форма речевого общения и организации индивидуального сознания.

Ключевой для исследования является категория интенциональности. Восходя к феноменологии Э. Гуссерля и теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Г. П. Грайс), она разработана в психолингвистическом ключе Т. В. Ушаковой и Н. Д. Павловой [9], предложившими метод интент-анализа — реконструкции речевых интенций по текстовым маркерам. Речевая интенция (РИ) — «намеренность речевого действия, его осознанная направленность на цель» [12, с. 45]. Инструментом её обнаружения служат лексико-прагматические локализаторы речевой интенции говорящего (ЛПЛРИГ) — языковые знаки (лексические, синтаксические, морфологические), совместно номинирующие интенцию говорящего и позволяющие реконструировать её из текста [12].

Воздействующая функция коучинга вписывает его в провокативный дискурс [11; 13]: коуч производит значимые когнитивные изменения клиента посредством непрямой коммуникации [5].

В работе [2] коуч-беседа описана как комплексный провокативный гипержанр усложнённой интенциональной структуры, включающий пять сужанров: 1) small talk / организационная беседа; 2) договор; 3) рефлексия решения; 4) планирование / в*и*дение; 5) «дифирамб» / организационная беседа. Интенциональная структура ГЖКБ иерархична: в её основе лежит макроинтенция коуча — обеспечение позитивного когнитивного изменения клиента; каждый сужанр оформляет свою мезоинтенцию, нацеленную на «глобальное изменение» клиента в рамках данной фазы; субжанры (элементарные речевые жанры) несут микроинтенции, обеспечивающие «локальные изменения» клиента в отдельном речевом акте [2].

Открывающим сужанром является small talk / организационная беседа. Жанр small talk изучен преимущественно в западной традиции (Б. Малиновский, Р. Якобсон, К. Шнайдер, К. Фокс), тогда как специального сопоставительного исследования small talk и русской светской беседы как двух самостоятельных жанров в рамках теории речевых жанров долгое время не существовало. В. В. Фенина [16] доказала, что это два разных жанра, обусловленных разными системами национально-культурных ценностей: природа светской беседы определяется оппозитивностью русской речевой культуры, тогда как small talk — континуальностью англо-американской [16, с. 9]. В. В. Фенина установила, что small talk в англо-американской культуре — «один из наиболее распространённых, узнаваемых, отработанных в общении и формализованных жанров», и владение им «входит в общенациональную коммуникативную компетенцию» [16, с. 9–10]; в русской же речевой культуре владение светской беседой «выходит за пределы общей коммуникативной компетенции и является признаком элитарности языковой личности» [16, с. 10]. В монографии В. В. Дементьева [6] small talk рассматривается как фатический жанр праздноречевого общения; исследователь выделяет его генеральную контактную интенцию — «установление и сохранение нейтральных межличностных отношений» — и четыре базовые стратегии: контактоустановления, заполнения паузы, развлечения и дистанцирования. Примечательно, что именно стратегия контактоустановления в условиях ограниченного времени — «в начале деловых или служебных контактов» — оказывается достаточной и самостоятельной [16, с. 129]: это прямое описание той функции, которую small talk выполняет в начале коуч-беседы. Жанр организационной беседы в системе деловой коммуникации описан Е. В. Косаревой [7] как беседа, направленная на установление договорённостей об условиях взаимодействия, и Мэн Шу [8] — как инициирующий компонент деловой беседы, задающий её рамку.

Совмещение обоих жанров в открывающей фазе коуч-беседы (КБ) порождает жанроид — переходную нормативную форму в межжанровом пространстве [10]. В. В. Дементьев квалифицирует подобное смешение как переакцентуацию — перераспределение функциональных доминант жанра в новом коммуникативном контексте с изменением его интенциональной направленности [6]: в жанроиде фатическое дополнено информативным и организационным, что непосредственно отражается на его речевом оформлении.

В терминологии В. Н. Степанова и А. Д. Кривоносова данный процесс представляет собой конвергенцию жанров — взаимодействие жанровых векторов в едином жанровом континууме [14]. В триаде В. В. Виноградова «фатика — информатика — воздействие» данный жанроид по природе фатический, однако фатика переплетается с организационной функцией: даже вопрос коуча «Как дела?» нередко запускает содержательный рассказ клиента, становящийся контекстом для предстоящего запроса.

Научная новизна работы состоит в следующем: впервые на материале корпусного исследования (153 транскрипции) выявлен и описан состав речевых интенций коуча

в открывающем жанроиде коуч-беседы; установлена их частотность и жанровая генеалогия; впервые описана мезоинтенция данного жанроида; описаны ЛПЛРИГ его структурных границ.

Методология исследования

Цель — проанализировать интенциональные и структурные особенности жанроида small talk / организационная беседа в составе ГЖКБ. Задачи: 1) выявить состав и классификацию речевых интенций коуча в данном жанроиде; 2) определить частотность каждой интенции в корпусе коуч-бесед; 3) описать структурные границы жанроида и закономерности его оформления. Объект — жанроид small talk / организационная беседа в ГЖКБ; предмет — речевые интенции коуча и структурные границы данного жанроида.

Материал — корпус транскрипций 153 коуч-сессий (пословная расшифровка без редактирования). Методы: интент-анализ (реконструкция интенций по ЛПЛРИГ); жанроведческий структурный анализ; количественно-частотный анализ. Этапы: 1) установление границы жанроида: группа из десяти коучей-экспертов, опираясь на профессиональные стандарты коучинга и просмотр ряда сессий, согласовалась, что маркёром завершения жанроида служит провокативный вопрос коуча о запросе (см. результаты); затем проведена автоматизированная сплошная выборка по всему корпусу с последующей разметкой жанроида; 2) классификация РИ методом интент-анализа по ЛПЛРИГ; 3) подсчёт частотности, отбор иллюстративных фрагментов и формулировка закономерностей.

Результаты исследования

1. Структура корпуса и границы жанроида. Из 153 коуч-бесед жанроид small talk / организационная беседа выявлен в 99 (64,7 %); в 54 сессиях (35,3 %) коуч переходил к запросу непосредственно. Отсутствие жанроида в 35,3 % сессий объясняется спецификой его мезоинтенции: если коуч видит, что клиент уже настроен на работу, а организационные вопросы прояснены заранее — до включения записи или в рамках предыдущих коуч-бесед, — мезоинтенция жанроида оказывается реализованной до его формального начала и жанроид не получает развития: его заменяет этикетный субжанр приветствия.

Маркёром завершения жанроида и открывающим элементом следующего сужанра — договора — служит особый тип высказывания коуча. В терминологии В. Н. Степанова [13] это провокативный вопрос — речевой жанр непрямой коммуникации, в котором «скрыто высказывание иного иллокутивного характера и, соответственно, другого коммуникативного содержания» [13, с. 54]. Вопросительная форма (ИС1) служит оболочкой для иного интенционального состояния (ИС2), образуя диаду непрямой коммуникации [5]. В данном случае это диада вопрос ~ побуждение: за вопросом скрыто побуждение клиента вербализовать запрос.

Пропозициональная структура пограничных высказываний обнаруживает устойчивую двухкомпонентную схему. Первый компонент — топик пропозиции: дейктически ориентированные именные группы — существительные с семантикой целеполагания («запрос», «результат», «тема») и вопросительные местоимения в функции неопределённого дейксиса («что», «с чем», «о чём»). Второй компонент — предикат: глаголы направленного движения в переносном значении («прийти с чем», «выйти с чем») и глаголы когнитивной обработки («поисследовать», «разобрать», «поработать»). ЛПЛРИГ данной границы — устойчивое пропозициональное клише: [дейктический топик] + [предикат движения или когнитивной обработки]: «С чем ты пришла на сессию?»; «Что бы ты хотела сегодня поисследовать?»; «С каким результатом ты хочешь выйти из сессии?».

2. Речевые интенции коуча: состав, примеры, закономерности. В жанроиде выявлены семь РИ коуча: А — узнать настрой на сессию (40 сессий, 40,4 %); Б — узнать о делах/состоянии/неделе (78 сессий, 78,8 %); В — задать позитивный тон (26 сессий, 26,3 %); Г — обсудить контекст коуч-беседы (КБ) (77 сессий, 77,8 %), включая Г1 (организационная рамка текущей сессии: запись, время, регламент, форма обращения) и Г2

(контекст предыдущей КБ: что произошло после последней сессии, чем заканчивали); Д — сделать комплимент (3 сессии, 3,0 %); Е — обсудить погоду (6 сессий, 6,1 %); Ж — обсудить дорогу (2 сессии, 2,0 %). Поскольку в одной сессии коуч реализует несколько интенций одновременно, сумма процентов превышает 100 %.

Рассмотрим три показательных фрагмента, иллюстрирующих типичные конфигурации интенций. Знаком # обозначены просодические локализаторы границ реплик коуча и клиента (паузы).

Пример 1 (сессия 4). Интенции Г1 → Б → А + В:

(1) Коуч (00.04): Сессия с тобой записывается для ментора, хорошо? [→ Г1] #

(2) Клиент: Да. #

(3) Коуч (00.13): Скажи, могу ли я вести запись в учебных целях? [→ Г1] #

(4) Клиент: Можешь. #

(5) Коуч (00.18): Благодарю тебя. Как твоё настроение? [→ Б] #

(6) Клиент: С утра очень хорошее настроение. #

(7) Коуч (00.26): Прекрасно. Как настрой на работу? [→ А + В: лексема «Прекрасно» задаёт позитивный тон (В), вопрос о настрое верифицирует готовность к работе (А)] #

(8) Клиент: И настрой на работу есть. Всё хорошо. #

(9) Коуч (00.32): О чём бы ты хотела сегодня поговорить? [→ граница жанроида].

Пример 2 (сессия 2). Интенции Г1 → Б → Г2:

(1) Коуч (00.04): Сессия с тобой записывается для ментора, хорошо? [→ Г1] #

(2) Клиент: Да. #

(3) Коуч (00.10): Расскажи, как твои дела? [→ Б] #

(4) Клиент (00.15): Ах, по-разному. (Смех) Я какой-то ящик Пандоры открыла, если коротко. Что-то происходит. #

(5) Коуч (00.25): Это про… после нашей с тобой последней сессии, или что-то ещё произошло? [→ Г2] #

(6) Клиент (00.31–04.14): [развёрнутый рассказ о событиях недели — около 4 минут] #

(7) Коуч (04.14): Интересно. И что бы ты тогда хотела на нашей сессии разобрать? [→ граница жанроида].

Пример 3 (сессия 26). Нестандартное расширение жанроида: помеха в контексте как материал для интенции В:

(1) Коуч (00:09): Как, ты готова, тебе ничего не мешает? [→ Г1] #

(2) Клиент (00:13): Я готова, у меня периодически за стеной весёлый сосед включается, но уже с молотком. Не понимаю, что там можно год делать, сколько троянских коней они там выточили… #

(3) Коуч (00:37): Ты как участник уже этого ремонта — тебя уже должны пригласить, я так чувствую. [→ В: юмор] #

(4) Клиент (00:42): Я думаю да, как дизайнера, советчика и участника коуч-сессии. (Смех) #

(5) Коуч (00:55): Я поняла твои молоточки, меня они не смущают. Ты как? [→ Г1: финальная проверка] #

(6) Клиент: Мне нормально. #

(7) Коуч (01:04): Хорошо. Я буду повторять, ты мне говори. С чем хотела бы поработать сегодня? [→ граница жанроида].

Наблюдения над корпусом позволяют выявить устойчивые закономерности. Интенции А и Б регулярно синкретичны: вопрос «Как настроение?» одновременно является запросом о состоянии (РИ Б: реплики 5, пример 1; 3, пример 2) и о готовности к работе (РИ А: реплика 7, пример 1); разграничение возможно только по ответу клиента, что свойственно жанрам непрямой коммуникации. При этом тонкое различие между ними провести можно: «настрой» на сессию трактуется коучем и клиентом как вопрос: «Готов ли ты начинать?» и носит не фатический, а сверочно-организационный характер. Вместе с тем вопросы о настроении и делах могут трактоваться клиентом двояко: а) как фатическая контактоустанавливающая РИ, б) как приглашение рассказать о том, что происходило на неделе после прошлой сессии («Насколько сработал коучинг?»). ЛПЛРИГ интенции А: существительные и отглагольные прилагательные со значением установки — «настрой», «настроение на работу», «готовность», «настроен(а)»; ЛПЛРИГ интенции Б: глаголы состояния и бытия в вопросительной форме с местоимением 2-го лица — «как ты себя чувствуешь», «расскажи, как», «как дела», «как прошла неделя».

Интенция Г является структурообразующей (77,8 %) (реплики 1, 3 в примере 1; 1 и 5 в примере 2; 1 и 5 в примере 3): Г1 предшествует фатическому обмену (Г1 → Б → А в примере 1), Г2 следует за ним (Б → Г2 в примере 2). ЛПЛРИГ интенции Г1: существительные тематики записи и регламента — «запись», «учебные цели», «30 минут», «напоминать о времени», «на «ты» или на «вы»; ЛПЛРИГ интенции Г2: темпоральные конструкции с предлогом «после» и глаголами ретроспективного действия — «после нашей последней сессии», «чем заканчивали», «что происходило». Нестандартный случай Г1 — обсуждение помехи (пример 3): коуч превращает её в материал для интенции В (юмор), после чего возвращается к Г1.

Интенции В, Е, Ж выполняют тональную функцию: они не несут информационной нагрузки, но формируют эмоциональный регистр. ЛПЛРИГ В (реплики: 7, пример 1; 3, пример 3): глаголы и существительные с семантикой радости от встречи — «рада тебя видеть», «обожаю наши встречи», «благодарю, что нашла время». Интенция Е реактивна: её почти всегда вводит клиент («за окном солнышко», «погода замечательная»), коуч подхватывает — это прямо соответствует наблюдению В. В. Фениной о том, что погода является «наиболее приемлемым предметом» small talk, так как «минимально привязана к личному пространству» [16, с. 197]. Пример: [Клиент]: «За окном солнышко, я чувствую прилив энергии». — [Коуч]: «Здорово. Я тоже прям рада — и вроде бы и ветра нет, и погода. Прям небо голубое радует». Интенция Ж — единственный в корпусе случай клише западного small talk; её редкость (2 %) согласуется с установленным В. В. Фениной фактом слабой разработанности средств личностно нейтральной фатики в русской речевой культуре [16]. Пример: «Как ты добралась? Как доехала? — [Клиент]: «Доехала хорошо, спасибо. Я ещё успела быстренько поужинать. Сегодня был такой напряжённый день. Счастливая как удав, в предвкушении, как говорится».

Интенция Д (комплимент, 3 %) во всех случаях совмещена с другой интенцией в одной реплике, что подчёркивает её вспомогательный тонально-контактный характер. Примеры: [Коуч]: «Очень рада видеть тебя и твои потрясающие глаза, каждый раз смотрю и восхищаюсь»; [Коуч]: «У тебя такая хорошая заставка, фотография. Мне так нравится, такой взгляд — просто вот, целеустремлённый в душу. Такая полуулыбка. И волосы так красиво». По своей природе она принадлежит к этикетному репертуару small talk: В. В. Фенина относит тактику комплимента к стратегии развлечения в small talk и указывает, что «комплимент может быть направлен на оценку внешности, заслуг, поведения адресата» и «выполняет контактоустанавливающую функцию» [16, с. 150–151].

Невысокий процент интенций Д, Е, Ж обусловлен тем, что коуч, следуя стандартам институционального коучинг-дискурса, ориентированного на целенаправленное взаимодействие, а не на праздноречевое общение, соблюдает баланс между фатическими РИ и организационно-информационными РИ.

С точки зрения жанровой генеалогии семи интенций прослеживается их распределение по трём источникам. Из жанра small talk унаследованы интенции Б, В, Д, Е, Ж — они реализуют стратегии контактоустановления и развлечения, описанные В. В. Фениной [16] и В. В. Дементьевым [6]. Из жанра организационной беседы [7; 8] происходит интенция Г1: именно деловая беседа задаёт рамку взаимодействия — регламент, роли, условия фиксации. Интенция А (настрой на сессию) и Г2 — специфически коучинговые приобретения, обусловленные профессиональными компетенциями коуча: убедиться в готовности клиента к работе, создать атмосферу психологической безопасности, а также свериться с итогами прошлой сессии. Такое распределение наглядно демонстрирует конвергентную природу жанроида: он вбирает интенциональные ресурсы сразу трёх источников. Данные РИ, соединённые в интенциональном потоке, часто синкретичные и перекрещивающиеся, образуют мезоинтенцию сужанра-жанроида «Подготовить (настроить и организовать) клиента к старту коуч-беседы». Как только данная мезоинтенция реализована, она сменяется мезоинтенцией следующего сужанра — «заключить договор на данную КБ», — что запускает фазу договора и снимает необходимость продолжать жанроид.

3. Частотность интенций (рисунок). Поскольку в одной сессии реализуется несколько интенций, значения на диаграмме не суммируются в 100 %.

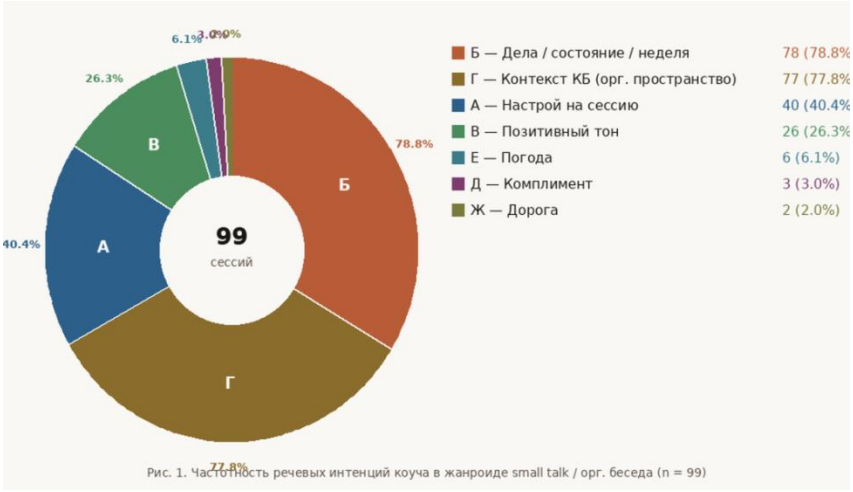

Рисунок. Частотность речевых интенций коуча в жанроиде small talk / организационная беседа (n = 99) (составлен автором)

Выводы

1. Жанроид small talk / организационная беседа присутствует в 64,7 % коуч-бесед, открывая ГЖКБ в роли её неотъемлемого открывающего сужанра. Граница жанроида маркирована устойчивым пропозициональным клише: [дейктический топик: «запрос»/«результат»/«что»/«с чем»] + [предикат направленного движения или когнитивной обработки: «прийти»/«выйти»/«поисследовать»/«разобрать»]. Данное клише образует провокативный вопрос (вопрос ~ побуждение) как сигнал завершения жанроида в каждой сессии, где он присутствует.

2. В речи коуча выявлены семь РИ (А–Ж), различающихся по функции: контактно-информационные (А, Б), контактно-фатические (В, Е, Ж, Д), организационно-рамочные (Г1 и Г2). Доминируют Б (78,8 %) и Г (77,8 %). По генеалогии: из small talk — Б, В, Д, Е, Ж; из орг. беседы — Г1; из коучинговой этики — А и Г2.

3. Семь РИ обслуживают единую мезоинтенцию сужанра small talk / организационная беседа в ГЖКБ «Подготовить (настроить и организовать) клиента к старту коуч-беседы».

4. Жанроидный характер сужанра обусловлен конвергенцией жанров и переакцентуацией фатической функции в пользу организационной. Конвергенция реализуется благодаря слиянию генеалогически разных интенций, унаследованных из жанров-прототипов, в исследуемом сужанре small talk / организационная беседа.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. — М. : Языки русской культуры, 1996. — Т. 5. — С. 159–206.

2. Горбачева, А. М. Коуч-беседа как речевой жанр: гипержанр усложнённой интенциональной и жанровой структуры / А. М. Горбачева, В. Н. Степанов // Учёные записки НовГУ. — 2025. — № 3 (58). — С. 23–35.

3. Горбачева, А. М. Границы жанров в структуре коуч-беседы: когнитивные и интонационные характеристики / А. М. Горбачева, В. Н. Степанов // Жанры речи. — 2026. — [в печати].

4. Горбачева, А. М. Междисциплинарная природа и поливекторный характер научной рефлексии коучинга / А. М. Горбачева, В. Н. Степанов // Организационная психолингвистика. — 2024. — № 2 (26). — С. 44–59.

5. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. — М. : Гнозис, 2006. — 376 с.

6. Дементьев, В. В. Интегральное описание речевых жанров : монография / В. В. Дементьев. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2024. — 368 с.

7. Косарева, Е. В. Устное деловое общение в системе речевых жанров : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Косарева. — Санкт-Петербург, 2006. — 210 с.

8. Мэн, Ш. Типология деловой беседы в лингвистическом и коммуникативном аспектах : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Мэн Шу. — Москва, 2005. — 196 с.

9. Павлова, Н. Д. Слово в действии : интент-анализ политического дискурса / Н. Д. Павлова, Т. В. Ушакова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 316 с.

10. Седов, К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К. Ф. Седов. — М. : Языки славянских культур, 2016. — 440 с.

11. Степанов, В. Н. К вопросу об эмоциогенной коммуникации / В. Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. — 2012. — № 1 (20). — С. 11–31.

12. Степанов, В. Н. Номинация речевой интенции говорящего и прагматические способы её локализации в спонтанной речи / В. Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. — 2013. — № 1 (24). — С. 45–59.

13. Степанов, В. Н. Провоцирование в рекламной продукции / В. Н. Степанов // Организационная психолингвистика. — 2019. — № 2 (6). — С. 45–61.

14. Степанов, В. Н. Жанровая пиарология и конвергенции жанров PR-текста / В. Н. Степанов, А. Д. Кривоносов // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 3 (43). — С. 212–224.

15. Федосюк, М. Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 102–120.

16. Фенина, В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / В. В. Фенина. — Саратов, 2005. — 223 с.

УДК 378.1

Качество перевода британского варианта английского языка в романе Айрис Мёрдок «The Sea, The Sea» в рамках постпереводческого анализа

Quality of Translation of British English in Iris Murdoch's Novel «The Sea, The Sea» Within Post-translation Analysis

В. Р. Грахова
студентка
E-mail: vr.grakhova@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
V. R. Grakhova
Student
V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited educator of the higher school of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются переводческие трансформации, использованные при передаче лингвистических признаков британского варианта английского языка в романе Айрис Мёрдок «The Sea, The Sea». В рамках предпереводческого анализа языковые единицы были распределены по уровням языковой организации; в рамках переводческого анализа выявлены и количественно проанализированы трансформации, применённые М. Ф. Лорие; в рамках постпереводческого анализа качество перевода оценивается с позиций эквивалентности и адекватности.

Ключевые слова: перевод, предпереводческий анализ, переводческий анализ, постпереводческий анализ, британский вариант английского языка, переводческие трансформации, Айрис Мёрдок, «The Sea, The Sea».

Abstract

This article examines translation transformations used in rendering linguistic features of British English in Iris Murdoch's novel «The Sea, The Sea». Within the pre-translation analysis, linguistic units were classified by language levels; within the translation analysis, the transformations applied by M. F. Lorie were identified and quantified; within the post-translation analysis, the quality of translation is assessed in terms of equivalence and adequacy.

Keywords: translation, pre-translation analysis, translation analysis, post-translation analysis, British English, translation transformations, Iris Murdoch, «The Sea, The Sea».

Лингвистические особенности британского варианта английского языка представляют значительный интерес для переводоведения, поскольку отражают взаимодействие

различных языковых традиций и проявляются на всех уровнях языковой системы [6]. Роман Айрис Мёрдок «The Sea, The Sea» [7] демонстрирует широкое использование подобных признаков, что оказывает существенное влияние на формирование авторского стиля и художественной картины мира [3]. В связи с этим было проведено исследование, направленное на анализ переводческих трансформаций, применённых М. Ф. Лорие [5] при передаче данных особенностей на русский язык. В результате случайной выборки было отобрано 76 языковых единиц, представляющих лексический, морфологический, синтаксический и словообразовательный уровни, а также выявлено 67 переводческих трансформаций, классифицированных на основе подхода В. Н. Комиссарова [4] с учётом целей настоящего исследования.

Анализ показал, что языковые единицы, отобранные методом случайной выборки, представляют четыре уровня языковой организации: лексический (37 %), морфологический (24 %), словообразовательный (22 %) и синтаксический (17 %). Превалирование лексического уровня (37 %) объясняется тем, что национально-культурные особенности британского варианта английского языка чаще всего проявляются именно на уровне словаря. Морфологический уровень (24 %) включает конструкции с местоимением «one», формы будущего времени с «shall» и оборот «have got» в значении обладания, что отражает специфику грамматических процессов в тексте [2]. Словообразовательный уровень (22 %) занимает третье место по частотности. В романе Айрис Мёрдок активно используются сложные слова (композиты), характерные для британского варианта английского языка. В тексте встречаются деривационные модели с британскими орфографическими особенностями. Наименьшая доля (17 %) принадлежит синтаксическому уровню. Данное положение объясняется тем, что синтаксис английского языка в целом является стабильным и в меньшей степени зависит от варианта языка, поэтому различия между британским и другими вариантами английского на синтаксическом уровне проявляются реже. В ходе анализа было установлено, что синтаксические признаки британского варианта в романе «The Sea, The Sea» представлены преимущественно устойчивыми формулами и фразовыми глаголами, а также специфическими моделями порядка слов, включая инверсию в конструкциях с отрицанием.

В рамках анализа переводческих трансформаций было выявлено 67 единиц, распределённых следующим образом: случаи отсутствия трансформаций — 36 %, грамматические трансформации — 21 %, технические приёмы — 18 %, лексические трансформации — 15 %, комплексные трансформации — 9 %, стилистическая нейтрализация — 1 % [1; 5]. Среди лексических трансформаций калькирование, транскрибирование и транслитерация не используются (0 %). Это обусловлено тем, что большинство выявленных британизмов относится к категории общеупотребительной лексики, имеющей устоявшиеся словарные соответствия в русском языке, и не требует передачи графической или фонетической формы [1].

Комплексные трансформации представлены контекстуальными заменами — 7 единиц (70 % от группы), конкретизацией и генерализацией — 3 единицы (30 %). Преобладание контекстуальных замен свидетельствует о необходимости смысловой адаптации исходных единиц для обеспечения естественности перевода [1]. Среди технических приёмов наиболее частотными являются опущение и перемещение (по 33 % от группы), что связано с устранением грамматической избыточности и адаптацией порядка слов к нормам русского языка, тогда как добавление (25 %) и местоименный повтор (9 %) используются реже [7].

В рамках постпереводческого этапа было рассмотрено, насколько перевод лингвистических признаков британского варианта английского языка в романе Айрис Мёрдок «The Sea, The Sea» [5], выполненный М. Ф. Лорие [4], соответствует двум основным принципам перевода — эквивалентности и адекватности. Согласно учебному пособию В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова, эквивалентностью принято считать максимально воз-

можную лингвистическую близость текста перевода к тексту оригинала [1]. Адекватность — это характеристика, выводимая в процессе специального оценивания с учётом условий и требований коммуникативной ситуации, включая ожидания и потребности получателя и/или инициатора перевода, либо непосредственно в процессе использования переводного текста [1].

Анализ перевода отобранных языковых единиц показал, что переводчица опирается на оба принципа, однако их соотношение является неравномерным. Преобладающим выступает принцип адекватности (72 %), что обусловлено необходимостью адаптации лингвистических особенностей британского английского к нормам русского языка. Данный принцип реализуется преимущественно через использование лексических трансформаций (15 %), а также посредством технических приёмов (18 %), в частности опущения и перемещения, и грамматических трансформаций (21 %). Эти преобразования позволяют обеспечить естественность перевода и сохранить его функционально-коммуникативную направленность, особенно при передаче синтаксических конструкций, составляющих 17 % от общего числа выявленных языковых единиц.

Принцип эквивалентности реализуется в меньшем объёме (28 %) и связан, прежде всего, с использованием прямых словарных соответствий (отсутствие трансформаций — 36 % от общего числа трансформаций), а также с теми случаями грамматических замен, которые не нарушают структуру исходных единиц. Данный подход позволяет сохранить семантику исходных единиц, в частности при передаче реалий и терминов, формирующих художественный мир произведения («lorry», «flat», «boot», «petrol»).

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. — 136 с.

2. Бондарчук, Г. Г. Основные различия между британским и американским английским : учебное пособие / Г. Г. Бондарчук, Е. А. Бурая. — 3-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2013. — 135 с.

3. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.] ; под ред. В. Н. Степанова ; Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. — 256 с.

4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 1990. — 253 с.

5. Мёрдок, А. Море, море / А. Мёрдок ; пер. с англ. М. Ф. Лорие. — Москва : АСТ, 2021. — 608 с.

6. Региональная и социальная вариативность изучаемого языка / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2018. – 104 с. – ISBN 978-5-93002-369-5. – EDN ADANMT.

7. Murdoch, I. The Sea, The Sea / I. Murdoch. — London : Vintage Books, 2001. — 528 p.

УДК 811.111"25"37.030.=161.1

Качество перевода на русский язык лексики ограниченного употребления и реалий в произведении Кэтрин Стокетт «The Help»

The Quality of Translating into Russian Limited-use Vocabulary and Realia in Kathryn Stockett's "The Help"

И. А. Гуменюк
студентка
E-mail: ia.gumenyuk@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
I. A. Gumeniuk
Student
Research Supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited educator of the higher school of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
Research Supervisor — E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье проводится комплексный лингвопереводческий анализ идиостиля Кэтрин Стокетт на материале романа «The Help» («Прислуга») и его официального перевода на русский язык. На основании исследования языкового корпуса из 81 единицы, к которым были отнесены сленгизмы, афроамериканские диалектизмы, архаизмы, историзмы и реалии, выявляются доминирующие переводческие стратегии и трансформации. С опорой на коммуникативно-функциональный подход В. В. Сдобникова дается интегральная оценка качества перевода через сопоставление уровней адекватности и эквивалентности. Установлено, что в работе переводчика превалирует стратегия прагматической адаптации, направленная на сохранение коммуникативного эффекта оригинала в принимающей культуре.

Ключевые слова: идиостиль, лексика ограниченного употребления, национально-культурные реалии, переводческие трансформации, адекватность, эквивалентность, коммуникативно-функциональный подход.

Abstract

The article provides a comprehensive linguistic and translation analysis of Kathryn Stockett's idiostyle based on the novel “The Help” and its official Russian translation. Through the study of a linguistic corpus consisting of 81 units, including slang, AAVE dialects, archaisms, historicisms, and realia, the dominant translation strategies and transformations are identified. Drawing on V. V. Sdobnikov’s communicative-functional approach, an integral assessment of translation quality is provided by comparing the levels of adequacy and equivalence. It is established that the translator's work is dominated by the strategy of pragmatic adaptation, aimed at preserving the communicative effect of the original in the target culture.

Keywords: idiostyle, limited-use vocabulary, national and cultural realia, translation transformations, adequacy, equivalence, communicative-functional approach.

Изучение художественного произведения в современной лингвистике требует комплексного подхода, который невозможно представить без анализа историко-лингвистического контекста. Язык писателя представляет собой живую систему, формирующуюся под воздействием литературных традиций и социальных процессов эпохи. Одним из центральных понятий в данном контексте является идиостиль — уникальная совокупность языковых и стилистико-выразительных средств, присущих конкретному автору [8]. Главенствующими характеристиками авторского стиля являются языковые средства создания образов произведения [2, с. 11].

Идиостиль Кэтрин Стокетт в романе «The Help» основан на искусном вплетении живой, социально-маркированной речи в насыщенный исторический контекст штата Миссисипи 1960-х годов [11]. Фундаментом авторского замысла выступает лексика ограниченного употребления — диалектизмы, архаизмы, историзмы, сленгизмы — и национально-культурные реалии, которые выполняют характерологическую функцию и фиксируют социальный и расовый разрыв между персонажами.

Сохранение идиостиля при переводе является ключевым критерием качества работы специалиста. Поиск адекватных соответствий для безэквивалентной лексики требует от переводчика не только технической грамотности, но и глубокой социолингвистической интуиции. Исследование переводческих подходов к передаче этой лексики в рамках критериев эквивалентности и адекватности позволяет оценить мастерство переводчика в воссоздании уникального стиля оригинала в новой лингвокультурной среде.

Понятия эквивалентности и адекватности в современной теории перевода. Для объективной оценки качества перевода исследуемого корпуса необходимо опираться на четкие методологические критерии. Центральное место среди них занимают понятия «эквивалентность» и «адекватность». В современном переводоведении данные понятия рассматриваются как основные нормативно-оценочные категории, позволяющие определить степень успешности межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Понятие эквивалентности предполагает сохранение максимально возможного сходства между текстами оригинала и перевода. Как отмечает представитель школы лингвистической теории перевода В. Н. Комиссаров, эквивалентность может быть достигнута на разных уровнях — от лексико-грамматического до функционально-коммуникативного [3]. Степень близости между оригиналом и переводом в данном случае является величиной переменной [1]. Эквивалентность перевода оценивается по количеству сохраненных элементов смысла оригинала, которые определяют значение диалогов, ситуаций, персонажей и передают эмоции реципиенту, даже если при этом изменяется форма этих элементов.

С понятием эквивалентности тесно связано понятие адекватности. Согласно концепции А. Д. Швейцера, адекватность соотносится с процессом перевода, тогда как эквивалентность — с его результатом [7]. Эквивалентность отвечает на вопрос: «Соответствует ли конечный текст исходному?», тогда как адекватность — «Соответствует ли сам

процесс перевода задачам и условиям коммуникации?». Важно отметить, что адекватность не всегда требует полной эквивалентности на всех уровнях: перевод может быть адекватным, даже если в нем нарушена эквивалентность отдельных фрагментов текста, при условии сохранения коммуникативного эффекта и функциональной доминанты оригинала [7].

В рамках коммуникативно-функционального подхода, разработанного доктором филологических наук В. В. Сдобниковым, перевод рассматривается как «сложное, комплексное явление, на которое оказывает влияние множество разнородных факторов» [6]. Результатом этой деятельности становится наблюдаемая переводчиком реальность, на сновании анализа которой можно косвенно судить о том, как протекал процесс перевода [6].

Исследователь предлагает четкое разграничение между основополагающих понятий, необходимых для оценки качества перевода:

1. Эквивалентность рассматривается как категория, ориентированная на результат перевода. Она подразумевает максимально возможную лингвистическую близость текстов и отвечает на вопрос, соответствует ли текст перевода оригиналу в своих частях и в целом.

2. Адекватность признается высшей нормативной категорией, ориентированной на процесс перевода. Она оценивает, насколько перевод соответствует условиям коммуникации и способен ли он удовлетворить потребности участников ситуации в их предметной деятельности [6].

Следовательно, система В. В. Сдобникова позволяет проводить оценку качества не просто как фиксацию лексических соответствий, но как анализ способности текста перевода транслировать идиостиль оригинала и его прагматический потенциал в принимающей культуре. Для художественного текста критерии можно разделить на денотативные (передача содержания), концептуальные (сохранение ключевых концептов), коннотативные (стилистическая адекватность) и прагматическое (эмоциональное воздействие).

Практическое исследование проводилось на материале языкового корпуса, сформированного методом сплошной выборки из оригинального текста романа «The Help» и его официального перевода на русский язык. Всего была выявлена 81 единица лексики ограниченного употребления и реалий. Распределение единиц по тематическим категориям представлено в таблице 1.

Таблица 1. Структурный анализ исследуемого корпуса лексики (составлена автором)

Категория лексики	Количество единиц	Процентное соотношение
Сленгизмы и просторечия	39	48 %
Национально-культурные реалии	24	30 %
Диалектизмы	8	10 %
Архаизмы	6	7 %
Историзмы	4	5 %
Итого	81	100 %

Количественное распределение исследуемых единиц (см. таблицу 1) подтверждает тезис о том, что фундаментом идиостиля К. Стокетт является стилистически сниженная лексика и реалии. С опорой на коммуникативно-функциональный подход все отобранные единицы были распределены на три качественные группы в зависимости от соотношения уровней лингвистической близости, иначе, эквивалентности и соответствия целям коммуникации, то есть адекватности.

Таблица 2. Качественный анализ перевода лексического корпуса романа «The Help» (составлено автором)

Категория качества перевода	Количество единиц	% от корпуса	Примеры из текста
Эквивалентные и адекватные соответствия	28	35 %	Crisco, Clorox, hanky, beauty parlor
Адекватные, но неэквивалентные соответствия	45	55 %	chilluns, poke salad, knuckle sandwich
Неадекватные соответствия (переводческие ошибки)	8	10 %	maid's quarter, state cheese, two-by-fours
Итого	81	100 %	

Качественный анализ групп соответствий. В первую группу — эквивалентные и адекватные соответствия — вошли единицы, при переводе которых была достигнута максимально возможная лингвистическая близость при полном сохранении коммуникативного эффекта.

Наиболее эффективно этот подход реализован при передаче торговых марок и брендов (Clorox → «Клорокс», Crisco → «Криско», Piggly Wiggly → «Пиггли Виггли»), где эквивалентность на уровне языковых знаков обеспечивает адекватность и сохраняет точность идиостиля автора.

К этой же группе относится перевод инвективного сленга colored, имеющего прямое соответствие в русском языке — «цветной» [10]. Сохранение лексического тождества в данном случае критически важно для реализации идейного замысла автора — демонстрации расовой сегрегации.

Вторую, самую значимую группу составляют адекватные, но неэквивалентные соответствия. Здесь адекватность как высшее требование достигается за счет осознанного отказа от формального подобия.

Ярким примером служит адаптация афроамериканского диалекта (AAVE): единица chilluns переведена как «[свое] дитя» [6]. Формальная эквивалентность, то есть в данном случае передача фонетического искажения, принесена в жертву коннотативной адекватности, что позволило сохранить оттенок интимности и теплоты речи персонажа.

К этой же группе относится передача реалий через генерализацию (poke salad → «пучок салата») и сленга через модуляцию образов (knuckle sandwich → «получит по зубам»). Sho nuff было переведено как «нет проблем» и «уж наверняка». Это выражение является характерным маркером афроамериканского диалекта (AAVE) и представляет собой искаженное sure enough [9]. Переводчик отказывается от попыток передать «неправильность» речи, выбирая прагматически адекватные разговорные обороты, которые естественны для русского реципиента.

– [I] spec → «наверное» [6]. Пример диалектной редукции глагола expect. В переводе зафиксирована замена части речи (глагол → наречие) в сочетании с нейтрализацией стиля. Это решение позволяет сохранить логику рассуждений персонажа, хотя и нивелирует его диалектную принадлежность

К третьей группе относятся неадекватные соответствия (переводческие ошибки), квалифицируемые как нарушения денотативного содержания. К сожалению, в тексте зафиксированы случаи искажения предметной ситуации.

Так, историзм maid’s quarter (жилое помещение для прислуги) переведен как «уборная для прислуги», a state cheese («государственный сыр») — как «государственная похлебка» [6].

Еще один пример — существительное no-count было переведено как «бесстыжая» [6]. В оригинале этот сленгизм обозначает ленивого, никчемного человека [10]. Переводчик допустил смысловую неточность.

Наиболее серьезная ошибка была допущена в словосочетании lugging two-by-fours, которое было переведено как «грузил мешки». Реалия two-by-fours обозначает строительные доски стандартного размера два на четыре дюйма [10]. Замена досок «мешками» безосновательно меняет предметную ситуацию в сцене.

Согласно системе В. В. Сдобникова такие решения лишают текст исторической достоверности и искажают фоновые знания, заложенные автором.

Количественный анализ данных. Систематизация результатов оценки качества всего исследуемого корпуса представлена в таблице 3.

Таблица 3. Детализированный качественный анализ перевода лексического корпуса романа «The Help» (составлена автором)

Группа лексики	Общее количество	Эквивалентные и адекватные соответствия	Адекватные, но неэквивалентные соответствия	Переводческие ошибки
Сленгизмы и просторечия	39	15	22	2
Языковые реалии	24	12	8	4
Диалектизмы (AAVE)	8	0	8	0
Архаизмы	6	1	5	0
Историзмы	4	0	2	2
Итого (ед.)	81	28	45	8
Итого (%)	100 %	35 %	55 %	10 %

Детальное распределение данных в таблице 3 позволяет сделать несколько важных методических выводов.

1. Доминирование адекватности над эквивалентностью (55 %). Наибольший удельный вес этой группы подтверждает, что переводчик М. Александрова осознает художественный текст как единое целое. Особенно ярко это проявилось в группе диалектизмов — 100 % адекватных, но неэквивалентных трансформаций. Отсутствие прямых системных соответствий афроамериканскому диалекту (AAVE) в русском языке вынудило переводчика полностью отказаться от формального подобия в пользу сохранения характерологической функции (chilluns → дитя, yessuh → да, сэр).

2. Высокая доля эквивалентных решений в группах реалий и сленга. В группе реалий 50 % единиц переведены эквивалентно, что объясняется использованием транскрипции для передачи брендов (Crisco, Clorox) — в данном случае лингвистическое тождество является залогом прагматической адекватности. Сленгизмы с прямыми соответствиями (hanky, fella, colored) также обеспечили высокий процент этой категории.

3. Квалификация переводческих ошибок (10 %). Ошибки зафиксированы преимущественно в группах историзмов и реалий, что по системе Сдобникова классифицируется как нарушение денотативного содержания. Замена «сыра» на «похлебку» (state cheese) или «комнаты» на «уборную» (maid’s quarter) признается неадекватным решением, так как искажает предметную ситуацию и фоновые знания, заложенные автором.

В ходе проведенного исследования была осуществлена комплексная оценка качества перевода лексики ограниченного употребления и реалий в романе К. Стокетт «The Help» с позиций коммуникативно-функционального подхода В. В. Сдобникова. Установлено, что фундамент идиостиля автора составляет социально-маркированная лексика, выполняющая ключевую характерологическую функцию.

Сопоставительный анализ показал, что в работе переводчика М. Александровой доминирует категория адекватности (55 %) над формальной эквивалентностью (35 %).

Это подтверждает приоритетное использование стратегии прагматической адаптации, направленной на сохранение эмоционально-эстетического воздействия и уникальной речевой специфики оригинала в принимающей культуре. Несмотря на зафиксированные нарушения денотативного содержания при передаче некоторых историзмов (10 %), переводчик успешно воссоздает социальную маркированность и лингвистический контраст произведения.

Таким образом, русскоязычный текст романа признается функционально равноценным оригинальному сообщению, обеспечивая успешную межкультурную коммуникацию и полноценное восприятие художественного замысла реципиентом.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. – 136 с. – ISBN 978-5-93002-408-1. – EDN DXGHYN.

2. Идиостиль и ритм текста : коллективная монография / Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова, Е. В. Шляхтина, О. В. Беляева. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. — 184 с.

3. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 176 с.

4. Найденова, Н. С. Лингвостилистический анализ этноспецифического художественного текста : монография / Н. С. Найденова. — 3-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2020. — 342 с.

5. Сдобников, В. В. Теория перевода (Коммуникативно-функциональный подход) : учебник для студентов лингвистических вузов / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. — 2-е изд., перераб. — М. : ВКН, 2019. — 512 с.

6. Стокетт, К. Прислуга / К. Стокетт ; пер. с англ. М. Александровой. — М. : Фантом Пресс, 2017. — 512 с.

7. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — М. : Наука, 1988. — 215 с.

8. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. — 256 с. — EDN FSKLOG.

9. Green’s Dictionary of Slang // Greensdictofslang.com. — URL : https://greensdictofslang.com (дата обращения : 14.04.2026).

10. Merriam Webster // Merriam-webster.com. — URL : https://www.merriam-webster.com (дата обращения : 14.04.2026).

11. Rajili H. The Help by Kathryn Stockett / H. Rajili // Litinfinite Journal. — 2021. — № 1. — P. 87–89.

12. Stockett, K. The Help / K. Stockett. — London : Penguin Books, 2010. — 453 p.

УДК 378.1

Лингвистические признаки историзмов и архаизмов в произведении Маркуса Зусака «Книжный вор» в рамках предпереводческого анализа

Linguistic features of historicisms and archaisms in Markus Zusak's «The Book Thief» as part of a pre-translation analysis

П. Д. Загоскина
студентка
E-mail: pd.zagoskina@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
P. D. Zagoskina
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited educator of the higher school of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
Research supervisor — E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуются лингвистические признаки историзмов и архаизмов в романе Маркуса Зусака «Книжный вор». Рассматриваются различные подходы к определению понятия «роман», анализируются существующие классификации историзмов. Особое внимание уделяется выявлению трудностей, с которыми сталкивается переводчик при переводе подобной лексики с английского языка на русский на материале художественной литературы в процессе выполнения предпереводческого анализа текста.

Ключевые слова: архаизм, историзм, архаичные формы, нацистская лексика, Ролан Барт.

Abstract

The article examines the linguistic features of archaisms and historicisms in Markus Zusak's novel «The Book Thief». Various approaches to the definition of the concept of «novel» are considered, the existing classifications of historicisms in fiction are analyzed. Special attention is paid to identifying the difficulties faced by a translator when translating such vocabulary from English into Russian in the process of performing a pre-translation analysis of the text.

Keywords: archaism, historicism, archaic forms, Nazi lexicon, Roland Barthes.

Маркус Зусак — австралийский писатель, получивший мировое признание как автор романа «Книжный вор». Произведениям Зусака свойственно раскрытие сложной динамики человеческих отношений в нацистской Германии в сочетании с умелым использованием исторической лексики. Данная работа посвящена изучению перевода историзмов и архаичной торжественной лексики на русский язык в романе Маркуса Зусака «Книжный вор».

Как утверждает филолог Г. К. Косиков в статье «К теории романа»: «Усилия современных исследователей не в последнюю очередь направлены на то, чтобы выявить внутреннее единство романа на всех этапах его существования. Трудность заключается в выделении критериев такого единства, предполагающих определённое представление о характере развития этого жанра и о фазисах его исторической эволюции». Исследователь Н. Л. Лейдерман полагал, что «…все ответы о специфике романа как жанровой формы кроются в структурном принципе этой самой сложной, самой гибкой, но все же имеющей свои границы и обретающей в результате творческого акта свою устойчивость, свою статику жанровой формы» [2, с. 15].

На период конца XX – начала XXI веков в зарубежной литературе прослеживается тренд обращения к теме исторического прошлого, к трагедии предшествующего исторического периода – ко Второй мировой войне. Для выявления лексических средств, при помощи которых осуществляется воздействие на сознание читателя и формируется художественная действительность, нами было выбрано произведение Маркуса Зусака «Книжный вор», основанное на событиях, разворачивавшихся в фашистской Германии.

Повествование о тяготах жизни евреев во времена фашистской Германии и девочке Лизель Мемингер, которая видит все ужасы войны, выстраивается в нарратив катастрофы. Важную роль играет образ Смерти, выступающей своего рода наблюдателем. Зусак прекрасно понимает всю тяжесть еврейской доли, потому смерть матери и брата Лизель Мемингер выставлялась им как везение – это лучше, чем быть евреем. Автор говорит о событиях «Хрустальной ночи» (нем. Kristallnacht) – еврейского погрома в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, поводом к которому послужило убийство в Париже молодым польским евреем Гершелем Гриншпаном 7 ноября 1938 года Эрнста фон Рата.

Изучение историзмов как переводческой проблемы привлекало внимание многих филологов и переводчиков. Данное исследование посвящено ключевым научным трудам по данной проблематике. По мнению В. В. Виноградова, изучение истории значений слова должно быть связано с историей тех семантических рядов, в которые вступает или с которыми сближается это слово в процессе своих смысловых изменений [3, с. 4].

Подходы, предложенные А. Д. Швейцером и И. В. Арнольд, предусматривают системное рассмотрение данных явлений с точки зрения их происхождения, функций и способов классификации по лингвистическим признакам [1]. Эти модели позволяют не просто констатировать наличие устаревших единиц, но и интерпретировать их как элементы авторской стратегии, интегрированные в общую структуру текста и выполняющие определённую прагматическую задачу.

Процесс устаревания слова как явление возникает в результате постоянного преобразования языка. Как правило, он ведет к постепенному исчезновению слова из повседневной речевой практики. При попадании в разряд малоупотребительной лексики единица языка становится архаизмом. В своих исследованиях лингвисты сходятся во мнениях касательно определения архаизмов: это слова и выражения, которые не применяются в современной речи, поскольку имеют соответствующие актуальные синонимы. К ним обращаются лишь в исключительных стилистических целях в современном литературном языке [8, с. 340]. Так, архаизмы часто применяются в официально-деловом стиле: язык английских законов вбирает в себя множество архаичных выражений, что обусловлено отсутствием каких-либо изменений в сфере юриспруденции на протяжении 600 лет.

В лингвистике архаизмы представляют собой устаревшие лексические и грамматические формы, сохраняющиеся в современном языке для стилистических целей, тогда как историзмы — это слова, обозначающие реалии определённой исторической эпохи и вышедшие из активного употребления. Архаизм служит маркером стилизации (например, thou-you), а историзм в произведении — индикатором аутентичности контекста (Führer, ration card), что позволяет точно определить их функцию в художественном тексте. Архаизмы делятся на лексические (thou, thee), морфологические (-eth, twas) и синтаксические (thou art), создавая эффект «древности» речи. Историзмы классифицируются по темам: политические (Führer, Gestapo), военные (Luftwaffe, Blitzkrieg) и бытовые (ration card, black market).

Сюжет романа «Книжный вор» иллюстрирует идеологию германских фашистов, гонения на евреев, два лагеря: противников политических идеалов Гитлера и участников НСДАП (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei). НСДАП – историческое название фашистской политической партии Германии. Национал-социалистическая рабочая партия Германии существовавшая с 1920 по 1945 гг., являясь политическим носителем идеологии нацизма. Руководителем партии с 1921 по 1945 гг. был Адольф Гитлер. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei была правящей партией Германии с января 1933 года, а с июля — единственной законной партией нацистской Германии.

Автор показывает разрушительную силу фашизма, потому рассказчиком и является персонаж Смерть, персонифицирующий смерть, без которой немыслима ни одна война. Маркус Зусак создает образ Смерти как существа, способного чувствовать. Смерть несет свою службу и устает это делать. Смерть говорит, что она (он) мало чем отличается от человека, она (он) не носит ни серп, ни косу́, а черный плащ с капюшоном, как и все обычные люди, надевает только в непогоду. У Смерти обычные черты лица, а вовсе не череп, который часто идентифицируют со Смертью люди. Чтобы представить, как выглядит Смерть на самом деле, надо подойти и посмотреть на себя в зеркало [4].

Смерть позиционирует себя слугой войны, вынужденно и безропотно выполняющей волю начальника: «забирает души французских евреев в Освенциме, пропитывает белую простыню кровью солдат в Сталинграде, бросает бомбы на мирных жителей и сравнивает их дома с землей, отнимает у героев книги». Зусак осуществил невозможный, по мнению Р. Барта, акт высказывания, то есть действие, утверждающее два диаметрально противоположных факта [7, с. 179] – Жизнь и Смерть.

Историзмы (Führer, Gestapo, ration card, BDM, Luftwaffe)— ключевые элементы структуры художественного текста на английском языке. С их помощью автор достигает исторической достоверности и стилистической выразительности, облегчая читателю погружение в эпоху. Переводчику необходимо понимать функции этих единиц, чтобы точно передавать колорит оригинала произведения через транскрипцию, калькирование или компенсацию.

Употребление архаизмов и историзмов было предметом многочисленных исследований в переводоведении. Эти элементы позволяют писателям выражать сложные историко-культурные идеи и передавать смысл более тонко. Они особенно важны в контексте исторического романа, где способность интегрировать устаревшую лексику помогает создать погружающий нарратив. К архаизмам относятся формы типа thou (ты), doth (делает), twas (было), o'er (над), выполняющие роль стилистической окраски и связи с прошлым языком. Например, в выражении “Thou art kind” архаизм thou соединяет современный нарратив с библейским оттенком, подчёркивая человечность персонажа.

Историзмы, напротив, фиксируют эпоху, соединяя текст с конкретными реалиями: Führer (политический лидер), ration card (талон на еду), BDM (юношеская организация). В предложении «Liesel showed her ration card» историзм ration card вводит бытовой контекст военного времени, объясняя ограничения героини. Авторский замысел показывает исторические реалии той поры, рутину повседневности.

В произведении Маркуса Зусака использование архаизмов и частично устаревшего языка — это, прежде всего, инструмент, используемый рассказчиком — Смертью — для создания вневременного, мрачного и наблюдательного тона, а не отражение немецкого разговорного языка 1940-х годов. Хотя действие романа разворачивается во время Второй мировой войны, язык часто приобретает поэтическую, почти библейскую или архаическую торжественность, учитывая, что Смерть существовала вечно.

Характеризуя архаичную (торжественную) лексику в «Книжном воре», следует отметить, что Смерть, выступающая рассказчиком, использует несколько возвышенный, формальный язык, который кажется далеким от современных разговорных оборотов, часто используя старомодные или поэтические выражения для описания душераздирающих переживаний войны. Название и содержание первой книги «Руководство могильщика», которую крадет Лизель, предполагают, возможно, более формальный стиль изложения, который сохраняется благодаря тематическому фокусу романа на письменном литературном языке.

В повествовании используются образные синтаксические конструкции, напоминающие идиллическую поэзию, которые часто включают в себя использование несовременного порядка слов, что придает прозе вневременной характер. Формальная лексика: такие слова, как wrest (захватывать силой), bellows – мехи или меха (устройство для нагнетания воздуха) и multitude (большое количество), используются для серьезности и веса повествования.

Высказывание — целостная единица речи в дискурсе, несущая коммуникативную цель. В художественном тексте высказывания формируют повествование: монологи Смерти с архаизмами передают философский тон, диалоги с историзмами — аутентичность эпохи. Их выбор зависит от речевой ситуации, от эпохи, персонажа рассказчика. Определить виды высказываний в романе можно по субъектам (монолог Смерти, диалог Лизель – Ханса) и принадлежности («свои» — авторские, «чужие» — персонажей). Для передачи «чужих» используются прямая речь («Heil Hitler!» с Führer), косвенная («Она думала о ration card») и несобственно-прямая («Лизель, сжимая талоны, вспоминала…»).

В обыденном понимании «перевод» — это любое преобразование текста с одного языка на другой, независимо от его объёма: от отдельных фраз до полноценных романов. Изучение подходов к определению перевода у классиков переводоведения (В. Н. Комиссаров, А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов) демонстрирует, что каждое определение освещает лишь отдельные грани явления [1; 6]. Вместе они подчёркивают сложный, многогранный характер перевода, что усложняет его систематическое изучение.

Для целей исследования перевод трактуется как создание эквивалентного текста на языке перевода, где переводчик подбирает способы передачи языковых единиц (архаизмов, историзмов) с учётом контекста, жанровых особенностей, стилистических задач и культурных различий, стремясь к адекватному воспроизведению оригинала.

Художественный перевод, объектом анализа которого является данная работа, характеризуется как литературный; полный; межъязыковой (английский-русский); ориентированный на адекватность; использующий смешанные стратегии (форенизация/доместикация). По мнению В. Н. Комиссарова, художественные тексты выделяются приоритетом эстетической функции языка, поэтому их перевод неизбежно балансирует между дословной точностью (с потерей выразительности) и свободной интерпретацией (с риском утраты авторского замысла).

Анализ перевода архаизмов и историзмов выявил основные трансформации: фонетическую транскрипцию, буквальное калькирование, развёрнутое объяснение и функциональную адаптацию.

Архаизм «thou» из конструкции «Thou art my friend» передан как простое «ты» с опущением архаизма. Перевод передаёт содержание, но теряет стилистическую окрас-

ку. Историзм «ration card» в фразе «Liesel clutched her ration card» стал «продовольственным талоном» через описательный метод. Такой вариант сохраняет и смысл, и историческую специфику эпохи. Политический термин «Führer» из «Long live our Führer!» переведён как «фюрер» методом транскрипции.

Проведённый лингвистический анализ архаизмов и историзмов в романе «Книжный вор» Маркуса Зусака выявил 180 единиц устаревшей и исторически маркированной лексики. Архаизмы (100 единиц) преобладают в нарративе Смерти, создавая торжественно-ироничный голос с библейско-шекспировской стилизацией: лексические (42 %), фонетические (18 %), словообразовательные с суффиксом -eth (15 %). Историзмы (80 единиц) привязывают текст к Германии времён Второй мировой войны, реализуя аутентификацию и идеологическое осмысление: политические (31,25 %), социально-бытовые (27,5 %).

Архаизмы обеспечивают дистанцированность и мифологичность, историзмы – историческую достоверность и реализм, формируя двойную языковую кодировку романа. Полученные данные с количественными соотношениями и контекстуальными интерпретациями служат основой предпереводческого анализа, определяя выбор эквивалентов в русском языке для передачи стилистики, экспрессии и культурных реалий. Таким образом, системный анализ устаревшей лексики подтверждает гипотезу о его роли в подготовке качественного перевода исторически укоренённых художественных текстов.

В заключение отметим, что анализ 100 архаизмов и 80 историзмов подтвердил дуализм стиля М. Зусака: архаизмы создают вневременной «библейский» голос Смерти, а историзмы обеспечивают документальный реализм нацистской Германии.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. – 136 с. – ISBN 978-5-93002-408-1. – EDN DXGHYN.

2. Бодунов, К. Е. Лингвистические признаки эпитетов в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» в рамках предпереводческого анализа / К. Е. Бодунов, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 14–19. – EDN XUBDYA.

3. Виноградов, В. В. История слов : Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / В. В. Виноградов ; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М., 1999. —1138 с. — ISBN 5-88744-033-3 — URL : http:// psv4.userapi.com/s/v1/d/Sis-Q931z-8A3AjHkFznfp4OVDM0A1u6cjyXF8-kiDgb2fcUy0F5J4n9JKnTcJQrR4wu4QKJ3wMZN-PQ8677TNZcs0S3x9xwGMcpoCA 9wGUNoAJR/Vinogradov_V_V_-_Istoria_slov_-_1999.pdf (дата обращения : 10.03.2026).

4. Завьялова, Е. Ю. Фашизм как рок еврейского этноса: историософия романа М. Зусака «Книжный вор» // Исследования молодых ученых. — 2024. — № 8(64). — URL : https://mgpu-media.ru/issues/issue-64/literaturovedenie-i-yazykoznanie/fashizm-kak-rok-evrejskogo-etnosa-istoriosofiya-romana-m-zusaka-knizhnyj-vor.html (дата обращения : 10.03.2026).

5. Зусак, М. Книжный вор. / Пер. с англ. Н. В. Мезина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 608 с.

6. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 1999. – 192 с.

7. Пефтиев, В. И. Философский контекст в новейшей литературе и критике во Франции: этюды к теме / В. И. Пефтиев, Е. Е. Милосердова // Философия и/или новое интегративное знание – 5 : сборник материалов Всероссийской научной конференции, Ярославль, 17–19 мая 2017 года / Под редакцией А. В. Азова, С. А. Сосновцевой. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2017. – С. 175–184. – EDN XSZUYH.

8. Тюханова, А. А. Лингвистические признаки употребления архаизмов в произведении Дж. Р. Р. Толкина «The Hobbit» в рамках предпереводческого анализа / А. А. Тюханова // Молодая наука – 2024 : сборник материалов XV Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов. – Ярославль, 13–14 апреля 2024 года. – Ярославль : Международная академия бизнеса и новых технологий, 2024. – С. 339–342. – EDN FHNHVS.

9. Zusak, M. «The Book Thief» / M. Zusak. – London : Black Swan, 2013. – 537 p.

УДК 81-112.2

Влияние скандинавских языков на английский язык

The Influence of Scandinavian Languages on English

Д. В. Зюзюлькин
студент
E-mail: dv.zyuzyulkin@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
D. V. Ziuziulkin
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited educator of the higher school of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
Research supervisor — E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматривается комплексное влияние скандинавских языков на английский язык на различных этапах его исторического развития. Особое внимание уделено пластам заимствованной лексики, а также влиянию скандинавских диалектов на топони-

мику Великобритании. Работа подчеркивает, что скандинавские элементы глубоко проникли в грамматический и лексический строй английского языка, став его неотъемлемой частью.

Ключевые слова: Британия, скандинавская лексика, заимствования, этимология, топонимика, древнеанглийский язык.

Abstract

The article examines the multifaceted influence of Scandinavian languages on the English language at various stages of its historical development. Particular attention is paid to the layers of borrowed vocabulary, as well as the influence of Scandinavian dialects on the toponymy of Great Britain. The work emphasizes that Scandinavian elements have deeply penetrated the grammatical and lexical structure of the English language, becoming its integral part.

Keywords: Britain, Scandinavian vocabulary, borrowings, etymology, toponymy, Old English.

Современный английский язык – это результат длительного исторического развития, в ходе которого он подвергается разносторонним изменениям, обусловленным рядом причин. Изменения затрагивают различные аспекты. Английский язык никогда не развивался обособленно. На него оказывали влияние другие языки и культуры, в том числе и скандинавская. Современный английский язык – это продукт длительного исторического развития, в процессе которого он подвергается разносторонним изменениям, обусловленным различными причинами [11, с. 181].

Одним из очевидных следов скандинавского влияния на английский язык стали названия дней недели — они названы в честь богов северного пантеона. К примеру, в честь бога грома Тора назван четверг — то есть Thursday, день Тора в буквальном переводе. В честь бога войны Тюра — вторник, Tuesday [5, с. 45–46]. В честь Одина, верховного божества, названа среда — Wednesday (одним из многочисленных имён Одина в мифах является Вотан или Wōđanaz в оригинале — именно оно в данном случае и взято за основу). В честь супруги Одина Фригг названа пятница, Friday.

Кроме того, от имен богов происходят некоторые английские слова. К примеру, слово thunder, то есть «гром», происходит от имени Тора. Имя богини мертвых Хель превратилось в слово hell, то есть «ад». Имя же мудрого великана Мимира по одной из версий легло в основу слова memory, то есть «память».

Как получилось, что английский язык так тесно соприкасается со скандинавским? Английский язык имеет многовековую историю становления, развития и территориального распространения, которая неразрывно связана с изменением языка, происходящим с течением времени, а также географическим и социальным разнообразием его употребления [7].

В истории английского языка принято выделять три периода:

1) древнеанглийский (древнесаксонский) период — с 449 до 1066 года или 1100 года;

2) среднеанглийский период — с 1066 или 1100 года до 1450 или 1500 года;

3) новоанглийский период, в котором выделяют ранненовоанглийский (с 1450 или 1500 года до 1660 года) и поздненовоанглийский (с 1660 года до настоящего времени) [9].

Родоначальники нынешних англичан — германские племена англов, саксов и ютов — переселились на Британские острова в середине V века. Англы, саксы, юты, а также фризы сначала совершали грабительские рейды на территорию Британии. Как свидетельствует древнейшая летопись «Англосаксонская хроника», отправной точкой вторжения германских племен в Британию принято считать 449 год [4].

По преданию, кельтский король Вортигерн, не имея сил справиться с нападавшими с севера пиктами, призвал отдельные группы германцев, вероятно ютов, себе на помощь. В благодарность за оказанное содействие он предоставил германцам ряд привиле-

гий, возвысивших их над местным населением. Привлеченные легкостью добычи, германцы стали переселяться на остров Британия, постепенно превратившись из защитников кельтского государства в его угнетателей и захватчиков [1].

Переселившиеся в Великобританию англосаксы вступили в жестокую борьбу с коренным местным населением — кельтами. Это соприкосновение почти не повлияло ни на структуру древнеанглийского языка, ни на его словарь. Не более восьмидесяти кельтских слов сохранилось в памятниках древнеанглийского языка [10]. Среди них:

— слова, связанные с культом: cromlech — кромлех (постройки друидов), coronach — древнее шотландское погребальное причитание;

— слова военного характера: javelin — дротик / метательное копьё, pibroch — военная песня;

— названия животных: hog — свинья.

Некоторые из этих слов прочно обосновались в языке и употребляются поныне, например, tory, то есть «член консервативной партии» — по-ирландски значило «разбойник», clan — племя, whisky — виски [2].

Первый период развития английского языка характеризуется нападками скандинавов — собирательное название народов Норвегии, Дании, Швеции и части Финляндии. Уже в конце VIII в. начались набеги на Британские острова скандинавских викингов. Будучи прекрасными мореплавателями и бесстрашными воинами, викинги давно нападали на Ирландию и Францию; они открыли и населили Исландию и Гренландию; они же были первооткрывателями Америки.

Имея торговые отношения с Британией, скандинавы знали о плодородных английских угодьях, христианских монастырях с их священными реликвиями, украшенными драгоценными камнями и металлами, с тучными стадами и полными зерна амбарами, о серебре, которое особенно ценилось викингами, но которого не было в Скандинавии. Им также было известно, что англосаксонская Британия была раздроблена на маленькие королевства, которые постоянно вели междоусобные войны друг с другом, что сделало их слабыми и не способными противостоять внешней угрозе. Поэтому они и начали поход на Британские острова в качестве захватчиков, пиратов, несущих повсюду смерть и разрушения [9].

Российский историк и географ Г. И Анохин выделяет три ключевых периода в истории скандинавских нашествий, каждый из которых по-разному отразился на языке [1, с. 160].

1. 787–850 гг. В этот период скандинавы совершали грабительские набеги, сопровождавшиеся разорением монастырей и городов. Столетие постоянных набегов викингов привело к краху англосаксонских королевств, в первую очередь Уэссекса. В результате пребывания викингов на Британских островах в английский язык вошли многие скандинавские слова, например, fellow, husband, law, wrong и другие [1].

2. 850–878 гг. Набеги стали совершаться не только в поисках добычи, но и мест для постоянных поселений. В IX в. даны захватили Кентербери и Лондон, далее обосновались в Восточной Англии и предприняли удачные походы в королевства Мерсия и Нортумбрия. Лишь походы на Уэссекс не увенчались успехом. В 878 году королем Альфредом с британской стороны и королем Гутрумом с датской был подписан Уэдморский мирный договор (Wedmore), в соответствии с которым Альфред признал власть датчан на территории более половины Англии (северная и восточная части) — Danelaw (территория датского права — существовал до второго десятилетия XI в.). Юго-западная часть с центром в Уэссексе остались за англичанами.

3. 878–1042 гг. В конце X века набеги викингов возобновились. Скандинавам удалось включить Англию в состав Датской империи. Только спустя некоторое время после смерти датского короля Кнута Датская империя распалась и скандинавское нашествие прекратилось.

Результатом близкого соседства англичан со скандинавами Данелага было заимствование скандинавской лексики [7; 8]. Буквосочетание sk- или sc- в начале слова в современном английском является показателем того, что слово является скандинавским заимствованием. Например, sky — «небо» (при исконно английском «heaven»), skin — «кожа» (при исконно английском hide «шкура»), skull — «череп» (при исконно английском «shell») [6].

Благодаря значительному фонетическому сходству скандинавских и древнеанглийского языков процесс заимствования часто приводил к возникновению этимологических дублетов.

В таких парах одно слово сохраняло исконное англосаксонское происхождение, а другое — заимствовалось из скандинавских диалектов, при этом они могли приобретать разные смысловые оттенки или закрепляться в разных устойчивых выражениях: shirt/skirt (рубашка и юбка); shriek/screech (вопль и визг); from/fro (используется в устойчивом обороте to and fro); whole/hale (целый и крепкий, здоровый).

Масштаб влияния скандинавских наречий на лексический состав английского языка был настолько велик, что заимствования охватили практически все основные части речи. Ниже в таблице представлены наиболее употребительные примеры существительных, прилагательных и глаголов, ставших неотъемлемой частью базового словаря современного английского языка.

Таблица. Лексические заимствования из скандинавских языков по частям речи (составлена автором)

Существительные	Прилагательные	Глаголы
bag	awkward	cut
birth	Happy	hit
cake	Ill	happen
egg	Low	lift
gate	Ugly	raise
kid	Weak	scare
leg	Wrong	take
loan		want
score		
seat		
skill		
skirt		
sky		
window		

Некоторые скандинавские слова вытеснили английские слова из разговорной речи, другие стали синонимами. Например, ср.-англ. awe (др.-исл. agi) «ужас» вместо др.-англ. eʒe; awn «колос» вместо др.-англ. æʒnan; bleak «бледный» (др.-исл. bleikr) вместо др.-англ. blǣc, которое можно было встретить еще в средневековой форме blāke (производной от него др.-англ. blæcan «белить» сохранился в современном английском в форме bleach).

Между древнеанглийскими и скандинавскими словами наблюдалась дифференциация значений, и оба слова можно встретить в языке и сейчас. Например, вместе с bloom «цветок» (др.-исл. blōm) и производным глаголом to bloom «цвести» существует слово blossom «цвет» от др.-англ. blostma, blosma; ср.-англ. предлог frā, frǭ (др.-исл. frā) сохранился в обороте to and fro «взад и вперед»; в остальных случаях восстановилась форма from (др.-англ. fram, from).

Вместе с современным английским словом shirt, «рубашка» (др.-англ. scyrte), существует другое современное слово skirt «юбка» (др.-исл. skyrta); наряду со словом sky «небо» (др.-исл. skȳ «облако») употребляется heaven (др.-англ. heofon) «небо» в религиозном значении [9].

Примечательно, что сохранились два скандинавских заимствования, обозначающих времена года, а именно: winter — «зима» и summer — «лето». Почему вошли именно эти слова, а не «весна» (spring) или «осень» (autumn), достоверно объяснить невозможно.

Упомянутая в начале статьи история с днями недели произошла тогда, когда англосаксы захотели дать названия дням недели, они взяли идею римлян: называть дни недели в честь богов, Солнца, Луны. Но назвали они их не в честь римских богов и даже не в честь своих, а в честь скандинавских богов. Викинги, как мы знаем, были язычниками, но к концу X века они приняли христианство. Но языческие мифы были всё ещё слишком памятны, и старые божества не были забыты. Смешение религий было неизбежным результатом взаимопроникновения двух культур, поскольку пришельцы, буквально с первого дня своего появления здесь, стали брать в жены местных жительниц.

Такие слова как «монета (coin)», «рынок» (market) также появились в языке англосаксов под влиянием скандинавов. Скандинавы основали города, как центры торговли, и ввели понятие твердой валюты в Ирландии. То есть, викинги оказали огромное влияние на развитие торговых отношений, которые являются неотъемлемой частью экономики страны. Слово law, то есть «закон», было принесено на Британские острова вместе со скандинавским правопорядком. Были введены такие понятия, как bylaw, означающее «по закону», village law, означающее «деревенский закон» и outlaw, означающее «вне закона», man outside the law — «человек вне закона» [3].

Профессор-лингвист А. А. Худяков отмечает, что около 850 географических названий возникло в районах обитания скандинавов, в частности на территории Великобритании. Это связано с влиянием скандинавских языков на топонимику — систему географических названий [10]. Они образовывались присоединением скандинавских суффиксов -by (ск. byr — «селение»), -beck (ск. bekkr — «ручей»), -thorp (ск. thorp — «деревня»), -fell (ск. fjall — «гора»), -toft (ск. topt — «поместье») и т. д. Примеры таких названий: Brenceby, Howthorp, Dolby,Lowestoft, Easthorp и др. Есть такие названия, которые составлены из двух частей — это скандинавское имя и английское окончание. Например, Toweton — имя «Тове» и английское окончание — ton. Предполагают, что скандинавы называли земельные наделы своими именами [6].

Среди заимствований из скандинавского языка есть обозначения явлений природы (горы, холмы), домашней утвари, животных, растений, земледельческих орудий, термины из области судоходства и военного дела, права и государственного управления. Были заимствованы не только существительные, прилагательные, глаголы, но также и служебные слова, которые указывают на большую степень смешения языков, например, местоимения they, their them или общепринятый в среднеанглийских текстах на севере предлог till или английский предлог tō перед инфинитивом или существительным [9].

Скандинавский язык оказал огромное влияние на развитие английского. Нехватка плодородной земли на родине, которая была источником власти и престижа, изменение понятия богатства, ценность серебра, которого не было в Скандинавии, совершенство в строительстве быстроходных кораблей стали причиной, побудившей викингов совершать грабительские набеги на многих бывших своих деловых партнеров, в том числе и на Британские острова.

Взаимопроникновение культур викингов и англосаксов, укладов жизни привело к тому, что в английский язык вошли следующие группы скандинавских слов:

— повседневного употребления;
— обозначающих родственные связи

— сельскохозяйственной области;
— обозначающих времена года;
— правовой системы;
— экономической сферы;
— религиозной сферы;
— географических названий.

Таким образом, современный английский язык наполнен откликами скандинавского влияния на древнеанглийский язык. В настоящее время тысячи английских топонимов имеют скандинавское происхождение, а грамматический строй английского языка имеет ряд особенностей, обусловленных скандинавским влиянием. Следовательно, можно сделать вывод, что скандинавские элементы достаточно глубоко проникли в английский язык.

Библиографический список

1. Анохин, Г. И. К этнической истории гренландских норманнов // Романия и Барбария. К этнической истории народов зарубежной Европы : сборник / под ред. С. А. Арутюнова [и др.] — Москва : Наука, 1989. — С. 164–194.

2. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / English Lexicology. — М. : Дрофа. — 2009 — 320 с.

3. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка = English Lexicology : учеб. пособие / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. — Москва : Дрофа, 2004. — 288 с.

4. Ассер. Жизнь Альфреда Великого / Ассер // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых / [сост.] М. М. Стасюлевич. — 4-е изд. — Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. — Т. 2. — С. 306–337.

5. Зюзюлькин, Д. В. Взаимосвязь скандинавского и английского языков / Д. В. Зюзюлькин, Е. Е. Милосердова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 45–50. – EDN NIRAFN.

6. Коткова, Д. И. Топонимы как один из показателей скандинавской культуры в системе английского языка / Д. И. Коткова // Электронная библиотека БГУ : [сайт]. URL : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/272638/1/kotkova_practice_2021.pdf (дата обращения : 28.01.2026).

7. Купцов, А. Е. Кельтские топонимические концепты как составляющие топонимической системы Испании / А. Е. Купцов, Е. Е. Милосердова // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3(46). – С. 161–164. – EDN KNUBOW.

8. Степанов, В. Н. Современный русский язык : учебное пособие / В. Н. Степанов. – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2021. – 150 с. – ISBN 978-5-93002-382-4. – EDN SKATNZ.

9. Сырман, А. В. Влияние скандинавских языков на английский язык / А. В. Сырман, Н. С. Груздов // Молодой ученый. – 2017. – № 50(184). – С. 366–368. – EDN ZXOWOV.

10. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка : для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков вузов / А. А. Худяков. — Москва : Академия, 2005. — 253 с.

11. Шепелева, Е. В. Влияние скандинавских заимствований на формирование современного английского языка // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. – 2007. – № 7. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-skandinavskih-zaimstvovaniy-na-formirovanie-sovremennogo-angliyskogo-yazyka (дата обращения : 09.04.2026).

УДК 378.1

Лингвистические признаки метафоры в романе Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «The Great Gatsby» в рамках предпереводческого анализа

Linguistic Features of Metaphor in Francis Scott Fitzgerald's Novel «The Great Gatsby» in Pre-translation Analysis

В. А. Иванченко
студентка
E-mail: va.ivanchenko@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
V. A. Ivanchenko
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited educator of the higher school of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
Research supervisor — E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье на примере романа Ф. С. Фицджеральда «The Great Gatsby» рассматривается система, позволяющая выявлять метафоры в художественном тексте. Исследование опирается на методику Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU) – пошаговую процедуру, которая помогает отличить метафору от обычного слова. Эмпирический корпус включает 10 ключевых метафорических единиц, отобранных из глав романа. Выявлено доминирование косвенных метафор (98 %), устойчивые карты («свет/движение → надежда/время», «агро-/индустриальные образы → распад», «богатство/золото → голос/власть») и структурно-синтаксические модели (именная предикация, глагольная персонификация, развёрнутые образные блоки). Результаты подтверждают сцепление лексических признаков метафоры с мотивной поэтикой романа.

Ключевые слова: метафора, Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU), «The Great Gatsby», лингвистические признаки, косвенная метафора, когнитивное картирование, именная предикация, Пепельная долина, зелёный огонь.

Abstract

The article describes how to identify metaphors in a literary text using the example of F. S. Fitzgerald's novel «The Great Gatsby». The study relies on the Metaphor Identification

Procedure Vrije Universiteit (MIPVU) methodology, a step-by-step procedure that helps distinguish a metaphor from a regular word. The empirical corpus includes 10 key metaphorical units selected from the chapters of the novel. The dominance of indirect metaphors was revealed (98 %), stable maps («light/movement → hope/time», «agro-/industrial images → decay», «wealth/gold → voice/power») and structural and syntactic models (nominal predication, verb personification, expanded figurative blocks). The results confirm the coupling of the lexical features of the metaphor with the motivic poetics of the novel.

Keywords: metaphor, MIPVU, The Great Gatsby, linguistic features, indirect metaphor, cognitive mapping, nominal predication, ashen valley, green fire.

Метафора в современном языкознании рассматривается не как декоративная фигура речи, а как базовый механизм мышления. Она организует повседневное восприятие мира, языковое выражение и интерпретацию текста. Люди постоянно переносят свойства одних предметов на другие, даже не замечая этого. В основе метафоры лежит сравнение.

Для анализа метафоры в художественном тексте был выбран роман певца «джазового века» Ф. С. Фицджеральда «The Great Gatsby». Роман относится к эпохе, наступившей после Первой мировой войны. Америка никогда не воевала на своей территории, но и ее литературу потрясла тема «потерянного поколения». Фрэнсис Скотт Фицджеральд (1896–1940) — американский писатель, крупнейший представитель так называемого «потерянного поколения» в литературе. Наибольшую известность Фицджеральду принес роман «Великий Гэтсби», опубликованный в 1925 году [2; 4, с. 150]. Это каноническое произведение американского модернизма, насыщенное яркими образами: зелёный огонь, пепельная долина, глаза доктора Экклберга задают ориентиры для соотнесения лингвистических признаков метафоры с мотивной поэтикой, что создаёт плотный мост между микросемантикой и макроуровнем смысла.

Объектом исследования выступают метафорические выражения в оригинальном англоязычном тексте романа, предметом исследования – их лингвистические признаки, структурно-синтаксические модели и функции в композиции произведения. Цель работы состоит в систематизации и анализе признаков метафор в «The Great Gatsby» с опорой на воспроизводимые процедуры выявления и доказательные способы интерпретации. Задачи включают обоснование понятий и классификаций метафоры, описание критериев идентификации, построение корпуса цитат с точными ссылками, аннотирование по Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU), лексикографическую и компонентную верификацию переносимых признаков, а также обобщение результатов по главам и персонажам.

Корпус исследования формируется на основе авторизованного текста романа 1925 года [7]. Для обеспечения текстологической стабильности выбрана базовая публикация с фиксированной пагинацией, что гарантирует точность ссылок и повторяемость проверки цитат. Пагинацией называется распределение информации постранично, как в поисковике «Яндекс». Каждая страница пронумерована и на ней всегда фиксированное количество информации. Все цитаты приводятся на языке оригинала с авторским переводом, каждый пример снабжён указанием главы и страницы.

Методическая основа исследования объединяет несколько подходов. Центральное место занимает процедура MIPVU, разработанная Джерардом Стином (Gerard Steen) с соавторами, которая представляет собой пошаговую инструкцию [5], позволяющую разным исследователям единообразно выявлять метафорически употреблённые лексические единицы. Надёжность методики подтверждена эмпирически: при тестировании коэффициент согласия аннотаторов (каппа Флейса (Fleiss's kappa) достигал 0,84 – это свидетельствует о высокой воспроизводимости результатов.

Процедура MIPVU включает следующие шаги. Первым этапом исследователь прочитывает фрагмент текста целиком для формирования целостного понимания. Вто-

рым – выделяет лексические единицы (слова, фразовые глаголы, составные имена). Третьим – устанавливает контекстное значение каждой единицы. Четвёртым – проверяет по словарю наличие более базового (конкретного, телесного, исторически более старого) значения. Пятым – при наличии контраста между базовым и контекстным значениями маркирует единицу как метафорически употреблённую.

В рамках MIPVU различаются три основных типа метафор. Косвенные метафоры (indirect) представляют собой употребление слова в переносном смысле без специальных слов-подсказок и составляют наиболее частотную категорию. Прямые метафоры (direct) сопровождаются флагами сравнения (like, as), эксплицирующими сопоставление. Имплицитные метафоры (implicit) подразумевают переносный смысл, который восстанавливается из контекста, при этом образ может разворачиваться на протяжении нескольких предложений.

В ходе анализа было аннотировано 192 метафорических употребления [2; 7]. Распределение по типам MIPVU оказалось следующим: косвенные метафоры составили 98 % (n=188), прямые (сравнения с like/as) – 1 % (n = 2), имплицитные – 1 % (n = 2). Доминирование косвенных случаев согласуется с данными многоязычных корпусов, где их доля достигает 99 %.

Таблица. Карточки аннотированных метафорических примеров в романе «The Great Gatsby» (составлена автором)

Цитата (EN)	Глава	Тип MIPVU	Источник → мишень	Переносимый инвариант (базовый vs контекстный)
«Gatsby believed in the green light, the orgastic future that year by year recedes before us»	9	Indirect	Light/Vision → Hope/Future	green: – базовый – «цвет/свет», – контекстный – «сигнал мечты»
«So we beat on, boats against the current, borne back ceaselessly into the past»	9	Indirect	Motion/Water → Life/Time	current: – базовый – «течение воды», – контекстный – «сила истории»
«a valley of ashes – a fantastic farm where ashes grow like wheat»	2	Direct (flag like)	Agriculture → Urban decay	grow: – базовый – «расти (о растениях)», – контекстный – «накапливаться (об отходах)»
«Her voice is full of money»	7	Indirect	Wealth → Voice/Charm	money: – базовый – «валюта», – контекстный – «социальная аура/власть»
«what foul dust floated in the wake of his dreams»	1	Indirect	Debris → Moral consequence	dust: – базовый – «пыль», – контекстный – «этический осадок»
«The eyes of Doctor T. J. Eckleburg are blue and gigantic […] God sees everything»	2	Indirect/ Implicit	Vision/Deity → Moral surveillance	eyes: – базовый – «органы зрения», – контекстный – «метафора наблюдения/суда»
«the lawn started at the beach and ran toward the front door, jumping over sundials»	1	Indirect	Human motion → Property display	run/jump: – базовый – «движение живых», – контекстный – «ландшафтный эффект»

Метафорическая плотность варьировала по главам: максимальные значения зафиксированы в главах 1 (описание особняка, «foul dust»), 2 (Пепельная долина, глаза Эклберга), 7 (конфликт, «голос полон денег», «golden girl») и 9 (финал, лодки и течение, зелёный огонь) – до 9–12 метафор на 1000 слов. Минимальная плотность отмечена в главах 3–6 (средняя, 5–7 на 1000 слов), что связано с преобладанием нарративных вставок и диалогов.

Выявленные метафоры группируются вокруг четырех доминирующих когнитивных карт, организующих поэтику романа:

Первая карта – «Свет/зрение → надежда/горизонт». Зелёный свет на пирсе Дейзи становится центральным символом недостижимой американской мечты.

В терминах теории концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона [1; 6] здесь активируется схема «цель есть источник света», где дистанция до источника маркирует степень недосягаемости идеала. Компонентный анализ лексемы green показывает перенос сенсорного признака (цвет) на аксиологический модус (надежда, разрешение).

Вторая карта – «Вода/движение → время/усилие». Финальный пассаж о лодках, бьющихся против течения, реализует структурную метафору «жизнь есть путешествие». Исследования Д. Джентнер [8] показывают, что при таком картировании переносятся не отдельные свойства, а реляционные конфигурации (препятствие – сопротивление – возврат). Глагол borne back (относимый назад) создаёт трагический фрейм ретроспекции: будущее не приближается, а прошлое неумолимо возвращает героя.

Третья карта – «Индустриальный распад / пепел → моральная деградация». Здесь два признака метафоры: во-первых, прямое сравнение с помощью like, во-вторых, лексема grow (расти). Образ «Пепельной долины» с «урожаем пепла» инвертирует органическую метафору плодородия. Как отмечает А. П. Чудинов [3], подобные «анти-метафоры» характерны для социальной критики эпохи «ревущих двадцатых». Глаза доктора Эккл-берга выступают как псевдотрансцендентный наблюдатель, где карта «зрение и есть суд» подрывается отсутствием реального морального авторитета, что усиливает мотив абсурда.

Четвертая карта – «Богатство → голос/власть/статус». В седьмой главе говорится: «её голос полон денег». Лексема money (деньги) в базовом значении обозначает деньги, а в контексте – социальную ауру, власть, привлекательность богатства. Эта метафора показывает, что личность персонажа (Дейзи) целиком сформирована деньгами.

В романе встречаются три основных структурно-синтаксических типа метафор. Именная предикация – конструкция «X есть Y» (например, «голос – деньги») – характеризуется высокой аптностью, то есть лёгкостью и однозначностью узнавания переносного смысла.

Глагольная персонификация – приписывание неживому объекту действий, свойственных живому существу («газон бежал к дому и перепрыгивал через солнечные часы») – создаёт эффект ожившего пространства и делает описание динамичным.

Развёрнутые образные блоки представляют собой метафоры, которые разворачиваются на протяжении нескольких предложений или абзаца (финальный пассаж о лодках и течении), где каждый элемент работает на общую концептуальную схему.

Функционально метафоры в романе решают три основные задачи.

Во-первых, они обеспечивают когнитивное прояснение абстракций через конкретные, доступные образы: время, надежда, судьба становятся понятнее через свет, воду, дорогу.

Во-вторых, они выполняют оценочную маркировку персонажей и событий: цветовые коды (белый – фасадная чистота Дейзи, жёлтый/золотой – богатство и опасность, серый – бедность и застой) задают эмоциональный профиль описания.

В-третьих, метафоры задают рамку интерпретации (фрейм), через которую читатель воспринимает историю: образ «лодок против течения» настраивает на восприятие жизни как борьбы, а зелёный свет – как символа недостижимого идеала.

В романе «The Great Gatsby» подавляющее большинство метафор являются косвенными. Фицджеральд редко использует прямые сравнения со словами «как» или «словно», предпочитая встраивать переносные смыслы непосредственно в ткань повествования, что создаёт эффект естественности и органичности образной системы.

Выявлены устойчивые когнитивные карты, организующие образную систему романа: «свет → надежда», «вода/движение → жизнь/время», «распад/пепел → моральная деградация», «богатство → власть/статус». Эти карты не являются изолированными, но пересекаются и взаимодействуют, формируя сложную семантическую сеть.

По структурно-синтаксическому типу метафоры делятся на именные предикации (высокая аптность), глагольные персонификации (создают динамику сцены) и развёрнутые образные блоки (поддерживают образ на протяжении абзаца или главы).

Функционально метафоры в романе работают как инструменты объяснения абстракций, оценочной маркировки персонажей и фрейминга интерпретации читателя, что соотносится с положениями критического дискурс-анализа о воздействующей силе образных формулировок.

Процедура MIPVU показала свою эффективность как воспроизводимый инструмент анализа метафоры в художественном тексте. Предложенная методика, объединяющая MIPVU, компонентный анализ и лексикографическую верификацию, может быть применена к другим англоязычным текстам и к сопоставительному анализу переводов, что открывает перспективы для дальнейших исследований в области корпусной метафорологии и переводоведения.

Библиографический список

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. ; под ред. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

2. Фицджеральд, Ф. С. Великий Гэтсби. – М. : Эксмо, 2024. – 256 с.

3. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.

4. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – 256 с. – EDN FSKLOG.

5. Steen, G. J., Dorst A. G., Herrmann J. B., Kaal A. A., Krennmayr T., Pasma T. A Method for Linguistic Metaphor Identification : From MIP to MIPVU. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. – 238 p.

6. Lakoff, G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

7. Fitzgerald, F. Scott. The Great Gatsby. New York: Charles Scribner’s Sons, 1925. – 218 p. (репродукция 1-го изд.)

8. Gentner, D. Structure-Mapping: A Theoretical Framework for Analogy // Cognitive Science. — 1983. — Vol. 7. – No. 2. — P. 155–170.

УДК 378.1

Качество перевода канадского варианта английского языка в романе Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale» в рамках постпереводческого анализа

Quality of Translation of Canadian English in Margaret Atwood' book «The Handmaid's Tale» within Post-translation Analysis

В. П. Клепикова
студентка
E-mail: vp.klepikova@edu.mubint.ru
В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
V. P. Klepikova
Student
V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited educator of the higher school of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются переводческие трансформации, использованные при передаче лингвистических признаков канадского варианта английского языка в романе Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale». В рамках предпереводческого анализа языковые единицы были распределены по уровням языковой организации; в рамках переводческого анализа выявлены и количественно проанализированы трансформации, применённые А. Б. Грызуновой; в рамках постпереводческого анализа качество перевода оценивается с позиций эквивалентности и адекватности.

Ключевые слова: перевод, предпереводческий анализ, переводческий анализ, постпереводческий анализ, канадский английский, переводческие трансформации, Маргарет Этвуд, «The Handmaid's Tale».

Abstract

This article examines translation transformations used in rendering linguistic features of Canadian English in Margaret Atwood's novel «The Handmaid's Tale». Within the pre-translation analysis, linguistic units were classified by language levels; within the translation analysis, the transformations applied by A. B. Gryzunova were identified and quantified; within the post-translation analysis, the quality of translation is assessed in terms of equivalence and adequacy.

Keywords: translation, pre-translation analysis, translation analysis, post-translation analysis, personification, translation transformations, Margaret Atwood, «The Handmaid's Tale».

Лингвистические особенности канадского варианта английского языка представляют значительный интерес для переводоведения, поскольку отражают взаимодействие различных языковых традиций и проявляются на всех уровнях языковой системы [4]. Роман Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale» [6] демонстрирует широкое использование подобных признаков, что оказывает существенное влияние на формирование авторского стиля и художественной картины мира [2].

В связи с этим было проведено исследование, направленное на анализ переводческих трансформаций, применённых А. Б. Грызуновой [5] при передаче данных особенностей на русский язык. В результате случайной выборки было отобрано 36 языковых единиц, представляющих лексический, морфологический и синтаксический уровни, а также выявлено 58 переводческих трансформаций, классифицированных на основе подходов В. Н. Комиссарова [3] и В. Н. Бабаяна, В. Н. Степанова [1] с учётом целей настоящего исследования.

Анализ показал, что языковые единицы, отобранные методом сплошной выборки, представляют три уровня языковой организации: синтаксический (72 %), лексический (41 %) и морфологический (22 %). Следует отметить, что суммарный процент подгрупп внутри каждого языкового уровня превышает 100 %, поскольку отдельные языковые единицы одновременно реализуют признаки на нескольких уровнях или относятся к нескольким подкатегориям, что отражает комплексный характер анализируемого материала. Превалирование синтаксического уровня объясняется особенностями повествовательной структуры произведения, в частности использованием устойчивых формул, фразовых глаголов (46 %) и синтаксических моделей (39 %), формирующих ритмику внутреннего монолога героини.

Лексический уровень лингвистических признаков канадского варианта английского языка в романе Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale» представлен канадизмами, неологизмами и семантически переосмысленными единицами (41 %), среди которых выделяются реалии и лексические двойники. Морфологический уровень (22 %) включает деривационные модели (50 %), композицию (75 %) и префиксацию (12 %), что отражает специфику словообразовательных процессов в тексте [5].

В рамках анализа переводческих трансформаций языковых единиц канадского варианта английского языка в переводе романа Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale» на русский язык было выявлено 58 единиц, распределённых следующим образом: лексические трансформации - 36 %, лексико-семантические (28 %), технические приёмы (26 %), грамматические трансформации (10 %), переводческий комментарий не зафиксирован (0 %) [1; 5].

Среди лексических трансформаций доминирует калькирование (95 %), тогда как транскрибирование используется всего один раз (5 %), а транслитерация не используется (0 %). Это обусловлено тем, что большинство единиц обладает прозрачной морфемной структурой и допускает прямое воспроизведение средствами русского языка [1].

Лексико-семантические трансформации языковых единиц канадского варианта английского языка в переводе романа Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale» на русский язык представлены модуляцией (62 %), конкретизацией (32 %) и генерализацией (6 %). Преобладание модуляции свидетельствует о необходимости смысловой адаптации исходных единиц для обеспечения естественности перевода [1].

Среди технических приёмов наиболее частотным является опущение (80 %), что связано с устранением избыточных элементов оригинала, тогда как перемещение (13 %) и добавление (7 %) используются реже [6].

В рамках постпереводческого этапа анализа переводческих трансформаций языковых единиц канадского варианта английского языка в переводе романа Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale» на русский язык было рассмотрено, насколько перевод лингвистических признаков канадского варианта английского языка в романе Маргарет

Этвуд «The Handmaid’s Tale» [6], выполненный А. Б. Грызуновой [5], соответствует двум основным принципам перевода — эквивалентности и адекватности. Согласно учебному пособию В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова эквивалентностью принято считать максимально возможную лингвистическую близость текста перевода к тексту оригинала [1].

Адекватность – это характеристика, выводимая в процессе специального оценивания с учётом условий и требований коммуникативной ситуации, включая ожидания и потребности получателя и/или инициатора перевода, либо непосредственно в процессе использования переводного текста [1].

Анализ перевода отобранных языковых единиц показал, что переводчица опирается на оба принципа, однако их соотношение является неравномерным. Преобладающим выступает принцип адекватности (72 %), что обусловлено необходимостью адаптации лингвистических особенностей канадского английского к нормам русского языка. Данный принцип реализуется преимущественно через использование лексико-семантических трансформаций, среди которых доминирует модуляция, а также посредством технических приёмов, в частности опущения и перемещения. Эти преобразования позволяют обеспечить естественность перевода и сохранить его функционально-коммуникативную направленность, особенно при передаче синтаксических конструкций, составляющих наибольшую часть выборки.

Принцип эквивалентности реализуется в меньшем объёме (28 %) и связан, прежде всего, с использованием лексических трансформаций, среди которых доминирует калькирование. Данный приём позволяет сохранить структуру и семантику исходных единиц, в частности при передаче реалий и терминов, формирующих художественный мир произведения.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. — 136 с.

2. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]; под ред. В. Н. Степанова; Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. — 256 с.

3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 1990. — 253 с.

4. Региональная и социальная вариативность изучаемого языка / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. – Ярославль : образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2018. – 104 с. – ISBN 978-5-93002-369-5. – EDN ADANMT.

5. Этвуд, М. Рассказ служанки / М. Этвуд ; пер. с англ. А. Б. Грызуновой. — Москва : АСТ, 2017. — 416 с.

6. Atwood, M. The Handmaid’s Tale / Margaret Atwood. — London : Vintage Books, 1996. — 324 p.

7. Dictionary of Canadianisms on Historical Principles. — URL : https://www.dchp.ca (дата обращения : 10.04.2025).

8. Editing Canadian English : a guide / Canadian Editors’ Association. — Toronto : McClelland & Stewart, 2015. — 352 p.

УДК 378.1

Качество перевода оксюморона в художественных текстах (на примере романа Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle»)

The Quality of Oxymoron Translation in Literary Texts (Using the Novel "Howl's Moving Castle" by Diana Wynne Jones as an Example)

У. А. Конакова
студентка
E-mail: ua.konakova@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
U. A. Konakova
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Статья посвящена исследованию качества перевода оксюморонов на русский язык в романе Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle» за авторством А. М. Бродоцкой. В рамках предпереводческого анализа собранный методом случайной выборки материал был распределён на группы лингвистических признаков. В работе был проведён количественный и качественный анализ трансформаций в рамках переводческого этапа, выявлены наиболее частотные преобразования и обоснованы причины их использования. Особое внимание уделено постпереводческому анализу, в рамках которого оценка качества перевода осуществляется с позиции эквивалентности и адекватности. В ходе исследования было установлено, что в анализируемом материале преобладает принцип адекватности, что свидетельствует о стремлении переводчика сохранить коммуникативную функцию.

Ключевые слова: перевод, предпереводческий анализ, переводческий анализ, постпереводческий анализ, переводческие трансформации, оксюморон, Диана Уинн Джонс, "Howl's Moving Castle".

Abstract

The article is devoted to the study of the quality of translating oxymorons into Russian in Diana Wynne Jones's novel "Howl's Moving Castle". Within the framework of the pre-translation analysis, the material obtained through a random sampling technique was classified into groups according to linguistic features. The study includes both quantitative and qualitative analysis of transformations at the translation stage, identifies the most frequent techniques, and explains the reasons for their use. Special attention is paid to post-translation analysis, where

translation quality is assessed in terms of equivalence and adequacy. The study reveals that the principle of adequacy prevails in the analyzed material, indicating the translator's intention to preserve the communicative function of the text.

Keywords: translation, pre-translation analysis, translation analysis, post-translation analysis, translation transformations, oxymorons, Diana Wynne Jones, "Howl's Moving Castle.

Источником языкового материала для работы стал роман Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle» [9] и его перевод А. М. Бродоцкой [2]. Объектом исследования являются переводческие трансформации оксюморонов в художественном произведении. Предмет исследования – качество перевода оксюморона на русский язык в романе Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle» в переводе А. М. Бродоцкой в рамках постпереводческого анализа. Целью исследования является интерпретация переводческих трансформаций в романе Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle» в переводе А. М. Бродоцкой в рамках постпереводческого анализа с точки зрения качества перевода.

Для анализа в произведении Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle» были выделены 11 оксюморонных единиц, собранных методом случайной выборки, и классифицированы по ряду лингвистических признаков на основе трудов В. И. Карасика [4], Й. Шэна [10], Л. И. Татановой [8]: прямые и косвенные сочетания, двухкомпонентные и многокомпонентные конструкции, полноценные и стёртые, а также оксюмороны с аффиксальной или разнокорневой антонимией в основе.

Анализ показал преобладание прямых оксюморонов (64 %), обеспечивающих мгновенное восприятие семантического контраста, а косвенные составили всего 36 %. На наш взгляд, данной ситуации способствовало то, что использование косвенных оксюморонов предполагает снижение взрывного эффекта стилистической фигуры. Двухкомпонентные конструкции встречались чаще (91 %), чем многокомпонентные (9 %), поскольку писательница избегает чрезмерной сложности в семантике и синтаксисе.

Главная особенность стёртых оксюморонов (27 %) проявляется не столько в виде противопоставления, сколько в усилении одного из компонентов, что ослабляет противоречие, тогда как полноценные (73 %) сохраняют контраст на семантическом и образном уровнях.

В рамках переводческого анализа собранный нами материал составил 23 единицы на основе перевода романа Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle» на русский язык за авторством А. М. Бродоцкой. Переводческие трансформации были дифференцированы в соответствии с классификациями В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова [1], В. Н. Комиссарова [4], Н. Г. Надеждиной и О. А. Юдиной [6].

Анализируемый материал был распределён на такие группы, как лексические, грамматические, комплексные трансформации, технические приёмы и переводческий комментарий. Согласно особенностям изучаемого нами явления, мы не в состоянии рассматривать перевод оксюморонов на предмет грамматической замены типа предложения, синтаксического уподобления, членения и объединения предложений, местоименного повтора. В ходе работы мы выявили примерно равные доли употребления лексических (39 %), грамматических (26 %) трансформаций и технических приёмов (35 %).

Использование лексико-грамматических трансформаций и переводческого комментария не наблюдалось. Преобладание лексических трансформаций (39 %) может быть обусловлено тем, что и в языке перевода, и в языке оригинала оксюмороны зачастую строятся по модели прилагательное + существительное, наречие + прилагательное, наречие + глагол. Стилистическая фигура образуется в рамках смысла словосочетания и не так сильно нуждается в трансформации грамматики, если только этого не требует перестройка всего предложения. Из этого можно также сделать вывод о необходимости технических приёмов, которые находятся на втором месте по доминированию (35 %).

В связи с наличием в английском языке такой грамматической категории, как артикли (которая, очевидно, будет часто встречаться при анализе сочетаний прилагательного и существительного), а также других отличных элементов этого языка (к примеру, порядок слов в словосочетании глагол + наречие), при переводе на русский возникает необходимость использования ряда трансформационных приёмов, с целью сохранения семантической точности и синтаксической естественности высказывания в языке перевода. По этой причине второе место, занимаемое техническими приёмами, довольно логично.

Грамматические же трансформации (26 %), замеченные при переводе оксюморонов в романе «Howl's Moving Castle» на русский язык, немногочисленны и исходят в большей степени из авторского переводческого решения.

При переводе оксюморонных сочетаний переводчица А. М. Бродоцкая не использовала в работе лексико-грамматические трансформации и переводческие комментарии. Причиной этому может служить то, что произведение «Howl's Moving Castle» Дианы Уинн Джонс сочетает в себе элементы фэнтези и сказки, а оксюмороны в подобного рода текстах играют роль стилистических украшений и не содержат сложных концептуальных или культурных реалий, требующих дополнительных пояснений. Стоит также учитывать, что наличие особенностей культуры в оксюморонном сочетании можно считать довольно редким явлением, хотя теоретически допустимым («разорять кукушкины гнёзда», «купить волчий билет»).

Кроме того, неиспользование лексико-грамматических трансформаций может свидетельствовать о том, что переводчице удалось сохранить как форму, так и смысл оксюморонов средствами переводящего языка без обращения к антонимическому переводу, экспликации или компенсации. По существу, данные переводческие трансформации, возможно, не были функционально необходимы, так как дословный или близкий к оригиналу перевод уже обеспечивал должную степень адекватности.

Нами был проведён анализ как на уровне отдельных групп переводческих трансформаций, так и в рамках их внутренней организации. Таким образом, среди лексических переводческих трансформаций оксюморона в романе «Howl's Moving Castle» Дианы Уинн Джонс в переводе А. М. Бродоцкой можно выделить калькирование (56 %), контекстуальную замену (22 %) и лексико-семантические замены (22 %).

Транскрипция и транслитерация в корпусе исследуемого материала не наблюдались. В рейтинге лексических переводческих трансформаций оксюморона калькирование занимает первое место (56 %).

Данное положение объясняется тем, что стиль текста не отличается избыточной поэтичностью или культурной специфичностью, вследствие чего многие оксюморонные сочетания воспринимаются без необходимости глубокой семантической адаптации. Например, перевод предложения ‘There was a poppling, blazing silence while the orange eyes in the demon’s wavering blue face traveled up and down Sophie’ [9, с. 29] — «Настала бурная сверкающая тишина, оранжевые глаза на зыбком лице демона осмотрели Софи с ног до головы» [2, с. 53]. Слова poppling и a silence переводчица переводит соответствующими языковыми единицами на русский язык – «бурный» и «тишина» [5], не теряя при этом заложенный в оксюмороне эффект противопоставления.

Контекстуальная замена и лексико-семантические замены в переводе произведения «Howl's Moving Castle» Дианы Уинн Джонс используется А. М. Бродоцкой реже (22 %; 22 %). Это связано с высоким риском искажения или утраты противопоставления, являющегося ключевым элементом оксюморона. Отказ в употреблении транскрипции и транслитерации при переводе объясняется, прежде всего, спецификой самого языкового материала: оксюморон, как троп, основанный на сочетании противоположных по значению слов, требует от переводчика не фонетической/буквенной передачи формы, а смысловой интерпретации.

Среди технических приёмов в анализируемом материале присутствовали опущение (63 %), перемещение (25 %) и добавление (12 %). Преобладание приёма опущения объясняется особенностями английской грамматики — артикли и притяжательные местоимения, не имеющие обязательных аналогов в русском, опускаются без ущерба для смысла. Перемещения и добавления использовались ограниченно, чтобы сохранить баланс между авторским стилем и восприятием читателя.

Грамматические трансформации включали замену части речи (50 %) и члена предложения (50 %), применяемые для синтаксической корректности, чаще в тандеме. Замена формы слова в анализируемом материале не применялась, поскольку она лишь отчасти влияет на семантику конструкции, а потому оказывается наименее мотивированной при передаче оксюморона на русский язык. Например, ‘The guitar uttered an awful twang-oing. Sophie gave a faint squawk of terror and hung onto the chair’ [9, C.74] — «Дзыннь-пиннь! – горестно взвыла гитара. Софи слабо взвизгнула от ужаса и ухватилась за кресло» [2, с. 126]. В данном высказывании применяется как замена члена предложения, так и замена части речи. Стоит отметить, что переводчица преобразовала существительное a squawk — «пронзительный крик; визг» [11] — в глагол «взвизгнула», тем самым заменив не только часть речи (с существительного на глагол), но и синтаксическую функцию (с дополнения на сказуемое), поскольку подобные преобразования, как правило, происходят в сопряжении. Сходным образом трансформировано и прилагательное faint, которое в переводе стало наречием «слабо», а вместе с тем из определения перешло в обстоятельство.

Весь материал, собранный на переводческом этапе, был также проанализирован в рамках постпереводческого анализа. Ключевыми понятиями данной ступени исследования являются коммуникативно-функциональный подход, а также категории эквивалентности и адекватности.

Согласно позиции В. В. Сдобникова, важным положением коммуникативно-функционального подхода является то, что переводческий акт рассматривается как часть межъязыковой и межкультурной коммуникации, в которой осуществляется взаимодействие между автором оригинального текста и получателем перевода. Оценка качества перевода в рамках данного подхода осуществляется с использованием категорий эквивалентности и адекватности, которые выступают как нормативно-оценочные характеристики результата перевода [7].

В соответствии с определением, представленным в учебном пособии В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова [1], эквивалентность рассматривается как характеристика, заложенная в тексте перевода самим фактом его создания на основе исходного текста; максимально возможная лингвистическая близость текста перевода к тексту оригинала. Адекватность, в свою очередь, определяется как характеристика, выводимая с учётом условий коммуникативной ситуации, ожиданий и потребностей адресата; качество перевода, позволяющее эффективно использовать текст перевода в заданных коммуникативных условиях.

Все отобранные языковые единицы были проанализированы с точки зрения данных принципов. В результате было выявлено следующее соотношение.

1. Принцип адекватности (53 %). Принцип адекватности предполагает ориентацию на передачу общего смысла, коммуникативной функции и прагматического эффекта оригинала с учётом норм языка перевода. В исследуемом материале на базе перевода романа Дианы Уинн Джонс «Howl’s Moving Castle» на русский язык А. М. Бродоцкой данный принцип реализуется чаще, поскольку переводчица стремится обеспечить естественность звучания текста и его доступность для русскоязычного читателя. Принцип адекватности проявляется в таких переводческих трансформациях оксюморона, как лексико-семантические замены, контекстуальная замена, замена части речи и члена предложения и технический приём добавление.

2. Принцип эквивалентности (47 %). Принцип эквивалентности ориентирован на максимально возможную близость к оригиналу на уровне структуры. Переводчица применяет принцип эквивалентности в тех случаях, когда оксюморонное сочетание может восприниматься без глубокой семантической адаптации. Данный принцип в анализируемом корпусе переводческих преобразований оксюморона реализуется при употреблении калькирования, опущения и перемещения.

Таким образом, проведённый постпереводческий анализ показал, что выбор между принципами эквивалентности и адекватности при переводе оксюморона в романе Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle» на русский язык определяется не столько степенью их сложности, сколько задачей сохранения семантического и стилистического эффекта оригинала.

Принцип эквивалентности реализуется в тех случаях, когда структура оксюморонного сочетания и его значение допускают прямую передачу без утраты выразительности. Это позволяет сохранить формальную и смысловую близость к исходному тексту.

В свою очередь, принцип адекватности применяется тогда, когда буквальный перевод не обеспечивает должного коммуникативного и стилистического эффекта. В таких случаях переводчица А. М. Бродоцкая использует различные трансформации, направленные на адаптацию оксюморона к нормам языка перевода и сохранение его художественной выразительности.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что перевод оксюморона в романе Дианы Уинн Джонс «Howl's Moving Castle» на русский язык в целом соответствует обоим принципам качества перевода с небольшим преобладанием принципа адекватности (53 %): переводчица Анастасия Михайловна Бродоцкая стремится максимально адаптировать текст под русского читателя для лёгкости его восприятия.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. — 136 с.

2. Джонс, Д. У. Ходячий замок / Пер. с англ. А. М. Бродоцкой — СПб. : Издательство Азбука, 2013. — 344 с.

3. Карасик, В. И. Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике / В. И. Карасик // Социальные и гуманитарные знания. — 2022. — Т. 8. — № 1(29). — С. 114–123. – DOI 10.18255/2412-6519-2022-1-114-123. – EDN GQWXPQ.

4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностранного языка. — М. : Высш. шк., 1990. — 253 с.

5. Мультитран : [сайт]. — URL : https://www.multitran.com/ (дата обращения : 09.04.2026).

6. Надеждина, Н. Г. Переводческие трансформации и приемы перевода. Методические указания к практическому курсу профессионально ориентированного перевода для студентов, обучающихся по программе «Переводчик в профессиональной коммуникации» / Г. К. Крюкова, О. А. Юдина. — Н. Новгород : «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», 2015. — 28 с.

7. Сдобников, В. В. Теория перевода (Коммуникативно-функциональный подход) : учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. — 2-е изд., перераб. — М. : Издательство ВКН, 2019. — 512 с. — (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия). — ISBN 978-5-7873-1527-1.

8. Татанова, Л. И. Дискурсивные характеристики оксюморона в англоязычной художественной литературе : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Лариса Ива-

новна Татанова ; Московский ордена Дружбы народов государственный лингвистический университет. — Москва, 2006. — 24 с. – Библиогр. – С. 24.

9. Jones, D. W. Howl's Moving Castle (first edition, US). — New York, New York : Greenwillow Books, 1986. — p. 212. – ISBN 0-688-06233-4.

10. Shen, Y. (1987). On the Structure and Understanding of Poetic Oxymoron. — Poetics Today, 8(1), — 105 pag. – DOI:10.2307/1773004.

11. WooordHunt : [сайт]. – URL: https://wooordhunt.ru (дата обращения : 09.04.2026).

УДК 378.1

Переводческие трансформации эпитетов в книге Энтони Дорра «Memory Wall» в рамках переводческого анализа

Translation Transformations of Epithets in Anthony Doerr's Book «Memory Wall» in the Translation Analysis

А. В. Маханек
студентка
E-mail: av.makhanek@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)

A. V. Makhanyok
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)
Research supervisor — E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуются способы перевода эпитетов на примере книги Энтони Дорра «Memory Wall» и рассматриваются использованные переводческие трансформации.

Ключевые слова: эпитеты, переводческие трансформации, транслитерация, модификация, переводческий комментарий.

Abstract

The article explores the ways of translating epithets using the example of Anthony Doerr's book «Memory Wall» and examines the translation transformations.

Keywords: epithets, translation transformations, transliteration, modification, translation commentary.

Одной из главных задач переводоведения является осуществление адекватного и эквивалентного перевода. По мнению А. Д. Швейцера, перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде [1, с. 9]. Перевод требует жертв и в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте переводчику нередко приходится идти на известные потери [10]. В. С. Виноградов называет перевод процессом, вызванным общественной необходимостью и результатом передачи информации, выраженным в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного (адекватного) текста на другом языке [9, с. 149].

По мнению В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова, считается неверным предположение о том, что для осуществления перевода с одного языка на другой достаточно знать два языка. Следует знать не только языки, но и те пути, которыми осуществляется переход от одного языка к другому, представлять себе последовательность всех операций по переводу, предвидеть трудности, которые могут возникнуть в ходе этой работы [1, с. 7]. На практике адекватность перевода обеспечивается профессиональным чутьем переводчика и целесообразным использованием переводческих трансформаций [7, с. 289].

Трансформацию следует считать особым видом переводческих преобразований. В семантическом отношении сущность трансформаций заключается в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, то есть имеющем иную структуру плана выражения и актуализирующим схему иностранного слова, которая перекодируется в процессе перевода.

Переводимость текстов зависит от двух факторов: структуры текста и профессионализма переводчика. Сложность возникает с такими понятиями, которые не имеют непосредственного перевода: имена собственные, географические названия, идиомы, каламбуры, гипонимы и гиперонимы. Отдельную категорию представляют слова, выражения и словосочетания, которые имеют несовпадения по частотности, различия в ассоциативных полях, несовпадения грамматических категорий

Другая категория, которая также вызывает большое количество сложностей – это безэквивалентная лексика, которая связана с использование специфических лексических единиц, обозначающих реалии. В большинстве методических пособий по переводу, такие выражения рекомендуется переводить с использованием иностранного языка.

Проблемы перевода эпитетов, как и вопросы, связанные с передачей семантики с английского языка на русский, были неоднократно рассмотрены [1; 7; 8; 9]. Способы образования эпитетов и сравнительных конструкций опираются на культуру носителей того или иного языка, на характер и мировоззрение использующего данные стилистические приемы человека, что усложняет задачу переводчика в процессе предпереводческого анализа.

В данной работе использовались методы аналитического, сопоставительного и описательного анализа. Основой исследования послужило художественное произведение писателя Энтони Дорра «Memory Wall» и его перевод на русский язык В. Б. Бошняка. В сборник «Memory Wall» вошли семь рассказов, объединённых общей темой ценности нашего жизненного опыта и хрупкости воспоминаний. Это история небольшого размера с чётко сформулированной основной мыслью, которую автор в лаконичной форме представляет читателю. Если в истории большое количество действующих лиц, а её размах исчисляется далеко не одним днём, то тут уместно говорить о повести.

Отметим, что полное раскрытие сути проблемы, происходящее на фоне обширного художественного полотна, – это прерогатива романа. Образ памяти – центральная тема сборника Энтони Дорра, раскрытая со всей полнотой.

Исследование проводится на материале произведения Э. Дорра «Memory Wall». Книга Энтони Дорра была выбрана в качестве объекта исследования, поскольку это модель окружающей действительности, представленная в виде художественного произведения.

Особое место в развитии лингвистической теории перевода принадлежит теории уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова [5], который толковал эквивалентность как смысловую близость оригинала и перевода, а эквивалентный перевод – как перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности. Теория уровней эквивалентности отражает лингвистический подход к переводу как к процессу преобразований между языками. В ее основе лежит представление о том, что степень близости между оригиналом и переводом является величиной переменной [1, с. 29].

Данная теория отражает лингвистический взгляд на перевод как на процесс трансформации между различными языками. В её основе лежит идея о том, что степень сходства между оригиналом и переводом может варьироваться.

Рассмотрим подробнее типы эквивалентных отношений между оригинальным текстом и переводом, выделенные В. Н. Комиссаровым.

1. Эквивалентность, проявляющаяся на уровне цели коммуникации, демонстрирует наименьшее совпадение в содержании оригинала и перевода. Под целью коммуникации понимается та часть содержания высказывания, которая отражает его основную функцию. Эта цель является важнейшим фактором, который необходимо учитывать при переводе. Сравним: A dozen times now over the past month they’ve done this, sat at her kitchen table in the middle of the night, Roger and Alma, tall black man, elderly white woman, the lights of Trafalgar Park and the railway yards and the waterfront strewn below. — Уже дюжину раз за последний месяц они проделывали это, сидя за ее кухонным столом посреди ночи, Роджер и Альма, высокий чернокожий мужчина, пожилая белая женщина, а внизу виднелись огни Трафальгарского парка, железнодорожные станции и набережная.

2. Соответствие на уровне общего содержания подразумевает более широкую смысловую связь между текстами на разных языках, так как они описывают одну и ту же ситуацию. Даже при отсутствии идентичности в словаре и грамматических конструкциях, можно утверждать, что речь идет об одном событии и взаимосвязях между объектами: Memories twist slowly through Luvo’s thoughts: Alma as a six-year-old, a dining room, linen tablecloths, the laughter of grown-ups, the soft hush of servants in white shirts bringing in food. — В мыслях Луво медленно всплывают воспоминания: шестилетняя Альма, столовая, льняные скатерти, смех взрослых, тихие голоса слуг в белых рубашках, приносящих еду.

3. Эквивалентность в способе передачи информации предполагает не только общность целей коммуникации и описываемой ситуации, но и сохранение основных концепций, использованных в оригинальном тексте. Различные виды семантического варьирования возможны в рамках одного и того же способа описания ситуации. Анализ показывает, что наиболее часто встречаются изменения в степени детализации, способе объединения признаков и направлении отношений между ними: His headache is advancing, irrepressible; it is an orange flame licking at the edges of everything. — Его головная боль усиливается, она неудержима; это оранжевое пламя, лижущее все вокруг.

4. Эквивалентность на уровне структуры высказывания позволяет сохранить часть значения синтаксических элементов оригинала. В данном случае используются схожие конструкции, имеющие близкий смысл в обоих языках: In the reflections in the glass it is as if Luvo can see the papers and cartridges pinned to Alma’s wall floating in the dimness above

the stones. — Плавающие в стекле отражения вызывают такое чувство, будто в полутьме перед Луво над экспонатами проносятся записки и картриджи, пришпиленные к стене у бабки Альмы.

5. Совпадение на уровне значения отдельных слов обнаруживается при буквальном переводе. В этом случае близость к исходному тексту максимальна, так как переводчик стремится наиболее точно передать значение слов, используя дословный перенос: The ocean is a gleaming plate of pewter. – Океан отливает расплавленным оловом.

Трансформация – важный инструмент для большинства переводческих техник. Она заключается в модификации формальных (лексических и грамматических) и семантических элементов исходного текста при сохранении основной передаваемой информации. Выделяют следующие типы межъязыковых изменений: лексические, стилистические, морфологические, синтаксические, семантические и комбинированные.

При разделении текста и определении единиц перевода (ЕП) выделяются два типа: единицы со стандартной зависимостью от контекста (типологически эквивалентные) и единицы с нестандартной зависимостью. Перевод единиц со стандартной зависимостью относительно прост и осуществляется на основе лексико-грамматических соответствий между двумя языками. Они составляют основу любого текста и определяют основной процесс перевода. Изменения в таких единицах носят стандартный характер и сводятся к известным соответствиям: The shock of coming into his own, tampered head is searing. — От возвращения сознания в собственную подпорченную башку шок оглушительный. Единицы с нестандартной зависимостью от контекста требуют особого подхода, так как их структура и функция могут различаться в разных языках. При их переводе необходимо учитывать лингвистические, культурные и психологические аспекты: Roger, with his straw hat and white beard and tombstone teeth. — Вы его внешность помните: бурого цвета кожа, соломенная шляпа, седая борода и похожие на гранитные надгробья зубы.

Исходя из проведенного анализа, выявив основную структуру предпереводческого анализа, переводчику будет намного проще перевести следующую реплику. Но ключевым этапом для него, по-прежнему, остается, непосредственно, сам перевод материала.

Таким образом, этап переводческого анализа предполагает анализ переводчиком текста. Важно учитывать, как экстралингвистические, так и лингвистические факторы. Переводческий анализ книги Энтони Дорра «Memory Wall» помог авторам определить и выявить некоторые трудности в исходном материале и, впоследствии, определить и выработать необходимую переводческую стратегию.

При переводе могут происходить структурные изменения текста. При переводе были использованы следующие виды переводческих трансформаций:

— перестановки;

— замена прилагательного на придаточное предложение: Old-timers in nursing homes, it’s been reported, are using memory machines like drugs, feeding the same ratty cartridges into their remote machines: wedding night, spring afternoon, bike-ride-along-the-cape. — Старожилы в домах престарелых, говорят, используют теперь проигрыватели памяти вместо наркотика: туда раз за разом суют один и тот же запиленный картридж – брачную ночь, например, весенний вечер или велопрогулку вдоль берега;

— опущения: опущение артикля; вызвано наличием объективных расхождений между языками. В русском языке отсутствует категория соотнесенности/несоотнесенности, выразителем которой является артикль: In the reflections in the glass it is as if Luvo can see the papers and cartridges pinned to Alma’s wall floating in the dimness above the stones. — Плавающие в стекле отражения вызывают такое чувство, будто в полутьме перед Луво над экспонатами проносятся записки и картриджи, пришпиленные к стене у бабки Альмы;

— контекстуальные опущения — опущение семантически пустых компонентов: Not much more than a prison cell. – Мало чем лучше тюремной камеры;

— компенсации компонента в соответствии с его функцией вследствие невозможности его передачи: the ocean is washed in moonlight. The palms flutter. — Автору удалось максимально точно усилить эффект света луны путём использования эпитета the ocean is washed in moonlight, что дословно переводится как «океан омывается лунным светом». В данном случае автором было принято решение перевести таким образом: «За окном, за кронами пальм, за городскими огнями океан; над ним то облако, то луна. То залит светом, то темнеет».

В другом отрывке приводится следующий эпитет the stately oak trees. В предлагаемом примере эпитет «stately» (величественный) описывает дуб как богатый, впечатляющий и важный символ стойкости и длительности.

Приведем еще пример эпитета pristine beach. В данном случае эпитет «pristine» (нетронутый, первозданный) описывает снег как чистый, незапятнанный и свежий.

Передача эмоций человека с помощью эпитета дарит немалый колорит тексту. К примеру: «and she looked like she would’ve smacked with a wooden spoon, if she’d had one». В представленном примере эпитет «деревянная ложка» не только передает всю эмоциональность момента, но и показывает напряженность между участниками диалога.

Приведем другой пример использования эпитета «praying figure the old apothecary». Представленный пример эпитета также передает эмоциональное отношение к определенному моменту и действию, а также демонстрирует личностное отношение говорящего к описываемым событиям.

Наиболее существенной функцией эпитета является функция выявления личного, оценочного отношения к описываемым фактам. Эта роль эпитета в значительной степени определяется синтаксическими особенностями: употреблением эпитета чаще всего в синтаксической функции определения. Рассмотрим классификацию эпитетов, которую предложил И. Р. Гальперин. Классификация основана на трёх принципах [3]:

1. По принципу закреплённости/незакреплённости эпитеты делятся на языковые (language epithets) и речевые (speech epithets).

2. По морфолого-синтаксическому выражению классификация выделяет ряд структурных моделей эпитетов в современном английском языке.

3. По семантическому принципу эпитеты делятся на ассоциированные и неассоциированные, которые добавляют к характеристике предмета черты неожиданные, внутренне ему не присущие и поражающие воображение читателя своей неожиданностью.

Среди функциональных особенностей необходимо отметить, что используется антонимический перевод: Seville oranges boiling volcanically. Представленный пример эпитета демонстрирует отношение к событиям прошлого, то насколько важным было детство в воспоминаниях героини, подчеркиваются наиболее яркие его элементы, в частности «Севильские апельсины, кипящие, как вулкан», не смотря на мороз, что создает контрастирующий эффект и еще больше усиливает эмоциональное восприятие.

Выделяют один из признаков явления, иногда несущественный, второстепенный, но свойственный данному явлению, и им определяют это явление. Например: «A faintly glowing churchyard», что может быть переведено как «Слабо светящийся церковный двор». Описательный перевод: For a moment the man in her kitchen has transformed into a demon: imperious, towering. — На мгновение мужчина в ее кухне трансформируется в какого-то демона – властный, неистовый, с каменным лицом смотрит на нее сверху вниз.

Как показал анализ полученного материала, в произведении было выявлено 113 эпитетов, из которых 71 % (81 единица) относятся к семантическим, 16 % (18 единиц) — к функциональным и 13 % (14 единиц) — к структурным.

Проведенное исследование позволило установить, что основная часть эпитетов (71 %) выполняет фундаментальную роль, подчеркивая ключевые характеристики объектов и создавая яркие, запоминающиеся образы. Семантические эпитеты (16 %) добавля-

ют дополнительный смысл и глубину, обогащая описание нюансами, которые могут быть не очевидны на первый взгляд. Структурные эпитеты (13 %) занимают меньшую долю, однако играют важную роль в организации текста и поддержании его ритмичности.

При переводе используется метод трансформаций, за счет опущения избыточных элементов, либо конструкций, несвойственных для русского языка. При переводе также использован метод замены частей речи. В случае с переводом эпитетов прилагательные, используемые при описании, заменяются целостными придаточными предложениями. Для усиления эффекта использованы онимы. В ряде случаев применены контекстуальные опущения, т. е. опущение компонентов, выполняющих в предложении определенную функцию, но семантически «пустых». Осуществлена компенсация компонента в соответствии с его функцией вследствие невозможности его передачи в первоначальном виде. Также были исследованы случаи антонимического перевода.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль: Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. – 136 с. – ISBN 978-5-93002-408-1. – EDN DXGHYN.

2. Бодунов, К. Е. Лингвистические признаки эпитетов в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» в рамках предпереводческого анализа / К. Е. Бодунов, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 14–19. – EDN XUBDYA.

3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин «Издательство литературы на иностранных языках», 1958. — 485 с.

4. Дорр, Э. Стена памяти (сборник) / Э. Дорр. — М. : «Издательская Группа Азбука-Аттикус», 2016. — URL : https://biblioteka online.org/book/stena-pamiati-sbornik/reader (дата обращения : 11.04.2026).

5. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2007. – 176 с. — Текст : непосредственный.

6. Комиссаров, В. Н. Перевод и языковое посредничество / В. Н. Комиссаров // Тетради переводчика. — 1984. — Вып. 21. — С. 18–26.

7. Кряклин, А. В. Переводческие трансформации эпитетов в переводе книги Сары Джио «the Last Camellia» в рамках предпереводческого анализа / А. В. Кряклин // Молодая наука – 2024 : сборник материалов XV Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 13–14 апреля 2024 года. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. – С. 288–293. – EDN CFAXNF.

8. Маханек, А. В. Лингвистические признаки эпитетов в книге Энтони Дорра «Стена памяти» в рамках предпереводческого анализа / А. В. Маханек // Молодая наука – 2023 : сборник материалов Четырнадцатой национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов : в 2 частях, Ярославль, 17–21 апреля 2023 года. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2023. — С. 113–118. – EDN WUTSPX.

9. Милосердова, Е. Е. Жанровые особенности англоязычных общественно-политических текстов на материале публикаций издания the Guardian / Е. Е. Милосердова // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 16–25 мая 2023 года. – Часть 2. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2023. – С. 149–152. – EDN EDSRJB.

10. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – 256 с. – EDN FSKLOG.

УДК 378.1

Качество перевода олицетворения в художественных текстах (на примере романа Нелл Харпер Ли «To Kill A Mockingbird»)

The Quality of Personification Translation in Literary Texts (Using the Novel “To Kill A Mockingbird” By Nelle Harper Lee as an Example)

В. С. Мусина
студентка
E-mail: vs.musina@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
V. S. Musina
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматривается качество перевода олицетворений на русский язык в романе Нелл Харпер Ли «To Kill a Mockingbird». В рамках предпереводческого анализа собранные языковые единицы были распределены по типологическим группам; в рамках переводческого были выявлены и количественно проанализированы применённые Норой

Галь трансформации при адаптации романа на русский язык; в рамках постпереводческого анализа качество перевода оценивается с позиций эквивалентности и адекватности.

Ключевые слова: перевод, предпереводческий анализ, переводческий анализ, постпереводческий анализ, олицетворение, переводческие трансформации, Нелл Харпер Ли, «To Kill a Mockingbird».

Abstract

This article examines the quality of the translation of the personifications into Russian in Nell Harper Lee's novel «To Kill a Mockingbird». As part of the pre-translation analysis, the collected linguistic units were divided into typological groups; as part of the translation, the transformations applied by Nora Gal in adapting the novel into Russian were identified and quantified; as part of the post-translation analysis, the quality of translation is assessed from the standpoint of equivalence and adequacy.

Keywords: translation, pre-translation analysis, translation analysis, post-translation analysis, personification, translation transformations, Nelle Harper Lee, «To Kill a Mockingbird».

Олицетворения не только обогащают язык, но и нередко открывают нам путь к пониманию того, как автор воспринимает мир. В «To Kill a Mockingbird» [6] они встречаются с поразительной частотой, что оказывает большое влияние на создание уникальной атмосферы южного городка, а потому нами было проведено исследование, целью которого стал анализ переводческих трансформаций, применённых Норой Галь [3] при адаптации на русский язык олицетворений в этом произведении.

В качестве объекта проведённого нами исследования выступают переводческие трансформации олицетворений в художественном произведении, а предметом исследования является качество перевода олицетворения на русский язык в романе Нелл Харпер Ли «To Kill a Mockingbird» в переводе Норы Галь в рамках постпереводческого анализа. Наша цель – это интерпретация переводческих трансформаций в романе Нелл Харпер Ли «To Kill a Mockingbird» в рамках постпереводческого анализа с точки зрения качества перевода.

В результате случайной выборки мы собрали 62 олицетворения, которые были сгруппированы согласно классификации, включающей в себя анимистические и антропоморфные [5], индивидуально-авторские и языковые [4], а также персонификации предикативные, атрибутивные и в роли наречия [2].

Анализ языкового материала подтвердил, что произведение «To Kill a Mockingbird» содержит все типы персонификации, выделенные в нашей систематизации. Автор активно использует антропоморфные олицетворения (65 %), в олицетворяющий признак которых заложены повадки человека, способность думать и выражать эмоции, не забывая и про анимистические (35 %), делающих из неодушевлённых предметов живые объекты.

Также Харпер Ли предпочитает индивидуально-авторские персонификации (69 %), в которых заложены её собственные, уникальные идеи, устоявшимся языковым (31 %), включающим в себя часто употребляемые выражения с утраченным прямым значением. За счёт обилия глаголов и прилагательных в английском языке олицетворения часто встречаются в предикативных (68 %) и атрибутивных (22 %) конструкциях, где олицетворяющий признак заложен в глаголы, причастия и причастные обороты, в то время как в качестве наречия (10 %) их значительно меньше.

В ходе ознакомления с адаптацией на русский язык романа Харпер Ли «To Kill a Mockingbird», осуществлённым Норой Галь, мы идентифицировали 171 переводческую трансформацию. Анализ собранных единиц выявил, что для перевода персонификаций Нора Галь систематически применяла технические приёмы (42 %) из-за необходимости адаптации английского синтаксиса к русскому языковому контексту.

Лексико-семантические трансформации (30 %) также имели большую важность при работе с олицетворениями. Суть этих трансформаций в том, чтобы подобрать такие слова в языке перевода, которые органично впишутся в контекст и сохранят исходный смысл, даже если не будут являться прямым эквивалентом.

Из-за существенных различий в синтаксисе и построении предложений между языками, а также из-за уникальных языковых конструкций, при переводе на русский язык романа «To Kill a Mockingbird» за авторством Нелл Харпер Ли часто приходится прибегать к грамматическим трансформациям олицетворения (19 %). Лексических трансформаций персонификаций встретилось крайне мало (8 %), а вот лексико-грамматических трансформаций было обнаружено меньше всего (1 %).

Наиболее распространённым техническим приёмом перевода персонификаций в романе «To Kill a Mockingbird» оказалось опущение (61 %), в особенности артиклей и притяжательных местоимений. Приёмы добавления (18 %) и перемещения (21 %) использовались реже, в основном в сочетании с другими переводческими преобразованиями.

Ознакомившись подробнее с группой лексико-семантических трансформаций, мы обнаружили, что Нора Галь при адаптации олицетворений в романе «To Kill a Mockingbird» чаще всего прибегает к модуляции (80 %), чтобы сделать тексты понятнее для русскоязычной аудитории. Например, словосочетание “breeze hit” [6] переводчица адаптировала как «пробегал ветерок» [3] для предания сцене лёгкости и спокойствия. При этом Нора Галь редко использует генерализацию (4 %) или конкретизацию (16 %), поскольку исходные выражения не требуют таких изменений

Примечательно, что среди грамматических трансформаций персонификаций в переводе «To Kill a Mockingbird» изменения в составе членов предложения (46 %) происходят чаще, чем изменения самих частей речи (33 %), в то время как изменений формы слов меньше всего (21 %), поскольку отсутствовала необходимость в изменении числа у существительных или времени у глаголов.

Калькирование (85 %) стало ключевым методом в группе лексических трансформаций при адаптации олицетворений при адаптации «To Kill a Mockingbird» на русский язык благодаря своей простоте и способности эффективно передавать те олицетворения, которые часто встречаются во многих художественных текстах. Отличным примером является словосочетание “moon was rising” [6] («вставала луна» [3]).

Транскрибирование (15 %) же использовалось ограниченно, поскольку лишь в двух случаях оно оказалось незаменимым для перевода имён собственных, в частности названия города “Maycomb” [6] («Мейкомб» [3]).

Как уже было сказано ранее, лексико-грамматические трансформации олицетворения в переводе «To Kill a Mockingbird» Нора Галь почти не использовала. Из-за того, что сложные лексико-грамматические модификации неэффективны для перевода олицетворений, единственным обнаруженным приёмом оказался антонимический перевод.

В рамках постпереводческого этапа мы изучили то, насколько адаптации выбранных языковых единиц из романа Нелл Харпер Ли «To Kill a Mockingbird» соответствуют двум главным принципам перевода, то есть эквивалентности и адекватности. Для этого необходимо ознакомиться с определениями данных понятий.

Согласно учебному пособию В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова эквивалентностью принято считать максимально возможную лингвистическую близость текста перевода к тексту оригинала [1]. Это характеристика, заложенная в тексте перевода самим фактом его создания на основе исходного текста. Адекватностью можно назвать характеристику, выводимую в процессе специального оценивания с учётом условий и требований коммуникативной ситуации, включая ожидания и потребности получателя и/или инициатора перевода, либо непосредственно в процессе использования переводного текста [1]. Это качество перевода, позволяющее эффективно использовать текст перевода в заданных коммуникативных условиях.

Анализ переведённых Норой Галь олицетворений в произведении «To Kill a Mockingbird» показал, что переводчица при работе опиралась на оба принципа, однако соотношение оказалось неравным.

Преобладающим оказался принцип адекватности (76 %), характеризующийся заменой образа или нейтрализацией, необходимость в которых обусловлена либо расхождением языковых норм, либо стремлением к естественности звучания и соблюдению коммуникативных ожиданий русскоязычного читателя. Наиболее часто данный принцип применяется при таких трансформациях, как модуляция, замены части речи или члена предложения,антонимический перевод, конкретизация и приёмы добавления, опущения и перемещения.

В 24 % случаев при переводе романа «To Kill a Mockingbird» Нора Галь придерживалась принципа эквивалентности путём сохранения содержания, образности и грамматической структуры оригинальной языковой единицы. Трансформацией, которая соответствует принципу эквивалентности, является только калькирование.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. — 136 с.

2. Константинова, С. К. Олицетворение в художественном тексте : семантические и грамматические аспекты : специальность 10.02.01 : диссертация на соискание кандидата филологических наук / С. К. Константинова ; Белгородский государственный педагогический университет им. М. С. Ольминского. — Белгород, 1996. – 223 с.

3. Ли, Харпер. Убить пересмешника / Ли Харпер — Москва : Издательство «АСТ», 2013. — 473 с.

4. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов-на-Дону : Издательство «Феникс», 2010. — 263 с.

5. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 151 с.

6. Lee, Harper (1960). To Kill a Mockingbird. – United States : J. B. Lippincott & Co., 285 pag.

УДК 378.1

Лингвистические признаки британского варианта английского языка в художественных текстах в рамках предпереводческого анализа (на примере произведения Клайва Стейплза Льюиса «The Chronicles of Narnia»)

Linguistic Features of British English in literary Texts in the Pre-translation Analysis (on the Example of the Work of Clive Staples Lewis's «The Chronicles of Narnia»)

А. А. Наумкина
студентка
E-mail: aa.naumkina@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. A. Naumkina
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
Research supervisor — E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются признаки британского варианта английского языка на примере произведения Клайва Стейплза Льюиса «The Chronicles of Narnia» в рамках предпереводческого анализа, а также лингвистические особенности данного произведения.

Ключевые слова: Нарния, Льюис, британский вариант английского языка, стилистический прием, лингвистические особенности, предпереводческий анализ.

Abstract

The article examines the features of British English on the example of Clive Staples Lewis's The Chronicles of Narnia as part of a pre-translation analysis, as well as the linguistic features of this work. This article explores the creation of a fabulous Narnia atmosphere.

Keywords: Narnia, Lewis, the British version of English, stylistic device, linguistic features, pre-translation analysis.

Английский язык, будучи глобальным средством общения, имеет множество диалектов и вариантов, каждый из которых обладает своими характерными чертами. Британский вариант английского языка (British English) выделяется среди прочих благодаря своим специфическим лексическим, фонетическим и грамматическим особенностям.

История английского языка началась с трёх германских племён, которые вторглись в Британию в V веке нашей эры. Эти племена — англы, саксы и юты — пришли с территорий нынешней Дании и северной части Германии, преодолев Северное море. В то время жители Британии говорили на кельтском языке, однако захватчики оттеснили кельтов к западным и северным краям острова — по сути, туда, где сейчас расположены Уэльс, Шотландия и Ирландия. Англы называли свою страну «Englaland», а их язык назывался «Englisc» — оттуда и произошли слова «England» и «English» [7, с. 42].

Культурные и исторические особенности Великобритании влияют на восприятие текста читателем и перевод на русский язык [1, 2]. Изучение лингвистических признаков британского варианта английского языка в художественных текстах открывает новые горизонты для понимания не только языка как такового, но и культурных контекстов, в которых он функционирует [7].

Анализ этих особенностей помогает глубже понять авторский стиль, атмосферу произведения и характеры персонажей, что делает чтение более насыщенным и многослойным [6; 7; 8; 9].

К. С. Льюис является выдающимся писателем и ученым, чьи работы сочетают глубокий философский смысл с захватывающим повествованием [5]. Творчество Льюиса продолжает оказывать значительное влияние на литературу и популярную культуру [3].

Умение сочетать религиозные идеи с фантастикой делает его произведения уникальными и многогранными, что позволяет обсуждать их с разных точек зрения. Язык Льюиса наполнен аллюзиями, метафорами и культурными отсылками, что делает его произведения многослойными и требующими внимательного анализа.

К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкин — выдающиеся английские писатели-фантасты середины XX века, близкие друзья и коллеги, сыгравшие ключевые роли в творчестве друг друга [4]. Они познакомились в 1926 году в Оксфорде. Лингвисты отмечают особую литературность и сказочность их творчества [5, с. 101].

В произведении «The Chronicles of Narnia» Клайв Стейплз Льюис стремится создать как можно более понятные и простые образы. Так, автор наделяет своих героев привычной для читателя внешностью обычных животных. И хотя все звери умеют говорить, в их речи превалируют звуки, которые мы слышим от животных нашего мира. Льюис использует прямое звукоподражание — создание самостоятельного слова, в котором сочетание звуков рассчитано на воспроизведение желаемого звука.

Например: «Ho-ho-ho!» he chuckled. «I thought you were all so eager to see Tashlan face to face!» (The Last Battle, Chapter102) — «Хо-хо-хо!», — хихикал он, — я думаю, вы будете в восторге, взглянув на Ташлана лицом к лицу!

«Puss, puss», said Shasta. «I suppose you're not a talking cat» (The Horse and His Boy, Chapter 6) — «Кис-кис-кис!», — неуверенно сказал Шаста. — Ты говорить не умеешь?

«Haa-a-arrh!» roared Aslan, half rising from his throne — «Гр-р-р!» — взревел Аслан, приподнимаясь на задние лапы (The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 13).

«Snip-snip-snip» went the shears and masses of curling gold began to fall to the ground» (The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 14) — «Чик-чик-чик!» — щелкали ножницы, и на землю дождем сыпались золотые завитки.

«S-s-s-sh!» said the Beaver, «not so loud please» (The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 7) — «Ш-ш-ш!», — прошептал бобр, — не так громко, пожалуйста.

Речь Филина похожа на уханье совы: «Tu-whoo, tu-whoo! Who are you two?». «It wouldn't do, wouldn't do, Tu-Whoo! Oh, what a to-do!» (The Silver Chair, Chapter 4).

Кроме того, К. Льюис очень часто использует междометия в речи героев, которые хорошо передают настроение персонажей. Например, замешательство гнома, жителя Нарнии, в разговоре с детьми из нашего мира: «Um-um-yes, to be sure». Или же огорчение гнома от перспективы питаться одними только яблоками: «Apples, heigh-ho» said Trumpkin with a rueful grin (Prince Caspian, Chapter 9). С помощью выразительного междометия автор передает раздражение Мираза, незаконного правителя Нарнии: «King Endmund, pah!» said Miraz (Prince Caspian, Chapter 13).

Так же спонтанно, одним возгласом, выражается недоверие гнома к «военной мощи» Дриад: «Humph!» said the Dwarf.

Речь героев звучит просто и понятна читателю. Звуки природы, треск, шаги — это и многое другое автор изображает с помощью звукописи: «Twang went the string».

Читатель словно слышит, как летит стрела и пронзает яблоко. Таким образом, Сьюзен и гном в книге «Хроники Нарнии: Принц Каспиан» пытаются выяснить, кто из них лучший стрелок. «Twang, twang behind and hiss, hiss overhead came the archery of Dwarfs» (Prince Caspian, Chapter 14).

А в романе «Серебряное кресло» К. Льюис замечательно передает звуки, с которыми в маленьких героев произведения летят тяжелые камни. Читатель словно слышит, как они с грохотом падают на землю: «Then - whizz-whizz-whizz — some heavy object came hurtling through the air, and with a crash a big boulder fell about twenty paces ahead of them. And then-thud! — another fell twenty feet behind» (The Silver Chair, Chapter 11).

Для того чтобы показать, что Нарния — страна древняя, со своими устоями, К. Льюис обогащает речь своих персонажей архаизмами и словами высокого стиля [2]. Это и неудивительно, по замыслу автора, Нарния — это монархия, ею правят короли.

Логично, что их речь насыщена высокопарными выражениями, фразы построены в соответствии с нормами придворного британского этикета: «Peter, by the gift of Aslan, by election, by prescrition, and by conquest, High King over all Kings in Narnia, Emperor of the Lone Islands and Lord of Cair Paravel, Knight of the Most Noble Order of the Lion, to Miraz, Son of Caspian the Eighth, sometime Lord Protector of Narnia and now styling himself King of Narnia, Greeting» (Prince Caspian, Chapter 13). Автор, используя вышеназванные и другие литературные приемы, создает реалистичные образы, чем вызывает безоговорочное доверие читателей.

Данное произведение обладает рядом лингвистических особенностей, которые подчеркивают его уникальность и помогают создать волшебный мир Нарнии. Льюис использует богатый и разнообразный словарный запас, включая архаизмы: «Oh, you’re a beast!». Использование слова «beast!» в этом контексте подчеркивает архаичность и сказочность персонажа, его мощь. Синонимами a beast в британском английском могут выступать: barbarian, monster, ogre, savage, brute, pig, swine, cad.

«Narnia, the land of the great Aslan» Здесь «the great Aslan» звучит как титул, что также добавляет старинный оттенок. А также неологизмы: Telmarines — название расы людей, которые живут в Нарнии, пришедших из другой земли; Dryads — духи деревьев, которые имеют свои особенности и характеристики в мире Нарнии. Эти слова помогают создать уникальный мир и атмосферу, отличные от реального мира (The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 6).

Автор использует The Present Perfect, характерное для британских конструкций, в разговоре героев: «We’ve fallen on our feet and no mistake» (The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 1).

Структура предложений варьируется от простых до сложных, что создает ритм и динамику текста. Иногда используются длинные, описательные предложения, чтобы передать атмосферу или детали сцен: «In the distance, they could see the outline of a great castle, its towers rising high above the landscape, and the sun setting behind it painted the sky in hues of orange and pink, casting a warm glow over everything» (The Silver Chair, Chapter 9).

Часто встречаются риторические вопросы, которые вовлекают читателя и делают текст более интерактивным. Когда Аслан говорит: «Is it so? Is it true?» — этот вопрос подчеркивает важность выбора и веры персонажей; «How can we fight against such evil?» — этот вопрос отражает сомнения и страх персонажей перед лицом мощного врага (The Magician's Nephew, Chapter 9).

Диалоги персонажей разнообразны по стилю и регистру, что помогает выделить их индивидуальность и социальный статус. Использование диалектов и акцентов, например, у животных или мифических существ, добавляет колорита и подчеркивает различия между персонажами: речь Мистера Тумнуса полна поэтических выражений и архаизмов. Например, «I beg your pardon. I'm afraid I'm not very good at the sort of thing you are talking about». По мнению А. А. Тюхановой, на данный момент в переводоведении нет четких методов перевода архаизмов. Однако ученые выделяют эквивалент и функциональный аналог как наиболее подходящие способы перевода архаизмов с английского языка на русский язык [7, с. 102].

The Dwarfs (like Trumpkin): дворфы говорят с более грубым и прямолинейным акцентом, часто используя разговорные фразы: «Don't be a fool, you lot!» (The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 2). Разговорный стиль, являясь одним из функциональных стилей литературного языка, выполняет его основную функцию – общение. Особое внимание на себя обращает дифференциация лексики данного стиля. Н. И. Гез, характеризуя разговорный регистр, относит к нему как лексику нейтрального или общеупотребительного стиля, так и слова с эмоционально экспрессивной окраской (ласкательные, бранные, иронические, шутливые и т. д.) [2, с. 20].

Также Льюис активно использует метафоры: «Always winter, but never Christmas» — эта метафора передает чувство безысходности и отсутствие радости; «The river flowed swiftly, carrying away the past» — эта метафора намекает на то, что время неумолимо движется вперед, и изменения неизбежны (The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 2).

Льюис был британским писателем, и его язык, стиль и культурные отсылки отражают британскую традицию и британскую историю. Поэтому, в этом произведении можно выделить несколько лингвистических признаков британского варианта английского языка. Он использует слова, которые могут отличаться от американских аналогов. Например, слово «torch». Оно чаще используется в британском английском и означает «ручной факел» или «фонарь на батарейках» (primarily British English for a portable, battery-powered hand lamp, whereas American English uses the term «flashlight»). «Biscuit» в значении «печенье». В американском английском для обозначения того же продукта используется слово cookie.

К. С. Льюис в речи персонажей часто применяет архаизмы и слова высокого стиля, в том числе фразы, построенные в соответствии с нормами придворного этикета. Это связано с тем, что по замыслу автора Нарния — древняя страна, где правят короли. Архаизмы и слова высокого стиля помогают создать колорит старины и подчеркнуть разницу между обыденным миром и миром волшебства.

Например, «Dearest daughter», said Aslan, planting a lion's kiss on her twitching, velvet nose, «I knew you would not be long in coming to me»; «To the glistening Eastern sea, I give you Queen Lucy, the Valiant. To the great Western Wood, King Edmund the Just. To the radiant Southern sun, Queen Susan, the Gentle; and to the clear Northern sky I give you King

Peter, the Magnificent. Once a king or queen of Narnia, always a king or queen. May your wisdom grace us 'til the stars rain down from the heavens»; «Peter, by the gift of Aslan, by election, by prescrition, and by conquest, High King over all Kings in Narnia, Emperor of the Lone Islands and Lord of Cair Paravel, Knight of the Most Noble Order of the Lion, to Miraz, Son of Caspian the Eighth, sometime Lord Protector of Narnia and now styling himself King of Narnia, Greeting». (Prince Caspian, Chapter 10,13; The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 17).

В произведении присутствуют титулы и обращения — «Your Majesty», «Sir», «Prince»:

«Have you pen and ink, Master Doctor?» — «A scholar is never without them, your Majesty»; 23 «Do you feel yourself sufficient to take up the Kingship of Narnia?» — « I don't think I do, Sir»; «Welcome, Prince, said Aslan». Эти примеры подчеркивают формальный стиль и вежливость, которые Льюис использует в диалогах (Prince Caspian, Chapter 13,14,15).

Тематика и культурные отсылки произведения основаны на английской мифологии и фольклоре. Льюис использует персонажи английской мифологии, в произведении живут феи, тролли и другие мифические существа.

Например, образы фавнов перекликаются с традиционными английскими сказаниями: «He was only a little taller than Lucy herself and he carried over his head an umbrella, white with snow. From the waist upwards he was like a man, but his legs were shaped like a goat’s (the hair on them was glossy black) and instead of feet he had goat’s hoofs. He also had a tail. He had a red woollen muffler round his neck and his skin was rather reddish too. He had a strange, but pleasant little face, with a short pointed beard and curly hair, and out of the hair there stuck two horns, one on each side of his forehead. He was a Faun» (The Lion, the Witch and the Wardrobe, Chapter 1).

Действие книги начинается в период Второй мировой войны, когда дети эвакуируются из Лондона в сельскую местность («This story is about something that happened to them when they were sent away from London during the war because of the air-raids. They were sent to the house of an old Professor who lived in the heart of the country, ten miles from the nearest railway station and two miles from the nearest post office»). Это отражает реальную историю Великобритании того времени, когда многие семьи были вынуждены покинуть города из-за бомбардировок.

В данном произведении есть множество элементов, связанных с британскими праздниками и обычаями, например, Рождество и связанные с ним традиции. Появление «Father Christmas» (The Lion, the Witch and the Wardrobe) подчеркивает важность Рождества как культурного события.

Заслуживают особого внимания архитектура и описания природы данного произведения. Описание домов, замков и природных ландшафтов напоминает о типичной британской архитектуре и сельской местности. Замок Каспиана («The castle stood proudly on the edge of a high cliff, overlooking the lush valleys and forests of Telmar. Its strong stone walls, weathered by time, were adorned with banners that fluttered in the breeze, showcasing the emblem of the rightful king. Tall towers reached towards the sky, and the castle's battlements provided a commanding view of the surrounding lands») или леса вокруг Нарнии («The forest surrounding Narnia is a magical and enchanting place, filled with ancient trees that stretch high into the sky, their leaves whispering secrets in the wind. Sunlight filters through the dense canopy, creating a dappled pattern on the forest floor, which is carpeted with vibrant moss and colorful wildflowers. The air is rich with the scent of pine and earth, and the sounds of chirping birds and rustling leaves create a symphony of nature. Streams and brooks meander through the woods, their crystal-clear waters sparkling in the sunlight») создают волшебную атмосферу английского пейзажа.

Произведение «The Chronicles of Narnia» является ярким примером использования британского варианта английского языка, что проявляется в различных аспектах, включая лексические, грамматические и стилистические особенности. Произведение К. С. Льюиса демонстрирует богатство и разнообразие языка, а также его связь с культурным контекстом, что делает его важным объектом для лингвистического анализа.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. – 136 с.

2. Белова, А. И. К вопросу о переводе стилистически маркированных единиц: перевод стилистически сниженной лексики / А. И. Белова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 19–23. – EDN EFVJAC.

3. Дроздова, Н. А. Лингвостилистические особенности текста в жанре фэнтези / Н. А. Дроздова // Студенческая наука и XXI век. – 2015. – № 12. – С. 310–312. – EDN VFYWYN.

4. Родина, М. В. Античные образы на страницах нарнийского цикла К. С. Льюиса // Science Time. – 2016. – № 11 (35). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/antichnye-obrazy-na-stranitsah-narniyskogo-tsikla-k-s-lyuisa (дата обращения : 01.04.2026).

5. Тюханова, А. А. Перевод архаизмов в произведении Дж. Р. Р. Толкина «The Hobbit, or there and back again» на русский язык / А. А. Тюханова, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 100–106. – EDN CEYFII.

6. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.] ; под ред. В. Н. Степанова ; Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. — 256 с.

7. Региональная и социальная вариативность изучаемого языка / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2018. – 104 с. – ISBN 978-5-93002-369-5. – EDN ADANMT.

8. Хроники Нарнии // Большая российская энциклопедия : сайт. — URL : https://bigenc.ru/c/khroniki-narnii-3e81a0 (дата обращения : 10.03.2026).

9. Hardy E. B. Milton, Spenser and the Chronicles of Narnia. Literary Sources for the C. S. Lewis Novels. McFarland & Company, 2007.

УДК 378.1

Качество перевода фразеологизмов в художественных текстах (на примере романа Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher In The Rye»)

The Quality of Translation of Phraseologisms in Literary Texts (Using the Novel «The Catcher In The Rye» By Jerome David Salinger as an Example)

А. С. Наумченкова
студентка
E-mail: as.naumchenkova@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovVN@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. S. Naumchenkova
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуются фразеологизмы в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» в рамках предпереводческого, переводческого и постпереводческого анализа. Описаны лингвистические признаки, использованные при переводе на русский язык трансформации, соответствие перевода принципам качества — адекватности и эквивалентности.

Ключевые слова: Джером Дэвид Сэлинджер, роман «The Catcher in the Rye», фразеологизмы, перевод, предпереводческий анализ, переводческий анализ, постпереводческий анализ, переводческие трансформации.

Abstract

The article examines phraseological units in Jerome David Salinger's book «The Catcher in the Rye» within the framework of pre-translation, translation and post-translation analysis. It describes the linguistic features of phraseological units, its transformation via translation into Russian, the translation's compliance with principles of quality — equivalence and adequacy.

Keywords: Jerome David Salinger, «The Catcher in the Rye», phraseologism, translation, pre-translation analysis, translation analysis, post-translation analysis, translation transformations.

Исследование посвящено анализу качества перевода фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] на русский язык [3].

Актуальность темы заключается в том, что в современной лингвистике проблема перевода фразеологизмов занимает особое место, так как данные языковые единицы являются своеобразным отражением менталитета и культуры народов [1].

Перевод фразеологизмов требует особой тщательности, у переводчиков не всегда получается точно передать их значение на другом языке.

Объектом исследования служат переводческие трансформации фразеологизмов в художественном произведении. Предмет исследования ─ качество перевода фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] в рамках постпереводческого анализа. Цель исследования – систематизация переводческих трансформаций фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] в рамках предпереводческого, переводческого и постпереводческого анализа. Источником языкового материала стали роман Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] и его перевод, выполненный Ритой Райт-Ковалёвой [3].

В процессе предпереводческого анализа 32 языковые единицы были рассмотрены с точки зрения стилистической, семантической и морфологической классификаций.

В рамках стилистической классификации фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] наибольший процент составили разговорные фразеологизмы (66 %), это объясняется тем, что главным действующим лицом романа является подросток, для того чтобы передать жизненную картину мира юноши, автор использовала данный стиль [2].

На втором месте представлены межстилевые фразеологизмы (31 %): в романе Сэлинджера упомянутый тип единиц чаще всего используется для описания эмоциональной окраски поведения персонажа. В романе Джерома Дэвида Сэлинджера обнаружен всего один книжный фразеологизм (3 %).

При изучении фразеологизмов с точки зрения семантики выделены фразеологические сочетания (42 %), данный тип фразеологических единиц позволяет заменять один компонент внутри словосочетания, благодаря этому эти единицы являются универсальными. По частотности фразеологические единства стоят на втором месте (39 %), на третьем месте – фразеологические сращения (19 %).

С морфологической точки зрения доля глагольных фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] составляет 50 %, адъективные фразеологизмы занимают второе место (38 %), на третьем месте — адвербиальные фразеологизмы (6 %), на последнем месте — субстантивные и междометные фразеологизмы (3 %).

В ходе проведения переводческого анализа, фразеологизмы были проанализированы на наличие переводческих трансформаций по следующим группам: комплексные, технические, лексические, грамматические.

В результате переводческого анализа выявлено 98 единиц переводческих трансформаций в 32 фразеологизмах в переводе романа Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] на русский язык [3].

Целостное преобразование при переводе фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] на русский язык [3] используется чаще всего (53 %), на втором месте по частотности стоит переводческий приём компенсации (42 %), комплексные трансформации позволяют сделать русскоязычный текст лёгким для восприятия читателя, меньшую долю среди них составляет экспликация (5 %).

Особое место при переводе фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] на русский язык [3] занимают технические трансформации, значительную долю занимает добавление (60 %), затем — приём опущения (30 %), меньшую долю занимает приём перемещения (10 %).

При переводе фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] на русский язык [3] использовались лексические трансформации, в том числе конкретизация (50 %) и калькирование (38 %). Применение данных трансформаций при переводе фразеологизмов на русский язык можно объяснить желанием переводчика сделать текст более понятным для читателей. При переводе использовались также генерализация и модуляция, соответственно 8 % и 4 %, транслитерация и транскрипция при переводе фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] на русский язык [3] отсутствуют.

Из приёмов грамматических трансформаций, использованных при переводе фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] на русский язык [3], встретились грамматические замены (71 %) и синтаксическое уподобление (29 %).

В ходе постпереводческого анализа установлено, что перевод фразеологизмов в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» [4] на русский язык [3] соответствует обоим принципам качества перевода с преобладанием принципа адекватности (78 %), при этом переводчик Рита Райт-Ковалёва стремилась максимально адаптировать текст для лёгкости восприятия русского читателя, при этом сохраняя смысл оригинальных высказываний. Фразеологизмов, перевод которых соответствует принципу эквивалентности, значительно меньше (22 %), что связано с невозможностью максимально приблизить перевод устойчивых англоязычных конструкций к языку оригинала.

Действие принципа адекватности в переводе фразеологизмов проявляется в использовании целостного преобразования (23 %), добавления (18 %), компенсации (16 %), конкретизации (13 %), опущения (11 %), калькирования (7 %), грамматической замены (5 %), генерализации (3 %), модуляции (1 %), экспликации (1 %), перемещения (1 %). Эквивалентность перевода проявляется в калькировании (18 %), компенсации (18 %), добавлении (18 %), целостное преобразование (14 %), перемещение и конкретизация представлены в равных долях (9 %), грамматическая замена (5 %), синтаксическое уподобление (5 %), опущение (4 %).

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. — 136 с. — ISBN 978-5-93002-408-1 // Лань : электронно-библиотечная система. — URL : https://e.lanbook.com/book/454172 (дата обращения : 25.03.2026).

2. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.] ; под ред. В. Н. Степанова ; Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль: Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. — 256 с.

3. Ковалёва, Р. Р. Над пропастью во ржи / Р. Р. Ковалёва. — Москва : Эксмо, 2022. — 272 с.

4. Jerome, D. S. The Catcher in the Rye / D. S. Jerome. — Санкт-Петербург : Антология, 2016. — 288 с.

УДК 81.42

Архетип «псевдоэксперта»: роль речевых ошибок в создании комических персонажей в кино и анимации

The «Pseudoexpert» Archetype: the Role of Speech Errors in Creating Comic Characters in Films and Animation

В. А. Нечаева
студентка
E-mail: vikainfo16@gmail.com
Т. Н. Жильцова
старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и медиакоммуникаций
E-mail: TaNZhiltsova@fa.ru
Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
V. A. Nechaeva
Student
T. N. Zhiltsova
Senior lecturer of the Department State and Municipal Administration and Mediacommunications
Yaroslavl branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Аннотация

В статье рассматривается роль речевых ошибок – малапропизмов и окказионализмов – в создании архетипа «псевдоэксперта» в кино и анимации. На примере персонажей Биффа Таннена (из трилогии «Назад в будущее») и чайки Скаттла (из мультфильма «Русалочка») демонстрируются два типа реализации данного архетипа: агрессивный и наивно-познавательный. Выявлено, что малапропизмы и окказионализмы являются не случайными оговорками, а системными средствами речевой характеристики, визуализирующими конфликт между самооценкой персонажа и его реальной компетентностью.

Ключевые слова: малапропизм, окказионализм, речевая характеристика, архетип, псевдо-эксперт, лингвистика в кинематографе.

Abstract

The article examines the role of speech errors – malapropisms and occasionalisms – in creating the «pseudoexpert» archetype in film and animation. The characters of Biff Tannen (from film trilogy «Back to the Future») and the seagull Scultte (from cartoon «The Little Mermaid») demonstrate two versions of this archetype: aggressive and naively inquisitive. It is revealed that malapropisms and occasionalisms are not random slips of the tongue, but systemic tools of speech characterization that visualize the conflict between a character's self-esteem and their actual competence.

Keywords: malapropism, occasionalism, speech characterization, archetype, pseudo-expert, linguistics in cinema.

Речевая характеристика является одним из наиболее эффективных инструментов изображения героя в арсенале сценариста, так как помогает лучше раскрыть образ персонажа, подчеркнуть его индивидуальность, черты характера, принадлежность к определенной социальной группе и т. п. Особый интерес представляют случаи, когда речь действующего лица не просто отражает его социальный статус, а прямо указывает на ключевую черту характера – самоуверенность, основанную на невежестве.

В данном исследовании рассматривается роль специфических речевых ошибок – малапропизмов и окказионализмов – в формировании архетипа «псевдоэксперта» в кино и анимации.

Малапропизм (от фр. mal à propos – «невпопад») – это семантическая ошибка, при которой слово заменяется на схожее по звучанию, но иное по значению [1, с. 223]. Окказионализм (от лат. occasionalis – «случайный») – авторский неологизм, созданный для конкретной ситуации и понятный только в её контексте [1, с. 284]. Архетип «псевдоэксперта» определяется как комический персонаж, который с показной уверенностью выдаёт себя за знатока, но на деле демонстрирует невежество, не осознавая своих ошибок. Появление данного архетипа является прямым следствием новых жизненных реалий на «коллективном Западе», турбулентности и непредсказуемости повседневности [4, с. 181–182]. Наиболее яркими носителями этого архетипа являются Бифф Таннен из кинотрилогии «Назад в будущее» и чайка Скаттл из мультфильма «Русалочка». При общем комическом эффекте они представляют собой две различные версии «псевдоэксперта»: агрессивную (Бифф) и наивно-познавательную (Скаттл).

Бифф Таннен – классический пример агрессивного «псевдоэксперта». Его социальное доминирование строится на запугивании, а попытки казаться умнее приводят к характерным малапропизмам. Его коронная фраза «Make like a tree and get out of here» представляет собой искажение оригинального выражения «Make like a tree and leave». Смысл заключался в игре слов: leave (уходить) созвучно leaf (лист). Бифф заменяет простое «leave» на грубое «get out of here», что полностью соответствует его роли агрессивного хулигана [2]. Комический эффект от фигуры Биффа усиливается его склонностью к использованию оскорбления «butthead» (в переводе – «тупица»). Эта лексическая особенность достигает своего апогея в его знаменитой фразе, обращенной к самому себе в будущем: «Who are you calling butthead, butthead?». Это доводит его речь до абсурда. Бифф, будучи воплощением «butthead», использует это оскорбление как зеркало, в котором узнает себя, но тут же отрицает.

Таким образом, малапропизмы в речи Биффа Таннена выступают не как случайные оговорки, а как системный элемент его портрета. Они визуализируют конфликт между его стремлением к доминированию и интеллектуальной ограниченностью, что и провоцирует зрительский отклик в форме комического презрения.

Чайка Скаттл, напротив, демонстрирует наивно-познавательную сторону архетипа. Его самоуверенность проявляется не в искажении существующих знаний, а в создании собственной языковой реальности – окказионализмов. Найденная вилка становится «dinglehopper» («вихрочупчик») – инструментом для укладки волос, а курительная трубка – «snarfblatt» («дудель»), музыкальным инструментом. Анализ этимологии этих слов показывает, что они не случайны: «dinglehopper» сочетает «dingle» (нечто маленькое и торчащее) и «hop» (прыгать). Получается, что вилка стала «инструментом с торчащими штуками, которыми можно делать забавные укладки волос». А «snarfblatt» соединяет в себе реальное слово «snarf» (рычание). По всей видимости, оно было выбрано благодаря звукам, которые издавала курительная трубка. Это не просто оговорки, а целая система ложных умозаключений, преподносимая с пафосом первооткрывателя [3]. Следовательно, Скаттл создает новые речевые обороты, чтобы объяснить и систематизировать мир в рамках своего невежества. Он проявляет свою самоуверенность, как творческий дилетант. Скаттл вызывает улыбку и симпатию, оставаясь при этом ярким представителем архетипа «псевдоэксперта».

Подводя итог, следует отметить, что малапропизмы и окказионализмы выполняют различные художественные задачи при создании одного архетипа. Бифф через ошибки разрушает существующий языковой код, пытаясь присвоить себе авторитет, что вызывает у зрителя комическое презрение. Скаттл же создаёт новый, чтобы объяснить мир в рамках своего невежества, что вызывает симпатию. Обоих персонажей объединяет аб-

солютная, некритичная уверенность в своей правоте, делающая их классическими «псевдоэкспертами». Речевые ошибки выступают не случайностью, а системным маркером, визуализирующим конфликт между самооценкой персонажа и реальностью и помогающим зрителю глубже понять образы героев.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. Назад в будущее – 2: [фантастический художественный фильм] / реж. Р. Земекис ; сценарий Р. Земекис, Б. Гейл ; оператор Д. Карбонер ; композитор А. Сильвестри ; в ролях: М. Дж. Фокс, К. Ллойд, Л. Томпсон, Т. Уилсон. – США : Universal Pictures, 1989.

3. Русалочка [мультипликационный фильм] / режиссеры Р. Клементс, Д. Маскер. – США : Walt Disney Pictures, 1989.

4. Милосердова, Е. Е. Язык политической риторики в медиапространстве Евросоюза (на материале грандов европейской журналистики) / Е. Е. Милосердова, В. И. Пефтиев // Язык и действительность : сборник статей по итогам Второй международной конференции. Материалы научной сессии, Москва, 15–16 марта 2017 года / составители И. В. Харитонова, Г. В. Беликова, Е. Е. Беляева [и др.]. — Часть 2. – Москва : ООО «Издательство «Спутник+»«, 2017. – С. 181–184. – EDN ZCEGVV.

УДК 801.316.4

Англоязычный слоган рекламного дискурса: лингвопрагматические особенности и переводческие решения его передачи на русский язык

English Advertising Discourse Slogan: Lingua-pragmatic Features and Translation into Russian

А. А. Новоселова
студент
E-mail: likanova244@gmail.com
В. Н. Бабаян
доктор филологических наук
профессор кафедры теории и практики перевода
E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
A. A. Novoselova
Student
V. N. Babayan
Doctor of Philology
Professor of the Theory and Practice of Translation Department
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей текста-слогана англоязычного рекламного дискурса, трудностей и специфики его перевода на русский язык. В статье приведены ключевые определения понятий «рекламный дискурс» и «рекламный слоган», их основные характеристики, функции и задачи. Целью работы является исследование лингвопрагматических особенностей рекламного дискурса и выявление переводческих

трансформаций для адекватной передачи текстов-слоганов англоязычной рекламы на русский язык. Эмпирическим материалом исследования послужили англоязычные рекламные тексты-слоганы и их русскоязычный перевод. Выявлены основные переводческие трансформации, проведен анализ частотности их использования при передаче текстов-слоганов англоязычной рекламы на русский язык.

Ключевые слова: англоязычная реклама, рекламный дискурс, текст-слоган, лингвопрагматические особенности, переводческие трансформации.

Abstract

The article studies the English advertising slogans lingua-pragmatic characteristics the translation into Russian. The definitions of the «advertising discourse» and «slogan» notions and their principal characteristics, functions and purposes are considered. The aim of the work is to study the lingua-pragmatic characteristics of the English advertising discourse slogans and the most frequently used transformations for their adequate translation into Russian. The empirical material presents the English advertising slogans and their Russian translations. As a result the most frequently used translation transformations are revealed, and the analysis of their use in translating English advertising slogans into Russian is provided.

Keywords: English advertising, advertising discourse, slogan, lingua-pragmatic features, translation transformations.

Рекламный дискурс представляет собой особый тип дискурса и является объектом исследований различных гуманитарных дисциплин: социологии, современного языкознания, теории коммуникации, психолингвистики, социолингвистики, функциональной лингвистики, дискурс-анализа и др. Различными аспектами рекламного дискурса и его компонентов занимаются многие исследователи [2; 4; 7; 10; 13; 18; 20]. По мнению В. Н. Степанова, рекламный дискурс провоцирует адресата на важные когнитивные, рефлексивные, эмотивные и интерпретационные процессы, которые обеспечивают его поведенческие реакции [15, с. 76].

Рекламный дискурс раскрывает основное содержание рекламного текста-слогана. Слоган представляет рекламный девиз: краткая, яркая, экспрессивно окрашенная фраза, призванная запоминаться и служить как бы репрезентантом определенной фирмы или товара [6, с. 278]. Задача рекламного слогана рекламного дискурса заключается в том, чтобы своим внешним видом, заголовком, особыми средствами всех уровней языковой иерархии привлечь внимание адресата как потенциального покупателя, разъяснением заинтересовать и заключением убедить купить предлагаемый товар или услугу [3; 5].

Цель представленного исследования заключается в выявлении, систематизации и обобщении переводческих трансформаций, способствующих более качественному переводу англоязычного рекламного текста-слогана на русский язык. В настоящей работе в качестве эмпирического материала выступают рекламные тексты-слоганы известных международных брендов, изначально представленные на английском языке и переведённые на русский. Исследуемый материал включает 50 контентов текстов-слоганов, охватывающих широкий спектр товарных категорий – от продуктов питания и напитков до автомобилей, косметики и цифровых технологий.

Прежде чем приступить к анализу англоязычных текстов-слоганов, считаем важным заметить, что различными языковыми проблемами и вопросами перевода занимаются многие современные исследователи [1; 8; 9; 11; 12; 14; 16; 17, 19].

В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа выяснилось, что одной из самых распространённых трансформаций в рекламном переводе является смысловое развитие, предполагающее раскрытие исходного смысла текста-слогана с добавлением ассоциативного ряда, более привычного и понятного русскоязычному потребителю. Так, например, англоязычный текст-слоган “The taste of paradise” (Bounty) на русский язык передан как «Райское наслаждение».

В данном слогане лексема “taste” («вкус») заменена на более обобщённое слово «наслаждение», что усиливает эмоциональную окраску слогана.

В другом примере – “Drive Your Dreams” (Toyota), переведённом как «Управляй мечтой», глагол “drive” дословно переведен глаголом «вести», однако, как видим, в русском варианте используется глагол «управляй», создающий метафору сознательного контроля над мечтой, тем самым усиливая мотивационную составляющую. Таким же образом в слогане “Rich, caring and never lets me down. My lips have fallen in love!” (L’Oréal) используется развернутая эмоциональная фраза «Дарит мне роскошь… Еще и блеск… Мои губы влюбились с первого взгляда!». Отметим, что здесь не только раскрыт смысл слова “rich” и выражения “never lets me down”, но и добавлена эмоциональная экспрессия, которая отсутствует в оригинальном тексте-слогане.

Другой трансформацией, используемой часто при передаче англоязычных текстов-слоганов на русский язык, оказался буквальный перевод. Так, как видим, в тексте-слогане “Carlsberg – probably the best lager in the world” переданы все лексемы оригинала рекламного дискурса без каких-либо потерь «Carlsberg, пожалуй, лучшее пиво в мире», даже сохранен порядок слов оригинала в переводе. Таким же образом в англоязычном тексте-слогане “Power, style and efficiency” (Toyota) русскоязычный перевод «Мощность, стиль и эффективность» демонстрирует прямую лексическую трансляцию всех трёх лексем-существительных без каких-либо дополнительных смысловых изменений.

Дословно передан так же и англоязычный текст-слоган “The choice is clear: Clarisonic” – «Выбор очевиден – это Clarisonic». Как видим, структура и семантика перевода рекламного текста-слогана полностью совпадают с его оригиналом. Это подтверждает, что при достаточной универсальности формулировок буквальный перевод может быть эффективным.

Грамматическая трансформация часто применяется для перестройки синтаксиса и приведения англоязычного текста-слогана к нормам русского языка. Так, слоган «Open Happiness» (Coca-Cola) в оригинале выражен в форме повелительного наклонения, в то время как русский вариант «Откройся счастью» использует возвратный глагол и грамматическую модификацию, что делает фразу более метафоричной и философской.

В случае с текстом-слоганом “Wireless. Effortless. Magical.” (AirPods) следует отметить, что анализируемая фраза построена из трёх прилагательных «Никаких проводов. Никаких сложностей. Чистая магия», где первые два прилагательных с отрицательным значением (образованы посредством прибавления отрицательного суффикса -less к именам существительным wire и effort) преобразованы в именные отрицательные конструкции русского языка, а третье прилагательное имеет положительное значение (образовано прибавлением суффикса -al к имени существительному magic).

В ряде случаев используется модуляция, когда смысл англоязычного текста-слогана при переводе сохраняется, но передаётся через иное логико-семантическое выражение. Так, например, текст-слоган “Live for now” (Pepsi) переведён как «Живи здесь и сейчас». Смысл «жизни ради настоящего момента» расширен до конкретного временного указания, более привычного русской фразеологии.

В случае с текстом-слоганом “More horses. Fewer seconds.” (Audi), переведённом на русский язык как «Больше мощность, быстрее разгон», под “horses” подразумевается “horsepower” (лошадиные силы), что, на наш взгляд, переведено корректно как «больше мощность», а выражение “fewer seconds” передано как «быстрее разгон». В данном примере замечаем модуляцию единиц измерения в терминологию, близкую русскоязычному потребителю.

Ещё один пример использования приема модуляции – текст-слоган “The Ultimate Driving Machine” (BMW), переданный на русский язык как «Идеальная машина для вождения». Как видим, в приведенном примере текста-слогана имя прилагательное “ultimate” на русский язык не переведено буквально («предельный»), а интерпретировано

в прилагательное «идеальная», что считаем правильным переводческим решением, поскольку текст-слоган звучит более адекватно и соответствует стилистическим нормам языка перевода. Следует подчеркнуть, что прием антонимического перевода при передаче текста-слогана на другой язык встречается гораздо реже. Так, в тексте-слогане “Gillette. The best a man can get”, который буквально переводится как «Лучшее, что может получить мужчина», видим перевод как «Лучше для мужчины нет». Заметим, что в данном случае англоязычный текст-слоган представлен положительной конструкцией, а его принятый русскоязычный вариант представляет отрицательную конструкцию и при этом более лаконично передает смысл оригинального текста-слогана.

Для передачи англоязычных текстов-слоганов рекламного дискурса на русский язык также применяется прием конкретизации, когда обобщённое выражение оригинала заменяется на более точное и релевантное [16, с. 42]. Так, например, в слогане “Take a break, have a Kit Kat” переведенного как «Сделай перерыв, съешь Кит Кат» (Kit Kat), глагол “have” в русском тексте конкретизирован как «съешь».

В случае с текстом-слоганом англоязычного рекламного дискурса “We work – you play”, переведенного на русский язык как «Мы работаем – вы отдыхаете» (Indesit), отметим, что глагол “play” в тексте оригинала может означать и «играть», и «развлекаться», но в русском переводе используется выражение «вы отдыхаете», что более понятно и отвечает нормам русского языка.

Адаптация позволяет полностью переосмыслить форму текста-слогана с сохранением основной идеи, особенно когда оригинальный текст содержит культурные реалии или игру слов. Примером может служить текст-слоган “You’re not you when you’re hungry. Get some nuts” (Snickers), который на русский язык передан как «Ты не ты, когда голоден. Не тормози. Сникерсни!». Следует отметить, что в русской версии текста-слогана появляется неологизм «сникерсни», представляющий глагол в повелительном наклонении. Это адаптированный под нормы русского языка глагол, вызывающий эмоциональный отклик.

Англоязычный текст-слоган рекламного дискурса “Maybe she’s born with it. Maybe it’s Maybelline” преобразован в «Все в восторге от тебя, а ты – от Maybelline». Как видим, логика противопоставления в переводном тексте сохранена, однако его структура полностью изменена.

Компенсация – прием перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе, передаются в тексте перевода иными языковыми средствами [16, с. 52].

В тексте слогане англоязычной рекламы “Melts in your mouth, not in your hands” (M&M’s) замена «рук» на «жару» не буквальна, но рифма «тает во рту, а не в жару» придаёт эффект звучности и культурной релевантности.

Еще один пример англоязычного рекламного текста-слогана “iThink, therefore iMac” (Apple). В анализируемом тексте-слогане наблюдаем игру слов, а также аллюзию на философское высказывание «Я мыслю, значит, я пользуюсь Mac», что создаёт аналогичный эффект.

Описательный перевод (экспликация) – лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица заменяется словосочетанием, раскрывающим ее значение [16, с. 51]. Описательный перевод (экспликация) применяется в случае, когда буквальная передача текста невозможна без утраты смысла.

Англоязычный текст-слоган рекламного дискурса “The exclusive lounge” (Tata Indigo XL) передан на русский язык как «Исключительное место для отдыха». Здесь, как видим, представленный русскоязычный перевод является расширенной формулировкой, удачно раскрывающей идею комфорта. В англоязычном тексте-слогане рекламного дискурса “Explore the city limits” (Opel), на русский язык переведенного как «Откройте для себя городские джунгли», английская метафора city limits (букв. «границы города») за-

менена на выражение «городские джунгли», что придаёт русскоязычному тексту-слогану образную яркость и создает ассоциации с драйвом и приключением.

Результаты количественного анализа, проведенного в настоящей работе, показали, что наиболее часто применяемой переводческой трансформацией при передаче англоязычных текстов-слоганов рекламного дискурса на русский язык выступает смысловое развитие (28 % контекстов). Следует отметить, что данный переводческий приём используется для адаптации оригинального сообщения к культурным, языковым и прагматическим особенностям целевой русскоязычной аудитории. Второе место среди переводческих трансформаций перевода текста-слогана занимает буквальный перевод (24 %), который способствует сохранению ключевых элементов и их порядка в структуре предложения, а также стилистики текста-слогана рекламного дискурса. Далее следуют грамматическая трансформация (17 %), модуляция (12 %), описательный перевод (10 %) и антонимический перевод (5 %). Как выяснилось по результатам предпринятого исследования, менее распространены такие приемы перевода, как компенсация (3 %) и конкретизация/генерализация (1 %).

Таким образом, на основе вышеизложенного теоретического материала и результатов проведенного сравнительно-сопоставительного анализа англоязычных текстов-слоганов и их перевода на русский язык приходим к выводу о том, что выбор переводческой трансформации определяется не только лексическими особенностями, но и необходимостью учета культурных кодов, коммуникативных задач и эстетических предпочтений аудитории. Применение таких приёмов, как смысловое развитие, модуляция, компенсация и грамматическая трансформация, обеспечивает создание ярких и эффективных рекламных сообщений, сохраняющих оригинальную идею и воздействующий потенциал текста-слогана рекламного дискурса.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Лакуна-реалия – безэквивалентная языковая единица: переводческий аспект / В. Н. Бабаян // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов X Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 22–23 мая 2024 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. – С. 55–62.

2. Бабаян, В. Н. Англоязычный рекламный дискурс: лингвопрагматический, стилистический и семантический аспекты / В. Н. Бабаян // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : сборник научных материалов Международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2025 года. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2025. – С. 55–72.

3. Бабаян, В. Н. О некоторых лингвостилистических и прагматических особенностях англоязычного рекламного дискурса / В. Н. Бабаян // Смоленский медицинский альманах. – 2025. – № 1-1. – С. 20–24.

4. Груздева, Е. А. О некоторых языковых особенностях текстов англоязычной рекламы / Е. А. Груздева // Молодая наука – 2011 : сборник материалов Второй региональной научной конференции студентов и аспирантов, Ярославль, 20–27 марта 2011 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2011. – С. 88–90.

5. Круглова, С. Л. Текст и дискурс / С. Л. Круглова, В. Н. Бабаян // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии: межвузовский сборник научных трудов / Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. –

Высшая школа русской филологии и культуры. – Центр теории и практики речевой коммуникации. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2002. – С. 32–37.

6. Крылова, О. А. Лингвистическая стилистика. – В 2 кн. – Кн. 1. – Теория : учебное пособие. – М. : Высшая школа, 2006. – 319 с.

7. Купцов, А. Е. Фразеологические единицы английского и русского языков с компонентом-соматизмом: лингвопрагматический, структурный и семантический аспекты / А. Е. Купцов, В. Н. Бабаян // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 16–17 мая 2025 года. – Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2025. – С. 365–374.

8. Купцов, А. Е. О выразительных, эмоционально окрашенных и аксиологических языковых средствах современного английского языка / А. Е. Купцов, В. Н. Бабаян // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : сборник научных материалов международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2024 года. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2024. – С. 99–109.

9. Мельникова, К. А. О лексикографических аспектах перевода / В. Н. Бабаян, К. А. Мельникова // Актуальные проблемы профессионального образования в республике Беларусь и за рубежом : материалы X Международной научно-практической конференции, Витебск, 16 декабря 2022 года / Витебский филиал Международного университета «МИТСО». – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2022. – С. 218–221.

10. Мельникова, К. А. Основные способы реализации вторичной номинации в медиадискурсе / В. Н. Бабаян, К. А. Мельникова // Когнитивные исследования языка, 2024. – № 1-2(57). – С. 246–249.

11. Мельникова, К. А. Об операции уточнения текстов оригинала и перевода при передаче англоязычных текстов научно-технической литературы на русский язык и вопросах этического характера / К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян, Л. А. Тюкина // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 16–17 мая 2025 года. – Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2025. – С. 185–193.

12. Петров, Е. А. Лексические, грамматические и стилистические особенности англоязычного текста научно-технической литературы и их учет при переводе на русский язык / Е. А. Петров, В. Н. Бабаян // Лингвистика и профессиональная коммуникация : сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической студенческой конференции, Ярославль, 15 мая 2024 года. – Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2024. – С. 349–353.

13. Реброва, Н. Е. Функционально-семантическая характеристика эвфемизмов в аспекте лексикографического описания (на материале Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache) / Н. Е. Реброва // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 175–181.

14. Смирнов, И. А. Особенности перевода англоязычных новых слов и неологизмов на русский язык / И. А. Смирнов, В. Н. Бабаян // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 76–81.

15. Степанов, В. Н. Речевое воздействие в рекламе: учебно-практическое пособие по спецкурсу. – Ярославль : РИО МУБиНТ, 2004. – 189 с.

16. Степанов, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. – 136 с.

17. Тюкина, Л. А. Юмористический диалогический дискурс как средство выражения национальных стереотипов / Л. А. Тюкина // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : сборник научных материалов Всероссийской научной конференции, Ярославль, 23 января 2023 года / под научной редакцией В. Н. Бабаяна. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2023. – С. 126–136.

18. Тюкина, Л. А. Лексикография, перевод и словарный состав языка в аспекте межкультурной коммуникации / Л. А. Тюкина, В. Н. Бабаян, К. А. Мельникова // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Ярославль, 17–18 мая 2024 года. – Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2024. – С. 198–205.

19. Тюкина, Л. А. Анекдот vs шутка: лингвопрагматические и структурные различия жанров / Л. А. Тюкина, В. Н. Бабаян // Казанская наука. – 2025. – № 7. – С. 538–541.

20. Ухова, Л. В. Эффективность рекламного текста : монография / Л. В. Ухова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. – 375 с.

УДК 8.82-312.4

Сопоставительный анализ переводов романа Томаса Харриса «Красный дракон» на русский язык (на материале издательств «Эксмо» и «АСТ»)

A Comparative Analysis of the Russian Translations of Thomas Harris's Novel Red Dragon (Based on the Translations by Eksmo and AST Publishing Houses)

Е. А. Самсонова
студент
E-mail: samsonovae23102007@gmail.com
Ярославский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E. A. Samsonova
Student
Yaroslavl branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу двух русскоязычных переводов романа Томаса Харриса «Красный дракон» (англ. Red Dragon), выполненных для издательств «Эксмо» и «АСТ». В ходе исследования применялся метод сопоставительного и лингвостилистического анализа. Результаты показали, что издательство «Эксмо» использует адаптивную художественную стратегию, сопровождающуюся сокращением элементов оригинального текста, и внесение фактологических деталей, отсутствующих

в оригинале. Издательство «АСТ», напротив, придерживается формосохраняющей стратегии, обеспечивая полноту передачи содержания, однако допускает ошибки в практической транскрипции имен собственных.

Ключевые слова: Сопоставительный анализ, перевод художественного текста, Томас Харрис, «Красный дракон», издательства «Эксмо» и «АСТ», переводческие трансформации, стратегия перевода, передача имен собственных, практическая транскрипция.

Abstract

The article is devoted to a comparative analysis of two Russian-language translations of Thomas Harris' novel "The Red Dragon" (eng. Red Dragon), made for the publishing houses Eksmo and AST. In the course of the analysis, the method of comparative and linguistic analysis was used. The results showed that Eksmo Publishing house uses an adaptive artistic strategy, accompanied by a reduction in elements of the original text and the introduction of factual details missing from the original. The AST publishing house, on the contrary, adheres to a form-preserving strategy, ensuring the completeness of the transmission of content, however, it makes mistakes in the practical transcription of proper names.

Keywords: Comparative analysis, translation of literary text, Thomas Harris, "The Red Dragon", publishing houses Eksmo and AST, translation transformations, translation strategy, transfer of proper names, practical transcription.

Актуальность исследования обусловлена объективной потребностью в критической оценке качества переводов художественной литературы в условиях доминирования переводных текстов над оригинальными в читательской среде. Поскольку значительная часть аудитории не владеет английским языком на уровне, достаточном для чтения произведений в оригинале, именно перевод выступает основным каналом восприятия иноязычного художественного произведения. От стратегии и тактических решений переводчика зависит не только точность передачи сюжетной канвы, но и эмоционально-стилистическое восприятие текста, глубина постижения авторского замысла.

Цель настоящей работы заключается в выявлении и систематизации различий между указанными переводами, а также в определении степени их близости к оригинальному тексту. Полученные данные могут служить практическим ориентиром для читателя, выбирающего между переводными версиями, и представляют интерес для теории и практики перевода как пример реализации разных стратегий — формосохраняющей и адаптивной.

Выбор романа «Красный дракон» мотивирован его принадлежностью к так называемой «ганнибаловской» вселенной, характеризующейся сложным психологизмом и стилистической неоднородностью. Ключевые персонажи — гениальный психиатр и манипулятивный каннибал Ганнибал Лектер, профайлер Уилл Грэм, наделенный эмпатической способностью проникать в сознание преступника, и антагонист Фрэнсис Долархайд по прозвищу «Зубная фея» — образуют напряженную сюжетную структуру, требующую от переводчика тонкой стилистической дифференциации. Сюжет строится вокруг вынужденного обращения Грэма к Лектеру, заключенному в психиатрическую клинику, с целью составления психологического портрета серийного убийцы.

В качестве материала для анализа были избраны переводы издательств «Эксмо» и «АСТ» ввиду того, что на сегодняшний день именно эти две компании являются основными правообладателями и издателями перевода данного романа на русском языке.

Таблица. Сопоставительный анализ переводов романа Томаса Харриса «Красный дракон» (составлена автором)

Параметр	Оригинальный текст	Издательство «Эксмо»	Издательство «АСТ»
Эпиграф	One can only see what one observes, and one observes only things which are already in the mind. Alphonse Bertillon	Отсутствует	Человек видит лишь то, что он замечает, а замечает то, что так или иначе присутствует в его сознании… Альфонс Бертильон
Имена собственные	Will Graham Dr. Hannibal Lecter Francis Dolarhyde	Уилл Грэм Доктор Ганнибал Лектер Фрэнсис Долархайд	Уилл Грэхем доктор Ганнибал Лектер Фрэнсис Долархайд
Фрагмент текста	– How much do you know? – What was in the Miami Herald and the Times, – Graham said. – «Two families killed in their houses a month apart. Birmingham and Atlanta. The circumstances were similar. – Not similar. The same	– Что ты об этом знаешь? – спросил Крофорд. – Немного. Лишь то, что напечатано в «Майами геральд» и «Таймс»: месяц назад в Бирмингеме была убита семья, позавчера в Атланте – вторая. В обоих случаях почерк схожий. – Не схожий, а одинаковый, – поправил Крофорд	– Что тебе известно? – Только то, что писали в «Майами Геральд» и «Тайме», – ответил Грэхем. – С интервалом приблизительно в один месяц зверски вырезаны два семейства. В Бирмингеме и Атланте. И те, и другие убиты у себя дома. Обстоятельства преступлений аналогичны. – Аналогичны – не то слово. Одни и те жеее

Интерпретация результатов

Эпиграф. В структурном отношении эпиграф выполняет функцию паратекстуального элемента, задающего философскую рамку повествования. В версии издательства «Эксмо» данный элемент отсутствует, что представляет собой значительное отступление от композиции оригинала и, с точки зрения переводоведения, является недопустимым сокращением. Издательство «АСТ», напротив, сохранило эпиграф и осуществило его перевод, обеспечив смысловую целостность текста.

Перевод имен собственных. В области передачи антропонимов издательство «Эксмо» руководствовалось принципом практической транскрипции с английского языка, где сочетание gh в фамилии Graham не произносится, что дало корректный результат «Грэм». Издательство «АСТ» допустило гиперсегментацию, воспроизведя графему h как звук [х], что привело к форме «Грэхем», противоречащей как фонетической норме английского языка, так и устоявшейся традиции передачи данной фамилии на русский язык.

Стилистические и фактические расхождения в диалогическом фрагменте. Перевод «Эксмо» демонстрирует стратегию адаптивного, художественно ориентированного перевода, характеризующуюся введением вставных конструкций («спросил Крофорд», «поправил Крофорд») и добавлением временных обстоятельств «месяц назад» и «позавчера», которые отсутствуют в исходном тексте. Последнее вносит фактическую неточность, искажая темпоральную логику событий, заложенную автором. Перевод «АСТ», напротив, тяготеет к формосохраняющей стратегии: синтаксическая структура максимально приближена к оригиналу, отсутствуют внесенные фактологические детали, а лексика («зверски вырезаны», «аналогичны») сохраняет семантическую близость к исходному сообщению.

Проведенное исследование позволяет заключить, что переводы романа «Красный дракон», выполненные для издательств «Эксмо» и «АСТ», реализуют принципиально различные переводческие стратегии.

Издательство «Эксмо» ориентируется на адаптивный, художественно-окрашенный перевод с элементами свободного обращения с исходным материалом, включая купюры (эпиграф) и фактологические добавления, что может приводить к искажению сюжетной логики.

Издательство «АСТ» стремится к формальной точности и полноте передачи содержания, сохраняя структурные элементы текста и избегая внесения авторских деталей, однако допускает ошибки в области практической транскрипции имен собственных.

Практические рекомендации. Читателям, для которых критически важна свобода от сюжетных искажений, полнота композиции оригинала и формальная точность перевода, предпочтительнее обратиться к версии издательства «АСТ». Читателям, не возражающим против художественной интерпретации и допускающим определенную степень переводческой свободы, можно рекомендовать издание «Эксмо».

Библиографический список

1. Харррис, Т. Красный дракон / Томас Харрис ; [перевод с английского В. В. Гусева]. – Москва : Эксмо, 2023. – 512 с.
2. Харрис, Т. Красный дракон / Томас Харрис ; [перевод с английского В. В. Гусева]. – Москва : АСТ, 2008. – 384 с.
3. Harris, T. Red Dragon / Thomas Harris. – New York : Berkley books, 2008. – 463 p.

УДК 801.316.4

Лингвопрагматические, стилистические и семантические особенности англоязычного политического публицистического дискурса

Linguopragmatic, Stylistic and Semantic Features of the English Political Publicistic Discourse

А. Е. Смирнов
студент
E-mail: laif00@mail.ru
В. Н. Бабаян
доктор филологических наук
профессор кафедры теории и практики перевода
E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
A. E. Smirnov
Student
V. N. Babayan
Doctor of Philology
Professor of the Theory and Practice of Translation Department
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Аннотация

Статья посвящена исследованию лингвистических (лексических, грамматических, стилистических) семантических и прагматических особенностей англоязычного политического публицистического дискурса. В работе приведены определение понятия «поли-

тический публицистический текст», составляющего основной компонент дискурса, и его основные характеристики. Цель работы заключается в исследовании, систематизации и описании лингвопрагматических особенностей англоязычного политического публицистического дискурса. Сделан вывод о том, что знание языковых и прагматических особенностей политического публицистического дискурса способствует его более адекватному пониманию и интерпретации, а также использованию в повседневной деятельности.

Ключевые слова: политический публицистический дискурс, лексические особенности, грамматические особенности, семантика, стилистические особенности, прагматические характеристики.

Abstract

The article considers linguistic (lexical, grammatical and stylistic), semantic and pragmatic features of the English political publicistic discourse. It provides the definition of the «political publicistic text» notion as the main component of discourse, and its key characteristics. The aim of this work is to study, systematize, and describe the linguopragmatic features of the English political publicistic discourse. The authors make a conclusion that the knowledge of the linguistic and pragmatic features of political publicistic texts enables a more accurate understanding and interpretation of these types of text, as well as their correct use in everyday life.

Keywords: political publicistic discourse, lexical features, grammatical features, semantics, stylistic features, pragmatic characteristics.

Современный информационный мир характеризуется интенсивным обменом политическими идеями, что делает политические публицистические тексты основными компонентами политического дискурса особенно востребованными. Англоязычная политическая публицистика, обладая специфическими языковыми (лексико-грамматическими и стилистическими) особенностями, требует хорошего владения языком и глубокого понимания политических реалий, культурных контекстов и риторических приемов. Различными аспектами публицистического дискурса занимаются многие современные исследователи [1; 2; 6; 8; 9; 10; 12; 15; 17; 18].

Политический публицистический дискурс – особый тип дискурса, который функционирует в сфере политической коммуникации и служит инструментом осуществления власти, формирования общественного мнения и выражения идеологических позиций. В современной лингвистике под политическим публицистическим дискурсом понимают вербальное произведение (устное или письменное), созданное в контексте политической деятельности и направленное на достижение конкретных политических целей.

Важнейшей отличительной чертой политического публицистического дискурса является его принципиальная адресность – он всегда ориентирован на определённую аудиторию и создаётся с расчётом на конкретный коммуникативный эффект [19, с. 56].

Основные характеристики политического публицистического дискурса вытекают из его функционального предназначения. Прежде всего, это ярко выраженная интенциональность – каждый политический публицистический дискурс производится с определённой целью (убедить, мобилизовать, оправдать, критиковать) и содержит чёткую программу воздействия на адресата. Следующей основной характеристикой политического публицистического дискурса является идеологическая маркированность – даже в тех случаях, когда автор стремится представить свою позицию как объективную и нейтральную, текст неизбежно отражает определённую систему политических взглядов и ценностей.

Важной особенностью политического публицистического дискурса является его интертекстуальность – он постоянно отсылает к другим текстам, цитирует, пародирует или полемизирует с ними. Это создаёт сложную систему взаимосвязанных высказываний, образующих единое смысловое пространство политики.

Особенно ярко интертекстуальность проявляется в использовании политических лозунгов, крылатых выражений и исторических аллюзий [24; с. 67].

Содержательная сторона политического публицистического дискурса отличается тематической специализацией. Основными темами являются: распределение власти, государственное управление, социальные преобразования, международные отношения, идеологические доктрины. При этом актуальная тематика постоянно меняется в зависимости от политической конъюнктуры, что делает политический дискурс чрезвычайно динамичным [21, p. 34].

Политический публицистический дискурс характеризуется и коммуникативной стратегией, которая сочетает в себе три основных элемента: аргументацию (логическое обоснование позиции), эмоциональное воздействие (апелляция к чувствам аудитории) и этический компонент (создание определённого образа говорящего). Эффективный политический публицистический дискурс представляет сложный баланс этих составляющих.

Подчеркнем, что в условиях современного информационного общества политический публицистический дискурс приобретает новые характеристики, связанные с его функционированием в цифровой среде. Такие характеристики, как мультимодальность (сочетание вербальных и визуальных элементов), гипертекстуальность (возможность нелинейного восприятия) и виральность (способность к быстрому распространению) становятся важными параметрами политической коммуникации. Это существенно меняет традиционные представления о природе политического дискурса [23, p. 112].

На основании проведенного обзора литературы политический публицистический дискурс можно определить как сложное коммуникативное явление, сочетающее в себе языковые, социальные и идеологические компоненты. Он требует междисциплинарного подхода, объединяющего методы лингвистики, политологии и теории коммуникации.

Говоря о лексических особенностях англоязычного политического публицистического дискурса, отметим, что его словарный состав представляет сложную систему, отражающую специфику политической коммуникации и выполняющую важные идеологические функции. Политическая лексика формирует концептуальную картину мира и параметры восприятия действительности и оказывает влияние на общественное сознание.

Основу лексики политического публицистического текста составляют политические термины и специальная лексика, имеющая строго определённое значение в контексте государственного управления и международных отношений [3; 5; 13; 16; 20]. Примеры: bipartisanship – двухпартийность; sovereignty – суверенитет; impeachment – импичмент; sanctions – санкции и др.

Значительный пласт политической лексики составляют абстрактные понятия с высокой степенью обобщения: democracy – демократия; freedom – свобода; justice – справедливость; security – безопасность и др.

Эти лексемы обладают мощным эмоциональным зарядом, но при этом часто имеют размытое содержание, что наполняет их различными смыслами в зависимости от данной политической ситуации. Их употребление создаёт эффект причастности к общезначимым ценностям [22, p. 112].

Характерной чертой политической лексики является активное использование эвфемизмов – смягчённых или завуалированных выражений, заменяющих прямые обозначения неприятных или социально неприемлемых явлений [4; 6; 14].

Примеры: collateral damage – сопутствующий ущерб вместо civilian casualties – жертвы среди мирного населения; enhanced interrogation techniques – усовершенствованные методы допроса вместо torture – пытки; special materials – особые материалы вместо enriched uranium and plutonium – обогащенный уран и плутоний и др.

Эвфемизация, по мнению многих исследователей [4; 11], служит инструментом манипуляции общественным мнением, позволяя представить негативные явления в более приемлемом свете.

Отдельную группу составляют идеологемы – лексемы, несущие идеологическую нагрузку и отражающие систему политических взглядов.

Важное место в политической лексике занимают международные заимствования, особенно из французского и латинского языков: détente (фр.) – разрядка; status quo (фр.) – статус-кво; de facto – фактически и др. Эти лексемы придают высказыванию солидность и подчёркивают связь с дипломатической традицией [1; 5; 7].

В последние десятилетия наблюдается рост заимствований из сферы бизнеса и информационных технологий: transparency – прозрачность; efficiency – эффективность; firewall – защитный барьер [24, p. 92].

Современная политическая лексика характеризуется активным словообразованием. Широко используются:

— префиксальные образования: post-truth – постправда; anti-establishment – антиистеблишмент;

— словосложение: grassroots – низовые организации; think-tank – аналитический центр;

— конверсия: to google – искать в интернете (приобрело политический оттенок);

— акронимы: NATO – НАТО; BREXIT – выход Британии из ЕС; UNESCO – ЮНЭСКО и др.

Как видим, данные лексемы обозначают новые явления и отражают динамику политической жизни.

Лексика англоязычных политических публицистических текстов представляет собой динамичную систему, отражающую идеологические установки и стратегии политических акторов. Анализ исследуемых лексем указывает на глубинные механизмы политической коммуникации и позволяет лучше понимать приёмы воздействия на общественное сознание.

Что касается грамматических особенностей англоязычного политического публицистического дискурса, отметим, что исследуемый тип дискурса обладает рядом грамматических особенностей, которые отличают его от других функциональных стилей. Эти особенности обусловлены спецификой политического дискурса, целью которого является убеждение, воздействие на аудиторию и формирование определённого общественного мнения. Политический язык стремится к максимальной ясности и в то же время допускает определённую долю манипулятивности, что отражается в его грамматической структуре. Одной из ключевых черт является использование сложных синтаксических конструкций, включающих причастные, инфинитивные и герундиальные конструкции, а также развёрнутые предложения с множеством уточняющих элементов, которые позволяют точно формулировать мысли, избегая двусмысленности.

В политическом публицистическом дискурсе часто используется пассивный залог, придающий тексту официальность и обезличенность. Пассивные конструкции особенно важны для дипломатических документов и официальных заявлений, где надо подчеркнуть процесс, а не его инициатора. Ещё одной характерной чертой является частое употребление модальных глаголов, таких как must, should, ought to, которые выражают необходимость, обязательность или рекомендацию. Это связано с тем, что политические публицистические тексты часто носят директивный или призывной характер.

Модальные глаголы в политическом дискурсе выполняют не только грамматическую, но и прагматическую функцию, формируя ощущение срочности или неизбежности конкретных действий [21, p. 112]. В политическом публицистическом дискурсе также применяются эллиптические конструкции и риторические вопросы, которые усиливают воздействие на читателя или слушателя. Например: What can we do to ensure peace? Эл-

липсис делает речь более динамичной, а риторические вопросы создают эффект диалогичности, вовлекая аудиторию в размышления. Это характерно для публичных выступлений политиков и предвыборных речей.

Для англоязычного политического публицистического дискурса характерно использование номинативных предложений и клишированных фраз, которые придают высказыванию лаконичность и запоминаемость: No more war. Justice for all. Подобные конструкции можно часто увидеть в лозунгах, резолюциях и призывах, где важна быстрая и чёткая передача идеи. Клише в политическом языке выполняют не только стилистическую, но и идеологическую функцию, закрепляя в сознании аудитории определённые шаблоны мышления.

Грамматическое время глаголов в политическом публицистическом дискурсе имеет важное значение. Так, настоящее время употребляется для придания сообщению актуальности и непосредственности (The situation requires urgent action), тогда как будущее время может выражать обещания или угрозы (We will protect our national interests). Перфектная форма нередко используется для оправдания текущих действий ссылками на исторический опыт (We have always defended democratic values) [24, p. 56]. Таким образом, можем сделать вывод о том, что грамматические особенности текстов политического публицистического дискупса служат целям эффективной коммуникации. Анализ грамматических структур позволяет глубже понять механизмы политической коммуникации и стратегии воздействия на общественное сознание.

Англоязычные тексты политического публицистического дискурса обладают уникальным набором стилистических особенностей. Эти особенности обусловлены спецификой политической коммуникации, где важнейшую роль играют убеждение, формирование общественного мнения и создание определённого образа действительности.

Одной из ключевых стилистических черт является использование официально-делового стиля с элементами публицистики. Это проявляется в строгой логической структуре текста, использовании стандартизированных формулировок и клишированных выражений (peaceful coexistence, global security, sustainable development). Тексты политического публицистического дискурса часто включают эмоционально окрашенную лексику для усиления воздействия на целевую аудиторию [22, p. 89].

Важной стилистической особенностью является использование риторических приёмов, таких как:

— метафоры: wind of change – ветер перемен, iron curtain – железный занавес;

— метонимии: the White House announced – правительство США объявило;

— параллельные конструкции: Government of the people, by the people, for the people. – Правительство народа, осуществляемое народом, для народа;

— анафоры: We shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds... – Мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на посадочных площадках…

Данные приёмы делают речь более выразительной и запоминающейся.

Стилистической доминантой текстов политического публицистического дискурса является императивность, реализующаяся посредством:

— повелительное наклонение: Let us work together. – Давайте работать вместе!;

— модальные глаголы со значением долженствования: must, should;

— конструкции с инфинитивом цели: to achieve these objectives – чтобы достичь этих целей.

Эти языковые явления создают эффект директивности и призывности.

Стилистические особенности англоязычного политического дискурса представляют сложную систему приёмов, направленных на достижение коммуникативных целей. Эти особенности эволюционируют вместе с политической культурой, отражая изменения в общественном сознании и технологиях коммуникации. Анализ стилистики текстов политического дискурса позволяет лучше понимать механизмы политической речи, но

и развивать критическое восприятие политической информации. Таким образом, можем заключить, что англоязычный политический публицистический дискурс обладает особой спецификой, он представляет собой сложное коммуникативное явление, сочетающее следующие основные функции: информационную (передача политических данных), воздействующую (формирование общественного мнения) и идеологическую (продвижение определенной системы взглядов).

Лингвистические особенности текста англоязычного политического публицистического дискурса формируют уникальный пласт политического языка. На лексическом уровне этот тип дискурса характеризуется терминологической насыщенностью, оценочной лексикой, эвфемизацией, метафоричностью и др. На грамматическом уровне в исследуемом типе текста преобладают пассивные конструкции, модальные глаголы, инфинитивные, причастные и герундиальные конструкции. Стилистический уровень текста англоязычного политического публицистического дискурса отличается сочетанием официального и публицистического стилей, широким использованием риторических приемов и др. Понимание природы политического дискурса и его основных характеристик является необходимым условием для критического анализа политического дискурса и развития медиаграмотности.

Библиографический список

1. Аверина, М. Н. Реалии-американизмы политического дискурса законодательной власти США: переводческий аспект / М. Н. Аверина, В. Н. Бабаян // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Ярославль, 17–18 мая 2024 года. – Ярославль : ЯГТУ, 2024. – С. 314–319.

2. Бабаян, В. Н. О передаче англоязычных военных и политических реалий на русский язык / В. Н. Бабаян // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Ярославль, 19–20 мая 2023 года. – Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2023. – С. 142–148.

3. Бабаян, В. Н. Новая лексика англоязычного военно-политического дискурса: лингвопрагматический и переводческий аспекты / В. Н. Бабаян // Словарь. Лингвокультура. Дискурс : коллективная монография. – В 2 томах. – Том 2. – Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2024. – С. 109–116.

4. Бабаян, В. Н. Лингвопрагматические и лексико-семантические особенности англоязычного политического дискурса / В. Н. Бабаян // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2025. – Т. 35. – № 4. – С. 834–843.

5. Демочкина, Е. С. О происхождении новой военно-политической лексики в современном английском языке и обучении ее передаче на русский язык / Е. С. Демочкина, В. Н. Бабаян // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. – 2021. – № 1(12). – С. 91–99.

6. Клюев, К. В. О функционировании англоязычных эвфемизмов в военно-политической сфере и основных способах их передачи на русский язык / К. В. Клюев, А. В. Лепа // Семьдесят третья всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием: сборник материалов конференции, Ярославль, 20 апреля 2020 года. – В 2 частях. – Часть 1. – Ярославль : ЯГТУ, 2020. – С. 819–825.

7. Кривенков, Н. С. О влиянии отдельных языковых культур на формирование лексического состава современного английского языка / Н. С. Кривенков, В. Н. Бабаян // Семьдесят четвертая всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием : сборник

материалов конференции, Ярославль, 21 апреля 2021 года. – В 2 частях. – Часть 2. – Ярославль : ЯГТУ, 2021. – С. 869–877.

8. Купцов, А. Е. О выразительных, эмоционально окрашенных и аксиологических языковых средствах современного английского языка / А. Е. Купцов // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : сборник научных материалов международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2024 года. – Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2024. – С. 99–109.

9. Лемкин, А. В. О военных реалиях-американизмах: лингвокультурологический аспект / А. В. Лемкин, В. Н. Бабаян // Семьдесят четвертая всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием : сборник материалов конференции, Ярославль, 21 апреля 2021 года. – В 2 частях. – Часть 2. – Ярославль : ЯГТУ, 2021. – С. 878–883.

10. Масуев, А. Р. Военная терминология английского языка: структурно-семантические особенности / А. Р. Масуев, И. В. Качанов // Семьдесят четвертая Всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием : сборник материалов конференции, Ярославль, 21 апреля 2021 года. – В 2 частях. – Часть 2. – Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2021. – С. 884–889.

11. Мельникова, К. А. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе / К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 2(29). – С. 126–132.

12. Мельникова, К. А. Основные способы реализации вторичной номинации в медиадискурсе / К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-2(57). – С. 246–249.

13. Мельникова, К. А. Определение лингвопрагматических особенностей заголовка в англоязычном медиадискурсе / К. А. Мельникова, В. Н. Бабаян // Вестник Удмуртского ун-та. – Серия История и филология. – 2024. – Т. 34. – № 2. – С. 324–336.

14. Реброва, Н. Е. Эвфемизмы как средство репрезентации лингвокультурологической информации (на материале английского и немецкого языков) / Н. Е. Реброва, В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3(18). – С. 171–177.

15. Тюкина, Л. А. Об особенностях диалогического юмористического политического дискурса (на примере англо-, немецко- и русскоязычного анекдота) / Л. А. Тюкина, В. Н. Бабаян // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам : сборник научных статей по итогам VIII Международной научно-практической конференции, Брянск, 16–17 октября 2020 года. – Брянск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет», 2020. – С. 108–113.

16. Тюкина, Л. А. К вопросу о структурно-семантических особенностях и специфике номинации вооружения и военной техники в английской лингвокультуре / Л. А. Тюкина // Вестник Удмуртского университета. – Серия История и филология. – 2023. – Т. 33. – № 4. – С. 826–834.

17. Тюкина, Л. А. Об особенностях передачи адвербиальных глаголов современного англоязычного публицистического дискурса на русский язык / Л. А. Тюкина, К. А. Мельникова // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : сборник научных материалов Международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2024 года. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2024. – С. 189–198.

18. Чвягина, Т. В. Лингвопрагматические особенности научного и публицистического видов дискурса / Т. В. Чвягина, В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2025. – № 3(42). – С. 150–163.

19. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. – М. : Гнозис, 2004. – 250 с.

20. Bogdanova, O. Yu. Fiction Title Semantic and Grammatical Features / O. Yu. Bogdanova, V. N. Babayan, O. L. Kramarenko // Philology. Theory & Practice. – 2020. – Vol. 13. – No. 11. – P. 161–164.

21. Chilton, P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. – L. : Routledge, 2004. – 226 p.

22. Fairclough, N. Language and Power. – L. : Longman, 2001. – 256 p.

23. Kress, G. Language as Ideology / G. Kress, R. Hodge. – L. : Routledge, 1993. – 176 p.

24. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. – L. : Palgrave Macmillan, 2009. – 252 p.

УДК 378.014.242

Академическая адаптация российских студентов, обучающихся за рубежом в рамках программ академического обмена

Academic Adaptation of Russian Students Studying Abroad under Academic Exchange Programs

М. В. Старшова
магистрант
E-mail: mariamnastar@mail.ru
научный руководитель — М. Н. Аверина
кандидат педагогических наук, доцент
декан факультета иностранных языков
заведующий кафедрой теории и методики преподавания иностранных языков
E-mail: averina_m@mail.ru
Ярославский государственный педагогический университет им К. Д. Ушинского
M. V. Starshova
Master's Student
Academic Supervisor — M. N. Averina
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor
Dean of the Faculty of Foreign Languages
Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Foreign Languages
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Аннотация

В рамках проведенного исследования академическая адаптация рассматривается как управляемый и частично конструируемый процесс, в котором ключевую роль играет не столько соответствие студента требованиям среды, сколько способность образовательной системы создавать механизмы компенсации, интеграции и профессиональной самореализации в рамках интеграции формального и информального обучения. В данной работе предлагаемая модель представлена как основа для целенаправленного сопровождения академической мобильности студентов в условиях рассогласования образовательных программ.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, академическая мобильность, академическая адаптация, образование, формальное и информальное обучение.

Abstract

This study examines academic adaptation as a controlled and partially constructed process, in which the key role is played not so much by the student's compliance with the environ-

ment's requirements, but by the educational system's ability to create mechanisms for compensation, integration, and professional self-realization within the framework of integrating formal and informal learning. In this paper, the proposed model is presented as a basis for targeted support of student academic mobility in the context of educational program misalignment.

Keywords: intercultural interaction, academic mobility, academic adaptation, education, formal and informal learning.

Проведённое теоретико-эмпирическое исследование посвящено академической адаптации российских студентов, обучающихся за рубежом в рамках программ академического обмена (на примере программы «2+2+1» в условиях российско-китайского образовательного взаимодействия). Актуальность исследования обусловлена ростом международной академической мобильности и одновременной недостаточной разработанностью педагогических механизмов сопровождения студентов, функционирующих в условиях одновременного включения в две образовательные системы с различной логикой организации учебного процесса.

В ходе теоретического анализа установлено, что академическая адаптация представляет собой многокомпонентный и динамический процесс, включающий мотивационный, коммуникативный, личностный, эмоционально-оценочный и познавательный компоненты. Данный процесс не ограничивается исключительно учебной успешностью (формальное обучение), а отражает более широкий спектр включённости студента в образовательную и социокультурную среду (информальное обучение).

Рассмотрение межкультурной адаптации в контексте работ Э. Холла, Г. Хофстеде, Р. Льюиса, Я. Ким и К. Уорд позволило определить, что академическая адаптация неразрывно связана с механизмами межкультурного взаимодействия. Ключевым фактором успешной адаптации выступает коммуникация, обеспечивающая освоение норм принимающей образовательной среды и формирование функциональной включённости студента в академическое сообщество. В данном контексте культурный шок, стадийность адаптации и различия образовательных культур выступают как системные факторы, определяющие сложность адаптационного процесса.

Особенностью исследуемого контекста является функционирование студентов в условиях двойной образовательной системы: очного обучения в китайском университете и параллельного освоения онлайн-дисциплин российского вуза. Это обстоятельство формирует специфическое адаптационное напряжение, связанное не с единовременной сменой среды, а с необходимостью постоянного согласования разнонаправленных академических требований.

Эмпирическое исследование, проведённое на выборке 98 студентов 2–5-го курсов русских студентов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, позволило зафиксировать стадийный характер академической адаптации, включающий этапы ожиданий, первичной адаптации, устойчивой адаптации и реадаптации.

На этапе первичной адаптации у студентов наблюдаются признаки культурного и академического шока, когнитивной перегрузки и рассогласования ожиданий и реального опыта. На этапе устойчивой адаптации происходит частичная стабилизация и формирование индивидуальных стратегий учебной деятельности, тогда как этап реадаптации характеризуется рефлексивной переоценкой опыта после возвращения в исходную образовательную среду.

Одним из ключевых результатов исследования стало выявление системного противоречия, связанного с одновременным включением студентов в две образовательные системы, что приводит к перераспределению когнитивных и мотивационных ресурсов студентов в пользу принимающей образовательной среды и подтверждает нелинейный характер адаптационного процесса.

Одна из ключевых проблем реализации программ академической мобильности — наличие структурного противоречия между двумя образовательными системами. В отличие от традиционного понимания адаптации как процесса включения в новую среду, в данном случае студенты оказываются в ситуации одновременной необходимости соответствовать требованиям двух академических контекстов, обладающих различной логикой организации учебного процесса и различными приоритетами. В этом контексте может быть сформулирован ключевой вывод исследования: одновременная включенность в две образовательные системы выступает системным фактором, усложняющим процесс адаптации, проявляющегося не на этапе первичного культурного шока, а на более поздних стадиях — устойчивой адаптации и реадаптации.

Снижение удовлетворенности отражает не неспособность студентов справляться с учебной деятельностью, а перераспределение их когнитивных и мотивационных ресурсов в условиях конкурирующих образовательных требований, что позволяет рассматривать академическую адаптацию как процесс не только приспособления, но и сложного комплементарного (дополняющего) согласования образовательных приоритетов.

Анализ коммуникативного и эмоционально-оценочного компонентов академической адаптации позволяет дополнить ранее сформулированный вывод о двойственной природе академической адаптации. Если на уровне учебной деятельности ключевым фактором выступает необходимость согласования требований двух образовательных систем, то на уровне коммуникации и повседневного опыта особую роль играют механизмы снижения напряжения и компенсации адаптационных трудностей. Это проявляется, с одной стороны, в значимости русскоязычного преподавателя как коммуникативной опоры, а с другой — в роли благоприятной досуговой среды как ресурса эмоциональной стабилизации. Одновременно сохраняющееся напряжение в сфере бытовой организации указывает на то, что адаптация не носит линейного характера и включает этапы пересмотра и переоценки опыта.

Значительную роль в снижении адаптационного напряжения играет горизонтальная передача опыта между студентами разных курсов. Формирование информальных каналов коммуникации, включая создание подробных инструктивных материалов (гайда), отражает переход от институциональной к частично самоорганизующейся модели адаптационной поддержки. Данный факт имеет не только описательное, но и практическое значение, указывая на необходимость институционализации подобных инициатив [1; 2; 3].

Личностный компонент академической адаптации характеризуется последовательным переходом от дезориентации к самостоятельности и далее — к рефлексивному осмыслению собственного образовательного опыта. Мотивационный компонент проявляется через трансформацию структуры образовательных приоритетов. Первоначальная установка, связанная с общей значимостью участия в программе академической мобильности, уступает место более конкретной ориентации на освоение локального образовательного контекста, прежде всего изучение китайского языка и выполнение академических требований принимающего университета. Мотивационная динамика носит характер переструктурирования, а не редукции.

Обобщение полученных данных позволяет выделить системный фактор, оказывающий значительное влияние на процесс академической адаптации, — одновременное включение студентов в две образовательные системы. Результаты анализа подтверждают, что академическая адаптация представляет собой сложный, многоуровневый процесс, включающий как этапы напряжения и дезориентации, так и механизмы компенсации и последующей рефлексии.

Формальное обучение, обеспечивая интенсивное включение в иноязычную образовательную среду, выступает одновременно фактором развития и источником повышенной когнитивной и эмоциональной нагрузки, что проявляется в необходимости одно-

временной перестройки учебных стратегий, коммуникативных моделей и способов переработки информации в рамках одновременно формального и информального обучения. Очевидно, возможностей формального обучения недостаточно для компенсации возникающих затруднений, что обусловливает расширение адаптационного пространства за счёт дополнительных образовательных практик (информального обучения) [3].

Устойчивость академической адаптации достигается не за счёт снижения сложности образовательной среды, а через формирование системы внешних и внутренних регуляторов, включающей посредническую роль преподавателя, онлайн-обучение как механизм сохранения профессиональной целостности, а также специально организованные практики, направленные на восполнение дефицита педагогического опыта.

Особое значение приобретает переход студентов от позиции адаптирующихся к позиции субъектов, способных структурировать собственный опыт, конструировать образовательную среду и воспроизводить профессиональные действия в новых условиях. В рамках инициативных форм деятельности в рамках формального и информального обучения (педагогические практики, медийные проекты, разработка гайда) происходит не только снижение адаптационного напряжения [1; 2], но и качественное изменение характера адаптации — от реактивной к продуктивной.

В заключение необходимо отметить, что академическая адаптация в рассматриваемых условиях приобретает характер управляемого и частично конструируемого процесса, в котором ключевую роль играет не столько соответствие студента требованиям среды, сколько способность образовательной системы создавать механизмы компенсации, интеграции и профессиональной самореализации в рамках интеграции формального и информального обучения. Это позволяет рассматривать предложенную модель как основу для целенаправленного сопровождения академической мобильности студентов в условиях рассогласования образовательных программ.

Библиографический список

1. Степанов, В. Н. Новые медиа «на службе» неформального образования в условиях визуального поворота культуры / В. Н. Степанов, А. А. Повх // Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа. Базовые ценности культуры в экранном контексте : сборник материалов VI Международной научной конференции : подготовлен в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (направление «Историко-политическая конфликтология современности»). – Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2024. – С. 301–308.

2. Степанов, В. Н. Дидактизация новых медиа и музыки при обучении русскому языку как иностранному (на примере ЦОО в Абиджане, Кот-Д’Ивуар) / В. Н. Степанов, М. В. Старшова // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 6 (135). – С. 72–80.

3. Триединая модель подготовки профессиональных кадров в региональном вузе: конвергенция формального, неформального, информального обучения : научно-методическая разработка / С. В. Иванов, В. С. Иванов, В. Н. Степанов [и др.]. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2026. — 128 с.

УДК 378.1

Качество перевода градации в романе Анны Бёрнс «Milkman» в рамках переводческого анализа

Quality of Translation of Gradation in Anna Burns' Novel «Milkman» in the Translation Analysis

П. С. Сухова
студентка
E-mail: ps.sukhova@edu.mubint.ru
В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
P. S. Sukhova
Student
V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Статья посвящена изучению переводческих трансформаций градации в романе Анны Бёрнс «Milkman». Рассматриваются трансформации, которые используются при переводе, их функции и особенности. Также рассматривается оценка качества перевода переводческих трансформаций градации.

Ключевые слова: градация, перевод, адекватность, эквивалентность, модификации, переводческие трансформации.

Abstract

The article is devoted to the study of translational transformations of gradation in the novel «Milkman» by Anna Burns. The transformations that are used in translation, their functions and features are considered. The assessment of the quality of translation of translation transformations of graduation is also considered.

Keywords: gradation, translation, adequacy, equivalence, modifications, translation transformations.

В статье исследуются переводческие трансформации градации в романе Анны Бёрнс «Milkman» в рамках переводческого анализа на примере оригинального текста и перевода Григория Крылова. Актуальность работы определяется необходимостью изу-

чения способов передачи градации — распространённого, но малоисследованного стилистического приёма — в художественном переводе. На примере романа Анны Бёрнс «Milkman», где градация служит важным инструментом создания эмоционально-образной структуры, можно проследить, как этот приём влияет на восприятие текста [2].

Адекватная передача градации выступает необходимым условием сохранения эмоционально-образной структуры произведения. Процесс межъязыковой трансформации требует решения сложной аналитической задачи: поиска баланса между сохранением оригинала и соблюдением норм целевого языка.

В узком смысле градация — разновидность синонимии, а именно: это такие синонимические ряды, члены которых отличаются оттенками значений и расположены в порядке нарастания или ослабления семантики [6, с. 91]. В широком смысле (более приемлемом) — градация понимается как «стилистическая фигура, состоящая в таком расположении частей высказывания (слов, отрезков предложения), при котором каждая заключает в себе усиливающееся (реже уменьшающееся) смысловое или эмоционально-экспрессивное значение, благодаря чему создается нарастание (реже ослабление) производимого ими впечатления» [5].

Проблемным является вопрос о видах градации. В словарях при определении градации обычно отмечают два ее вида: восходящую (климакс) и нисходящую (антиклимакс) — в зависимости от порядка следования градонимов в градационном ряду. По структуре градуирования исследователи выделяют прямую градацию, двойную, сдвоенную и комбинированную (восходяще-нисходящую). Прямая (простая) градация — такая, в которой представлен один ряд градонимов, расположенных в одном порядке: восходящем или нисходящем. Двойная градация предполагает наличие двух однотипных градационных рядов. Сдвоенная градация — градация, в которой градонимы двух рядов подаются попарно. Комбинированная градация совмещает в одном тексте два типа: восходящую и нисходящую.

В зависимости от характера основы градационного ряда выделяют грамматическую, логическую (семантическую), фазисную (векторную) контекстуальную градации. Грамматическая градация основана на употреблении слова в разных грамматических формах. Логическая (семантическая) градация опирается на лексические средства языка, прежде всего на лексическую синонимию, а также повтор градонима. Фазисная (векторная) градация в своей основе имеет фазисность, то есть когда процесс постепенного продвижения к цели расчленяется на отдельные фазы, в которых четко выделяются начало, середина и конец. Контекстуальная градация возникает в конкретном контексте и базируется на словах, относящихся к разным лексикотематическим группам, но объединяющихся общим понятием [5].

В ходе исследования оригинального текста произведения Анны Бернс «Milkman» было выделено 37 примеров градации. Проведена классификация данных примеров градации. В результате проведенной классификации были получены следующие данные:

— по порядку расположения градонимов доминирует восходящая градация (75,6 %), в то время как на долю нисходящей приходится 24,3 %;

— по структуре наиболее частотной является прямая градация (89,1 %), сдвоенная (8,1 %) и двойная (2,7 %) формы встречаются значительно реже, а комбинированная градация в исследуемом материале не обнаружена;

— по характеру основы превалирует фазисная градация (43,2 %), доля контекстуальной и логической градаций ниже — 21,6 % и 16,2 % соответственно; грамматическая градация не представлена.

В результате анализа данных можно выделить типы градаций, получившие минимальное распространение по всем трем основаниям: нисходящая (24,3 % по порядку), логическая (16,2 % по характеру основы) и двойная (2,7 % по структуре). Также важно

выделить преобладающие виды градации: по структуре — прямая (89,1 %); по порядку градонимов — восходящая (75,6 %); по характеру основы — фазисная (43,2 %).

Высокая частотность градации, в частности её прямой восходящей формы, обуславливает предельно-эмоциональную насыщенность текста. С точки зрения идиостиля писателя и его художественного замысла, градация в произведении «Milkman» — главный стилистический прием. Данный прием эффективно формирует психологическую напряженность повествования, необходимую для глубокой иммерсии читателя в атмосферу коллективной тревоги, характерную для периода затяжного социально-политического кризиса.

Обратимся к описанию переводческих трансформаций в романе Анны Бернс «Milkman». Согласно классификации В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова [7, с. 32], существуют лексические, стилистические, морфологические, синтаксические, семантические и смешанные трансформации, а также транслитерация, калькирование, комментарий и модификация.

Модификации подразделяются на четыре группы: лексические, лексико-семантические, грамматические и лексико-грамматические. К лексическим трансформациям относят добавление, опущение, логическое развитие, контекстуальная замена. Лексико-семантические подразделяются на сужение, расширение и функциональную замену. Грамматическим трансформациям свойственны перестановки, замены на разных уровнях, синтаксическое уподобление, членение и объединение предложений. К лексико-грамматическим трансформациям относятся антонимический перевод, описательный перевод и компенсация [7].

В рамках переводческого анализа проанализированы переводческие трансформации 37 выделенных единиц градаций в романе Анны Бернс «Milkman». В рамках исследования был рассмотрен текст оригинала романа [8], а также текст перевода романа [1]. Как показало исследование, при переводе градаций в романе Анны Бернс «Milkman» на русский язык переводчик чаще всего обращался к четырем видам переводческих трансформаций: лексические (31 %), лексико-семантические (25 %), грамматические трансформации (22 %) и калькирование (18 %). Лексико-грамматические трансформации представлены в меньшей степени (4 %), отсутствуют такие виды трансформаций градации, как транслитерация, транскрипция и переводческий комментарий.

Рассматривая лексические трансформации выделяют: добавление, опущение, логическое развитие, контекстуальная замену. Пример лексической трансформации градациии в переводе романа Анны Бернс «Milkman» на русский язык иллюстрируется фрагментом «….much more frightening, much more dangerous», который в переводе отсутствует. Отсутствие данного фрагмента в переводе говорит о том, что эта лексическая трансформация является опущением. В другом примере: «….what I did there, the hours, the days» − «…что я там делаю, в какие часы, дни…», было добавлено слово «в какие», что демонстрирует трансформацию, известную как добавление.

В переводе фразы «Two was, the community, maybe both communities, maybe even the land “over the water” and the land “over the border”, had moved things on to the tune of the political problems» − «А вторая заключалась в том, что сообщество, может, и оба сообщества, может быть даже «заморская» страна и страна «через границу» довели дела здесь до политических проблем…» на русский язык, слово «land» переведено как «страна». Эта замена выступает примером конкретизации. В переводе предложения «None of these sisters – age seven, eight and nine – was anywhere near the marrying teens yet» − «Ни одна из этих младших сестер – им было семь, восемь и девять – еще и близко не подошла к брачному возрасту» на русский язык, слово «age» интерпретируется как «им было», что способствует лучшему выражению возраста, и может быть отнесено к перифразу.

Рассматривая лексико-семантические трансформации выделяют: сужение, расширение и функциональную замену. В переводе фразы «…defences down, no longer alert, no

longer strenuously reconnoitring and surveying the environment and if you're…» − «…твои защитные рефлексы притуплены, ты не готова ни к каким неожиданностям, ты не осматриваешь и не исследуешь окружающую среду, а если …» на русский язык, представлена такая трансформация, как сужение или конкретизация. Данная трансформация демонстрируется тем, как оригинальное слово «defences» заменяется на более конкретное «защитные рефлексы», что уточняет, о каком именно механизме защиты идет речь.

Примером функциональной замены служит перевод фразы «Marriage wasn't meant to be a bed of roses. It was a divine decree, a communal duty, a responsibility, it was acting your age…» в следующую версию: «Брак это тебе не кровать, усыпанная розами, а божественное установление, общественный долг, ответственность, поведение, сообразное возрасту…». В этой трансформации слово «divine decree» заменяется на «божественное установление», что делает перевод более понятным и стилистически уместным для русского языка. Расширение (генерализация) при исследовании переводческих трансформаций градации в романе Анны Бернс «Milkman» не обнаружено.

Рассматривая грамматические трансформации выделяют: синтаксическое уподобление, объединение предложений, членение предложений и грамматические замены. При переводе фразы «This was certain girls not being tolerated if it was deemed they did not defer to males, did not acknowledge the superiority of males, might even go so far as almost to contradict males, basically, the female wayward…» оригинальная структура преобразуется в «Некоторым девушкам затыкали рты, если они решали, что они не подчиняются мужчинам, не признают превосходства мужчин, некоторые могли даже зайти так далеко, что чуть ли не противоречили мужчинам, главным образом, непутевый тип женщин…». Данный пример демонстрирует синтаксическое уподобление.

В переводе фразы «Marriage wasn't meant to be a bed of roses. It was a divine decree, a communal duty, a responsibility, it was acting your age…» − «Брак это тебе не кровать, усыпанная розами, а божественное установление, общественный долг, ответственность, поведение, сообразное возрасту…» на русский язык, продемонстрировано объединение предложений − синтаксическая структура оригинала преобразуется при переводе путем соединения двух предложений в одно сложное.

Грамматическую замену демонстрирует перевод фразы «…I refused to be evoked, drawn out, shocked into revelation» на русский язык: «…я успешно отказывалась проявляться, противилась выпытыванию из меня информации откровений», где прилагательное «drawn out» заменяется на существительное «выпытывание». Членения предложения при исследовании переводческих трансформаций градации в романе Анны Бернс «Milkman» не обнаружено. В переводе фразы «Many times. Many, many times he did me» − «Много раз. Много-много раз он делал это со мной» на русский язык, представлено калькирование, так как при переводе сохраняется структура и повторение, что делает перевод близким к оригиналу.

Рассматривая лексико-грамматические трансформации выделяют: антонимический перевод, описательный перевод и компенсацию. В переводе фразы «….what you were not – least not officially, least not in public, least not often – permitted to say» − «…и это было то, что тебе – по крайней мере официально, по крайней мере на публике, по крайней мере часто – не позволялось говорить» на русский язык, представлен антонимический перевод − переводчик упрощает структуру, заменяя английское «least not...» на русский «по крайней мере...», тем самым исключая отрицание.

В переводе фразы «Instead I minimalized, withheld, subverted thinking, dropped all interaction surplus to requirement which meant they got no public content…» − «Я напротив, минимализировала, сдерживала, взрывала свой процесс мышления, сводила избыток общения к требованиям элементарных приличий, это означало, что они не получали содержания…» на русский язык, представлена компенсация. Здесь оригинальное «subverted thinking» изменяется на более экспрессивное «взрывала свой процесс мышления», что

компенсирует утрату точного значения. Описательный перевод при исследовании переводческих трансформаций градации в романе Анны Бернс «Milkman» не обнаружен.

Оценка качества перевода с точки зрения коммуникативно-функционального подхода возможна в традиционных терминах эквивалентности (максимально возможная лингвистическая близость текста перевода к тексту оригинала) и адекватности (качество перевода, которое позволяет незатрудненно использовать текст перевода с той целью, с которой он был создан, в рамках определенной предметной деятельности участников акта межъязыковой коммуникации и/или инициатора перевода, осуществляемой в соответствующей коммуникативной ситуации), которые рассматриваются как нормативно оценочные категории и характеризуют результат перевода — текст.

Оценка качества перевода в терминах адекватности и эквивалентности возможна только на этапе осуществления перевода и его редактирования (для переводчика это своего рода само-оценивание, для редактора – предварительное оценивание) [7]. При переводе градации в произведении Анны Бернс «Milkman» на русский язык использовались оба принципа (эквивалентность и адекватность), в большей мере использовался принцип адекватности (76,8 %), в меньшей степени – принцип эквивалентности (23,04 %). Принцип адекватности при переводе градации в произведении Анны Бернс «Milkman» на русский язык используется чаще, чем принцип эквивалентности по ряду причин. Роман написан в форме потока сознания 18-летней героини, с использованием длинных предложений, многочисленных перечислений, повторов, асиндетона и других стилистических приёмов.

Цель перевода − передать особенности мышления и речи главной героини, отразить её внутренний мир. Эквивалентный перевод, стремящийся к буквальному воспроизведению формы, мог бы нарушить восприятие этой специфики. Адекватность позволяет сохранить дух и функцию оригинала, даже если форма частично трансформируется.

К основным инструментам данного анализа относятся: лексические (31 %), лексико-семантические (25 %), грамматические трансформации (22 %), калькирование (18 %) и лексико-грамматические трансформации (4 %). К сферам действия принципа адекватности при переводе градации в романе Анны Бернс «Milkman» относятся: лексические (31 %), лексико-семантические (25 %), грамматические трансформации (22 %), калькирование (18 %) и лексико-грамматические трансформации (4 %). К сферам действия принципа эквивалентности при переводе градации в романе Анны Бернс «Milkman» относятся: калькирование (18 %) и грамматические трансформации (22 %).

Библиографический список

1. Бернс, Анна. Книга в переводе. — URL : http://img1.liveinternet.ru/images/attach/d/3/13405/13405797_berns_anna__molochnik.pdf (дата обращения : 10.04.2026).

2. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.] ; под ред. В. Н. Степанова ; Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль: Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. — 256 с.

3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностранного языка / В. Н. Комиссаров. — М. : Высш. шк., 1990. — 253 с.

4. Песина, С. А. Теория перевода : учебник / С. А. Песина. – Москва : ФЛИНТА, 2023. − 300 с. − ISBN 978-5-9765-5285-2 // Лань : электронно-библиотечная система. − URL: https://e.lanbook.com/book/333341 (дата обращения : 07.03.2026).

5. Стругова, Г. С. Градация как стилистический прием художественной речи / Г. С. Стругова // Метеор-Сити. – 2016. – № 1. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/gradatsiya-kak-stilisticheskiy-priem-hudozhestvennoy-rechi (дата обращения : 15.04.2026).

6. Сухова, П. С. Лингвистические признаки градации в романе Анны Бёрнс «Milkman» / П. С. Сухова, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 90–94. – EDN MBTAEB.

7. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. − 136 с.

8. Burns, A. Milkman. London: Faber and Faber, 2018. — 368 p.

УДК 378.1

Качество перевода нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool Of Blue Thread» в рамках постпереводческого анализа

The Quality of Translation of Non-literary Colloquial Vocabulary and Phraseology in the Novel by Ann Tyler «A Spool Of Blue Thread» Within Post-translation Analysis

А. А. Трандина
студентка
E-mail: trandinaarina2004@mail.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: StepanovVN@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)

A. A. Trandina
Student
Scientific supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуются нелитературная разговорная лексика и фразеология в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» в рамках предпереводческого, переводческого и постпереводческого анализа. Описаны лингвистические признаки, трансформации, ис-

пользованные при переводе на русский язык, соответствие перевода принципам качества – адекватности и эквивалентности.

Ключевые слова: нелитературная разговорная лексика, нелитературная фразеология, переводческие трансформации, адекватность, эквивалентность.

Abstract

The article examines non-literary colloquial vocabulary and phraseology in the novel by Ann Tyler «A Spool of Blue Thread» within the framework of pre-translation, translation and post-translation analysis. It describes the linguistic features of non-literary colloquial vocabulary and phraseology units, its transformation via translation into Russian, the translation's compliance with principles of quality ─ equivalence and adequacy.

Keywords: non-literary colloquial vocabulary, non-literary phraseology, translation transformation, adequacy, equivalence.

Исследование посвящено анализу качества перевода нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» на русский язык. Актуальность данной темы заключается в том, что перевод нелитературной разговорной лексики и фразеологии представляет собой одну из зон повышенного риска в художественном переводе. Самой сложной задачей перевода было придать просторечную и разговорную окраску словам, которые в английском языке нейтральны, а сниженный стиль обозначен другими средствами, не характерными для языка перевода [4].

Сложность заключается в необходимости поиска компромиссных решений между дословной передачей формы и сохранением функционально-прагматической нагрузки единиц оригинала.

Объектом исследования служат переводческие трансформации нелитературной разговорной лексики и фразеологии в художественном произведении. Предмет исследования – качество перевода нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» в рамках постпереводческого анализа.

Цель исследования – систематизация переводческих трансформаций нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» в рамках предпереводческого, пеерводческого и постпереводческого анализов.

Источником языкового материала стали роман Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» и его перевод, выполненный Никитой Лебедевым.

По классификации В. Д. Девкина, нелитературная разговорная лексика классифицируется по степени сниженности [3]. В рамках данной классификации наибольший процент в корпусе нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» составила вульгарная лексика (45 %), это объясняется тем, что употребление вульгаризмов связано с намеренным нарушением языковых и этических норм с целью усиления экспрессивности высказывания. В данном случае для выражения сильных чувств и оценок — гнева, презрения, возмущения [7].

Чуть меньший процент в собранном корпусе занимает грубая лексика (33 %), это связано с тем, что многократное и частое использование героями романа подобных грубых фраз придает изложению автора более реалистичную манеру разговора и делает ее более эмоциональной [7].

Равное процентное количество занимают фамильярная лексика и бранная лексика (11 %).

По классификации М. Н. Кожиной, нелитературная разговорная лексика классифицируется по сфере употребления [5].

В рамках уже данной классификации наибольший процент в корпусе нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» составил сленг (56 %).

Использование сленга автором обусловлено тем, что сленговые слова и выражения используются преимущественно для того, чтобы показать «живость» речи героев [6]. Чуть меньший процент занимает просторечная лексика (33 %).

Просторечная лексика была использована для создания реалистичной речевой характеристики персонажей [5].

И наименьший процент занимает жаргонная лексика (11 %), ввиду её узуальной ограниченности и прагматической специфики.

Рассмотрим подробнее нелитературную фразеологию в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread». По классификации Яранцева Р. И. нелитературная фразеология классифицируется на эмоции и чувства человека, свойства и качества характера и характеристику явлений и событий [12].

Наибольший процент в корпусе нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» занимают эмоции и чувства человека (66 %). Это связано с тем, что фразеологизмы, использованные автором, эмоционально оценочны. Равную долю занимают свойства и качества характера, а также характеристика явлений и событий (17 %).

Н. М. Шанский классифицировал нелитературную фразеологию по стилистике, в данной классификации учитывается деление фразеологизмов на разговорные, просторечные и грубые [11]. Наибольшую долю в корпусе нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» занимает разговорная фразеология (83 %). Разговорная фразеология – устойчивые выражения, используемые при разговоре с собеседником. Наименьшую долю занимает просторечная фразеология (17 %), грубые фразеологизмы не обнаружены.

В результате переводческого анализа нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» (перевод выполнен Никитой Лебедевым) выявлено 20 единиц переводческих трансформаций нелитературной разговорной лексики и нелитературной фразеологии в переводе романа Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread».

По классификации В. Н. Комиссарова [6] переводческие трансформации подразделяются на лексические, грамматические и комплексные, а также на лексические приёмы. В ходе анализа лексических трансформаций при переводе нелитературной разговорной лексики в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» было установлено, что контекстуальная замена является наиболее частотным приёмом (60 %), что свидетельствует о её доминирующей роли при передаче прагматических особенностей нелитературной лексики. В свою очередь калькирование характеризуется наименьшей продуктивностью и составляет 40 %.

В рамках исследования грамматических трансформаций при переводе нелитературной разговорной лексики в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» установлено, что единственным задействованным приёмом является синтаксическое уподобление, зафиксированное в 100 % анализируемых случаев.

Статистическая обработка данных показала, что приёмы добавления и опущения являются равнопредставленными в выборке, каждая из этих стратегий охватывает ровно половину (50 %) случаев применения лексических приёмов.

В рамках применения лексических трансформаций при переводе нелитературной фразеологии было зафиксировано равномерное распределение частотности между контекстуальной заменой и модуляцией, доля каждой из которых составила 50 %.

При переводе нелитературной фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» используется та же грамматическая трансформация, что и при переводе нелитературной разговорной лексики – синтаксическое уподобление (100 %).

Среди комплексных трансформаций при переводе нелитературной фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» обнаружено только целостное преобразование (100 %).

В рамках исследования лексических приёмов при переводе нелитературной фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» установлено, что единственным задействованным приёмом является опущение, зафиксированное в 100 % анализируемых случаев.

Весь материал, собранный на предпереводческом этапе и проанализированный в ходе переводческого анализа, в рамках постпереводческого анализа стал предметом рассмотрения с точки зрения качества перевода.

Ключевые понятия качества перевода рассматриваются в данной работе с точки зрения коммуникативно-функционального подхода как эквивалентность и адекватность. В соответствии с определением, представленным в учебном пособии В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова, эквивалентность рассматривается как максимально возможная лингвистическая близость текста перевода к тексту оригинала [1, с. 77].

Адекватность, в свою очередь, определяется как такое качество перевода, которое позволяет незатруднительно использовать текст перевода с той целью, с которой он был создан, в рамках определенной предметной деятельности участников акта межъязыковой коммуникации и/или инициатора перевода, осуществляемой в соответствующей коммуникативной ситуации [1, с. 77].

Все отобранные языковые единицы были проанализированы с точки зрения данных принципов. В качестве материала для анализа была избрана совокупность нелитературной разговорной лексики и фразеологии, рассматриваемая как единый корпус единиц.

При переводе нелитературной фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» на русский язык действуют оба принципа качества перевода. Принцип адекватности в данном соотношении доминирует (53 %) и способствует передаче общего смысла, коммуникативной функции и прагматического эффекта оригинала с учётом норм языка перевода.

В исследуемом материале на базе перевода романа Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» на русский язык, выполненный Никитой Лебедевым, данный принцип реализуется чаще, поскольку переводчик стремится обеспечить естественность звучания текста и его доступность для русскоязычного читателя.

При переводе нелитературной фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread» на русский язык принцип эквивалентности также используется (47 %) и ориентирован на максимально возможную близость перевода к оригиналу на уровне структуры. Переводчик применяет принцип эквивалентности в тех случаях, когда нелитературная разговорная лексика может восприниматься без глубокой семантической адаптации. Перевод фразеологических единиц выдвигает множество проблем, главной из которых является компенсация фразеологической лакунарности путем подбора единиц, имеющих наибольшую степень эквивалентности [2].

В ходе постпереводческого анализа установлено, что качество перевода, а именно принципы эквивалентности и адекватности, является почти равным при переводе нелитературной разговорной лексики и фразеологии в романе Энн Тайлер «A Spool of Blue Thread». Это проявляется в гибком чередовании приёмов контекстуальной замены и семантического калькирования.

В тех случаях, когда идиоматическое выражение допускает дословный перевод без ущерба для узуса русского языка, переводчик прибегает к эквивалентности. Однако при отсутствии прямых соответствий или угрозе дословности приоритет отдаётся адекватности, что выражается в использовании модуляции или описательного перевода для сохранения прагматического эффекта.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. — 136 с. — ISBN 978-5-93002-408-1 // Лань : электронно-библиотечная система. — URL : https://e.lanbook.com/book/454172 (дата обращения : 25.03.2026).
2. Газизова, Л. Г. Проблема переводческой эквивалентности на материале фразеологизмов испанского, английского и русского языков / Л. Г. Газизова // Kpfu : [сайт]. — URL : https://kpfu.ru/staff_files/F1176321177/PROBLJeMA_PJeRJeVODCJeSKOI_EKVIVALJeNTNOSTI1.pdf (дата обращения : 15.04.2026).
3. Девкин, В. Д. Специфика словаря разговорной лексики / В. Д. Девкин // Немецко-русский словарь разговорной лексики — М. : Русский язык, 1994. — 768 с.
4. Казанская, Н. В. Способы передачи просторечий при переводе художественного текста с английского языка на русский / Н. В. Казанская // Язык и текст. – 2022. – № 9(3). – С. 7–15.
5. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностранного языка. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
7. Крылова, А. Вульгаризм / А. Крылова, Н. Бовкун // Знание. Вики : [сайт]. — URL : https://znanierussia.ru/articles/Вульгаризм (дата обращения : 11.04.2026).
8. Лепухова, Н. И. Прагматические отношения и перевод / Н. И. Лепухова // Актуальные вопросы современной науки. – 2014. – № 34. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-otnosheniya-i-perevod (дата обращения : 09.04.2026).
9. Немальцина, М. С. Просторечная и диалектная лексика в структуре художественного текста / М. С. Немальцина, Я. С. Никульникова // Вестник науки. – 2025. – № 3 (84). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/prostorechnaya-i-dialektnaya-leksika-v-strukture-hudozhestvennogo-teksta (дата обращения : 10.04.2026).
10. Парубенко, О. А. Особенности употребления молодёжного сленга в художественной литературе (на примере романа В. Херрндорфа «Tschick») : выпускная квалификационная работа : специальность 45.03.02 «Лингвистика» / О. А. Парубенко ; Амурский государственный университет. — Благовещенск, 2019. — 60 с.
11. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учебное пособие для студентов филологических факультетов / Н. М. Шанский ; предисл. Т. А. Бобровой. – Изд. 7-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 271 с.
12. Яраицев, Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник : Ок. 1500 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – М. : Рус. яз., 1997. – 845 с.

УДК 378.1

Структурно-семантические особенности эпитетов в романе Лианы Мориарти «Nine Perfect Strangers» в рамках предпереводческого анализа

Structural and Semantic Features of Epithets in Liane Moriarty's Novel «Nine Perfect Strangers» in the Pre-translation Analysis

А. И. Трофимова
студентка
E-mail: a.trofimova@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. I. Trofimova
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
Research supervisor — E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности эпитетов в романе Лианы Мориарти «Nine Perfect Strangers» и анализируются их стилистические функции. Результаты исследования показывают преобладание сложных составных и эмоционально-оценочных эпитетов, отражающих авторский стиль создания психологических портретов и интенсификации читательского восприятия через языковые средства выразительности.

Ключевые слова: эпитет, структурные типы, семантическая классификация, составные эпитеты, Лианы Мориарти, стилистический анализ, выразительность, художественная проза.

Abstract

The article examines the structural and semantic features of epithets in Liane Moriarty’s novel “Nine Perfect Strangers” and analyzes their stylistic functions. The results show the predominance of complex compound and emotional-evaluative epithets, reflecting the author's

style of creating psychological portraits and intensifying reader perception through linguistic means of expressiveness.

Keywords: epithet, structural types, semantic classification, compound epithets, Liane Moriarty, stylistic analysis, expressiveness, fiction.

Эпитет как стилистический приём остаётся одним из наиболее значимых средств создания образности в художественном тексте. В условиях развития современной англоязычной прозы, где авторы ищут способы эмоционального воздействия на читателя, изучение структурно-семантических особенностей эпитетов приобретает актуальность. Эпитет выполняет функцию характеристики персонажей, создания атмосферы повествования и усиления авторской позиции [1; 2; 4].

Произведение австралийского автора Лианы Мориарти «Nine Perfect Strangers» (2018) рассматривается как пример современного психологического романа, в котором стилистические средства играют ключевую роль в раскрытии внутреннего мира персонажей и создании напряжённой атмосферы [6; 7]. Директор пансионата «Транквиллум-хаус» Маша обещает гостям трансформацию личности за 10 дней. Программа включает в себя йогу, медитации, строгую диету и другие практики, которые должны помочь преодолеть физические и ментальные проблемы. Однако методы Маши выходят за рамки этичности. История Маши связана с травматическим опытом, вдохновившим её на создание оздоровительного центра. И хотя намерения могут быть благими, стратегии, которые она использует, этически проблематичны. Роман исследует оправданность методов, которые могут причинить травму ради «исцеления».

Разнообразие и интенсивность использования эпитетов в тексте делает произведение с элементами жанра герметичного детектива перспективным объектом лингвостилистического анализа. Жанр романа предлагает представление реальности, переосмысленной автором с точки зрения конкретной науки, близкой мировоззрению писателя, что приводит к тому, что каждый раз автор создает новую реальность [3, с. 15].

В ходе исследования автором были выявлены и проанализированы типы эпитетов, использованные автором для создания образности и эмоционального эффекта в романе, описаны структурные типы эпитетов, классифицированы эпитеты по семантико-функциональным признакам, определены доминирующие типы эпитетов и их роль в создании образной системы произведения.

Объектом исследования является роман Лианы Мориарти «Nine Perfect Strangers», изданный на английском языке в 2018 году [8]. Были проанализированы структурно-семантические особенности эпитетов и их функциональная нагруженность в тексте произведения.

Методика исследования включала в себя:

— сплошную выборку эпитетов из полного текста романа на английском языке, состоящую из 70 примеров;

— распределение примеров по структурным типам и семантическим группам;

— сопровождение каждого примера контекстом и переводом на русский язык для уточнения авторской интенции;

— оценку экспрессивности эпитетов с точки зрения их способности создавать эмоциональный эффект и усиливать художественное впечатление от текста.

Актуальность исследования объясняется тем, что эпитет является одним из ключевых инструментов воздействия автора на читателя и средством передачи авторского отношения к описываемому. В тексте подчёркивается значимость экспрессивности как механизма влияния на восприятие читателя через образные средства.

Эпитет определяется как образное прилагательное или образное наречие, придающее описываемому предмету или явлению дополнительные выразительные черты и подчёркивающее существенные признаки.

По определению И. Р. Гальперина, эпитет — стилистический приём, основанный на семантико-прагматическом взаимодействии двух номинативных единиц, одна из которых получает переносное значение [4]. По мнению ученого, эпитет служит механизмом создания экспрессивности текста, поскольку он не только номинирует, но и оценивает, выражая эмоционально-образное содержание.

В рамках структурной классификации И. В. Арнольд выделяет простые, сложные и составные эпитеты [1]. К простым эпитетам относятся одиночные прилагательные, например: sad, poor, invisible, gentle. К сложным эпитетам относятся дефисные образования, например: tomato-red, gold-coloured, sleepy-eyed. Составные эпитеты представлены словосочетаниями, например: dead white.

Семантическая классификация включает качественные, метафорические и эмоционально-оценочные эпитеты, причём эмоционально-оценочные эпитеты рассматриваются как значимые для экспрессивного фона повествования. Функциональный анализ эпитетов позволяет выявить их роль в создании портретов персонажей, передаче психологического состояния, формировании авторской позиции и интенсификации эмоционального воздействия на читателя.

Адекватность перевода заключается в том, что решение, принимаемое переводчиком, зачастую носит компромиссный характер. Перевод требует жертв и в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте переводчику нередко приходится идти на определенные потери. На практике адекватность перевода обеспечивается профессиональным чутьем переводчика и целесообразным использованием переводческих трансформаций [5, с. 289].

Анализ эпитетов в романе «Nine Perfect Strangers» выполнен на материале 70 примеров, выделенных методом сплошной выборки из полного текста романа. Каждый пример в исследовании сопровождается контекстом и переводом на русский язык, что используется для интерпретации авторской интенции. Сделан вывод о доминировании сложных составных эпитетов как наиболее частотного и стилистически яркого типа, а также о преобладании эмоционально-оценочных эпитетов, ориентированных на психологическую характеристику.

Простые эпитеты используются для краткого, ёмкого описания предметов, явлений и персонажей, например: a sad little knot, the poor PA, Invisible to most. Сложные эпитеты представлены как частотный и экспрессивный тип и иллюстрируются, в том числе, примерами: tomato-red face, canary-yellow, sleepy-eyed, а также plummy accent как характеристика речи персонажа. Составные эпитеты (наречие + прилагательное и близкие модели) представлены примерами dead white, stately drive, glaring white-hot light и рассматриваются как средство наложения семантических слоёв для усиления выразительности.

Семантико-функциональный анализ фиксирует группы эпитетов, ориентированные на создание визуальных образов (например, amazing long curly auburn hair, shimmery-shiny with futuristic headlights). Отдельно выделяются эмоционально-психологические эпитеты (например, white-hot anger, utter sadness, pretend grief) как средства передачи внутреннего состояния персонажей и формирования эмоционального резонанса у читателя. Также выделяются социально-характеризующие эпитеты (например, posh accents, spiky-haired guys, trashy events) и интенсифицирующие эпитеты (например, eye-watering rates, mournful cry), усиливающие оценку и атмосферу.

В исследовании приводится распределение эпитетов по функциональным типам: визуально-описательные (19 примеров; 27 %), эмоционально-психологические (18 примеров; 26 %), социально-характеризующие (15 примеров; 21 %), интенсифицирующие (10 примеров; 14 %), прочие — атмосферные и оценочные (8 примеров; 12 %). На основании этих данных делается вывод о доминировании визуально-описательных и эмоционально-психологических эпитетов, что соотносится с жанровой спецификой психологического романа и ориентацией на изображение внутреннего мира персонажей.

Анализ ключевых примеров включает, в частности, эпитет animal в контексте animal panic как метафорическое усиление инстинктивной природы страха персонажа. Рассматривается пример white-hot anger в сопоставлении с utter sadness как средство интенсификации и контраста эмоциональных состояний при описании семейных отношений и творческих кризисов. В качестве иллюстрации портретной функции приводится gold-coloured hair как эпитет, формирующий визуальную и символическую характеристику внешности.

В заключение следует отметить, что структурно-семантические особенности эпитетов в романе «Nine Perfect Strangers» связаны со стилистической стратегией автора, ориентированной на создание ярких образов и экспрессивную насыщенность. Подчёркивается, что эпитеты выполняют не декоративную, а функциональную роль инструмента психологической характеристики и формирования атмосферы напряжённости. Экспрессивность, формируемая систематическим использованием эпитетов, рассматривается как ключевой фактор авторского воздействия на читателя и формирования эстетического переживания.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. — М. : Флинта; Наука, 2002. — 384 с.

2. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2024. – 136 с.

3. Бодунов, К. Е. Лингвистические признаки эпитетов в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» в рамках предпереводческого анализа / К. Е. Бодунов, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 14–19. – EDN XUBDYA.

4. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. — 462 с.

5. Кряклин, А. В. Переводческие трансформации эпитетов в переводе книги Сары Джио «The Last Camellia» в рамках предпереводческого анализа / А. В. Кряклин // Молодая наука – 2024 : сборник материалов XV Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 13–14 апреля 2024 года. – Ярославль : Международная академия бизнеса и новых технологий, 2024. – С. 288–293. – EDN CFAXNF.

6. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.] ; под ред. В. Н. Степанова ; Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. — 256 с.

7. Региональная и социальная вариативность изучаемого языка / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2018. – 104 с. – ISBN 978-5-93002-369-5. – EDN ADANMT.

8. Moriarty L. Nine Perfect Strangers. — N.Y. : Flatiron Books, 2018. — 480 p.

УДК 378.1

Лингвистические признаки американского варианта английского языка в художественном тексте в рамках предпереводческого анализа (на материале романа Р. П. Уоррена «All the King's Men»)

Linguistic Features of the American Variant of English in a Literary Text in the Pre-translation Analysis (Based on the Novel by R. P. Warren «All the King's Men»)

Д. О. Устюжанина
студентка
E-mail: do.ustyuzhanina@edu.mubint.ru
научный руководитель — В. Н. Степанов
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
проректор по управлению знаниями
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
член Союза журналистов Российской Федерации
E-mail: stepanovvn@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. Е. Милосердова
старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций
E-mail: miloserdovaee@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
D. O. Ustyuzhanina
Student
Research supervisor — V. N. Stepanov
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Mass Communications
Vice-Rector for Knowledge Management
Merited Educator of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Journalists of the Russian Federation
Research supervisor — E. E. Miloserdova
Senior Lecturer of the Department of Mass Communications
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются лингвистические особенности американского варианта английского языка, реализованные в художественном тексте на материале романа Роберта Пенна Уоррена «All the King's Men». Выявлены и систематизированы характерные черты американского английского на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, а также дано определение их стилистических и социокультурных функций в литературном произведении. Методологическую основу составили контекстуальный анализ, описательный и сопоставительный методы. В результате исследования установлено, что автор активно использует американизмы, диалектизмы, разговорные и жаргонные формы, а также специфические грамматические конструкции для создания аутентичной речевой среды, речевой характеристики персонажей и отражения социокультурной специфики американского Юга первой половины XX века. Работа основана на теоретических положениях о территориальной и социальной вариативности языка, согласно которым диалекты выступают не только как средство локальной идентификации, но и как маркер социального статуса и образования персонажей.

Ключевые слова: американский вариант английского языка, американизмы, диалектизмы, лингвистический анализ, художественный текст, Роберт Пенн Уоррен, «All the King's Men».

Abstract

The article examines the linguistic features of the American version of English, implemented in a literary text based on the novel «All the King's Men» by Robert Penn Warren. The purpose of the study is to identify and systematize the characteristic features of American English at the lexical, grammatical and syntactic levels, as well as to determine their stylistic and sociocultural functions in a literary work. The methodological basis consists of contextual analysis, descriptive and comparative methods. As a result of the research, it was found that the author actively uses Americanisms, dialectisms, colloquial and slang forms, as well as specific grammatical constructions to create an authentic speech environment, speech characteristics of characters and reflect the socio-cultural specifics of the American South of the first half of the 20th century. The work is based on theoretical assumptions about the territorial and social language variability, according to which dialects act not only as a means of local identification, but also as a marker of social status and education of characters.

Keywords: American version of English, Americanisms, dialectisms, linguistic analysis, artistic text, Robert Penn Warren, «All the King's Men».

В современной лингвистике особый интерес представляет изучение национальных вариантов языка через призму художественной литературы, где языковая система становится не только средством коммуникации, но и активным инструментом создания художественного мира [5]. Американский вариант английского языка, сформировавшийся как самостоятельная норма, обладает устойчивым комплексом отличий на всех уровнях [6; 7; 8; 9]. Эти отличия особенно рельефно проявляются в литературных произведениях, авторы которых стремятся к аутентичному воспроизведению речевой среды. Как отмечается в современных учебных пособиях, диалекты и региональные варианты языка противопоставляются литературному стандарту по ряду характеристик: относительная замкнутость, высокий уровень вариативности, устная форма реализации и отсутствие кодификации [7].

Исследование проводилось на материале художественного текста. Оригинал произведения Роберта Пенна Уоррена «All the King's Men» относится к роману – литературному жанру, чаще прозаическому, зародившемуся в средние века у романских народов и превратившегося в самый распространенный вид эпической литературы. От повести он отличается объемом, сложностью содержания и более широким захватом описываемых явлений [2, с. 15].

Роман Роберта Пенна Уоррена «All the King's Men», являясь классикой американской литературы XX века, предоставляет богатый материал для анализа. Лингвистическая ткань этого романа сознательно выстроена как отражение социокультурного и регионального контекста американского Юга, где язык выступает ключевым маркером идентичности персонажей, их социального статуса и внутренней эволюции. Новаторским является введение в роман афроамериканского диалекта. Драма отошла от реализма, приобрела кинематографический характер и стала намного динамичней [7, с. 153].

На лексическом уровне произведение насыщено характерными для американского английского элементами. Прежде всего, это базовые американизмы, обозначающие бытовые реалии: trash вместо британского rubbish, sidewalk вместо pavement, fall вместо autumn. Их употребление в повествовании и диалогах носит не маркированный, а естественный характер, формируя фоновое восприятие американской действительности. Более специфический пласт составляет региональная лексика, связанная с жизнью Юга: cornbread, grits, bayou, county fair. Эти лексемы выполняют функцию локализации, погружая читателя в конкретный географический и культурный контекст. В данном случае,

по мнению В. Н. Бабаяна и В. Н. Степанова, имеет место принципиальная многозначность языковых знаков и несовпадение этой многозначности в разных языках [1, с. 7].

Выразительную роль в оригинальном тексте играют диалектизмы и разговорные формы, используемые для речевой характеристики персонажей. Особую роль в идентификации персонажа играет так называемый «социально-территориальный диалект», где территориальные признаки тесно переплетаются с социальными. Например, использование тех или иных фонетических или лексических маркеров может указывать не только на регион происхождения героя, но и на его принадлежность к определенному социальному слою.

В речи Вилли Старка и его окружения широко представлены лексемы, типичные для американского устного языка: folks (люди, народ), fella (парень, мужик), guy (тип, человек), heck (эвфемизм для hell): The Adam’s apple worked a couple of times, and the Boss (курсив авторов) shook the hand which was hanging out there in the air as if it didn’t belong to anybody, and Old Leather-Face said, «We's grabblen» [10, с. 9]. Американизмы в произведении отражают политическую и бытовую реальность Америки 1930-х годов. Такие элементы, как y’all (you all), универсальное отрицание ain’t, редуцированные формы gonna, wanna, lemme и глагол reckon в значении «полагать», служат четким социальным маркером. Gonna, wanna, lemme характеризуют неформальный, разговорный английский язык.

Это распространенные сокращения (reductions), возникающие из-за быстрого произношения слов (running speech), характерные для повседневного общения, песен и фильмов, но не для деловой переписки. Их концентрация в речи того или иного героя прямо указывает на его происхождение, уровень образования и принадлежность к определенному социальному слою. Кроме того, автор активно включает в текст идиоматические выражения (bite the dust, bring home the bacon) и политический жаргон (backroom deal, fixer, smear campaign), что с одной стороны оживляет диалог, а с другой — точно отражает профессиональную среду, в которой разворачивается основной политический сюжет.

Такое устойчивое выражение, как smear campaign [smɪə(r) kæmˈpeɪn] переводится как «клеветническая кампания», «кампания по дискредитации» или «очернение» [11]. Это спланированная попытка нанести ущерб репутации человека, организации или группы путем распространения лжи, слухов, искаженной информации или преувеличенных негативных фактов.

Грамматический строй романа также демонстрирует признаки американской нормы, упрощенных грамматических конструкций. Ярким примером является последовательное использование причастия gotten вместо британского got (He had gotten used to it), что закреплено в авторитетных руководствах по американскому употреблению [8; 9]. Наблюдается и характерная для американского варианта английского языка тенденция к использованию Past Simple в контекстах, где британский стандарт предпочитает Present Perfect (I already told him вместо I have already told him).

Согласно данным исследований, отказ от Perfect Tenses в разговорном языке стал обычным явлением для американцев, что часто объясняется влиянием языков иммигрантов, в которых отсутствуют совершенные времена, а также общей тенденцией к упрощению грамматических структур [8]: «How's your boy?» the Boss asked; «Ain’t doen so good», Old Leather-Face allowed; «Sick?»; «Naw», Old Leather-Face allowed, «jail» [10, с. 9].

В данном случае синтаксическим конструкциям характерна парцелляция. Повествование от лица Джека Бёрдена в произведении строится при помощи коротких предложений, обрывков мыслей. Подобный синтаксический строй типичен для американской прозы XX века и создаёт эффект внутреннего монолога, «живого мышления».

Особого внимания заслуживают намеренные грамматические отклонения в речи отдельных персонажей: конструкции You was wrong или He don't care являются не ошибкой, а тонким стилистическим приемом.

С помощью грамматических отклонений Р. П. Уоррен передает необразованность, просторечие или эмоциональную напряженность речи, подчеркивая дистанцию между персонажами из разных социальных миров. Синтаксическая организация текста функциональна и контрастна. Диалоги и острые сцены часто строятся на коротких, рубленых предложениях и эллипсисе (Coming with us? Could be), что создает эффект динамики и живой устной речи, соответствующей прагматичной установке американского общения [4]. В противоположность этому, повествовательные фрагменты от лица рассказчика Джека Бёрдена отличаются сложными, развернутыми синтаксическими конструкциями, насыщенными метафорами и философскими отступлениями. Этот контраст в синтаксисе визуализирует ключевой конфликт между непосредственным действием и глубокой, болезненной рефлексией [3].

Таким образом, лингвистические особенности американского варианта английского языка в романе «All the King’s Men» выполняют системную художественную функцию. Они не являются просто фоном или средством бытового правдоподобия. Лексические, грамматические и синтаксические средства Роберта Пенна Уоррена становятся инструментом социальной и психологической характеристики, средством создания атмосферы места и времени, а также способом организации нарративного ритма.

Отметим, что за предубеждением против того или иного диалекта часто стоит предубеждение против его носителя; используя определенные языковые маркеры, Уоррен сознательно или подсознательно управляет отношением читателя к персонажу. Через специфическую языковую ткань автор исследует такие центральные темы романа, как власть и мораль, народное и элитарное, действие и самоанализ. Исследование данного текста подтверждает, что анализ национально-специфических языковых черт в художественной литературе выходит за рамки чистой лингвистики, открывая путь к более глубокому пониманию культурных кодов и авторского замысла.

Использование американизмов у Роберта Пенна Уоррена не является стилистическим украшением — это ключевой элемент поэтики романа. Через лексику и синтаксис автор показывает, как язык власти формирует реальность, а национальный характер — политическую судьбу. Американизмы в «All the King’s Men» создают национально-культурную специфику текста, формируют достоверный образ американской политики, характеризуют персонажей.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Теория перевода : учебное пособие / В. Н. Бабаян, В. Н. Степанов. – Ярославль : Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2024. – 136 с.

2. Бодунов, К. Е. Лингвистические признаки эпитетов в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» в рамках предпереводческого анализа / К. Е. Бодунов, В. Н. Степанов, Е. Е. Милосердова // Молодая наука – 2025 : сборник материалов XVI Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов, Ярославль, 21–25 апреля 2025 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2025. – С. 14–19. – EDN XUBDYA.

3. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. — М. : Высшая школа, 1981. — 334 с.

4. Крысин, Л. П. Современный английский язык: американский вариант / Л. П. Крысин. — М. : URSS, 2007. — 264 с.

5. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. — М. : Просвещение, 1988. — 256 с.

6. Ли, В. Английский язык в США / В. Ли, Э. Сазерленд. — М. : Прогресс, 1979. — 189 с.

7. История литературы и культуры стран изучаемых языков : учебное пособие / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – 256 с. – EDN FSKLOG.

8. Региональная и социальная вариативность изучаемого языка / В. Н. Степанов, И. В. Козина, А. А. Введенская [и др.]. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2018. – 104 с. – ISBN 978-5-93002-369-5. – EDN ADANMT.

9. Mencken, H. L. The American Language / H. L. Mencken. — N. Y. : Knopf, 1977. — 769 p.

10. Warren, R. P. All the King's Men / R. P. Warren. — Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2006. — 661 p.

11. Cambridge dictionary online. — URL : https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/smear-campaign?q=Smear+campaign (дата обращения: 10.02.2026).

УДК 81-2

Роль стилистической окраски слова и её передача при переводе

The Role of a Word's Stylistic Coloring and its Conveyance in Translation

А. В. Фомина
студентка
E-mail: av.fomina@edu.mubint.ru
научный руководитель — Е. О. Глушкова
кандидат педагогических наук
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: e.glushkova@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. V. Fomina
Student
Supervisor — E. O. Glushkova
Candidate of Pedagogical Sciences
Associate Professor of the Department of Humanities
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Статья посвящена одной из актуальных задач современного переводоведения: обеспечению адекватной передачи стилистических характеристик лексики в процессе перевода художественных текстов. Особое внимание уделено специфике трансляции языковых игр, опирающихся на омонимию и зевгму, которые создают особые сложности при переходе между языковыми системами.

Ключевые слова: стилистическая окраска, перевод, экспрессивность, эквивалентность, коннотация, игра слов, зевгма, омонимы.

Abstract

This article addresses one of the pressing issues in modern translation studies: ensuring the adequate transfer of lexical stylistic features in the translation of literary texts. Particular attention is paid to the specifics of translating linguistic games that rely on homonymy and zeugma, which present particular challenges when transitioning between linguistic systems.

Keywords: stylistic coloring, translation, expressiveness, equivalence, connotation, pun, zeugma, homonyms.

В современном мире деятельность переводчиков является неотъемлемой частью в межкультурной коммуникации, обеспечивая взаимодействие между носителями разных языков. Важную роль при этом приобретает передача стилистической окраски слов и выражений, именно это способствует определению выразительности текста, его эмоциональной насыщенности и соответствие оригинальному замыслу автора.

Актуальность данной темы заключается в увеличении объёма межкультурного обмена во всех сферах жизни. Для чего необходим качественный перевод, он помогает адаптировать информацию для более лёгкого восприятия.

Исследование специфики передачи стилистической окраски слова при переводе, с особым фокусом на сложные случаи (игра слов, омонимия, зевгма) является целью данной статьи. Основная задача данной статьи заключается в определении значения «стилистическая окраска слова» в контексте художественного перевода, а также анализ распространённых переводческих стратегий для сохранения стилистической окраски.

Стилистическая окраска слова — это дополнительный смысл или экспрессивный оттенок, который возникает у слова благодаря частотному использованию в определённом стиле, особых условиях применения или эмоциональной оценке говорящего. Она определяет уместность использования слова в конкретной речевой ситуации и влияет на выразительность текста. При переводе передача стилистической окраски — сложная задача, которая требует учёта национальных особенностей языков, контекста и функций стилистических средств.

Почти в каждом тексте есть различные средства выразительности: метафоры, сравнения, особые обороты речи. Они придают высказыванию более яркую эмоциональную окраску. При переводе важно правильно передать смысл этих элементов, так как иногда его приходится менять, чтобы сохранить нужное впечатление у читателя на другом языке.

В практике перевода выделяют следующие ключевые стратегии работы со стилистической окраской текста:

— Поиск прямого эквивалента. Предполагает подбор в языке перевода лексической единицы, которая не только передаёт исходное значение, но и сохраняет аналогичную стилистическую маркированность. Это наиболее предпочтительный способ, если подходящий вариант существует.

— Подбор функционального аналога. Используется, когда точное соответствие отсутствует: выбирается выражение, которое вызывает у целевой аудитории реакцию, максимально близкую к реакции носителей исходного языка, даже если лексический состав различается.

— Компенсационный приём. Применяется в ситуациях, когда невозможно напрямую передать стилистический эффект в том же фрагменте текста. Тогда этот эффект воссоздаётся в другой части высказывания или отрывка — на ином языковом уровне.

— Адаптация стилистического уровня. Подразумевает сознательную корректировку стилистической окраски с опорой на нормы и ожидания целевой аудитории: например, смягчение грубости или повышение торжественности высказывания.

— Опущение стилистической окраски. Оправдано в случаях, когда попытка её сохранить ведёт к искажению общего смысла, звучит неестественно или противоречит нормам языка перевода.

Функции стилистической окраски в тексте:

— выразительная — обогащает повествование, придаёт ему выразительность насыщенность;

— экспрессивная — наглядно передает эмоциональное состояние, настроение, отражает позицию автора или персонажа;

— стилистическая — способствует формированию определённого тона, передаёт атмосферу времени, социальные особенности или создаёт комический эффект;

— коммуникативная — оказывает влияние на восприятие текста аудиторией, формирует у читателя определённое отношение к излагаемому.

Перевод стилистически окрашенной лексики обычно представляет дополнительные затруднения, так как поиски эквивалента для лексемы оригинала усложняются наличием в ней, помимо денотативного, коннотативного значения. Избранный при переводе эквивалент должен отразить все многообразие функций лексических единиц оригинала, в том числе развитие в нем экспрессивной и эмоциональной коннотации. Это объясняет необходимость лингвистического анализа произведения и его переводов в сопоставительном аспекте.

Основными трудностями при переводе эмоционально окрашенной лексики являются, следующие проблемы: сохранение эмоционально-оценочных коннотаций, образного компонента и лексической ассоциативности и перевод эмоционально-оценочной лексики требует привлечения особой комплексной переводческой технологии [1].

Как отмечают исследователи, одной из самых сложных задач в переводе является передача игры слов. В большинстве случаев в игре слов переводчик может найти соответствие в русском языке, правда это требует, как знания различных видов игры слов, требующих разных подходов, так и языковой находчивости. Достаточно часто игра слов основывается на многозначности слова или словосочетания. Самый распространенный и самый трудный для перевода вид игры слов – основанный на использовании полных или частичных омонимов. Ещё один вид игры слов – зевгма, основанная на сочетании многозначного слова с несколькими другими в разных смысловых и синтаксических планах, т. е. с одним оно образует свободное словосочетание, с другим – фразеологическую единицу [2].

Передача стилистической окраски при переводе — это не просто техническая задача, а сложный творческий процесс, который выходит далеко за рамки подбора лексических соответствий. Его задача состоит в воссоздании коммуникативного и эстетического эффекта оригинала средствами другого языка, с учётом множества взаимосвязанных факторов. Поэтому стилистические компоненты часто не имеют прямых аналогов в языке перевода. Например, шутливое выражение в одном языке может звучать грубо в другом, а возвышенная формула — казаться напыщенной или устаревшей. И этот процесс затрудняет деятельность переводчика, поэтому практике специалист комбинирует несколько стратегий, выбирая наиболее уместную для каждого случая перевода.

Сохранение стилистических нюансов при переводе выступает критически важной задачей, ведь они несут в себе не просто информационную ценность, а формируют эмоциональный фон, задают оценочную рамку и отражают социальные коннотации высказывания. Тем не менее, в реальной переводческой практике специалисты регулярно сталкиваются с комплексом препятствий, затрудняющих достижение этой цели.

Прежде всего, проблема кроется в несовпадении стилистических систем разных языков. К примеру, английское слово «dude» обладает непринуждённо-дружелюбной окраской, однако в русском языке отсутствует его стопроцентный эквивалент.

Переводчику приходится искать компромисс, выбирая из нескольких вариантов с разной стилистической нагрузкой: «чувак» (ярко выраженная разговорная, даже сниженная лексика), «парень» (нейтральная форма без особых коннотаций) или «дружище» (фамильярно-добродушное обращение). Каждый из вариантов передаёт исходный смысл лишь частично, неизбежно смещая стилистически баланс.

Успешный перевод стилистически окрашенного текста — это результат тонкого баланса. С одной стороны, нужно остаться верным исходному тексту и передать его экспрессию и нюансы. С другой — адаптировать форму так, чтобы она органично вписалась в нормы и ожидания целевой аудитории. Итогом становится не копия, а самостоятельное произведение на языке перевода, которое вызывает у читателя тот же отклик, что и оригинал у своей аудитории.

Библиографический список

1. Абдуллаев, М. А. Особенности перевода эмоционально окрашенной лексики и основные аспекты её межъязыковой передачи / М. А. Абдуллаев, Р. Х. Навбатова, Г. Г. Балабонова // Молодой ученый. — 2020. — № 17 (307). — С. 436–439.

2. Воронцова, Ю. А. Отражение эмоциональной лексики в переводе / Ю. А. Воронцова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 8-2. – С. 11–14.

Секция «Трансформация права в современных условиях»

УДК 343.533

Преступления против интеллектуальной собственности в цифровую эпоху

Crimes Against Intellectual Property in the Digital Age

М. А. Боринских
студент
E-mail: borinskikh2004@mail.ru
П. А. Чирков
E-mail: Chirkovpan@mail.ru
доцент кафедры юриспруденции
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
M. A. Borinskikh
Student
P. A. Chirkov
Associate Professor of the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Статья посвящена уголовно-правовым аспектам борьбы с преступлениями против интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации. Рассматриваются проблемы применения традиционных составов преступлений к новым формам противоправной деятельности в сети Интернет, квалификации деяний, совершенных с использованием технологий искусственного интеллекта, сложности действия уголовного закона в пространстве при трансграничном характере киберпреступлений. Обосновывается необходимость модернизации уголовного законодательства с учетом технологически-нейтрального подхода и специфики цифровых форм посягательств на интеллектуальную собственность.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, цифровизация, угроза, ИИ, уголовное право, уголовный закон, преступление, состав преступления, предмет преступления.

Abstract

The article is devoted to the criminal law aspects of combating crimes against intellectual property in the context of digital transformation. It examines the problems of applying traditional criminal offenses to new forms of illegal activity on the Internet, the qualification of acts committed using artificial intelligence technologies, and the complexity of the application of criminal law in space due to the cross-border nature of cybercrimes. The article substantiates the need to modernize criminal legislation, taking into account a technology-neutral approach and the specific features of digital forms of attacks on intellectual property.

Keywords: intellectual property, digitalization, threat, AI, criminal law, criminal statute, crime, elements of a crime, subject of a crime.

В системе уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в последние десятилетия происходят изменения, обусловленные стремительной цифровизацией общественных отношений. Если традиционно посягательства на авторские, смежные права и товарные знаки были связаны с материальными носителями и ограниченной территорией распространения, то цифровая эпоха придала этим деяниям латентный, массовый и трансграничный характер. Уголовное право, будучи по своей природе наиболее консервативной отраслью, призванной охранять социум от общественно опасных деяний, с трудом адаптируется к реалиям, в которых объект преступления существует в нематериальной форме, а само деяние может быть совершено одним лицом в отношении неограниченного круга потерпевших в глобальном масштабе.

Актуальность уголовно-правового исследования данной проблематики обусловлена не только ростом количества регистрируемых преступлений, но и появлением качественно новых способов совершения деяний, которые с трудом вписываются в классические конструкции составов преступлений. Речь идет об использовании искусственного интеллекта для генерации контрафактного контента, о деятельности пиратских интернет-ресурсов, организаторы которых непосредственно не копируют и не распространяют файлы, а также о проблеме привлечения к ответственности владельцев маркетплейсов, на которых систематически реализуется контрафактная продукция. Эти обстоятельства требуют глубокого теоретического осмысления и выработки практических рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Классическое понимание объекта преступления в уголовном праве исходит из того, что объектом выступают общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Применительно к преступлениям против интеллектуальной собственности родовым объектом выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности, а видовым — отношения по поводу реализации исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Цифровая трансформация не меняет сущности объекта, но существенно трансформирует характер посягательств на него.

В цифровой среде предмет преступления утрачивает материальную форму, что создает определенные сложности для уголовно-правовой квалификации. Если при хищении контрафактных дисков мы имеем дело с материальным предметом, который можно изъять и приобщить к материалам уголовного дела, то в случае незаконного размещения фильма в открытом доступе предмет преступления — сам результат интеллектуальной деятельности в цифровой форме — существует лишь в виде совокупности байтов на сервере, который может находиться за пределами юрисдикции государства, где возбуждено уголовное дело [5; с. 51].

Это порождает серьезные доказательственные проблемы, поскольку для фиксации факта преступления необходимо надлежащим образом процессуально оформить обнаружение цифрового контента, установить его тождественность оригинальному произведению и подтвердить факт незаконного использования.

Особую сложность представляет определение предмета преступления в случаях, когда объект интеллектуальной собственности создается или видоизменяется с использованием технологий искусственного интеллекта.

Возникает вопрос: что именно выступает предметом преступного посягательства, когда нейросеть генерирует изображение, стилистически неотличимое от работ конкретного художника, или создает музыкальную композицию, имитирующую стиль популярного исполнителя? Является ли такое деяние нарушением авторских прав или речь должна идти о совершенно новом составе, связанном с неправомерным использованием результатов работы генеративных моделей? Уголовно-правовая доктрина пока не дает однозначных ответов на эти вопросы.

Объективная сторона преступлений против интеллектуальной собственности в цифровую эпоху характеризуется значительным разнообразием способов совершения деяния, многие из которых не были известны законодателю во время конструирования соответствующих уголовно-правовых норм. Традиционные составы, предусматривающие ответственность за незаконное использование объектов авторского права или товарного знака, предполагают активные действия, непосредственно направленные на введение в гражданский оборот контрафактной продукции. В цифровом пространстве границы этих действий существенно размываются.

Ключевой проблемой выступает квалификация деяний, связанных с созданием и функционированием так называемых пиратских интернет-ресурсов. Классическая схема предполагает, что лицо, желающее незаконно распространить охраняемое произведение, размещает его на сервере и предоставляет к нему доступ. Однако современные технологии позволяют создавать агрегаторы нелегального контента, которые сами файлы не хранят, а лишь систематизируют ссылки на них, размещенные на сторонних ресурсах. [24; с. 142].

С точки зрения уголовного права, возникает вопрос: образует ли деятельность по созданию и поддержанию такого агрегатора состав преступления, предусмотренный статьей о нарушении авторских и смежных прав? Если исходить из буквального толкования, то непосредственного незаконного использования (копирования, воспроизведения, распространения) не происходит. В то же время общественная опасность такой деятельности очевидна, поскольку именно благодаря работе агрегаторов нелегальный контент становится доступен массовому пользователю.

Не менее сложной является проблема определения момента окончания преступления в цифровой среде. В традиционном понимании преступление против интеллектуальной собственности считается оконченным с момента совершения действий по незаконному использованию. Но когда именно они совершаются в цифровой среде? В момент загрузки файла на сервер? В момент предоставления к нему доступа? В момент фактического скачивания или просмотра первым пользователем? От ответа на этот вопрос зависит возможность привлечения к уголовной ответственности и исчисление сроков давности.

Правоприменительная практика идет по пути признания преступления длящимся или продолжаемым, что позволяет учитывать весь период незаконного распространения контента, однако такой подход не всегда согласуется с доктринальными представлениями о конструкции конкретного состава.

Особого внимания заслуживает проблема исчисления крупного ущерба как квалифицирующего признака. Уголовное законодательство большинства стран, включая Россию, связывает наступление уголовной ответственности за нарушение интеллектуальных прав с причинением крупного ущерба. В цифровой среде определение размера ущерба представляет собой исключительно сложную задачу. Правообладатели обычно заявляют ущерб исходя из упущенной выгоды: стоимости несостоявшихся покупок или лицензионных отчислений за каждый факт незаконного использования.

Однако такой подход вызывает справедливую критику со стороны защиты, поскольку далеко не каждый пользователь, скачавший нелегальную копию, приобрел бы легальную при отсутствии такой возможности. Кроме того, один и тот же файл может быть скачан миллионы раз, и умножение его стоимости на количество скачиваний дает астрономические суммы, явно несоразмерные реальному ущербу. Отсутствие единой методики исчисления ущерба в цифровой среде порождает серьезные проблемы судебно-следственной практики и создает почву для злоупотреблений.

Субъективная сторона преступлений против интеллектуальной собственности традиционно характеризуется прямым умыслом: лицо осознает, что незаконно использует охраняемый результат интеллектуальной деятельности, предвидит возможность причинения крупного ущерба и желает этого. В цифровой среде доказывание умысла существенно осложняется.

Проблема заключается в том, что многие пользователи, особенно молодого возраста, не осознают противоправности своих действий, полагая, что раз информация доступна в интернете, она может быть свободно использована. С точки зрения уголовного права такое заблуждение может рассматриваться как фактическая ошибка, исключающая умысел.

Однако масштабы такого рода заблуждений ставят под сомнение саму возможность эффективной уголовно-правовой защиты, поскольку привлечение к ответственности десятков миллионов пользователей невозможно и нецелесообразно. В связи с этим уголовно-правовая доктрина все чаще обращается к проблеме ответственности не конечных потребителей, а организаторов пиратских ресурсов и производителей контрафакта, умысел которых доказывается значительно легче [6; с. 53].

Еще более сложной является проблема ответственности применительно к деятельности интернет-посредников. Владельцы маркетплейсов, провайдеры хостинга, операторы платежных систем могут не знать о том, что их платформы используются для распространения нелегального контента или продажи контрафакта. Однако после получения уведомления от правообладателя они должны принять меры по блокировке противоправного контента. Если такие меры не принимаются, возникает вопрос о возможности привлечения посредника к уголовной ответственности за соучастие или даже за соисполнительство.

Уголовно-правовая доктрина разрабатывает в этой связи концепцию «цивильно-правовой» и «уголовно-правовой» ответственности посредников, однако единого подхода пока не выработано. Очевидно, что для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить не просто факт бездействия после уведомления, а наличие умысла, направленного на содействие противоправной деятельности [3; с. 78]. Такой умысел может проявляться, например, в систематическом игнорировании многочисленных уведомлений от разных правообладателей или в создании специальных условий, облегчающих размещение нелегального контента.

Пожалуй, наиболее сложной проблемой уголовно-правового противодействия преступлениям против интеллектуальной собственности в цифровую эпоху является проблема определения юрисдикции. Традиционные принципы действия уголовного закона в пространстве (территориальный, гражданства, универсальный) исходят из возможности четкой локализации места совершения преступления. В цифровой среде такая локализация зачастую невозможна либо носит условный характер.

Если лицо, находящееся в одной стране, использует сервер, расположенный в другой стране, для распространения контрафактного контента, доступного пользователям по всему миру, местом совершения преступления с формальной точки зрения может считаться и место нахождения преступника, и место нахождения сервера, и любое место, где был получен доступ к контенту. Каждое государство, чьи граждане пострадали от преступления, имеет основания для привлечения виновного к ответственности по своему законодательству. Однако на практике реализовать такую ответственность крайне сложно из-за невозможности экстрадиции, отсутствия международных договоров о взаимной правовой помощи по таким категориям дел или банальной перегруженности правоохранительных органов [4; с. 22].

Усугубляется проблема различиями в уголовном законодательстве разных стран. Деяние, признаваемое преступлением в одном государстве, может быть вполне легальным или квалифицироваться как административное правонарушение в другом. Напри-

мер, в одних странах уголовная ответственность за нарушение авторских прав наступает независимо от размера ущерба, в других — только при наличии крупного ущерба, в-третьих — вообще отсутствует.

Это создает для транснациональных преступных групп возможности для выбора юрисдикции с наиболее мягким законодательством для размещения своей технической инфраструктуры. Такая практика, известная в международном уголовном праве как «forum shopping», в сфере интеллектуальной собственности приобретает угрожающие масштабы.

Выход из этой ситуации видится в развитии международного сотрудничества и гармонизации уголовного законодательства. Необходимо движение к признанию преступлений против интеллектуальной собственности, совершенных с использованием цифровых технологий, в качестве преступлений международного характера, что позволило бы применять универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве и облегчило бы процедуры экстрадиции и взаимной правовой помощи. Определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются в рамках Совета Европы, Европейского Союза и Всемирной организации интеллектуальной собственности, однако до создания эффективной системы международного уголовного преследования таких преступлений еще далеко.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности. Прежде всего, представляется необходимым отказ от привязки уголовной ответственности к крупному ущербу как обязательному признаку объективной стороны. В цифровую эпоху, когда одно действие может причинить вред неограниченному кругу правообладателей, а точное исчисление ущерба крайне затруднительно, такой подход утрачивает свою эффективность. Целесообразно перейти к конструкциям с формальным составом, где само деяние признается преступным независимо от наступивших последствий, либо установить альтернативные признаки объективной стороны, например, масштаб распространения контрафактного контента (количество пользователей, получивших к нему доступ, или размер полученного преступником дохода).

Кроме того, требуется уточнение уголовно-правовых норм применительно к новым способам совершения преступлений. Целесообразно включить в диспозиции статей указание на такие способы, как незаконное использование объектов интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, а также с использованием технологий искусственного интеллекта. При этом важно сохранить технологически-нейтральный характер норм, чтобы они могли применяться и к будущим, еще не известным технологиям.

Требует законодательного решения и проблема ответственности интернет-посредников. Представляется необходимым ввести в уголовное законодательство специальные нормы, устанавливающие ответственность за непринятие мер по блокировке нелегального контента после получения соответствующего уведомления от правообладателя, если такое бездействие повлекло причинение крупного ущерба или совершено неоднократно. При этом важно четко определить условия освобождения от ответственности, чтобы не создавать избыточного давления на добросовестных участников рынка.

Наконец, необходима интенсификация работы по гармонизации уголовного законодательства разных стран в сфере охраны интеллектуальной собственности. Наиболее перспективным представляется путь заключения многосторонних международных договоров, устанавливающих единые стандарты криминализации соответствующих деяний, а также упрощенные процедуры взаимной правовой помощи по данной категории уголовных дел.

В идеале следовало бы двигаться к созданию международного механизма уголовного преследования за наиболее опасные транснациональные преступления против интеллектуальной собственности, совершенные с использованием цифровых технологий.

Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности в цифровую эпоху сталкивается с серьезными вызовами, обусловленными несоответствием традиционных правовых конструкций новым формам общественно опасных деяний. Проблемы квалификации, исчисления ущерба, доказывания умысла, определения юрисдикции требуют не просто корректировки правоприменительной практики, но и глубокого переосмысления доктринальных подходов к пониманию преступлений против интеллектуальной собственности.

Цифровая трансформация ставит перед уголовно-правовой наукой задачу разработки новых теоретических моделей, способных адекватно описать и оценить общественную опасность деяний, совершаемых в виртуальном пространстве.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства в этой сфере должно идти по пути отказа от устаревших конструкций, привязывающих ответственность к материальным носителям и четкой территориальной локализации, и перехода к технологически-нейтральным нормам, ориентированным на сущность противоправного деяния независимо от способа его совершения.

Параллельно необходима активизация международного сотрудничества в целях создания эффективных механизмов преследования транснациональных преступлений против интеллектуальной собственности. Только такой комплексный подход позволит уголовному праву выполнить свою основную функцию — защиту наиболее значимых общественных отношений от наиболее опасных посягательств — в условиях стремительно меняющейся цифровой реальности.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 20.02.2026 : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения : 15.03.2026).

2. Нагорная, И. И. Уголовная ответственность за онлайн-преступления в сфере интеллектуальной собственности (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Серия 4. Государство и право. — 2018. — № 2. — С. 141–144. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-onlayn-prestupleniya-v-sfere-intellektualnoy-sobstvennosti-obzor (дата обращения : 15.03.2026).

3. Лопатина, Т. М. Интеллектуальная собственность и цифровизация: уголовно-правовой взгляд / Т. М. Лопатина, Е. А. Русскевич // Вестник РПАю — 2022. — № 3. – С. 76–82. — URL : https://journal.rpa.ru/Media/journal/archiv/2022/3/Вестник%20 %202022. %20№ %203-76-83.pdf (дата обращения : 15.03.2026).

4. Чирков, П. А. Об объекте преступлений в сфере компьютерной информации в российском уголовном праве / П. А. Чирков // Правовые вопросы связи. — 2012. — № 1. — С. 21–23.

5. Шагинян, Л. Х. Детерминанты преступлений против интеллектуальной собственности в РФ / Л. Х. Шагинян. — М. : МГЮУ О. Е. Кутафина, 2024 – 156 с. — URL : https://api.law-journal.ru/wp-content/uploads/202403_49.pdf (дата обращения : 15.03.2026).

6. Авторское право в интернете: защита контента, штрафы и судебные прецеденты // Agima : сайт. — URL : https://www.agima.ru/blog/managment/narushil-avtorskie-prava-shtrafy-do-1-2-mln-i-lishenie-svobody/ (дата обращения : 15.03.2026).

УДК 94 (430)

Законодательство Германии 1930–1940-х гг.: историко-правовой анализ

German Legislation of the 1930s–1940s: A Historical and Legal Analysis

К. О. Волкова
студентка
E-mail: v.ksysa004@gmail.com
С. В. Гроздилов
кандидат философских наук
доцент кафедры юриспруденции
E-mail: grozdilovsv@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
K. O. Volkova
Student
S. V. Grozdilov
Candidate of Philosophical Sciences
Associate Professor of the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье проводится историко-правовой анализ законодательных актов Германии периода национал-социализма (1933–1945 гг.). Рассматриваются ключевые нормативные документы, определившие трансформацию правовой системы Веймарской республики в инструмент тоталитарной диктатуры.

Ключевые слова: Германия, Третий рейх, национал-социализм, правовая система, Закон о чрезвычайных полномочиях, Нюрнбергские законы, расовая дискриминация, легитимность, правовой закон, тоталитарное государство, военная юстиция, история права, С.С. Алексеев, философия права.

Abstract

The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the legislative acts of Germany during the period of National Socialism (1933–1945). It examines the key regulatory documents that determined the transformation of the legal system of the Weimar Republic into an instrument of totalitarian dictatorship.

Keywords: Germany, Third Reich, National Socialism, legal system, Emergency Powers Act, Nuremberg Laws, racial discrimination, legitimacy, legal law, totalitarian state, military justice, history of law, S.S. Alekseev, philosophy of law.

Период 1930–1940-х годов в истории Германии является уникальным предметом для историко-правового исследования. Приход к власти национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) ознаменовался не просто сменой политического курса, но коренной трансформацией всей правовой системы страны. Формально многие акты принимались с соблюдением процедур, установленных Веймарской конституцией, однако их содержание вступало в неразрешимое противоречие с базовыми принципами права.

Цель данной статьи — провести сравнительный анализ ключевых законодательных актов Германии 1933–1945 годов и дать ответ на вопрос: можно ли считать эти законы правовыми в строгом юридическом смысле, или же они представляли собой форму легализованного произвола?

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления механизмов, при помощи которых тоталитарные режимы используют правовую форму для достижения антигуманных целей.

Конституционный переворот 1933 года: закон о чрезвычайных полномочиях. Ключевым актом, заложившим фундамент нацистской правовой системы, стал «Закон о защите народа и рейха» (Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich), принятый 24 марта 1933 года [1, с. 31].

Формально этот акт, более известный как закон о чрезвычайных полномочиях, был принят рейхстагом в порядке статьи 76 Веймарской конституции, допускавшей внесение в неё изменений. Однако условия его принятия нельзя признать свободным волеизъявлением: депутаты от коммунистической партии были уже арестованы или лишены мандатов, а зал заседаний был окружён отрядами штурмовыми отрядами (нем. Sturmabteilung) [1, с. 32].

Сравнительный анализ показывает разрыв между формой и содержанием. Статья 2 закона предоставляла имперскому правительству право издавать законы, которые могли отклоняться от положений конституции. Фактически это означало самоустранение парламента и ликвидацию принципа разделения властей. Закон отменял гражданские свободы и передавал чрезвычайные полномочия правительству во главе с рейхсканцлером Адольфом Гитлером, став заключительным этапом захвата национал-социалистами власти в Германии [2].

Если Веймарская конституция гарантировала основные права граждан, то закон 1933 года создал механизм для их полной отмены без формальной отмены самой конституции. Как отмечает П. Колотовкин, завершением демонтажа политической системы Веймарской республики стало именно издание этого закона, окончательно закрепившего в Германии диктатуру нацистов [1, с. 33].

Гитлер получил возможность править в обход парламента, а после смерти президента Гинденбурга в 1934 году власть фюрера стала абсолютной, соединив в себе полномочия главы государства, правительства и партии [3, с. 164].

Расовое законодательство: нюрнбергские законы 1935 года. Следующим этапом стало принятие 15 сентября 1935 года на съезде НСДАП в Нюрнберге двух законов: «Закона о гражданстве Рейха» (Reichsbürgergesetz) и «Закона об охране немецкой крови и немецкой чести» (Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre) [4].

«Закон о гражданстве Рейха» разделил население на «граждан» (Reichsbürger) и «подданных» (Staatsangehörige). Гражданином мог быть только тот, кто обладал «немецкой или родственной кровью». Политических прав лишались все, кто не подходил под этот критерий. Второй закон запрещал браки и внебрачные связи между евреями и подданными немецкой крови под страхом тюремного заключения [4].

Как отмечается в энциклопедии Холокоста, нацисты отвергали традиционные взгляды, в соответствии с которыми человек считался евреем, если он являлся членом еврейской религиозной или культурной общины. Вместо этого они утверждали, что евреи представляют собой расу, которая определяется рождением и кровью [5].

С формально-юридической точки зрения эти акты были оформлены как обычные законы, опубликованы в официальной печати (Reichsgesetzblatt) и имели все внешние признаки нормативных документов. Однако их содержание представляет собой отрицание самой идеи права. Нюрнбергские законы впервые в истории сделали критерием поражения в правах не вероисповедание или поведение, а происхождение, то есть неустранимый биологический признак [5].

Юридическая наука была поставлена на службу расовой теории. Особую роль сыграли комментарии к законам, подготовленные чиновниками Вильгельмом Штуккартом и Гансом Глобке, которые ввели сложные классификации («полные евреи», «полукровки», «евреи на одну восьмую»), придав расовой доктрине видимость логической стройности [6].

Как подчеркивает Б. А. Антонов, приоритетной чертой правовой системы Третьего рейха можно считать ликвидацию закона как источника права и индивида как правового субъекта, что придает нацистскому праву характер общественной системы, которая может функционировать только в условиях чрезвычайного положения, когда ограничены или отменены права и свободы человека и гражданина [7, с. 10].

Военная юстиция и чрезвычайное право периода Второй мировой войны. Эволюция военной юстиции в 1939–1945 годах демонстрирует еще одну характерную черту нацистского правотворчества — подчинение закона целям террора. С. И. Денисов в своем исследовании показывает, что в годы Второй мировой войны военно-судебная система Германии окончательно превратилась в карательный механизм [8, с. 78–82].

Если в период Веймарской республики военные суды сохраняли относительную независимость, то с началом войны была развернута сеть чрезвычайных судебных органов, включая Народную судебную палату (Volksgerichtshof), созданную декретом от 24 апреля 1934 года как чрезвычайный суд, занимавшийся рассмотрением дел о государственной измене, шпионаже и других политических преступлениях [9].

Принцип «nullum crimen, nulla poena sine lege» (нет преступления без указания на то в законе) был де-факто отменен. Судьи руководствовались не столько буквой закона, сколько «здоровым народным чувством» и указаниями партийных инстанций. Приговоры выносились за такие деяния, которые не были предусмотрены никакими законами, но, по мнению судей, подрывали боевой дух армии или верность фюреру [8, с. 80].

А. Н. Соколов и Л. Э. Котковский подчеркивают, что теоретическим обоснованием этого служили доктрины, разработанные Карлом Шмиттом и другими юристами: «необходимая оборона государства», «правовая помощь государству в случае чрезвычайного положения», теория «друг-враг» [3, с. 165].

Как отмечает К. Шмитт наиболее известен своим определением политики как основанной на различении друга и врага, а также своей открытой поддержкой нацизма [10]. Право перестало быть мерой свободы и превратилось в инструмент идентификации и уничтожения врагов режима [3, с. 165].

В целом, как отмечают А. Н. Соколов и Л. Э. Котковский, национал-социалистическая правовая наука была направлена против принципов правового государства, отрицая любую гуманизацию уголовного права [3, с. 163].

Проблема легитимности: являлись ли эти законы правовыми? Ответ на этот вопрос требует разграничения понятий «закон» и «право». В позитивистском смысле акты нацистской Германии, несомненно, были законами: они принимались надлежащим органом (рейхстагом) или уполномоченным правительством, публиковались и имели юридическую силу. Однако если подходить с позиций естественного права, философии права и современных стандартов прав человека, эти акты должны быть квалифицированы как «неправовое законодательство».

С позиций философско-правового учения российского правоведа С. С. Алексеева, ответ на вопрос о правовом характере нацистского законодательства получает дополнительное теоретическое обоснование. С. С. Алексеев последовательно отстаивал широкий подход к пониманию права, выходящий за рамки узкого нормативизма и юридического позитивизма. Ключевое значение имеет его тезис о необходимости различения закона как формального установления государства и права как явления цивилизации и культуры, обладающего высокой общечеловеческой ценностью [11, с. 45].

Как указывает С. С. Алексеев, право, как явление цивилизации характеризуется тем, что оно призвано быть носителем высших начал, основополагающих ценностей цивилизации, реализовать историческое предназначение общества, связанное с утверждением в нем высоких гуманитарных начал, с принципами и идеалами свободы [12].

Как явление цивилизации и культуры право способно «умерить», «обуздать» негативные стороны государственной власти, быть носителем и гарантом прирожденных естественных прав и свобод человека, дать гарантированный простор свободному развитию индивидуальности, раскрепощению автономной личности [13, с. 112].

Ученый подчеркивал, что философское видение правовых явлений — это их рассмотрение именно с позиции естественного права (юснатурализма), когда позитивное право должно переосмысливаться через категории духовных ценностей и неотъемлемых прав человека [14, с. 117].

Применяя данный подход к анализу актов Третьего рейха, следует признать, что, несмотря на их формальную легальность, они утратили правовую сущность. Законы нацистской Германии были направлены не на защиту свободы и достоинства личности, а на их тотальное отрицание. Они служили легитимации расовой дискриминации и государственного террора, что вступает в неразрешимое противоречие с алексеевским пониманием права как имеющего высокую общечеловеческую ценность [11, с. 47].

Как отмечается в современных исследованиях, изначальная юридическая ничтожность всех дискриминационных законов нацистской Германии была подтверждена после победы в 1945 году первым же актом контрольного совета коалиции союзников — СССР, Великобритании, США и Франции [14].

Нюрнбергский трибунал, хотя и не отменил де-юре нацистские законы, создал прецедент признания того, что лицо, действовавшее в соответствии с внутренним законодательством, может быть привлечено к ответственности, если это законодательство носило преступный характер [3, с. 166].

Показательна судьба послевоенной Германии. В ФРГ Ганс Глобке, соавтор комментариев к нюрнбергским законам, сделал блестящую карьеру, став статс-секретарем канцлера Аденауэра, в то время как в ГДР он был заочно приговорен к пожизненному заключению [6].

Этот факт иллюстрирует, что вопрос о «правовости» законов часто решается в политическом контексте. Тем не менее, в современной юридической науке доминирует подход, согласно которому законы, нарушающие фундаментальные права человека и основанные на расовой дискриминации, не могут считаться правовыми, даже если они соблюдали формальные процедуры. Следовательно, с позиций гуманистической теории права, развитой С. С. Алексеевым, нацистские законы являются неправовыми, поскольку в них государственная воля (закон) вступила в антагонистическое противоречие с идеей права (справедливостью, равенством, гуманизмом).

Проведенный сравнительный анализ показывает, что законодательство Германии 1930–1940-х годов прошло путь от формально-демократических актов Веймарской республики через тотальную узурпацию власти (закон 1933 года) к созданию системы расового бесправия (нюрнбергские законы) и, наконец, к полной деградации правосудия в годы войны. Внешне сохраняя форму закона, эти акты утратили его сущность. Они перестали быть выражением общей воли и средством защиты слабого, превратившись в оружие сильного против «чужаков».

С позиций современного правопонимания, базирующегося на примате прав человека и развитого в трудах С. С. Алексеева понимания права, данные законы являются неправовыми. Их изучение имеет не только историческое, но и практическое значение: оно позволяет распознавать попытки использовать легалистскую риторику для прикрытия политики, направленной на дискриминацию и угнетение.

Библиографический список

1. Колотовкин, П. Конституционность и чрезвычайность правовой системы нацистской Германии / П. Колотовкин // К познанию права : сборник научных работ / ответственный редактор П. Н. Кириченко. – Брянск : РИО БГУ, 2007. – Выпуск 2. – С. 20–33.

2. Закон о чрезвычайных полномочиях (1933) // Википедия : свободная энциклопедия. — URL : https://ru.wikipedia. org/wiki/Закон_о_чрезвычайных_полномочиях_(1933) (дата обращения : 19.03.2026).

3. Соколов, А. Н. Извращение права в фашистской Германии – «законная» основа для уничтожения инакомыслия / А. Н. Соколов, Л. Э. Котковский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 5 (43) : в 3 ч. – Ч. III. – С. 162–166.

4. Нюрнбергские законы // Яд Вашем : международная школа преподавания истории Холокоста. — URL : https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/nuremberg-laws.html (дата обращения : 19.03.2026).

5. Нюрнбергские законы / Мемориальный музей Холокоста (США) // Энциклопедия Холокоста — URL : https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/nuremberg-laws (дата обращения : 19.03.2026).

6. Серия законов, которые лишали всех прав еврейское население Третьего рейха // Право.Ru : сайт. – 2010. — URL : https://pravo.ru/process/view/44286/ (дата обращения : 19.03.2026).

7. Антонов, Б. А. Юридическое мышление как источник права Третьего рейха / Б. А. Антонов // Юридическая наука. – 2015. – № 3. – С. 7–13.

8. Денисов, С. И. Эволюция военной юстиции Германии в 20-40-е гг. XX века / С. И. Денисов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 10 (24) : в 2 ч. – Ч. I. – С. 78–82.

9. Народная судебная палата // Википедия : свободная энциклопедия. — URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Народная_судебная_палата (дата обращения : 19.03.2026).

10. Carl Schmitt // Encyclopædia Britannica. — URL : https://www.britannica.com/ biography/Carl-Schmitt (date of access : 19.03.2026).

11. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – Москва : Издательство БЕК, 1995. – 320 с.

12. Глава третья. Цивилизация и право // StudFiles. — URL : https://studfile.net/preview/5646447 (дата обращения : 19.03.2026).

13. Руденко, В. Н. С. С. Алексеев: от философии права к Конституции Человека / В. Н. Руденко // Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права : сборник научных трудов. – Екатеринбург : ИФиП УрО РАН, 2024. – С. 9–19.

14. Шипицин, О. А. Философское осмысление права в учении С. С. Алексеева / О. А. Шипицин // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 115–120.

УДК 347.1

Обособленное имущество как определяющий признак юридического лица в российском гражданском праве

Separate Property as a Determining Characteristic of a Legal Entity in Russian Civil Law

А. В. Герасимова
студентка
E-mail: av.gerasimova62@edu.mubint.ru
Е. Ф. Жданова
кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедрой юриспруденции
E-mail: zhdanovaef@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. V. Gerasimova
Student
E. F. Zhdanova
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В рамках статьи исследуется обособленное имущество как основополагающий признак юридического лица. Опираясь на нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и правовые позиции судебных инстанций за 2024–2026 гг., в работе анализируется трансформация подходов к пониманию имущественной обособленности. Рассматриваются вопросы соотношения правового статуса балансодержателя и собственника, а также специфика правового режима имущества, закрепленного за филиалами. Отдельным предметом исследования выступают юридические последствия, наступающие при отсутствии фактического предоставления имущества обособленным подразделениям.

Ключевые слова: юридическое лицо, обособленное имущество, правоспособность, филиал, самостоятельный баланс, Гражданский кодекс Российской Федерации.

Abstract

This article examines separate property as a fundamental feature of a legal entity. Based on the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the legal positions of judicial authorities in 2024-2026, the article analyzes the transformation of approaches to understanding property separation. It examines the relationship between the legal status of the balance holder and the owner, as well as the specific legal regime of property assigned to branches. The article also explores the legal consequences that arise when property is not actually provided to separate divisions.

Keywords: legal entity, separate property, legal capacity, branch, independent balance sheet, Civil Code of the Russian Federation.

В современной теории гражданского права понятие юридического лица определяется через четыре ключевых признака: организационное единство, имущественная обособленность, самостоятельная имущественная ответственность и возможность участия в гражданском обороте от своего имени. Из перечисленных признаков особую значимость имеет имущественная обособленность, так как она выступает не только как материальная основа для участия юридического лица в гражданском обороте, но и как критерий для разделения ответственности между самим юридическим лицом и его учреди-

телями. Официальное определение обособленного имущества как признака юридического лица в российском законодательстве отсутствует, однако данная категория раскрывается через совокупность правовых механизмов.

В соответствии со ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридическая конструкция обособления предполагает, что имущество закрепляется за юридическим лицом на вещном праве (праве собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления) и отражается на самостоятельном балансе. Как справедливо отмечается в правовой литературе, именно баланс выступает юридическим подтверждением имущественной обособленности, поскольку позволяет идентифицировать активы, принадлежащие конкретному юридическому лицу, и отделить их от активов учредителей или контрагентов.

Применительно к законодательным тенденциям 2026 года необходимо принимать во внимание, что правила ведения бухучета и отчетности подверглись значительной трансформации, ориентированной на цифровизацию хозяйственных процессов. Вместе с тем базовое правило закрепления имущества на отдельном (самостоятельном) балансе не утратило своего значения и по-прежнему выступает фундаментальным критерием имущественной обособленности.

Имущественная обособленность находится в неразрывной связи с другими признаками юридического лица. Организационное единство, выражающееся в наличии системы органов управления и внутренней структуры, служит предпосылкой для формирования имущественной базы и управления ею. В свою очередь, наличие обособленного имущества является необходимым условием для реализации принципа самостоятельной имущественной ответственности: юридическое лицо отвечает по своим обязательствам именно тем имуществом, которое за ним закреплено и обособлено от имущества его участников.

Дискуссионным в науке и практике остается вопрос о правовом режиме имущества, закрепляемого за филиалами и представительствами — обособленными подразделениями юридического лица. В соответствии с п. 3 ст. 55 ГК РФ, представительства и филиалы не являются юридическими лицами. Они наделяются имуществом создавшим их юридическим лицом и действуют на основании утвержденных им положений. Юридическая природа такого наделения вызывает споры: возникает ли у филиала какое-либо вещное право на переданное имущество или имущество продолжает оставаться в собственности юридического лица, но с ограничением полномочий по его использованию? Представляется обоснованной позиция, согласно которой филиал не становится субъектом вещного права, а осуществляет полномочия по владению и пользованию имуществом в рамках предоставленной доверенности. При этом бухгалтерский учет имущества филиала может вестись как на отдельном балансе, так и на балансе головной организации.

Как разъяснено в письмах Министерства финансов Российской Федерации (в том числе в разъяснениях 2025 года), обособленные подразделения юридическими лицами не являются, и имуществом их наделяет юридическое лицо, их создавшее. Соответственно, право собственности на имущество филиала сохраняется за юридическим лицом в целом. Данный подход находит отражение и в судебной практике: отсутствие реального наделения имуществом может служить основанием для вывода о том, что структурное подразделение не обладает признаками филиала. Анализ судебной практики последних лет позволяет выделить несколько ключевых проблем, связанных с реализацией признака имущественной обособленности. Во-первых, это вопрос о достаточности имущественной обособленности для признания организации юридическим лицом. Как отмечает «Кон-

сультантПлюс» в подборках судебных решений за 2024 год, суды признают правомерной позицию налоговых органов, когда у структурного подразделения отсутствуют признаки филиала: общество не наделило филиал имуществом, подразделение не ведет раздельного бухгалтерского и налогового учета, отсутствуют расходы по перечислению заработной платы. Проведения практика демонстрирует, что формальное создание филиала без фактического наделения имуществом не порождает правовых последствий, характерных для обособленного подразделения.

Во-вторых, в практике рассмотрения административных дел возникают вопросы о процессуальной правоспособности обособленных подразделений. Как отмечает А. А. Остроумов [8], суды иногда требуют наличия у подразделения признаков юридического лица (включая наличие имущества) для признания административной процессуальной правоспособности. Однако такая позиция представляется спорной, поскольку процессуальный статус должен определяться не наличием имущества, а характером полномочий и компетенцией.

В-третьих, актуальной остается проблема правопреемства при реорганизации филиалов. Судебная практика исходит из того, что обособленное подразделение, зарегистрированное по адресу ранее действовавшего филиала и наделенное его имуществом, может быть признано правопреемником в отношении прав и обязанностей этого филиала, даже если согласно приказу деятельность филиала прекращена.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что обособленное имущество является не просто формальным, а конституирующим признаком юридического лица, определяющим саму возможность участия организации в гражданском обороте и пределы ее ответственности. Современное законодательство и судебная практика исходят из того, что имущественная обособленность должна быть не только юридически оформлена (путем закрепления имущества на самостоятельном балансе), но и реально осуществляться.

В контексте развития законодательства на 2026 год можно выделить следующие тенденции: усиление требований к раздельному учету имущества юридических лиц и их учредителей; ужесточение подходов к доказыванию имущественной обособленности при спорах о субсидиарной ответственности; цифровизация учета имущества, упрощающая контроль за его обособлением. Перспективным направлением научных исследований представляется анализ влияния цифровых активов и криптовалют на традиционные представления об имущественной обособленности юридических лиц.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : ГК РФ : часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 28.12.2025 : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года : одобрен Советом Федерации 27 октября 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. О некоммерческих организациях : Федеральный закон № 7-ФЗ : принят Государственной Думой 08.12.1995 : одобрен Советом Федерации 14.12.1995 : последняя редакция // Собрание законодательства Российской Федерации. —15.01.1996. — № 3. — Ст. 145.

3. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от № 218-ФЗ : принят Государственной Думой 03.07.2015 : одобрен Советом Федерации 08.08.2015 : последняя редакция // Собрание законодательства Российской Федерации. — 20.07.2015. — № 29 (часть I). — Ст. 4344.

4. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением глав 26.2 и 26.5 Налогового кодекса Российской Федерации в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Фе-

дерации 04.07.2018 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — № 12. — Декабрь. — 2018.

5. О применении УСН при создании организацией филиалов или обособленных подразделений : письмо Минфина России от 13.11.2025 № 03-11-06/2/109785 // ДелоПрава : юридические новости : сайт. — URL : https://deloprava.ru/pismo-minfina-ot-13-11-2025-№-03-11-06-2-109785.

6. О ведении юрлицами и их филиалами раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности при казначейском сопровождении средств : письмо Минфина России от 21.08.2025 № 02-12-09/81600 // Клерк : сайт. — URL : https://www.klerk.ru/doc/670153.

7. О применении инвестиционного вычета по налогу на прибыль : письмо ФНС России от 28.08.2024 № СД-4-3/9826@ // Контур Норматив : справочно-правовая система : сайт. — URL : https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=482522.

8. Остроумов, А. А. Отсутствие административной процессуальной правоспособности как основание для признания административного иска не подлежащим рассмотрению в судах / А. А. Остроумов // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 2. — С. 45–52.

9. Широкобоков, В. Г. Бухгалтерский финансовый учет в сельском хозяйстве : учебник. — М. : ИНФРА-М, 2024. — 320 с.

10. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» : в 2 т. – Т. 1 / под ред. И. С. Шиткиной. — М. : Статут, 2021. — 480 с.

УДК 343.2/.7

Противодействие экстремизму и терроризму среди молодёжи

Countering extremism and terrorism among young people

С. Н. Дмитриева
студент
И. И. Макаров
кандидат экономических наук
доцент кафедры гражданского права
E-mail:hirinaa@yandex.ru
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА
S. N. Dmitrieva
Student
I. I. Makarov
Candidate of Economic Sciences
Associate Professor of the Department of Civil Law
Yaroslavl Branch of Moscow University of Finance and Law MFUA

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме противодействия экстремизму и терроризму в условиях глобализации и активного развития цифровых технологий, с особым фокусом на молодёжь как наиболее уязвимую социальную группу.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, молодежь, ответственность, противодействие.

Abstract

The article is devoted to the urgent problem of countering extremism and terrorism in the context of globalization and the active development of digital technologies, with a special focus on youth as the most vulnerable social group.

Keywords: terrorism, extremism, youth, responsibility, counteraction.

В условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий вопросы противодействия экстремизму и терроризму приобретают особую актуальность, причём наиболее уязвимой группой в этом контексте оказывается молодёжь. Именно молодое поколение, активно вовлечённое в цифровое пространство, оказывается под влиянием радикальных идей, распространяемых через социальные сети, мессенджеры и иные платформы.

В настоящее время экстремизм и терроризм являются реальной угрозой национальной безопасности Российской Федерации и никогда не теряют своей актуальности. Терроризм — это крайняя степень экстремизма: не каждый экстремист может быть террористом, но каждый террорист является экстремистом.

Почему же молодые люди начинают заниматься экстремизмом и терроризмом?

Основной причиной выступает социальная напряжённость из-за неравных условий труда и экономического неравенства. Это провоцирует в обществе, особенно среди молодёжи, негативное и агрессивное отношение к власти.

Ещё один значимый фактор — интернет. Несмотря на множество преимуществ, глобальная сеть несёт и определённые риски: молодые пользователи нередко сталкиваются с нежелательным контентом. Благодаря широкой аудитории и возможностям открыто заявлять о своих целях, интернет становится эффективной площадкой для вовлечения людей в деструктивные группы — и эта тенденция усиливается.

Наконец, лидеры экстремистских организаций целенаправленно эксплуатируют психологические особенности молодёжи, в частности её склонность к агрессии, для проведения акций экстремистской направленности.

Особого внимания заслуживают категории молодёжи, наиболее подверженные влиянию радикальных идей:

— Подростки из неблагополучных семей испытывают дефицит внимания, сталкиваются с насилием или асоциальным поведением близких.

— «Золотая молодёжь» из-за ощущения безнаказанности и отсутствия чётких жизненных ориентиров может воспринимать экстремизм как «экстремальное развлечение».

— Молодые мигранты испытывают трудности адаптации, языковой барьер, дискриминацию, что делает их лёгкой мишенью для вербовщиков.

— Участники агрессивных субкультур (например, радикальные футбольные фанаты) — уже имеют опыт группового насилия и могут быть переориентированы на более масштабные акции.

— Одиночки с низкой самооценкой — ищут признания и значимости, которые радикальные группы обещают дать через «героические» действия.

В нашей стране за совершение террористических преступлений предусмотрена уголовная ответственность с четырнадцатилетнего возраста согласно части 2 статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Одним из ключевых направлений борьбы с экстремистскими и террористическими проявлениями в общественной среде выступает их профилактика. Важно, чтобы решение такой проблемы было комплексным, а не разовым.

Во-первых, выпускать информационные материалы (памятки, брошюры, плакаты, социальные рекламы), освещать в прессе деятельности правоохранительных органов,

оперативных штабов и антитеррористических комиссий, создание документальных фильмов и видеороликов на соответствующую тематику.

Во-вторых, информировать общество о результатах работы в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

В-третьих, в учебных заведениях акцентировать особое внимание на формирование психологических установок личности, обеспечивающих религиозную и межнациональную терпимость, патриотизм, здоровый образ жизни, приоритет общечеловеческих ценностей.

И в заключение — содействие деятельности общественных и религиозных организаций конструктивной направленности, включая антитеррористическую, проведение профильных мероприятий.

Таким образом, эффективная профилактика экстремизма и терроризма среди молодёжи требует сочетания жёстких правовых мер с системной воспитательной, образовательной и социальной работой. Только такой интегрированный подход позволит минимизировать риски радикализации молодого поколения и обеспечить долгосрочную безопасность общества.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 20.02.2026 : принят Государственной Думой 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП РФ : текст с изменениями и дополнениями на 20.02.2026 : принят Государственной Думой 20.12.2001 : одобрен Советом Федерации 26.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 01.07.2002. — № 1. — Ст. 1.

3. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон № 114-ФЗ : принят Государственной Думой 27.06.2002 : одобрен Советом Федерации 10.07.2002 : последняя редакция // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3031.

4. О противодействии терроризму : Федеральный закон № 35-ФЗ : принят Государственной Думой 26.02.2006 : одобрен Советом Федерации 01.03.2006 : последняя редакция // Собрание законодательства Российской Федерации. — 13.03.2006. — № 11. — Ст. 1146.

5. Горелик, А. М. Противодействие распространению идей экстремизма и терроризма среди молодежи / А. М. Горелик С. В. Жбанков // Академическая мысль. — 2023. — № 1 (22). — URL : Cyberleninka.ru: научная электронная библиотека: сайт. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-rasprostraneniyu-idey-ekstremizma-i-terrorizma-sredi-molodezhi (дата обращения : 30.03.2026).

6. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Главное управление МЧС России по Ненецкому АО : официальный сайт. — URL : https://83.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4200844 (дата обращения : 30.03.2026).

7. Особенности профилактики и борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в молодежной среде // Центральный административный округ города Москвы : официальный сайт. — URL : https://cao.mos.ru/countering-extremism/features-for-the-prevention-and-suppression-of-manifestations-of-extremism-and-terrorism-in-the-yout (дата обращения : 30.03.2026).

8. Из школьников в экстремисты: как защитить подростков от внешних угроз // Комсомольская правда : официальный сайт. — URL : https://www.stav.kp.ru/daily/27744/5133899 (дата обращения : 30.03.2026).

УДК 336.22:339.13.42

Роль субъектов естественных монополий в финансовой системе Российской Федерации

The Role of Natural Monopoly Entities in the Financial System of the Russian Federation

И. А. Егоров
студент
E-mail: ia.egorov@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
I. A. Egorov
Student
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье анализируется правовая природа налогов на сверхприбыль субъектов естественных монополий и их значение для финансовой системы Российской Федерации. Рассматриваются теоретические аспекты понятия сверхприбыли, особенности функционирования естественных монополий в России, а также правовые основы и механизмы налогообложения сверхприбыли. Особое внимание уделено практике расчёта и взыскания налога, проблемам определения нормативной рентабельности и прозрачности использования поступающих средств. Показано, что налоги на сверхприбыль являются важным инструментом пополнения бюджетов различных уровней, способствуют перераспределению доходов и выравниванию регионального дисбаланса, а также решению социальных и инфраструктурных задач. В заключение подчёркивается необходимость совершенствования законодательства и методологии налогообложения для достижения баланса интересов государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: естественные монополии, сверхприбыль, налогообложение, налог на прибыль организаций, правовое регулирование, финансовая система Российской Федерации, перераспределение доходов, бюджетная система, нормативная рентабельность, прозрачность использования средств.

Abstract

This article analyzes the legal nature of excess profit taxes for natural monopolies and their significance for the Russian financial system. It examines the theoretical aspects of the concept of excess profits, the specifics of how natural monopolies operate in Russia, and the legal framework and mechanisms for taxing excess profits. Particular attention is paid to the practice of calculating and collecting the tax, determining standard profitability, and the transparency of the use of incoming funds. It is shown that excess profit taxes are an important tool for replenishing budgets at various levels, contributing to the redistribution of income and the equalization of regional imbalances, as well as addressing social and infrastructure issues. The conclusion emphasizes the need to improve legislation and taxation methodology to achieve a balance between the interests of the state, business, and society.

Keywords: natural monopolies, excess profits, taxation, corporate income tax, legal regulation, financial system of the Russian Federation, income redistribution, budget system, standard profitability, transparency of use of funds.

Экономическое развитие любой страны во многом зависит от правильного распределения ресурсов и надлежащего распределения доходов. Одной из главных задач государственной власти является эффективное использование возможностей естественного монополизма для обеспечения устойчивости финансового положения государства

и общества. Естественные монополии играют важную роль в обеспечении жизнедеятельности населения и функционировании инфраструктуры, однако они также обладают значительным потенциалом извлечения крупной прибыли благодаря своему уникальному положению на рынке. Именно поэтому налогообложение сверхприбыли таких компаний становится важным инструментом государственного управления и источником пополнения бюджета.

Понятие и сущность естественных монополий. Естественной монополией принято считать ситуацию, при которой наличие единственного поставщика продукции или услуг экономически оправдано, ввиду высоких фиксированных издержек и низких переменных затрат. Такие отрасли характеризуются значительным эффектом масштаба, что делает неэффективным существование нескольких конкурентов. К естественным монополиям обычно относят энергетику, транспортную инфраструктуру, водоснабжение и телекоммуникационные сети. Спецификой российского рынка является большое количество активов в руках крупных корпораций, обладающих статусом естественных монополий. Это связано с историческими особенностями развития экономики, где значительная доля инфраструктурных секторов была передана крупным государственным компаниям. Например, такие организации, как ПАО «Газпром», ОАО «Российские железные дороги» («РЖД») и АО «Транснефть», занимают доминирующее положение в своих сегментах и оказывают значительное влияние на экономику страны в целом.

Теоретико-правовые аспекты налогообложения сверхприбыли. Сверхприбыль представляет собой доходы, превышающие нормальный уровень рентабельности, который можно было бы ожидать в конкурентной среде. Основными источниками сверхприбыли являются уникальные ресурсы, технологические преимущества, административные привилегии и минимальный уровень реальной конкуренции. В контексте естественных монополий сверхприбыль часто обусловлена отсутствием альтернативных поставщиков и возможностью устанавливать относительно высокие тарифы на свои услуги. Вопросы налогообложения сверхприбыли регулируются нормами Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). Статья 284 НК РФ [2] предусматривает возможность установления дифференцированной ставки налога на прибыль организаций, включая повышенные ставки для определенных категорий налогоплательщиков. Кроме того, специальные налоговые режимы могут применяться к отдельным видам деятельности, которые связаны с добычей полезных ископаемых или оказанием коммунальных услуг.

Практика налогообложения сверхприбыли в России. Расчет налога на сверхприбыль основывается на определении разницы между фактически получаемой прибылью и нормативной нормой рентабельности. Нормативная норма устанавливается исходя из отраслевых стандартов и средней доходности аналогичных предприятий. Превышение этой нормы приводит к применению повышенной ставки налога.

Процедура определения размера налога включает несколько этапов: расчет базовой прибыли; сравнение с нормативной нормой; применение соответствующей ставки налога.

Одна из важнейших проблем — сложность точного определения нормативных уровней рентабельности, особенно в условиях быстро меняющейся экономической обстановки. Компании нередко оспаривают применяемые методы расчетов, ссылаясь на специфику своей деятельности и внешние факторы, влияющие на финансовые показатели. Другим серьезным вопросом является прозрачность использования средств, так как граждане и бизнес-сообщество заинтересованы в понимании того, куда и как распределяются дополнительные доходы государства от налогообложения сверхприбыли.

Значение налогов на сверхприбыль для финансовой системы Российской Федерации. Средства, полученные от налогообложения сверхприбыли, поступают в федеральный и региональные бюджеты, способствуя решению важных социальных, инфраструктурных и прочих задач. Эти средства могут быть направлены на финансирование здраво-

охранения, образования, развития инфраструктуры городов (строительство дорог, модернизацию жилищно-коммунального хозяйства). Таким образом, налог на сверхприбыль способствует повышению качества жизни граждан и улучшению общего бюджетного состояния регионов.

Одним из важнейших аспектов налогообложения сверхприбыли является перераспределение финансов. Средства, собранные с высокодоходных регионов, могут быть использованы для финансирования проектов в менее развитых областях, сокращая разрыв в уровнях жизни и создавая предпосылки для сбалансированного развития территорий. Этот подход помогает снизить социальную напряженность и создать условия для привлечения инвестиций в менее развитые регионы.

Исследование показало, что налогообложение сверхприбыли субъектов естественных монополий играет ключевую роль в формировании устойчивой финансовой системы Российской Федерации. Оно обеспечивает поступление дополнительных средств в государственный бюджет, позволяя решать важные социальные задачи и поддерживать инвестиционную активность. Вместе с тем, необходимо совершенствовать правовые основы и методологию расчета налога, повышать прозрачность использования полученных средств и учитывать интересы всех участников процесса. Только таким образом возможно достичь баланса интересов государства, бизнеса и общества.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. — 04.07.2020. — № 144.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации : НК РФ : часть вторая : текст с изменениями и дополнениями на 01.04.2026 : принят Государственной Думой 19.07.2000 : одобрен Советом Федерации 26.07.2000 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 07.08.2000. — № 32. — Ст. 3340.

3. Беседина, С. В. Государственное регулирование естественных монополий: проблемы и актуальные решения / С. В. Беседина // Вестник науки. — 2026. — № 3 (96) // Cyberleninka.ru : научная электронная библиотека: сайт. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-estestvennyh-monopoliy-problemy-i-aktualnye-resheniya (дата обращения : 09.04.2026).

4. Волков, А. Ю. О плюсах и минусах налоговой системы России / А. Ю. Волков, Н. А. Лисенкова // Сборник научных статей научно-педагогических и практических работников. – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2016. – С. 40–42. – EDN OMMGUO.

5. Домашняя, С. С. Современные проблемы налоговой системы России и пути их решения / С. С. Домашняя, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 06 апреля 2020 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – С. 245–247. – EDN BEZTLK.

6. Жабинская, И. С. Естественные монополии и их роль в экономике России / И. С. Жабинская, А. С. Мартыненко // Концепт. — 2020. — № 5. // Cyberleninka.ru : научная электронная библиотека : сайт. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/ estestvennye-monopolii-i-ih-rol-v-ekonomike-rossii (дата обращения : 05.04.2026).

7. Калаева, Д. М. Естественные монополии в экономике России / Д. М. Калаева, Р. А. Шаховский // E-Scio. — 2020. — № 6 (45) // Cyberleninka.ru: научная электронная библиотека: сайт. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennye-monopolii-v-ekonomike-rossii (дата обращения : 07.04.2026).

8. Логинова, О. В. Налогообложение в условиях цифровой экономики / О. В. Логинова, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 16–25 мая 2023 года. – Часть 1. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2023. – С. 102–106. – EDN RGPCUM.

9. Сафонова, Ю. В. Причины и способы уклонения от уплаты налогов в России / Ю. В. Сафонова, А. О. Челмакина, А. Ю. Волков // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике : материалы международной научно-практической конференции, Ярославль, 28 ноября 2019 года / под научной редакцией Л. Г. Батраковой, Н. Л. Будахиной. — Часть 2. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. – С. 109–114. – EDN RKZOKC.

10. Шамаев, И. Н. Роль и место естественных монополий в российской экономике / И. Н. Шамаев // Вестник ТГУ. — 2011. — № 2. // Cyberleninka.ru: научная электронная библиотека: сайт. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-estestvennyh-monopoliy-v-rossiyskoy-ekonomike (дата обращения : 07.04.2026).

11. Шаров, А. А. Проблематика теории и практики налога на сверхприбыль в России и за рубежом / А. А. Шаров // Вестник Томского государственного университета. — Экономика. — 2024. — № 66 // Cyberleninka.ru: научная электронная библиотека: сайт. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-teorii-i-praktiki-naloga-na-sverhpribyl-v-rossii-i-za-rubezhom (дата обращения : 07.04.2026).

УДК 34:004.8

Правовая регуляция разработки и эксплуатации технологии искусственного интеллекта

Legal Regulation of the Development and Operation of Artificial Intelligence Technology

И. А. Егоров
студент
E-mail: ia.egorov@edu.mubint.ru
С. В. Гроздилов
кандидат философских наук
доцент кафедры юриспруденции
E-mail: grozdilovsv@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
I. A. Egorov
Student
S. V. Grozdilov
Candidate of Philosophical Sciences
Associate Professor of the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ правового регулирования развития и использования искусственного интеллекта (ИИ) и технологий на его базе, как на уровне Российской Федерации (РФ), так и в международной практике. Рассмотрены та-

кие угрозы как: технологические проблемы («чёрный ящик» и «галлюцинации» языковых моделей), социально-экономические и политические угрозы, морально-этические допущения, криминальные направления использования, приближение технологической сингулярности. Предложен юридический метод, включающий в себя закрепление прав на взаимодействия с технологией ИИ и систем на её базе, установление обязанностей разработчиков и операторов, закрепление юридической ответственности и развитие международного сотрудничества по вопросам технологии ИИ. По результатам исследования сформулированы практические рекомендации по модернизации законодательства и выработке комплексных мер по снижению рисков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, угрозы, когнитивная ошибка антропоморфизации, проблема согласования целей ИИ и целей человечества, технологическая сингулярность, права, обязанности, юридическая ответственность, правовое регулирование.

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of the development and use of artificial intelligence (AI) and technologies based on it, both at the level of the Russian Federation and in international practice. Such threats as technological problems («black box» and «hallucinations» of language models), socio-economic and political threats, moral and ethical assumptions, criminal uses, and the approach of technological singularity are considered. A legal method is proposed that includes securing the rights to interact with AI technology and systems based on it, establishing the responsibilities of developers and operators, consolidating legal responsibility and developing international cooperation on AI technology. Based on the results of the study, practical recommendations have been formulated for the modernization of legislation and the development of comprehensive risk mitigation measures.

Keywords: Artificial intelligence, AI, threats, cognitive error of anthropomorphization, the problem of matching the goals of AI and the goals of humanity, technological singularity, low, duties, legal responsibility, legal regulation.

Важным условием построения инновационного правового государства является осуществление масштабной информатизации общества, способной гарантировать условия создания и быстрого распространения новых знаний, которые должны переходить в главную движущую силу экономического и социального развития. Надлежащее информационное обеспечение становится насущным требованием времени, ведь именно информация вместе с наукой и интеллектом человека, продуцирующего новые знания, начинают постепенно изменять устои современного общества, придают ему признаки общества нового информационного типа. В связи с этим возникает необходимость исследования системного взаимодействия инновационных и информационных факторов развития общества и права и определения механизмов их практического применения. Поэтому проблема осуществления информатизации общества и права в условиях инновационных сдвигов приобретает особую актуальность.

Искусственный интеллект (ИИ) традиционно определяется как способность машины или компьютерной системы выполнять задачи, для которых обычно требуется человеческий интеллект, такие как рассуждение, обучение и решение задач. За последние годы сложные языковые модели ИИ демонстрируют экспоненциальный рост в количестве параметров и области применения.

Системы ИИ стали базовой технологией XXI века, которая оказывает влияние на экономику, медицину и образование. Активное внедрение систем на базе ИИ в экономику, социальную сферу и государственное управление ставит задачу выработки адекватных правовых механизмов обеспечения безопасности и защиты прав граждан и государства.

Вместе с тем, возникают в социальном пространстве реальные и гипотетические угрозы со стороны развития технологии ИИ в целом и информационных систем на её базисе.

Технологические проблемы:

— явление «чёрного ящика» или непрозрачность алгоритмов осложняют проверку решений в критичных областях (например, медицина и финансы);

— «галлюцинации» языковых моделей — выдача ИИ ложных данных, что опасно при автоматизированном принятии решений;

— автономные компьютерные вирусы («ИИ-черви», например) способны самостоятельно модифицироваться, распространяться по сетям и наносить огромный ущерб цифровой инфраструктуре.

Социально-экономические и политические угрозы:

— пренебрежение конфиденциальностью — сбор и анализ личных данных без достаточной защиты;

— замещение труда — массовая автоматизация ведёт к безработице и росту неравенства в обществе;

— манипуляция общественным мнением посредством использования алгоритмов с ИИ и дезинформация снижает доверие к институтам власти, дипфейки и политические манипуляции способствуют подрыву доверия к средствам массовой информации.

Морально-этические допущения: системы на базе ИИ могут быть использованы с целью порождения и распространения дискриминации определённых групп лиц, что нарушает равенство и справедливость. Ошибки из-за пренебрежительного отношения в судебных и медицинских делах угрожают фундаментальным правам человека.

Криминальные направления использования: С. Б. Вепрев и С. А. Нестерович в своих трудах выделяют тенденцию к автоматизации киберпреступлений посредством использования систем с ИИ (кибермошенничество: фишинг, интеллектуальные трояны, подбор паролей) [1].

Предиктивный надзор: ущемление гражданских свобод в интересах правопорядка.

Юридический метод решения проблемы: установление и закрепление прав, обязанностей и юридической ответственности лиц, способствующих развитию технологии ИИ и её использующих как способ предупреждения угроз.

Модернизация существующих отраслей права. Российское правительство утвердило «Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года», предусматривающую трансформацию всех отраслей российского законодательства для учёта специфики систем на базе технологии ИИ [2, 3, 4, 5].

Концепция обязывает анализировать и корректировать положения Уголовного кодекса при причинении вреда автономными системами с ИИ, в частности, вводить новые квалифицирующие признаки деликтов и расширять составы преступлений с учётом «чёрного ящика» алгоритмов.

В гражданском праве проектируются механизмы деликтной ответственности за ущерб, причинённый «умным» программным обеспечением, включая строгую (безвиновную) ответственность разработчиков и пользователей за дефекты модели. Административное законодательство дополняется положениями о штрафах и приостановлении деятельности операторов «высокорисковых» ИИ-систем, аналогично санкциям за нарушения в сфере персональных данных.

Создание новых отраслей права. Законодательство Российской Федерации требует разработки специального «технологического права», включающего нормы об обеспечении безопасности жизненно-важных систем ИИ и стандартах верификации алгоритмов.

В международной практике всё более распространён подход к отдельному «праву ИИ», как это видно на примере регламента ЕС об ИИ (AI Act), где отдельная глава посвящена правовому статусу ответственных за системы ИИ лицам и обязательной оценке соответствия для «высокорисковых» систем.

Международное сотрудничество. Глобальное партнёрство по ИИ (Global Partnership on AI) объединяет 29 государств для совместной разработки нормативно-правовых рекомендаций и обмена лучшими практиками регулирования технологии ИИ и систем на её основе. На уровне ООН и ЮНЕСКО ведётся работа над международным стандартом этики ИИ, который призван стать обязательным элементом договоров по кибербезопасности и правам человека через механизм рекомендаций по этическим аспектам ИИ («Recommendation on the Ethics of AI») — первый глобальный нормативный документ в этой области, принятый ЮНЕСКО в ноябре 2021 года [6, 7, 8].

Таким образом, регулирование разработки и эксплуатации технологии ИИ и систем основанные на ней требует комплексного подхода.

Эффективное правовое регулирование должно строиться на комплексном учёте всех выявленных угроз — технологических; социальных; экономических; этических; криминальных — посредством трёх ключевых компонентов:

1. Модернизация существующих отраслей права, внедряющая новые квалифицирующие признаки преступлений и безвиновную ответственность за дефекты ИИ.

2. Создание специализированного технологического права и института «Права ИИ» с обязательной оценкой соответствия «высокорисковых» систем.

3. Заключение и развитие международных соглашений и принятие универсальных норм этики (OECD AI Principles, UNESCO Recommendation), обеспечивающих глобальную координацию и контроль.

Библиографический список

1. Вепрев, С. Б. О некоторых криминальных направлениях в использовании искусственного интеллекта / С. Б. Вепрев, С. А. Нестерович // Вестник науки. — 2019. — № 6 (15) // Cyberleninka.ru : научная электронная библиотека: сайт. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-kriminalnyh-napravleniyah-v-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения : 05.04.2026).

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон № 123-ФЗ : принят Государственной Думой 14.04.2020 : одобрен Советом Федерации 17.04.2020 : последняя редакция // Собрание законодательства Российской Федерации. — 27.04.2020. — № 17. — Ст. 2701.

3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/?ysclid=mt00ghdjv920561559 (дата обращения : 11.04.2026).

4. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом : Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469963/?ysclid=mt00lci91q65548332http: (дата обращения : 11.04.2026).

5. Федеральный проект «Искусственный интеллект» : распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2022 г. № 1266-р // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. — URL : https://base.garant.ru/404745899/http://www.pravo.gov.ru (дата обращения : 11.04.2026).

6. Yudkowsky, E. Pausing AI Developments Isn't Enough. — NYC. : TIME., 2023 // MIRI : сайт. — URL : https://intelligence.org/2023/04/07/pausing-ai-developments-isnt-enough-we-need-to-shut-it-all-down/ (дата обращения : 11.04.2026).

7. Vinge, V. The coming technological singularity. — SD : National Aeronautics and Space Administration, 2013 // Web.archive.org : сайт — URL : https://web.archive.org/web/20180415062123/https://edoras.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html/ (дата обращения : 11.04.2026).

8. Баррат, Дж. Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / Джеймс Баррат ; пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2015. — 304 с.

УДК 343.121.5

Уголовная ответственность несовершеннолетних

Criminal Liability of Minors

С. Р. Женихова
студент
E-mail: Sonya011005@icloud.com
научный руководитель — Д. А. Никитин
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
E-mail: nikitin76work@gmail.com
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА
S. R. Zhenikhova
Student
Scientific Advisor — D. A. Nikitin
Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Legal University MFLA

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних в Российской Федерации. Автор анализирует специфику правового регулирования данной сферы, раскрывает ключевые цели наказания подростков, основанные на принципах гуманизма и приоритета воспитательного воздействия. Особое внимание уделено анализу актуальной статистической ситуации и структуре подростковой преступности в период 2025–2026 гг. Выявлены ключевые детерминанты противоправного поведения несовершеннолетних, включая влияние цифровой среды, семейное неблагополучие и социально-психологические особенности подросткового возраста.

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних, подростковая преступность, принудительные меры воспитательного воздействия, ювенальная юстиция, киберпреступность, профилактика правонарушений.

Abstract

The article examines the theoretical and practical aspects of criminal liability of minors in the Russian Federation. The author analyzes the specifics of legal regulation, goals and types

of punishment applied to adolescents, highlighting the priority of educational impact. Special attention is paid to the analysis of the current statistical situation and the structure of juvenile delinquency in 2025–2026. The key determinants of unlawful behavior of minors are identified, including the impact of the digital environment, family trouble and socio-psychological characteristics of adolescence.

Keywords: criminal liability of minors, juvenile delinquency, compulsory measures of educational impact, juvenile justice, cybercrime, crime prevention.

Уголовная ответственность несовершеннолетних — один из наиболее сложных и социально значимых институтов уголовного права. Особенность данной сферы заключается в том, что речь идет не просто о применении закона к лицу, совершившему преступление, а о судьбе подростка, чья личность еще находится в стадии формирования. В отличие от взрослого человека, несовершеннолетний гораздо сильнее зависит от внешней среды: семьи, школы, круга общения, социальных условий и эмоционального состояния. Именно поэтому законодательство Российской Федерации выстраивает особый порядок уголовной ответственности несовершеннолетних, в котором сочетаются принципы справедливости, гуманизма и воспитательного воздействия.

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, несовершеннолетними признаются лица в возрасте от 14 до 18 лет. Общий возраст наступления уголовной ответственности составляет 16 лет, однако за ряд наиболее опасных преступлений она наступает уже с 14 лет. К таким преступлениям относятся убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, кража, грабеж, разбой, вымогательство, угон транспортного средства, террористические преступления и некоторые другие деяния. Установление пониженного возраста ответственности по этим составам связано с тем, что законодатель исходит из способности подростка уже в раннем возрасте понимать общественную опасность наиболее тяжких поступков. Вместе с тем закон признает, что несовершеннолетний еще не обладает полной социальной зрелостью, жизненным опытом и устойчивой психикой, поэтому ответственность для него строится по особым правилам.

Главная особенность уголовной ответственности несовершеннолетних заключается в ее целях. Если в отношении взрослых лиц наказание часто воспринимается, прежде всего, как мера государственного принуждения и возмездия, то применительно к подросткам основная задача состоит в исправлении личности, предупреждении повторных правонарушений и возвращении несовершеннолетнего к нормальной жизни в обществе. Иными словами, закон стремится не столько наказать подростка, сколько не допустить его дальнейшего ухода в преступную среду.

Именно поэтому при рассмотрении уголовного дела суд обязан учитывать не только сам факт совершенного преступления, но и целый комплекс обстоятельств, связанных с личностью подростка. В частности, принимаются во внимание возраст, уровень психического развития, особенности характера, условия воспитания, материальное положение семьи, наличие или отсутствие контроля со стороны родителей, влияние сверстников и взрослых лиц, а также возможность исправления без изоляции от общества. Такой подход объясняется тем, что подростковый возраст является периодом эмоциональной нестабильности, повышенной внушаемости и склонности к импульсивным поступкам. Несовершеннолетний может совершить преступление под влиянием страха, давления компании, желания самоутвердиться или из-за неспособности оценить последствия своих действий.

Для несовершеннолетних российское уголовное законодательство предусматривает специальные, более мягкие виды наказаний. К ним относятся штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок. Однако даже при назначении этих наказаний закон устанавливает ограничения: сроки для подростков существенно меньше, чем для взрослых, а некоторые меры

и вовсе не применяются. Например, к несовершеннолетним не может применяться пожизненное лишение свободы. Особое значение имеет то, что лишение свободы в отношении подростка рассматривается как крайняя мера. Суд обязан сначала оценить, можно ли достичь целей исправления и предупреждения новых преступлений без помещения несовершеннолетнего в воспитательную колонию. Это связано с тем, что ранняя изоляция от общества нередко оказывает негативное влияние: подросток может попасть в криминальную среду, усвоить новые формы девиантного поведения и окончательно утратить связь с нормальной социальной жизнью. Поэтому современное уголовное право исходит из приоритета мер, не связанных с лишением свободы.

Важнейшим элементом системы ответственности несовершеннолетних являются принудительные меры воспитательного воздействия. Их применение позволяет освободить подростка от уголовной ответственности или наказания в тех случаях, когда исправление возможно без строгих санкций. К таким мерам относятся предупреждение, передача под надзор родителей или законных представителей, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению. В отдельных случаях подросток может быть направлен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Значение этих мер трудно переоценить. Они позволяют сохранить подростка в привычной социальной среде, не формировать у него устойчивый статус «преступника», сохранить возможность обучения, общения и нормального развития. Воспитательные меры помогают не только самому подростку, но и обществу в целом, поскольку снижают риск повторной преступности и способствуют социальной адаптации.

Однако, несмотря на существование специальных правовых механизмов, проблема подростковой преступности в России остается актуальной. Особенно остро она проявилась в 2025–2026 годах. После нескольких лет относительного снижения статистика вновь показала рост преступности среди несовершеннолетних. По итогам 2025 года количество преступлений, совершенных подростками, увеличилось примерно на 10–11 % по сравнению с предыдущим годом. За январь–ноябрь 2025 года несовершеннолетними было совершено около 26 тысяч преступлений. Эти цифры свидетельствуют о том, что проблема не только сохраняется, но и приобретает новые формы.

Наибольшую долю по-прежнему составляют преступления против собственности. Кражи, грабежи, мелкие мошеннические схемы, хищения с банковских карт и электронных кошельков — все это остается наиболее распространенной категорией подростковой преступности. По оценкам специалистов, такие деяния составляют около 70 % всех преступлений несовершеннолетних. Это объясняется сравнительной «доступностью» таких преступлений, влиянием материальных трудностей, желанием быстро получить деньги, а также стремлением подростков к признанию в группе сверстников.

Особую тревогу вызывает рост насильственной преступности среди подростков. В 2025 году было зафиксировано около полутора тысяч преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними. Рост числа драк, причинения вреда здоровью, жестоких конфликтов и агрессивного поведения говорит о снижении уровня психологической устойчивости подростков, распространении конфликтной модели поведения и ослаблении социальных механизмов контроля.

Причины подростковой преступности имеют комплексный характер. Одной из главных остается неблагополучная семейная среда. Подростки, которые растут в условиях конфликтов, безразличия, насилия или отсутствия контроля, чаще попадают в группу риска. Не менее значимым фактором является влияние окружения. Для подростка мнение друзей и группы часто оказывается важнее требований семьи или школы. Именно поэтому многие преступления совершаются «за компанию», под давлением авторитета лидера или ради стремления не выглядеть слабым.

Современные условия добавили и новые риски. Большое влияние на подростков оказывает цифровая среда. Интернет не только расширяет круг общения, но и создает новые формы вовлечения в противоправную деятельность. Сегодня несовершеннолетние все чаще становятся участниками интернет-мошенничества, незаконного оборота наркотиков, схем с банковскими картами, распространения запрещенной информации и других киберпреступлений. Для подростка такие действия могут казаться безобидными, «виртуальными» и не влекущими реальной ответственности, что делает проблему еще более опасной.

Отдельного внимания заслуживает психологический аспект. Подростковый возраст связан с кризисом самоопределения, эмоциональной нестабильностью, стремлением к риску и желанием доказать свою значимость. При отсутствии поддержки со стороны взрослых подросток может искать признание через протестное, агрессивное или противоправное поведение. Поэтому профилактика подростковой преступности невозможна без учета возрастной психологии.

Рост подростковой преступности показывает, что одной уголовно-правовой реакции недостаточно. Наказание устраняет последствия, но не всегда устраняет причины. Для эффективного решения проблемы необходим комплексный подход. В первую очередь это профилактическая работа в школах: правовое просвещение, развитие школьной медиации, работа психологов и социальных педагогов. Важно своевременно выявлять подростков, находящихся в группе риска, и оказывать помощь их семьям.

Кроме того, большое значение имеет организация досуга несовершеннолетних. Доступ к спорту, кружкам, секциям, творческим объединениям и социальным проектам снижает риск вовлечения подростка в преступную среду. Подросток должен иметь возможность реализовать себя в законной и безопасной форме. Не менее важна цифровая профилактика: обучение подростков безопасному поведению в интернете, пониманию правовых последствий действий в сети и умению противостоять вовлечению в незаконные схемы.

Таким образом, уголовная ответственность несовершеннолетних в России представляет собой особую правовую систему, основанную на сочетании наказания, воспитания и социальной поддержки. Закон справедливо исходит из того, что подросток должен отвечать за свои поступки, но при этом государство обязано дать ему шанс на исправление. Современная статистика показывает, что проблема подростковой преступности остается серьезной и требует внимания не только со стороны правоохранительных органов, но и со стороны семьи, школы, социальных служб и общества в целом.

Можно сделать вывод, что сильное государство — это не только то, которое умеет наказывать за преступление, но и то, которое способно вовремя увидеть проблему, поддержать подростка и не допустить, чтобы одна ошибка в юности определила всю его дальнейшую жизнь.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 17 сентября 2026 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // Российская газета. — № 113. — 18.06.1996. — № 114. —19.06.1996. — № 115. — 20.06.1996. — № 118. — 25.06.1996.

2. Давыденко, А. В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних с учетом их возраста / А. В. Давыденко // Российская юстиция. — 2010. — № 10. — С. 68–71.

3. Зателепин, О. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / О. Зателепин [и др.] ; 6-е изд., пер. и доп. — М.: ЛитРес, 2023. — 449 с.

4. Зюбанов, Ю. А. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть (в определениях и схемах) : учебное пособие / Ю. А. Зюбанов ; 2-е издание. — М. : Издательство «Проспект», 2019. — 224 с.

5. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М., 2021. — 407 с.

6. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. — М. : Юстицинформ, 2019. — 496 с.

УДК 331.5

Трансформация рынка труда в условиях роста фиктивной самозанятости: правовые риски, судебная практика и доктринальные подходы

Transformation of the Labor Market in the Context of Growing Fictitious Self-Employment: Legal Risks, Judicial Practice, and Doctrinal Approaches

Д. Д. Иванова
студент
E-mail: dashaski2005@mail.ru
А. В. Моржухина
студент
E-mail: anastasiamorzhukhina@mail.ru
научный руководитель — О. В. Кваша
кандидат юридических наук
доцент кафедры «Экономика и финансы»
E-mail: kvashaov@mail.ru
Ярославский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
D. D. Ivanova
Student
A. V. Morzhukhina
Student
Scientific supervisor — O. V. Kvasha
PhD in Law
Associate Professor of Economics and Finance Department
Yaroslavl brunch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Аннотация

В статье рассматривается феномен фиктивной самозанятости, как формы подмены трудовых отношений гражданско-правовыми. На основе анализа статистических данных, правовых позиций ФНС и актуальной судебной практики выявляются критерии подмены трудового договора гражданско-правовым с использованием режима «Налог на профессиональный доход» (НПД). Предлагается оценка законодательных инициатив и перспектив правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: самозанятость, трудовые отношения, гражданско-правовой договор, трудовое законодательство, НПД.

Abstract

The article examines fictitious self-employment as a form of substitution of labor relations with civil law relations. Based on official statistics and current legislation, the necessity of improving regulatory regulation in this area is substantiated.

Keywords: self-employment, labor relations, civil law contract, labor legislation, PIT.

Стремление работодателей к сокращению своих расходов, издержек в условиях экономической нестабильности закономерно влечет поиск таких путей. Институт самозанятости, предусматривающий особый налоговый режим для самозанятых в виде налога на профессиональный доход (далее – НПД), введенный в Российской Федерации с 01.01.2019 Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» для многих работодателей стал таким инструментом [2]. Для бизнеса переход на работу с плательщиками НПД позволяет экономить до 30 % бюджета фонда оплаты труда за счет отсутствия необходимости уплачивать страховые взносы (30 % от выплат) и удерживать НДФЛ (13 %). Однако оборотной стороной этого процесса стало массовое распространение «фиктивной» (скрытой, или «серой») самозанятости, когда гражданско-правовой договор прикрывает длящиеся трудовые отношения.

Согласно данным официальной статистики, численность самозанятых, применяющих специальный налоговый режим, демонстрирует резкий рост: с 509 232 человек в 2020 году до 15 355 620 человек в 2026 году (рисунок). Столь динамичное увеличение не может быть объяснено исключительно развитием малого предпринимательства и цифровых платформ — значительная его часть обусловлена вытеснением штатных сотрудников внештатными исполнителями.

Рисунок. Численность самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих НПД за 2020–2026 гг. [9]

Ключевая правовая проблема заключается в тонкости грани, разделяющей легальную самостоятельную деятельность плательщика НПД и выполнение трудовой функции наемного работника. Статьей 15 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрен запрет на заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения. Правоприменительная практика выработала критерии, позволяющие выявить фиктивность.

Исходя из письма ФНС России от 15 апреля 2022 г. № ЕА-4-15/4674 «О направлении информации по проведению мероприятий налогового контроля по НПД», можно выделить несколько критериев проявления фиктивной самозанятости. Одним из таковых является организационный критерий: исполнитель присутствует на территории заказчика в строго определенные часы, использует его оборудование и материалы, подчиняется внутреннему трудовому распорядку. Следующим является критерий результата: при истинной самозанятости результат работы фиксируется разовым актом; систематическое

выполнение однотипных функций без измеримого конечного результата свидетельствует о трудовых отношениях. Еще одним критерием является корпоративная интеграция: использование корпоративной почты, участие в ежедневных собраниях, наличие доступа к внутренним системам – все это признаки включения исполнителя в структуру организации как работника.

В литературе справедливо отмечается, что перечисленные критерии, при всей их важности, носят оценочный характер и не всегда позволяют однозначно квалифицировать отношения. Как указывает Н. А. Бекетова, «не секрет, что иногда работодатели в целях снижения налоговой нагрузки и ухода от предоставления гарантий, предусмотренных трудовым законодательством, пытаются подменить трудовые отношения. Однако в нынешней ситуации, когда мы наблюдаем усиление контроля за нелегальной трудовой занятостью, это весьма рискованно» [7].

Анализ судебной практики последних лет свидетельствует о последовательном усилении позиции налоговых органов и судов в вопросах переквалификации договоров с самозанятыми. Например, по делу ООО «Сервис Групп» налоговый орган доначислил обществу НДФЛ в сумме 4 067 777 руб. и страховые взносы в сумме 13 580 767 руб., установив, что компания уволила сотрудников, работавших по трудовым договорам, и стала работать с самозанятыми, которые регистрировались в качестве плательщиков НПД незадолго до заключения договоров. Суды трех инстанций поддержали налоговый орган, указав, что «действия налогоплательщика по оформлению с физическими лицами, зарегистрированными в качестве плательщиков НПД, гражданско-правовых договоров при фактически сложившихся трудовых отношениях направлены на получение обществом необоснованной выгоды путем уклонения от исчисления и уплаты страховых взносов и НДФЛ». Обращает на себя внимание, что один из самозанятых подтвердил: фактически он выполнял функции делопроизводителя, а не разработку проектной документации, как было указано в договоре [5].

В другом деле суд признал обоснованными выводы инспекции о фиктивной самозанятости, поскольку: физические лица проживали в разных субъектах Российской Федерации, однако зарегистрировались как плательщики НПД в один день; в договорах была определена не конкретная работа, а трудовая функция (выполнение работы по специальности); у большинства плательщиков НПД не было иных заказчиков; самозанятые проходили собеседования, обучение и стажировку, работали по графику, им предоставляли выходные и отпуска; для перевозок они использовали транспорт организации, заправку и ремонт которого также оплачивал заказчик.

Судебная практика выявила дискуссионный вопрос, по которому длительное время не было единообразия: если суд переквалифицировал договоры с самозанятыми в трудовые, должен ли налоговый орган при доначислении НДФЛ вычесть суммы налога на профессиональный доход, уже уплаченные самими самозанятыми? Так арбитражный суд Челябинской области частично удовлетворил требования ИП, уменьшив доначисленный НДФЛ на 794 399 руб. — сумму НПД, уплаченную 78 самозанятыми. Суд исходил из того, что «для целей установления истинного размера налогового обязательства... необходимо учесть суммы налога, уплаченные лицами, осуществляющими деятельность, облагаемую НПД», поскольку потери бюджета составляют лишь разницу между НДФЛ и уплаченным НПД. Однако позиция Верховного Суда Российской Федерации оказалась иной. Отменяя решения нижестоящих инстанций и направляя дело на новое рассмотрение, Верховный Суд Российской Федерации сформулировал ряд принципиальных правовых позиций [4]:

— Разная субъектная природа обязательств. Налоговый агент (работодатель) и налогоплательщик (самозанятый/работник) — это разные субъекты налоговых правоотношений. Обязанность по удержанию и перечислению НДФЛ лежит на работодателе, и он не может перекладывать ее на работника.

— Недопустимость произвольного зачета. Переплата по НПД находится на едином налоговом счете физического лица и может быть возвращена только по его заявлению. Произвольный зачет этой суммы в счет обязательств налогового агента без волеизъявления самого физического лица неправомерен.

— Ответственность налогового агента не зависит от факта уплаты налога иным лицом. Штраф по статье 123 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) взимается не за неуплату налога как таковую, а за неисполнение сложносоставной обязанности налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению налога. Поэтому даже если бюджет не понес потерь, штраф подлежит взысканию в полном объеме.

Указанная позиция Верховного Суда Российской Федерации, как обоснованно отмечают эксперты, повышает налоговые риски при переквалификации отношений в трудовые и может привести к дополнительным экономическим потерям, как для работодателя, так и для фактических работников, в том числе из-за возможных трудностей с возвратом излишне уплаченного НПД.

В числе мер законодательного противодействия фиктивной самозанятости следует выделить усиление ответственности заказчиков за неправомерное привлечение самозанятых вместо оформления трудовых отношений, усиление контроля со стороны органов ФНС, а также введение дополнительных ограничений, препятствующих злоупотреблению данным режимом. В настоящее время разрабатывается проект Министерством экономического развития Российской Федерации об ограничении взаимодействия самозанятых с постоянными заказчиками до 160 часов в месяц. Данный проект, возможно, позволит более быстро выявлять фиктивную самозанятость и регулировать трудовые отношение, поскольку потери из-за этой схемы для бюджета Российской Федерации составили порядка 28 миллиарда рублей.

Однако в оценке проблемы фиктивной самозанятости существует несколько подходов. Фиктивная самозанятость является сознательным злоупотреблением правом, направленным на уклонение от уплаты налогов и страховых взносов, что находит отражение в судебной позиции и позиции налоговых органов. Соответственно, меры противодействия должны включать: усиление контрольно-надзорной активности, автоматизированный анализ систем выплат (внедрение индикаторов риска Минтрудом России), ужесточение ответственности заказчиков. При наличии достоинств данного подхода, среди которых возможность оперативного пресечения наиболее вопиющих злоупотреблений, имеет место мнение, что чисто репрессивные меры не учитывают экономической логики бизнеса и могут привести к уходу отношений в теневую сферу.

Альтернативная позиция, представленная в работах И. И. Мухиной и Д. Г. Миракяна, заключается в том, что данные Счетной палаты «не подтверждают риск массовой подмены трудовых отношений услугами самозанятых граждан». С этой точки зрения, рост численности самозанятых отражает естественную трансформацию рынка труда в сторону платформенной занятости и фриланса. Соответственно, правовое регулирование должно идти не по пути запретов, а по пути адаптации: расширения социальных гарантий для самозанятых (добровольное страхование), создания понятных критериев отличия самозанятости от трудовых отношений, возможно — введения гибридных режимов [8]. Третий дифференцированный подход предполагает учитывать отраслевую и функциональную специфику (например, несопоставимыми являются отношения с курьером, работающим по графику и с IT-специалистом, выполняющим один проект за три месяца удаленно). Следовательно, универсальные критерии нуждаются в конкретизации применительно к различным сферам экономической деятельности. В этом контексте заслуживает внимания разрабатываемый Минэкономразвития проект об ограничении взаимодействия самозанятого с одним заказчиком до 160 часов в месяц: данный формальный критерий, при всех его недостатках, создает предсказуемый порог для правоприменителя.

С учетом изложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Фиктивная самозанятость является системной проблемой, обусловленной существенным разрывом в налоговой нагрузке между трудовыми договорами (НДФЛ 13 % + страховые взносы 30 %) и режимом НПД (4–6 %). Пока этот разрыв сохраняется, у работодателей будет сохраняться экономический стимул к подмене отношений.

2. Судебная практика 2025 года (включая позицию Верховного Суда Российской Федерации) последовательно идет по пути ужесточения ответственности заказчиков: доначисление НДФЛ и страховых взносов, взыскание штрафов по ст. 123 НК РФ, отказ от автоматического зачета уплаченного самозанятыми НПД.

3. Дальнейшая трансформация права в сфере самозанятости должна идти не по пути простого запрета или, напротив, полной либерализации, а через создание четких, формализованных и предсказуемых критериев разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, а также — в более отдаленной перспективе — через сближение налоговых режимов и создание «социального лифта» для самозанятых (возможность добровольного страхования с последующим переходом в статус наемного работника или ИП).

Баланс между гибкостью рынка труда, защитой трудовых прав и фискальными интересами государства позволит избежать дальнейшей деформации правового регулирования в этой сфере.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации : ТК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 15.05.2026 : принят Государственной Думой 21.12.2001 : одобрен Советом Федерации 26.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 31.12.2001. — № 1. — Ч. I. — Ст. 3.

2. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход : Федеральный закон № 422-ФЗ : принят Государственной Думой 15.11.2018 : одобрен Советом Федерации 23.11.2018 : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=520124&dst=100001#T4E6rGVMNwqnx12w.

3. О направлении информации по проведению мероприятий налогового контроля по НПД : письмо ФНС России от 15.04.2022 № ЕА-4-15/4674 // ФНС России : официальный сайт. — 2022. — URL : https://www.nalog.gov.ru/rn77/ (дата обращения : 10.04.2026).

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2025 № 309-ЭС24-20306 по делу № А76-20897/2023 // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. – URL : https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411316455 (дата обращения : 12.04.2026).

5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.04.2025 № Ф04-639/2025 по делу № А45-7788/2024 // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. – URL : https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38255838/#review (дата обращения : 12.04.2026).

6. Решение Арбитражного суда Рязанской области от 09.07.2024 по делу № А54-1195/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. – URL : https://sudact.ru/ (дата обращения : 07.04.2026).

7. Бекетова, Н. А. Основания для признания договора с самозанятым трудовым договором: что учитывают суды и контролирующие органы / Н. А. Бекетова // Кадровик-практик. – 2024. – № 8. – С. 126–138.

8. Мухина, И. И. Самозанятость в России: современные тенденции и перспективы развития / И. И. Мухина, Д. Г. Миракян // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 3 (44). – С. 21–31.

9. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // ФНС России : официальный сайт. — URL : https://rmsp.nalog.ru/index.html (дата обращения : 07.04.2026).

УДК 343.79

Сделки с земельными участками как объект мошеннических посягательств: гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты

Transactions with Land Plots as an Object of Fraudulent Encroachments: Civil Law and Criminal Law Aspects

А. А. Ипатова
студентка
E-mail: nastya.ipatova.2023@mail.ru
И. И. Макаров
кандидат экономических наук
доцент кафедры юриспруденции
E-mail: Lirinaa@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. A. Ipatova
Student
I. I. Makarov
Candidate of Economic Science
Associate Professor of the Department of Law
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуются проблемы правового регулирования сделок с земельными участками в контексте их уязвимости перед мошенническими посягательствами. Проводится комплексный анализ гражданско-правовых конструкций, используемых при совершении сделок с землей, и уголовно-правовых способов их незаконного отчуждения. На основе анализа судебной практики выявляются наиболее распространенные схемы мошенничества, включая использование фиктивных документов, рейдерские захваты и применение методов социальной инженерии. Особое внимание уделяется проблеме соотношения защиты прав добросовестного приобретателя и восстановления прав потерпевшего от мошенничества. В заключении формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: сделки с недвижимостью, земельный участок, мошенничество, хищение, государственная регистрация, добросовестный приобретатель, недействительность сделки, Росреестр.

Abstract

The article examines the problems of legal regulation of land transactions in the context of their vulnerability to fraudulent encroachments. The authors carry out a comprehensive analysis of civil law structures used in land transactions and criminal law methods of their illegal alienation. Based on the analysis of judicial practice, the most common fraud schemes are identified, including the use of forged documents, raider seizures and the use of social engineering methods. Special attention is paid to the problem of balancing the protection of the rights of a bona fide purchaser and the restoration of the rights of a victim of fraud. In conclusion, proposals are formulated to improve legislation and law enforcement practice.

Keywords: real estate transactions, land plot, fraud, theft, state registration, bona fide purchaser, invalidity of transaction, Rosreestr.

Актуальность исследования обусловлена исключительной значимостью земельных участков как объектов гражданского оборота. Земля выступает не только как природный ресурс и основа жизнедеятельности населения, но и как высоколиквидный объект рыночных отношений. Согласно данным Росреестра, в 2023–2024 годах наблюдался устойчивый рост количества сделок с земельными участками, что закономерно сопровождается увеличением числа мошеннических посягательств в данной сфере [3]. Сложность правовой природы земельных участков, необходимость соблюдения специальных требований к совершению сделок (форма договора, государственная регистрация, целевое назначение земель) создают благоприятную среду для злоупотреблений. Мошенничество с земельными участками представляет собой одну из наиболее опасных форм экономической преступности, посягающую на конституционное право частной собственности и подрывающую доверие к институтам государственной регистрации [3].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ сделок с земельными участками как объекта мошеннических посягательств, выявление правовых проблем квалификации таких деяний и разработка предложений по совершенствованию правового механизма защиты прав собственников.

1. Правовая характеристика сделок с земельными участками. Согласно ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), сделки с земельными участками являются одним из оснований возникновения, изменения и прекращения прав на недвижимое имущество [1]. Особенности правового регулирования таких сделок обусловлены спецификой земли как объекта недвижимости и требованиями земельного законодательства. Во-первых, сделки с земельными участками подлежат обязательной государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). В силу п. 1 ст. 551 ГК РФ переход права собственности на недвижимость к покупателю подлежит государственной регистрации, и только с момента такой регистрации у приобретателя возникает право собственности. Во-вторых, форма договора купли-продажи земельного участка является письменной и подлежит нотариальному удостоверению в случаях, установленных законом (например, при продаже долей в праве общей собственности). Однако в большинстве случаев нотариальное удостоверение не является обязательным, что создает предпосылки для злоупотреблений. В-третьих, земельные участки обладают такими характеристиками, как категория земель и вид разрешенного использования, которые влияют на возможность совершения сделки. Отчуждение участка с нарушением целевого назначения может служить основанием для признания сделки недействительной. В-четвертых, оборот земельных участков ограничен рядом публичных требований: наличие межевания, постановка на кадастровый учет, отсутствие арестов и запрещений. Нарушение этих требований делает сделку оспоримой или ничтожной. Особую сложность представляют сделки, совершаемые под влиянием обмана, насилия или угрозы. В таких случаях воля стороны сделки не соответствует действительному волеизъявлению, что влечет признание сделки недействительной по основаниям, предусмотренным ст. 179 ГК РФ [1].

2. Мошенничество с земельными участками: уголовно-правовая характеристика. Мошенничество в сфере оборота земельных участков представляет собой хищение чужого имущества (земельного участка) или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [2]. Квалифицирующими признаками данного преступления являются совершение его группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, а также в особо крупном размере. Объективная сторона мошенничества с земельными участками характеризуется сложной структурой. Поскольку предмет преступления (земельный участок) является недвижимым имуществом, изъятие его из владения собственника происходит не

физически, а юридически — посредством регистрации перехода права собственности на преступника или подставное лицо. Момент окончания преступления определяется как момент государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок к третьему лицу. Именно с этого момента собственник утрачивает юридическую возможность осуществлять свои права владения, пользования и распоряжения. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Преступник осознает, что завладевает чужим земельным участком незаконно, и желает этого. Субъектом преступления может быть как лицо, непосредственно совершающее обман (например, лжесобственник), так и лицо, использующее свое служебное положение для совершения преступления (например, должностное лицо Росреестра, содействующее незаконной регистрации).

3. Типичные схемы мошенничества при совершении сделок с земельными участками. Анализ судебно-следственной практики позволяет выделить несколько типичных способов совершения мошенничества с земельными участками.

3.1. Использование поддельных правоустанавливающих документов. Данная схема предполагает изготовление подложных документов, являющихся основанием для регистрации права собственности. К таким документам относятся: поддельные свидетельства о праве на наследство, решения судов, договоры купли-продажи, постановления органов местного самоуправления. На основании подложных документов в Росреестре регистрируется право собственности на имя подставного лица, после чего участок перепродается добросовестным приобретателям.

3.2. Мошенничество с использованием доверенностей. Преступники изготавливают поддельные доверенности от имени собственника, дающие полномочия на распоряжение земельным участком. В ряде случаев доверенности оформляются с использованием поддельных паспортов или с привлечением лиц, внешне схожих с собственником, для прохождения идентификации у нотариуса.

3.3. Рейдерские захваты. Данная схема представляет собой незаконное завладение земельным участком с использованием административного ресурса, коррупционных связей или силового давления. Типичным примером является незаконное внесение изменений в ЕГРН на основании подложных решений судов, полученных через коррумпированных судей, либо использование административного ресурса органов местного самоуправления для незаконного предоставления участка.

3.4. Мошенничество с использованием методов социальной инженерии. В последние годы данная схема получила широкое распространение. Преступники под видом сотрудников банков, правоохранительных органов или государственных учреждений вводят собственника в заблуждение относительно угрозы утраты недвижимости и убеждают его самостоятельно продать земельный участок и передать вырученные средства на «безопасные счета». В рамках данной схемы сделка купли-продажи совершается самим собственником, что существенно осложняет доказывание наличия состава преступления.

3.5. Двойные продажи. Продажа одного и того же земельного участка нескольким покупателям. Часто используется в отношении участков, находящихся в общей долевой собственности, либо участков, права на которые не были должным образом проверены покупателями.

4. Проблемы правоприменительной практики и защиты прав участников сделок. Наиболее острой проблемой правоприменительной практики является коллизия между защитой прав добросовестного приобретателя и восстановлением прав потерпевшего от мошенничества. Согласно ст. 302 ГК РФ, добросовестный приобретатель — это лицо, которое не знало и не могло знать о том, что лицо, отчуждающее имущество, не имело права его отчуждать. Если имущество приобретено возмездно и выбыло из владения собственника по его воле, добросовестный приобретатель становится собственником, и виндикационный иск не подлежит удовлетворению [1]. Однако в случае мошенниче-

ства, особенно с использованием методов социальной инженерии, имущество выбывает из владения собственника формально по его воле (собственник сам подписывает договор), но воля эта является порожденной обманом. Судебная практика по таким делам складывается неоднозначно. Позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в обзоре судебной практики № 2 [6], заключается в том, что сделка, совершенная под влиянием обмана, является оспоримой (ст. 179 ГК РФ), и признание ее недействительной возможно только по иску потерпевшего. При этом вопрос о судьбе имущества, перешедшего к добросовестному приобретателю, решается с учетом того, мог ли приобретатель знать о пороках сделки. На практике это приводит к тому, что даже после вступления в силу приговора суда по уголовному делу потерпевший не всегда может вернуть свой земельный участок, если он был перепродан добросовестному приобретателю, а вырученные мошенниками средства уже не могут быть взысканы.

5. Пути совершенствования правового регулирования. Анализ выявленных проблем позволяет предложить следующие направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики:

1. Совершенствование процедуры государственной регистрации. Представляется целесообразным установить обязательную нотариальную форму для всех сделок с земельными участками, совершаемых с участием граждан. Это позволит обеспечить проверку дееспособности сторон, подлинности их волеизъявления и законности сделки на стадии ее оформления [4].

2. Введение механизма «периода охлаждения». Законодательное закрепление срока (не менее 7 рабочих дней) между подачей документов на регистрацию и фактическим переходом права собственности, в течение которого уполномоченные органы могут приостановить регистрацию при наличии подозрений о совершении мошеннических действий.

3. Создание единого реестра запрещенных сделок. Внедрение механизма оперативного информирования Росреестром органов внутренних дел о сделках с признаками мошенничества (отчуждение единственного жилья, частые сделки с одним объектом, отчуждение лицом пожилого возраста) с правом приостановления регистрации на срок до 30 суток для проведения проверки.

4. Повышение правовой грамотности населения. Реализация системных мероприятий по информированию граждан о правилах совершения сделок с недвижимостью, о признаках мошеннических действий и о необходимости обращения за юридической помощью.

5. Ужесточение ответственности за мошенничество с недвижимостью. Дополнение ст. 159 УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» и установление повышенных санкций за совершение мошенничества с использованием методов социальной инженерии [5].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что мошенничество при совершении сделок с земельными участками представляет собой сложное и динамично развивающееся социально-правовое явление. Преступники адаптируются к изменениям законодательства, используя как традиционные методы (подлог документов, рейдерство), так и современные технологии (социальная инженерия, дипфейки). Существующая система правового регулирования сделок с земельными участками и противодействия мошенничеству нуждается в совершенствовании.

Особого внимания требует проблема защиты прав потерпевших, чье имущество выбыло под влиянием обмана, и одновременно — обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты прав добросовестных приобретателей.

Предложенные в настоящей статье меры, включая совершенствование процедур регистрации, усиление нотариального контроля и повышение правовой грамотности

населения, направлены на создание более эффективного механизма противодействия мошенничеству и обеспечения защиты прав собственников земельных участков.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : ГК РФ : часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 08.08.2024 : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года, одобрен Советом Федерации 22 октября 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на : 17.11.2025 : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. О результатах деятельности Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в 2023 году : отчет Росреестра // Росреестр : официальный сайт. — URL : https://rosreestr.gov.ru (дата обращения : 01.04.2026).

4. Алигаджиева, А. Г. Актуальные проблемы в сфере противодействия мошенническим действиям при совершении сделок с недвижимым имуществом / А. Г. Алигаджиева, Л. А. Алигаджиева // Градостроительное право. — 2023. — № 4. — С. 6–9. — DOI : 10.18572/2500-0292-2023-4-6-9.

5. Правоприменительная практика по вопросам квалификации мошенничества в сфере недвижимости // Sciup.org : сайт. — URL : https://sciup.org/pravoprimenitelnaja-praktika-po-voprosam-kvalifikacii-moshennichestva-v-sfere-140303574 (дата обращения : 01.04.2026). — DOI : 10.52068/2304-9839_2023_64_5_67.

УДК 336.02

Налоговая система России в XIX веке

The Russian Tax System in the 19th Century

А. В. Каллаш
студент
E-mail: av .kallash@ edu.mubint.ru
А. Ю. Волков
E-mail: A140869@yandex.ru
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. V. Kallash
Student
A. Y. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Анализ становления и развития налоговой системы в России на протяжении XIX века – периода глубоких социально-экономических и административных преобразований – составляет центральную тему статьи. Автор прослеживает ключевые этапы эволюции налоговой политики: реформы, модернизировавшие финансовую систему государ-

ства, и сопутствующие изменения в структуре налоговых поступлений. Переход от подушного налогообложения к дифференцированным формам взимания налогов рассматривается особенно подробно. Столь же пристальное внимание уделено роли косвенных налогов и тому, как преобразования второй половины столетия повысили эффективность фискального администрирования. В работе анализируются факторы, обусловившие трансформацию налоговой системы, включая отмену крепостного права, развитие промышленности и рост государственного аппарата. Делается вывод о том, что налоговая политика данного периода стала важным инструментом адаптации Российской империи к условиям модернизации и интеграции в мировую экономику, несмотря на сохранявшиеся структурные противоречия и социальную неравномерность налогового бремени.

Ключевые слова: tax system; 19th century Russian Empire; tax policy; pillow serve; indirect taxes; financial reforms; fiscal system; government revenues; tax administration; abolition of serfdom; economic modernization; budget policy; tax burden; excise taxes; direct taxes.

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the formation and development of the tax system in Russia in the 19th century - a period of significant socio-economic and administrative transformations. The key stages of the evolution of tax policy are considered, including reforms aimed at modernizing the financial system of the state, as well as changing the structure of tax revenues. Particular attention is paid to the transition from poll taxation to more differentiated forms of taxes, the role of indirect taxes, as well as the impact of reforms in the second half of the 19th century on improving the efficiency of fiscal administration. The work analyzes the factors that led to the transformation of the tax system, including the abolition of serfdom, the development of industry and the growth of the state apparatus. It is concluded that the tax policy of this period has become an important tool for adapting the Russian Empire to the conditions of modernization and integration into the world economy, despite the remaining structural contradictions and social unevenness of the tax burden.

Keywords: financial crimes, combating crime, crime investigation, economic expertise, monitoring of financial transactions, legalization, digitalization of investigations, financial monitoring, qualification of specialists, legalization of income, cybercrimes.

В истории налогообложения Российской империи XIX столетие занимает особое место как период фундаментальных трансформаций. К середине века была окончательно сформирована податная система, восходящая к реформам Петра Великого. Вторая половина столетия ознаменовалась коренным пересмотром всей фискальной структуры. Необходимость этих перемен была обусловлена вступлением России на путь ускоренной модернизации экономики, что требовало мобилизации значительных ресурсов.

Девятнадцатый век унаследовал от предшествующего столетия тяжелое бремя нерешенных проблем. Правление Павла I не принесло значительных изменений, но его сын Александр I, взошедший на престол в 1801 году, задумал масштабные преобразования, затрагивающие в том числе финансовую сферу. Для повышения управляемости государственным аппаратом учредили восемь министерств, и среди них выделялось Министерство финансов, в ведении которого находился сбор налогов.

Первый руководитель этого ведомства А. И. Васильев (1802–1807) справлялся с ежегодными бюджетными дефицитами традиционными способами: прибегал к займам в государственных банках и наращивал выпуск ассигнаций. В 1811 году финансовое управление перестроили, разделив функции между тремя органами: Министерство финансов ведало доходами, Государственное казначейство распоряжалось расходами, Государственный контролер проверял счета.

Через десять лет Казначейство вошло в состав Министерства финансов. Губернские казенные палаты и уездные казначейства на местах занимались сбором налогов, управляли винными откупами и государственным имуществом.

В XIX веке Россия столкнулась с серьезными вызовами, обусловленными политической нестабильностью в Европе и участием в наполеоновских войнах. Эти обстоятельства требовали колоссальных затрат, в том числе финансовых, что привело к значительному дисбалансу в государственном бюджете: в 1809 году расходы вдвое превысили доходы. В ответ на сложившуюся ситуацию была инициирована разработка комплексной программы финансовых реформ, известной как «план финансов».

Автором и ключевым исполнителем данной программы стал выдающийся государственный деятель М. М. Сперанский (1772–1839 гг.). Целью программы являлось внедрение ряда неотложных мер, направленных на стабилизацию и упорядочение государственных финансов.

В контексте формирования новой системы государственного управления, инициатива по реформированию государственных финансов исходила не от Министерства финансов, а от государственного секретаря М. М. Сперанского. В 1809 году, по поручению императора Александра I, Сперанский приступил к разработке комплексной программы, получившей название «План финансов».

В конце 1809 года был представлен детальный «План финансов», включающий 238 статей и разделенный на две части, отражающие последовательные шаги по оздоровлению экономики. Первая часть описывала конкретные меры на 1810 год, вторая – долгосрочную стратегию. Ключевыми предложениями были: восстановление стабильности денежной системы путем прекращения эмиссии новых банкнот, установление жесткого контроля над государственными расходами и их сокращение для ликвидации постоянного бюджетного дефицита.

Автор плана отказывался от привычного метода покрытия дефицита через выпуск ассигнаций, учитывая отсутствие быстрых источников дохода. Для выхода из сложившейся ситуации М. М. Сперанский предлагал временно, на один год, усилить налоговое давление. В начале 1810 года финансовая программа М. М. Сперанского, известная как «План», получила официальное одобрение Государственного Совета и 2 февраля была узаконена манифестом. Этот документ закрепил за ассигнациями статус государственного долга, гарантированного богатством империи, и провозгласил прекращение выпуска новых бумажных денег.

В рамках этих мер были повышены подушная и оброчная подати, налоги на купеческие капиталы, таможенные пошлины, гербовый и паспортный сборы, а также цена на казенную соль. В Петербурге и Москве вводился процентный сбор с торгующих крестьян и сбор с иностранных ремесленников. Правительство стремилось привлечь к уплате прямых налогов поместное дворянство: предлагалось взимать по 50 копеек с каждой ревизской души со всех помещичьих имений. Эти налоговые изменения вступили в силу в 1810 году. Год спустя ставки сборов выросли в среднем на 150 % от прежнего уровня, что существенно увеличило поступления в государственную казну.

В начале 1812 года власти решили увеличить налоговое бремя. Собранные средства на этот раз предназначались не для текущих государственных расходов, а для оздоровления кредитной системы. Такой подход стал продолжением реформы, запущенной еще в 1810 году, когда по инициативе М. М. Сперанского учредили Комиссию погашения долгов. Комиссия действовала автономно от министерства финансов и отвечала за выплаты по государственным займам, а также за изъятие из обращения ассигнаций.

Манифест от 11 февраля 1812 года закрепил за Комиссией специальный целевой капитал, который складывался из двух источников: доходов от продажи государственных имуществ и новых налоговых поступлений. Эти дополнительные налоги в общую роспись государственных доходов не входили, их направляли исключительно на погашение долгов.

Подушную и оброчную подати повысили, как и двумя годами ранее; то же коснулось сбора с купеческих капиталов и различных пошлин. Торгующие крестьяне стали платить новые налоги, а помещики – процентный сбор с доходов, размер которых они декларировали добровольно.

Несмотря на принятый законодательный акт, Комиссия погашения долгов так и не приступила к своей деятельности, хотя новые подати и налоги были введены в действие. Предположения М. М. Сперанского об отдельном управлении долгами и источниками их обеспечения не осуществились. Налоговые поступления, предназначавшиеся для погашения долгов, пополнили общую массу казны, остро нуждавшейся в средствах для ведения войны 1812 г.

Причиной неудачи реформ М. М. Сперанского, вероятно, стали два ключевых фактора.

Во-первых, попытки наладить стабильную денежную систему и упорядочить государственные расходы были предприняты в крайне неблагоприятный период. Экономический кризис усугублялся разрывом торговых связей из-за континентальной блокады Англии и огромными военными расходами в преддверии войны с Наполеоном.

Во-вторых, Сперанский допустил ошибку, пытаясь решить проблему инфляции путем значительного увеличения налогов, что оказалось не менее серьезной проблемой. В результате реформы вызвали всеобщее недовольство, и Сперанский был отправлен в ссылку из Петербурга в марте 1812 года.

Манифест 9 апреля 1812 года стал точкой отсчета для нового правительственного курса, который отказался от масштабных финансовых реформ в пользу сосредоточения на решении насущных фискальных вопросов. Ключевой фигурой в реализации этой политики был министр финансов Д. А. Гурьев, ветеран Министерства с момента его создания. Его руководство финансовым ведомством (1810–1823 гг.) отличалось глубоким прагматизмом: Гурьев демонстрировал готовность оперативно пересматривать и отменять ранее принятые решения, если они не приносили желаемого результата или были ошибочны в конкретных обстоятельствах.

Взгляды и действия Гурьева, занимавшего пост министра финансов, претерпевали значительные изменения. От первоначальной поддержки выпуска ассигнаций он перешел к активной кампании по их изъятию из обращения. Аналогичная эволюция прослеживается и в его таможенной политике.

Характеризуя Гурьева как министра, можно отметить, что его действия соответствовали бюрократическому стилю эпохи Александра I, ознаменованной переходом от либеральных инициатив к более умеренному курсу. На смену сторонникам решительных действий пришли чиновники, чьи решения основывались преимущественно на эмпирических данных. Так, Гурьев, исходя из своего практического опыта, пришел к необходимости резкого сокращения государственных расходов. Что касается источников пополнения казны, то повышение прямых налогов было неэффективным из-за низкой платежеспособности большинства населения. Однако увеличение косвенных налогов представлялось фискально выгодным. Эта экономическая линия была продолжена и развита его преемником, Е. Ф. Канкриным, который стал одним из наиболее значимых государственных деятелей николаевской эпохи.

В 1826 году Е. Ф. Канкрин представил императору Николаю I свои фундаментальные принципы финансового управления. Он утверждал, что краеугольным камнем любой финансовой системы является принцип самодостаточности: население должно ежегодно обеспечивать государство необходимыми средствами через обычные механизмы сбора.

В рамках своей «системы» Канкрин также выделил ключевые аспекты налоговой политики: 1) приоритет отказа от новых заимствований (особенно внешних), предотвращение инфляции через эмиссию ассигнаций и минимизация новых налоговых обремене-

ний; 2) стремление к снижению повинностей, повышению эффективности существующих источников дохода и предотвращению их деградации. «Система» Канкрина была нацелена исключительно на упорядочение и рационализацию государственных финансов. При этом, не отличаясь радикализмом, она сочетала преемственность курса с новаторским подходом.

Одной из особенностей тарифа 1826 г. являлось обложение значительной пошлиной привозного сахара с целью поощрения русского свеклосахарного производства, что привело к быстрому росту этой отрасли промышленности. Если первый свеклосахарный завод в России возник в 1802 г., то в 1845 было уже 206 фабрик с производством в 484 тыс. пудов, а еще через три года — 340 заводов с производством в 900 тыс. пудов.

Самым радикальным начинанием Канкрина в налоговой сфере стала реформа обложения торгово-промышленной деятельности. Вторым крупным налоговым мероприятием Е. Ф. Канкрина на посту министра финансов стала отмена казённого управления питейными сборами и возобновление откупной системы, которая поправила состояние бюджета, став вскоре самым крупным источником государственного дохода.

Канкрин вошел в историю как министр, сумевший добиться рекордного снижения бюджетного дефицита в начале правления Николая I. Основным инструментом для этого стало жесткое урезание государственных, в первую очередь военных, расходов. Финансовая устойчивость также была укреплена за счет повышения существующих косвенных налогов.

Важную роль сыграли и рост доходов от продажи алкоголя, а также успешная денежная реформа 1839–1843 годов. Однако эта стабилизация была крайне неустойчивой, поскольку министру финансов с большим трудом удавалось проводить в жизнь один из основных принципов его «системы» — сокращение государственных расходов. Россия всё больше втягивалась в затяжную Кавказскую войну, наносившую ощутимые удары по государственному бюджету. Многочисленные требования министра финансов либо целиком прекратить военные акции на Кавказе, либо быстро усмирить мятежных горцев оставались без внимания. Поэтому в мае 1844 года он подал в отставку.

Следующие изменения в системе налогообложения произошли уже во второй трети XIX в. и были связаны с именем Александра II (1855–1881). Потребности капиталистического развития требовали реформировать и упорядочить все сферы жизни феодальной России, в том числе и финансовую.

В рамках масштабной финансовой реформы, инициированной Александром II в 1860 году, с 1 января 1863 года была упразднена откупная система. Эта система, при которой сбор косвенных налогов (на соль, табак, вино и т.п.) передавался частным лицам, была заменена на более эффективную и прозрачную акцизную систему. Последовательно вводились акцизы на различные товары: на соль (1862), дрожжи (1866), керосин (1872) и табак.

Результатом этих преобразований стало успешное преодоление бюджетного дефицита в России к началу 1870-х годов. Косвенные налоги, введенные в рамках этой реформы, стали основным источником пополнения казны, их значимость для российского бюджета была исключительно высока, превосходя даже их существенную роль в экономиках других развитых стран.

Помимо налогов и сборов, крестьяне были обязаны выполнять ряд натуральных повинностей. К ним относились работы по благоустройству территории (дороги, пожаротушение), обеспечение безопасности (стража), поддержание запасов (хлебные магазины) и борьба с вредителями.

Финансовые же сборы шли на содержание местного самоуправления, а также на социальные нужды: больницы, богадельни и образовательные учреждения с учителями. Все эти платежи и повинности лежали на каждом крестьянине – главе семьи, проживавшем в данной общине.

С 1865 года перестали взимать подушную подать с дворовых людей, не имеющих возможности работать и приписанных к волостям. К 1875 году мелкие населенные пункты (менее 40 ревизских душ) получили освобождение от уплаты подушной подати за умерших, военнослужащих и нетрудоспособных. В мае 1875 года подушную подать заменили на оброчную и государственный поземельный налог по всей стране, за исключением Сибири, где эти изменения произошли в 1898 году.

Кроме государственных прямых налогов функционировали земские (местные) сборы. Земским учреждениям предоставлялось право определять сборы с земли, фабрик, заводов, торговых заведений. Был установлен налог на доходы с ценных бумаг, квартирный налог, сбор с проезда по шоссе. Действовали паспортные сборы, в том числе с заграничных паспортов, пошлины с имущества, переходящего по наследству или по актам дарения.

До 1882 г. налог с наследств функционировал в размере 6 %, но взимался он по узаконению 1801 г. только с лиц, не имеющих права на законное наследование. Он был введен вновь со всех наследств, а его ставка устанавливалась в зависимости от степени родства пропорционально оценочной стоимости наследуемого имущества.

Согласно Городовому положению 1870 года, городские власти получили право взимать государственный квартирный налог. Его внедрение, однако, заняло значительное время, и он начал действовать лишь с 1894 года. Ставка налога определялась стоимостью аренды жилья. Плательщиком налога выступал содержатель квартиры, независимо от формы владения. В структуре городских сборов платежи за прописку стали доминирующими.

С 1 января 1879 г. правительство установило особый железнодорожный сбор, падающий на пассажиров, в размере 25 % с цены билетов 1-го и 2-го классов и 15 % с цены билетов 3-го класса; с пассажирского багажа взималось 25 % за провоз. Доход казны от этого сбора равнялся 9 млн руб.

В России долго не было ни выработанного законодательства об охоте, ни налога на охоту. Желающие охотиться в казенных лесах оплачивали пошлину. И только в 1982 г. был принят закон об охоте, который предусматривал налог на охотничьи свидетельства в размере 3 руб. В 1898 г. Николай II утвердил положение о государственном промысловом налоге. Промысловые свидетельства, согласно этому положению, должны были выбираться на каждое промышленное предприятие, торговое заведение, пароход. Свидетельство могло получить как физическое, так и юридическое лицо. Так обеспечивался единый подход ко всем юридическим лицам.

Основной промысловый налог складывался из трех составляющих: обложения торговых заведений и складских помещений, обложения промышленных предприятий, а также сбора со свидетельств на ярмарочную торговлю. Дополнительный промысловый налог по размеру превосходил основной. Его величина определялась размером основного капитала, прибылью предприятия и организационно-правовой формой – принадлежностью к гильдейскому сословию либо статусом акционерного общества.

В России XIX века уклонение от налогов приобрело массовый характер [3]. Фискальная система оставалась несовершенной, а сословная структура общества создавала многочисленные лазейки для желающих избежать податей.

Подушная подать взималась с учтенного мужского населения, поэтому при переписях помещики и общины скрывали так называемые «ревизские души». Купечество, обязанное самостоятельно заявлять размер своего имущества для налогообложения, систематически занижало реальные доходы и капиталы.

Некоторые прибегали к фиктивному изменению сословного статуса ради налоговых льгот: мещане записывались в крестьяне, а богатые крестьяне избегали перехода в купеческое сословие, несмотря на соответствующий уровень состояния. Контрабанда позволяла обходить таможенные пошлины на границах империи, а нелегальное произ-

водство подакцизных товаров (прежде всего алкоголя) лишало казну значительной части винных сборов. Коррупция пронизывала всю систему сбора податей: чиновники за взятки закрывали глаза на недоимки, фальсифицировали отчетность, способствовали сокрытию облагаемого имущества.

Государственный контроль оставался слабым, методы учета и администрирования развивались медленно, что превращало уклонение от налогов в обыденную практику для представителей разных сословий.

Налоговая система России XIX века представляла собой сложный и внутренне противоречивый механизм. Она постепенно трансформировалась под давлением масштабных социально-экономических сдвигов: отмены крепостного права, развития товарно-денежных отношений, формирования новых укладов хозяйствования. Государство вынуждено было приспосабливать фискальную политику к изменившимся условиям, и эта адаптация определила направление эволюции всей системы налогообложения.

Реформы, проводившиеся на протяжении столетия, преследовали цели упорядочения сбора податей и повышения доходности казны, однако результаты оказывались неоднозначными. Налоговое бремя распределялось крайне неравномерно между различными группами населения, что напрямую отражало сословную структуру российского общества и закрепленные в ней привилегии. Существенную роль продолжали играть косвенные налоги, обеспечивавшие стабильные поступления в бюджет, однако одновременно усиливавшие нагрузку на народ.

Если же сравнить проблемы налоговой системы современной России и Российской империи XIX века, то можно выделить следующее: сохраняется уклонение от уплаты налогов, теневая экономика [4], это говорит о том, что законодательство не может останавливаться на одном уровне и должно совершенствоваться, адаптируясь к изменяющемся социально-экономическим условиям, потребностям государства.

Библиографический список

1. Свод законов Российской империи. – СПб. : Типография Второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1832 // Российская национальная библиотека : официальный сайт. — URL : https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

2. Манифест 19 февраля 1861 года «Об освобождении крестьян от крепостной зависимости» // Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова : официальный сайт. — URL : https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/feb1861.htm.

3. Сафонова, Ю. В. Причины и способы уклонения от уплаты налогов в России / Ю. В. Сафонова, А. О. Челмакина, А. Ю. Волков // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике : материалы международной научно-практической конференции, Ярославль, 28 ноября 2019 года / под научной редакцией Л. Г. Батраковой, Н. Л. Будахиной. — Часть 2. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. – С. 109–114. – EDN RKZOKC.

4. Домашняя, С. С. Современные проблемы налоговой системы России и пути их решения / С. С. Домашняя, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 06 апреля 2020 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – С. 245–247. – EDN BEZTLK.

УДК 343.3.7

Противодействие легализации, отмыванию денежных средств, полученных преступным путем

Combating the Legalization and Money Laundering of Funds Obtained Through Criminal Activities

А. В. Каллаш
студент
E-mail: av.kallash@ edu.mubint.ru
А. Ю. Волков
E-mail: A140869@yandex.ru
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. V. Kallash
Student
A. Y. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты противодействия легализации, отмыванию денежных средств, полученных преступным путем в современной России. Также анализируются понятие и сущность легализации преступных доходов, ее состав и модели получения денежных средств. Особое внимание уделяется правовым основам противодействия данному виду преступлений, особенностям их раскрытия и расследования. В работе подробно рассматриваются меры предупреждения, а также проблемы и перспективы совершенствования правовой базы в данной сфере.

Ключевые слова: противодействие преступности, расследование преступлений, мониторинг финансовых операций, легализация, цифровизация расследования, финансовый мониторинг, квалификация специалистов, легализация доходов, киберпреступления.

Abstract

The article examines the theoretical and practical aspects of combating the legalization and laundering of funds obtained through criminal means in modern Russia. It also analyzes the concept and essence of the legalization of criminal proceeds, its components, and models of obtaining funds. Particular attention is paid to the legal framework for combating this type of crime, the peculiarities of its detection and investigation. The paper provides a detailed examination of preventive measures, as well as the problems and prospects for improving the legal framework in this area.

Keywords: combating crime, crime investigation, monitoring of financial transactions, legalization, digitalization of investigations, financial monitoring, qualification of specialists, legalization of income, cybercrimes.

Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, приобретает в современном мире особую актуальность в связи с тем, что значительные объемы криминальных доходов, проникают в легальную экономику государства. Увеличение доли преступных капиталов в экономике актуально не только для России. Легализация доходов, полученных преступным путем, угрожает национальной безопасности, препятствует нормальному функционированию государства, подрывает доверие к государственным структурам, отрицательно влияет на цивилизованные рыночные

отношения. В этой связи, создание эффективной системы мер, направленной на пресечение попыток отмывания преступных доходов, становится одной из приоритетных задач Российской Федерации.

Понятие «отмывание денег» появилось в 1980-х годах в Соединённых Штатах Америки и изначально применялось к доходам от наркоторговли, описывая процедуру превращения незаконно полученных средств в легальные финансовые активы. С того времени было предложено множество трактовок этого термина. В 1984 году Президентская комиссия США по организованной преступности ввела следующую формулировку: отмывание денег — это процесс, с помощью которого маскируется факт существования, противозаконное происхождение или незаконное использование доходов, после чего эти средства маскируются таким образом, чтобы казаться имеющими законное происхождение.

Основные характеристики легализации отмечены ещё в 1993 году: незаконность (общая характеристика): в качестве источника дохода выступает преступная деятельность; сокрытие (специальная характеристика): основная цель – это сокрытие преступного происхождения дохода.

В качестве целей легализации доходов можно выделить следующие:

1. Сокрытие источников происхождения преступного дохода.
2. Придание преступному доходу видимости законного.
3. Сокрытие получателей преступных доходов и организаторов процесса их легализации.
4. Уклонение от уплаты налогов.
5. Получение свободного доступа к распоряжению преступными доходами.
6. Возможность инвестирования в легальный бизнес.

Согласно российскому законодательству, под легализацией преступных доходов понимается придание законного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами либо другим имуществом, приобретёнными в результате совершения преступления. Это определение является достаточно широким, однако в нём следует указать на умышленный характер данного правонарушения: лицо должно осознавать, что финансовые средства или иное имущество были получены вследствие совершения противоправного деяния. Данный состав преступления предусмотрен статьей 174 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

В российском законодательстве уголовная ответственность за легализацию доходов, добытых преступным способом, установлена статьями 174 и 174.1 УК РФ. В них указано: «Совершение финансовых операций и иных сделок с денежными средствами или другим имуществом, заведомо полученными… преступным путём, с целью придания законного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом». Эти статьи законодатель разместил в главе 22 (преступления в сфере экономической деятельности) раздела VIII (преступления в сфере экономики). Объединяющим элементом входящих в 22 главу норм является тот видовой объект, на который происходит посягательство при совершении преступления. Видовым объектом данной главы является сфера экономической деятельности, т. е. нормальная (легальная) экономическая деятельность по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг.

Основными факторами, способствующими легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, на современном этапе развития в Российской Федерации являются:

– коррупция в органах государственной власти, включая правоохранительную и судебную систему;

– отсутствие должного контроля над деятельностью субъектов хозяйственной деятельности в части налогообложения, проведения платежей и расчетов;

– несовершенство контрольно- надзорных и разрешительных механизмов финансово-хозяйственной и внешнеэкономической деятельности;

– несовершенство механизмов регистрации юридических лиц и контроля за их деятельностью;

– неэффективность надзорных процедур в сфере деятельности отдельных видов организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и иных лиц;

– существование высокорискованных, с точки зрения легализации (отмывания) доходов, полученных преступных путем, сфер деятельности, связанных, в том числе, с использованием современных электронных технологий;

– появление и развитие киберпреступности;

Состав преступления составляют субъект — вменяемое физлицо, достигшее 16 лет; объект — легальный финансово-экономический оборот, нарушаемый путем внедрения незаконно добытых денежных средств или имущества. Субъективная сторона — прямой умысел. Цель – придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению деньгами или имуществом. Объективная сторона — придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению деньгами или имуществом, добытым третьими лицами незаконным путем (то есть перевод активов из теневой экономики в экономику официальную). Отмывание совершается путем совершения финансовых операций и сделок. К финансовым операциям относятся любые операции с деньгами – переводы, размен, обмен, наличные и безналичные расчеты и т. д. К сделкам относятся действия, направленные на установление, корректировку или завершение гражданских прав и обязанностей.

Способы совершения преступления:

1. Одна из самых распространенных схем – обналичивание денежных средств. Криминальные группировки и заинтересованные лица создают фирмы для обналичивания денежных средств и продажи их за безналичные деньги. Руководители таких организаций часто скрывают свою настоящую личность, используют фальшивые данные и не ведут учет своей деятельности, чтобы избежать налогообложения.

2. Также существует возможность легализации через различные банки. Для проведения процесса «отмывания» денег через банковские учреждения используются различные методы, такие как создание анонимных счетов, внесение небольших сумм на депозиты, получение кредитов с последующим возвратом «чёрными» деньгами, а также перемещение средств между несколькими банками. Крупные суммы могут быть разделены и размещены в различных иностранных банках, после чего использованы для покрытия расходов.

3. Кроме того, «отмывание» может осуществляться через приобретение ценных бумаг за наличные средства и получение процентов также наличными. Такие сделки характеризуются анонимностью и более сложным контролем со стороны банковских институтов. Они проводятся в банках как коммерческие операции, а проценты выплачиваются наличными.

4. В наши дни активно развивается рынок криптовалюты, через которую ведется отмывание денежных средств, полученных преступным путем. С 1 января 2021 года криптовалюта в России стала предметом правового регулирования и приобрела статус имущества. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» устанавливает, что цифровая валюта может использоваться в качестве средства платежа, но не является официальной денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства. Таким образом, оборот криптовалюты не равнозначен официальной денежной системе.

В Российской Федерации действует национальная система противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. Эта

система предназначена для реализации единой государственной политики в данной области, защиты экономических интересов страны и обеспечения национальной безопасности. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (Федеральный закон № 115-ФЗ) заложил основу в формирование национальной системы. В стране создан федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем и координирующий деятельность в этой сфере.

К субъектам правоохранительного блока национальной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма относятся правоохранительные органы, такие как: прокуратура, ФСБ, МВД и РОСФИН-мониторинг. Эти организации занимаются расследованием преступлений и осуществляют оперативно-розыскную деятельность. Основная задача субъектов правоохранительного блока состоит в выявлении, пресечении и расследовании преступлений, направленных на легализацию преступных доходов. Нормативной основой данной подсистемы служат федеральные законы и уголовно-процессуальное законодательство.

Финансовый мониторинг можно условно разделить на два уровня: первичный финансовый мониторинг и государственный мониторинг. К субъектам государственного мониторинга относятся Росфинмониторинг и надзорные органы, которые контролируют выполнение физическими и юридическими лицами требований в соответствии с Федеральным законом № 115-ФЗ. Взаимоотношения в подсистеме финансового мониторинга регулируются в основном нормами административного и финансового права.

Росфинмониторинг не только анализирует поступающую информацию о финансовых операциях, подлежащих контролю согласно российскому законодательству, но и принимает меры по предотвращению незаконных операций, оперативно передавая соответствующие сведения.

Стратегические задачи национальной системы:

– сократить масштаб незаконной предпринимательской деятельности и организованной преступности;

– устранить условия, способствующие деятельности организованной преступности, коррупции и наркобизнеса;

– сделать невозможным незаконный вывод финансовых средств за рубеж;

– создать условия для обеспечения репатриации доходов, полученных незаконным путем и выведенных за пределы России;

– обеспечить систему мер, направленную на предотвращение попыток легализации преступных доходов способную реализовывать на всех уровнях полномочия государственных органов и организаций и эффективно взаимодействовать между собой.

Основными причинами, отрицательно влияющими на эффективность национальной системы мер, можно отнести:

– отсутствие единой информационной системы для всех организаций и государственных органов, принимающих участие в предотвращении попыток легализации преступных доходов, межведомственная разобщенность информационных ресурсов и отсутствие общей базы содержащихся в них данных;

– отсутствие достаточного количества подготовленных специалистов надзорной и правоприменительной деятельности в данной сфере (сотрудников прокуратуры, следователей, оперативных работников и т. д.);

– недостаточный опыт в рассмотрении уголовных дел для данной категории преступлений;

– несовершенство нормативно-правовой базы, связанное с определением полномочий надзорных органов, нормативным регулированием и контролем за деятельностью

предприятий, осуществляющих деятельность в данной сфере, и затрудняющие идентификацию клиентов, относящихся к группе повышенного риска.

В России существует ряд мер, направленных на борьбу с легализацией доходов:

1. Развитие системы мониторинга финансовых операций, позволяющей оперативно выявлять и блокировать незаконные переводы денежных средств.

2. Организация специализированных государственных органов и служб, ответственных за борьбу с легализацией доходов и банковскими преступлениями.

3. Ужесточение наказания за легализацию доходов, в том числе за использование несуществующих фирм, счетов юридических лиц и иных методов.

4. Внедрение новшеств, позволяющих выявлять и конфисковать незаконно приобретенное имущество.

5. Обновление законодательства, устанавливающего ответственность за уклонение от уплаты налогов и прочих нарушений финансовой сферы.

Противодействие легализации преступных доходов опирается на несколько взаимосвязанных направлений: развитие законодательной базы, совершенствование контрольных механизмов, повышение результативности правоохранительных структур. Параллельно укрепляются принципы государственной безопасности и расширяется международное сотрудничество в этой сфере.

Банк России противодействует легализации доходов, полученных преступным путем, через комплекс взаимосвязанных мер. Регулятор осуществляет надзор за всеми кредитными организациями страны и обязывает их выполнять требования «антиотмывочного» законодательства. Параллельно разрабатываются нормативные акты, регламентирующие банковскую деятельность в данной сфере: в частности, утвержден порядок проверки клиентов на предмет рисков, связанных с отмыванием средств. Кредитные организации проводят финансовый мониторинг операций своих клиентов, что позволяет выявлять признаки незаконной легализации и пресекать подозрительные транзакции на ранней стадии. Банк России также совершенствует инструментарий контроля: внедряются системы мониторинга, способные обнаруживать нетипичные финансовые операции и сигнализировать о потенциальных нарушениях.

Создание платформы «Знай своего клиента» представляет собой еще одну меру противодействия легализации преступных доходов. Платформа предоставляет банкам сведения о клиентах и отражает степень риска их вовлеченности в подозрительные операции. Технологическую основу платформы составляет анализ больших данных. Система автоматически собирает, хранит и обрабатывает информацию о клиентах и совершаемых ими финансовых операциях. Сервис открывает доступ к широкому спектру сведений из разнообразных источников: базы данных государственных органов, банковские реестры, социальные сети. Благодаря этому появляется возможность проверять финансовые операции клиентов на соответствие критериям, закрепленным в законодательстве, и выявлять нарушения.

Финмониторинг и налоговые органы также противодействуют легализации преступных доходов, реализуя комплекс специальных мер. Финмониторинг ведет наблюдение за финансовыми транзакциями, чтобы обнаруживать операции с признаками отмывания средств. Налоговые органы контролируют правильность и своевременность уплаты налогов при совершении финансовых операций.

Открытость в отношении клиентов. Финмониторинг и налоговые органы могут запросить информацию у финансовых организаций о проводимых ими операциях и клиентах, включая информацию о наличии признаков легализации доходов, полученных преступным путем. Развитие инструментов и технологий. Финмониторинг и налоговые органы используют различные инструменты и технологии для более эффективной борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем.

Например, аналитические программы машинного обучения, которые помогают выявить необычные или подозрительные финансовые операции.

За последние несколько десятилетий легализация (отмывание) доходов, добытых преступным способом, превратилась в распространённую практику по всему миру. Структура преступных операций по легализации доходов существенно усложнилась. Организованные преступные группы используют уязвимости в системах регулирования финансовых систем различных стран, чтобы осуществлять гибкие и быстрые операции по перемещению активов через национальные границы. Одной из характеристик легализации преступных доходов является высокий уровень скрытности. По данным Росфинмониторинга, в России ежегодно легализуется значительная часть доходов от преступной деятельности, что сравнимо с чистыми оттоками капитала за рубеж. Для повышения эффективности борьбы с легализацией доходов, добытых преступным путём, необходимо сосредоточить усилия на нескольких ключевых направлениях. Эффективное противодействие отмыванию незаконных доходов требует комплексного подхода, включающего несколько взаимосвязанных направлений.

Законодательная база нуждается в постоянном совершенствовании: жесткие нормативные акты должны пресекать не только саму легализацию преступных средств, но и первичные виды противоправной деятельности, порождающие эти доходы. Параллельно с развитием правовой системы растет роль инновационных технологий. Блокчейн-системы обеспечивают прозрачность финансовых транзакций, а искусственный интеллект позволяет анализировать огромные массивы данных, выявляя подозрительные операции на ранних стадиях.

Государственные органы должны ужесточить контроль за соблюдением требований финансового мониторинга. Деятельность юридических и физических лиц, операции с денежными средствами, движение капитала и имущества – все эти сферы требуют пристального надзора, для чего нередко проводятся специальные мероприятия. Отдельного внимания заслуживает ограничение наличного оборота, поскольку именно наличные деньги традиционно служат инструментом легализации преступных доходов. Образовательная работа с населением остается неотъемлемой частью комплексной стратегии. Пропаганда знаний о механизмах отмывания денег и методах противодействия этому явлению повышает общественную бдительность и способствует формированию нетерпимости к финансовым преступлениям.

Противодействие финансовым преступлениям требует согласованных усилий в нескольких направлениях. Правовая база нуждается в постоянной актуализации, методики расследования – в развитии с учетом новых схем, квалификация специалистов – в систематическом повышении, а трансграничный характер современных экономических правонарушений делает необходимым тесное сотрудничество между государствами. Разрозненные меры дают лишь точечный эффект. Ощутимое снижение ущерба, который финансовые преступления наносят экономической устойчивости страны, возможно тогда, когда перечисленные направления работают как единая система.

Противодействие легализации преступных доходов в Российской Федерации осуществляется на нескольких уровнях, однако правовые механизмы сами по себе недостаточны: требуется параллельная работа с социальными предпосылками преступной деятельности. Эффективность правоохранительных органов напрямую зависит от качества их финансового и кадрового обеспечения, а также от систематического обучения сотрудников и налаженного обмена опытом между подразделениями различных ведомств.

Борьба с легализацией доходов должна включать комбинированный подход с применением мер на разных уровнях, включая юридический, организационный, социальный и экономический. Работа государственных структур не должна ограничиваться обеспечением уровня экономической безопасности, но также должна поддерживать дополнительные меры по снижению социально-экономической напряженности в обществе.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 25.12.2023 : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 05 июня 1996 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон № 115-ФЗ : принят Государственной Думой 13 июля 2001 года : одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 года : последняя редакция // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 33 (часть I). — Ст. 3418.

3. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон № 395-1 от 2 февраля 1990 года : последняя редакция // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1990. — № 27. — Ст. 357.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации : НК РФ : часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 25.12.2024 : принят Государственной Думой 16 июля 1998 года : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 259-ФЗ : принят Государственной Думой 22 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года : последняя редакция // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.

6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята резолюцией 58/4 от 31 октября 2003 года // Бюллетень международных договоров. — 2006. — № 10. — С. 7–54.

УДК 343.237

Проблемы квалификации преступлений, совершённых группой лиц

Problems of Qualifying Crimes Committed by a Group of Persons

А. В. Канатьева
студентка
E-mail: alisaken908@gmail.com
П. А. Чирков
доцент кафедры юриспруденции
E-mail: chirkovpan@mail.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. V. Kanatyeva
Student
P. A. Chirkov
Associate Professor of the Department of Law
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений, совершённых группой лиц.

Ключевые слова: группа лиц, квалификация преступлений, соучастие в преступлении, предварительный сговор, исполнитель преступления, формы соучастия, уголовная ответственность.

Abstract

This article discusses the problems of qualifying crimes committed by a group of persons.

Keywords: group of persons, qualification of crimes, complicity in a crime, prior conspiracy, perpetrator of a crime, forms of complicity, and criminal liability.

Современная преступность характеризуется значительным ростом преступлений, совершаемых несколькими лицами совместно. Групповые формы преступной деятельности представляют повышенную общественную опасность, поскольку объединение усилий нескольких участников позволяет более эффективно реализовывать преступные намерения, усложняет раскрытие преступлений и повышает вероятность причинения более значительного вреда охраняемым законом общественным отношениям. В связи с этим институт соучастия в преступлении занимает важное место в системе уголовного права Российской Федерации.

В Уголовном кодексе Российской Федерации данная форма совершения преступления закреплена в статье 35 [1]. Согласно закону, преступление признаётся совершённым группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. Несмотря на кажущуюся простоту данной конструкции, на практике возникает значительное количество проблем, связанных с квалификацией подобных преступлений.

В теории уголовного права отмечается, что для признания преступления совершённым группой лиц необходимо наличие не менее двух исполнителей, каждый из которых принимает непосредственное участие в выполнении объективной стороны состава преступления [2; с. 448]. Это означает, что действия каждого из них должны быть направлены на реализацию признаков конкретного преступления, предусмотренного соответствующей нормой Особенной части уголовного закона. При этом не требуется, чтобы вклад каждого исполнителя был одинаковым по своему объёму или значимости.

Согласно статье 32 Уголовного кодекса Российской Федерации, соучастием в преступлении признаётся умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. При этом одной из наиболее распространённых форм соучастия является совершение преступления группой лиц. Однако, несмотря на нормативное закрепление данной категории, на практике возникают значительные сложности при квалификации преступлений, совершённых группой лиц.

В уголовно-правовой науке неоднократно отмечалось, что основная проблема квалификации подобных преступлений заключается в правильном установлении формы соучастия. А. И. Рарог в учебнике «Уголовное право России. Общая часть» указывает, что групповые формы преступности обладают более высокой степенью общественной опасности, поскольку взаимодействие нескольких лиц значительно облегчает достижение преступного результата. В то же время автор подчёркивает, что при квалификации преступлений необходимо точно устанавливать характер участия каждого лица, поскольку уголовная ответственность участников соучастия должна определяться с учётом их роли в совершении преступления [5; с. 197].

Одной из наиболее распространённых проблем является разграничение преступления, совершённого группой лиц, и преступления, совершённого группой лиц по предварительному сговору. На практике нередко возникают ситуации, когда следственные органы квалифицируют деяние как совершённое по предварительному сговору, хотя фактически согласованность действий возникла уже в процессе совершения преступления. В подобных случаях отсутствует предварительное соглашение между участниками, что исключает возможность применения квалифицирующего признака предварительного сговора.

Другой важной проблемой является определение роли каждого участника преступления. Согласно статье 33 Уголовного кодекса Российской Федерации, соучастниками преступления могут быть исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Однако в реальной практике разграничение этих ролей нередко вызывает сложности.

В научной литературе отмечается, что ошибки при установлении роли соучастников могут приводить к неправильной квалификации преступления и, соответственно, к назначению несправедливого наказания. Кроме того, сложности возникают при определении наличия совместности действий участников преступления. Для признания деяния совершённым группой лиц необходимо установить, что действия участников были взаимосвязаны и направлены на достижение единого преступного результата. Отсутствие такой взаимосвязи может свидетельствовать о самостоятельном совершении преступлений каждым из участников, что требует иной правовой оценки.

Особое значение имеет и установление субъективной стороны преступления. Соучастие возможно только при наличии умышленной формы вины, что означает осознание участниками факта совместного совершения преступления и желание либо сознательное допущение наступления общественно опасных последствий. В случае отсутствия такого осознания говорить о соучастии и, соответственно, о совершении преступления группой лиц не представляется возможным.

На практике установление субъективной стороны преступления, совершённого группой лиц, представляет значительную сложность. Психическое отношение лица к совершаемому деянию невозможно наблюдать непосредственно, поэтому оно устанавливается на основе анализа объективных обстоятельств дела: характера действий участников, их поведения до, во время и после совершения преступления, распределения ролей, способов взаимодействия между ними. Суду и следственным органам необходимо определить, осознавали ли участники совместный характер преступной деятельности и поддерживали ли они действия друг друга.

Существенное значение имеет также вопрос о пределах уголовной ответственности лиц, участвующих в совершении преступления. Даже в рамках одной группы степень участия каждого лица может существенно различаться. Один из участников может выполнять ключевые действия, непосредственно приводящие к наступлению общественно опасных последствий, тогда как другой ограничивается вспомогательными действиями. Несмотря на это, при совместном исполнении преступления все такие лица могут признаваться исполнителями, если их поведение непосредственно связано с реализацией объективной стороны состава преступления.

Пределы уголовной ответственности каждого соучастника определяются с учётом характера и степени фактического участия в совершении преступления. Данное правило закреплено в статье 34 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой ответственность соучастников определяется характером и степенью их участия в преступлении. Это означает, что даже при признании нескольких лиц исполнителями суд обязан учитывать конкретный вклад каждого из них в достижение преступного результата.

В ряде случаев правоприменительная практика сталкивается с ситуациями, когда действия одного из участников выходят за пределы предполагаемого характера совместной деятельности. Например, в ходе совершения преступления одно лицо может применить насилие либо совершить иные действия, которые не охватывались намерением других участников. В подобных обстоятельствах возникает необходимость разграничения ответственности между участниками и определения, какие последствия могут быть вменены каждому из них. Для этого требуется установить, были ли такие действия предвидимы для остальных участников и допускали ли они возможность их совершения.

Следует также отметить, что данная форма соучастия может иметь место при совершении различных категорий преступлений, включая преступления против личности,

собственности, общественной безопасности и иных объектов уголовно-правовой охраны. Во многих составах преступлений признак совершения деяния группой лиц закреплён законодателем в качестве квалифицирующего обстоятельства, что свидетельствует о признании повышенной общественной опасности подобного способа совершения преступления [6].

По этой причине законодатель нередко закрепляет признак совершения преступления группой лиц в качестве квалифицирующего обстоятельства в конкретных составах преступлений. Так, например, в статье 161 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за грабёж, совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору относится к квалифицированным видам грабежа и влечёт более строгое наказание. Аналогичный подход применяется и в статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за разбой, где участие группы лиц по предварительному сговору также рассматривается как обстоятельство, повышающее общественную опасность деяния [4; с. 79].

Закрепление данного признака в качестве квалифицирующего объясняется тем, что групповая форма совершения преступления объективно повышает степень общественной опасности деяния. Во-первых, объединение нескольких лиц создаёт большую угрозу для охраняемых законом общественных отношений. Во-вторых, совместные действия облегчают реализацию преступного умысла, поскольку участники могут распределять между собой роли, например, один из них может непосредственно совершать преступные действия, другой — наблюдать за обстановкой, третий — обеспечивать возможность сокрытия следов преступления. В-третьих, действия группы нередко оказывают более сильное психологическое воздействие на потерпевшего, снижая его способность к сопротивлению.

Многие проблемы квалификации преступлений, совершённых группой лиц, связаны с недостаточной конкретизацией отдельных положений уголовного законодательства. В частности, законодатель не раскрывает содержание таких признаков, как совместность действий, степень согласованности поведения участников преступления и момент возникновения общего умысла. В результате правоприменительные органы вынуждены самостоятельно определять содержание этих признаков, что приводит к различным подходам в судебной практике.

Таким образом, проблемы квалификации преступлений, совершённых группой лиц, связаны прежде всего с необходимостью точного установления формы соучастия, характера взаимодействия участников и роли каждого лица в совершении преступления. Неправильное определение этих обстоятельств может привести к ошибочной квалификации деяния и назначению несоразмерного наказания.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 20.02.2026 : принят Государственной Думой 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство «Юрайт», 2026. — 648 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18585-0 // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. — URL : https://urait.ru/bcode/585136 (дата обращения : 16.03.2026).

3. Медведев, Е. В. Уголовное право России. Общая часть : учебник для вузов / Е. В. Медведев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство «Юрайт», 2026. —

168 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18080-0 // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. — URL : https://urait.ru/bcode/589005 (дата обращения : 16.03.2026).

4. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А. И. Рарога. — 3-е изд., с изм. и доп. — М. : Эксмо, 2009. — 496 с.

5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www. consultant.rudocument/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения : 16.03.2026).

УДК 340.12

Правоотношения: особенности и виды

Legal Relations: Features and Types

Е. М. Кошкин
студент
E-mail: privetint@gmail.com
научный руководитель – Е. О. Глушкова
кандидат педагогических наук
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: e.glushkova@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
E. M. Koshkin
Student
Supervisor – E. O. Glushkova
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуется категория «правоотношение» как центральный элемент механизма правового регулирования. Анализируются ключевые признаки правоотношения, отличающие его от иных общественных отношений. Особое внимание уделено многокритериальной классификации правоотношений: по отраслям, функциям права, степени индивидуализации субъектов и характеру юридических обязанностей. Раскрыты сущностные особенности регулятивных и охранительных, абсолютных и относительных, материальных и процессуальных правоотношений. Делается вывод о том, что многообразие видов правоотношений отражает сложность общественного организма и позволяет праву гибко воздействовать на социальную действительность.

Ключевые слова: правоотношение, юридический факт, субъективное право, юридическая обязанность, регулятивные правоотношения, охранительные правоотношения, правосубъектность, классификация.

Abstract

The article examines the category of 'legal relationship' as a central element of the legal regulation mechanism. The key characteristics of legal relationships, distinguishing them from other social relations, are analyzed. Special attention is given to the multi-criteria classification of legal relationships: by branches, functions of law, degree of individualization of subjects, and the nature of legal obligations. The essential features of regulatory and protective, absolute and relative, material and procedural legal relationships are revealed. It is concluded that the diver-

sity of types of legal relationships reflects the complexity of the social organism and allows law to flexibly influence social reality.

Keywords: legal relationship, legal fact, subjective right, legal obligation, regulatory legal relationships, protective legal relationships, legal capacity, classification.

Динамическая сторона права наиболее ярко проявляется в категории «правоотношение». Если норма права представляет собой статическую абстрактную модель должного поведения, то правоотношение выступает формой реализации этой нормы в реальной жизни, связывая абстрактные предписания с конкретными субъектами. Актуальность темы обусловлена тем, что именно через правоотношения государство обеспечивает перевод нормативных установлений в плоскость субъективных прав и юридических обязанностей, достигая целей правопорядка и общественной стабильности. Исследование видов правоотношений и их особенностей необходимо для понимания механизмов правового воздействия, правильной квалификации юридических ситуаций и совершенствования правотворческой и правоприменительной практики. Цель настоящей работы — на основе системного анализа методологии общей теории права раскрыть сущность правоотношений, представить их развернутую классификацию и выявить специфику основных видов.

В юридической науке правоотношение традиционно определяется как возникающая на основе норм права индивидуализированная общественная связь, участники которой обладают субъективными правами и несут корреспондирующие им юридические обязанности, обеспеченные государственным принуждением [1, с. 312]. Данное определение интегрирует в себе волю государства и волю участников, что составляет сущность правового взаимодействия.

К сущностным признакам правоотношения наука относит следующие: Во-первых, это разновидность общественных отношений, то есть связь между людьми или их коллективами. Отношение человека к вещи (собственность) или к самому себе правом не регулируется до того момента, пока не затрагиваются интересы других лиц. Во-вторых, правоотношение неразрывно связано с нормой права, которая выступает его нормативной предпосылкой. Без правовой нормы не может возникнуть правового отношения, а любое правоотношение есть норма права в действии. В-третьих, данный вид отношений характеризуется волевым содержанием: в нем проявляются государственная воля, выраженная в норме, и в той или иной степени воля самих участников (например, при заключении договора). В-четвертых, содержанием правоотношения выступают субъективные права и юридические обязанности. Этот признак является определяющим: стороны связаны корреспондирующими правами и обязанностями, реализация которых гарантирована возможностью применения мер государственного воздействия. В-пятых, правоотношения носят предоставительно-обязывающий характер: праву одного субъекта всегда соответствует обязанность другого, и наоборот.

Для возникновения правоотношений помимо нормы права необходимы юридические факты (действия или события), а также правосубъектность участников, включающая правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Именно эти элементы в совокупности переводят статику правовых норм в динамику реальной правовой жизни.

Научная ценность анализа правоотношений заключается в построении их развернутой типологии. В правовой доктрине основаниями для классификации выступают различные критерии, отражающие многоаспектность самого явления.

В зависимости от отраслевой принадлежности традиционно выделяют правоотношения конституционные, административные, гражданско-правовые, уголовно-правовые, трудовые, семейные, процессуальные и пр. Каждый отраслевой вид обладает специфическим методом регулирования, особым субъектным составом и набором юридических фактов. Так, для административных правоотношений характерно «вертикаль-

ное» построение на началах власти и подчинения, в то время как гражданские базируются на принципах юридического равенства сторон и диспозитивности.

По своей функциональной роли в механизме правового регулирования правоотношения подразделяются на регулятивные и охранительные. Регулятивные отношения возникают из правомерного поведения субъектов и направлены на упорядочение позитивных, нормальных общественных связей (заключение сделок, вступление в брак, реализация избирательного права). Их функция — закрепление существующих отношений в социуме. Охранительные правоотношения являются следствием аномального поведения — правонарушений или объективно-противоправных деяний. Они возникают на основе охранительных норм и связаны с реализацией юридической ответственности или мер защиты. В рамках охранительного отношения государство в лице компетентных органов приобретает право применить к правонарушителю санкцию, а нарушитель несет обязанность претерпеть неблагоприятные последствия своего деяния [2, с. 184].

К числу важнейших относится классификация по степени определенности (индивидуализации) субъектного состава. По данному основанию выделяют: общие, абсолютные и относительные правоотношения. Общие правоотношения (правовые состояния) характеризуются максимальной степенью абстрактности: они возникают непосредственно из закона и связывают каждого с каждым. Классический пример — отношения, вытекающие из конституционного права на жизнь или свободу слова, где все субъекты права обязаны воздерживаться от посягательств, а управомоченным является неопределенно широкий круг лиц. Относительные правоотношения — это связи, в которых поименно определены все участники (должник и кредитор в обязательстве, работник и работодатель). Абсолютные правоотношения занимают промежуточное положение: в них строго индивидуализирована лишь управомоченная сторона (собственник), а обязанная сторона — это всякий и каждый, кто должен воздерживаться от нарушения абсолютного права [3, с. 502].

В зависимости от характера юридической обязанности различают правоотношения активного и пассивного типа. В правоотношениях активного типа обязанность состоит в совершении конкретных положительных действий (передать товар, уплатить налог, выполнить работу). Пассивные правоотношения предполагают возложение на лицо обязанности воздерживаться от запрещенных правом действий (не нарушать границ чужого земельного участка, не разглашать коммерческую тайну).

По количеству субъектов отношения делятся на простые (двусторонние, например, заем) и сложные (многосторонние, например, договор простого товарищества или правоотношения в сфере корпоративного управления). Также разграничивают материальные и процессуальные правоотношения. Первые возникают на основе норм материального права и фиксируют содержательную сторону взаимодействия (статус собственника). Вторые носят организационно-процедурный характер и опосредуют порядок реализации и защиты материальных прав (уголовный процесс, гражданский процесс). Процессуальные отношения всегда носят властеотношенческую природу, обязательным их субъектом выступает юрисдикционный орган [4, с. 217].

По методу правового регулирования выделяют частноправовые (горизонтальные) и публично-правовые (вертикальные) отношения. Первые основаны на автономии воли и равенстве участников, вторые — на субординации и власти-подчинении. Данная бинарная оппозиция является фундаментальной для всей правовой системы романо-германского типа.

Особого внимания заслуживает специфика регулятивных и охранительных правоотношений, которая наиболее выпукло проявляется через сравнение. Регулятивные отношения осуществляют «позитивное» регулирование, предоставляя участникам права и возлагая обязанности для нормальной социальной кооперации. Охранительные же отношения представляют собой «аварийный» механизм, включающийся в момент правовой

аномалии. Примечательно, что охранительное правоотношение всегда производно от регулятивного или общего запрета: уголовно-правовое отношение возникает потому, что субъект переступил рамки общего абсолютного запрета на убийство. Если в регулятивном отношении интерес управомоченного удовлетворяется действиями обязанного лица, то в охранительном — действиями органов государства. Кроме того, в охранительных отношениях юридическая ответственность имеет преимущественно штрафной или правовосстановительный характер, что выражается в особом содержании санкции.

Не менее значимы различия между абсолютными и относительными отношениями, особенно в контексте защиты прав. При нарушении абсолютного гражданского права (например, права собственности) потерпевший может использовать вещно-правовые иски (виндикационный, негаторный), адресуемые к любому нарушителю, чья личность становится определена только в момент деликта. Нарушение же относительного права, возникшего из обязательства, влечет обязательственно-правовые требования строго к контрагенту [5, с. 91]. Эта дихотомия предопределяет особенности доказывания, исковой давности и объема ответственности.

Анализ материальных и процессуальных правоотношений позволяет выявить их служебную взаимосвязь. Процессуальная форма есть не что иное, как «жизнь материального права в процессе его принудительного осуществления». Процессуальные отношения имеют длящийся, стадийный характер (возбуждение дела, рассмотрение, обжалование), а их субъектный состав обязательно включает лидирующего участника — суд или иной юрисдикционный орган, который обладает властными полномочиями по разрешению индивидуально-конкретного дела. Особенностью является и то, что юридические факты в процессуальной сфере — это, как правило, процессуальные действия, совершаемые в установленной законом строгой последовательности. Материальное правоотношение выступает здесь предметом судебного познания.

Отдельно стоит отметить особенности комплексных правоотношений, которые складываются на стыке отраслей. Например, в природоресурсном или предпринимательском праве переплетаются частные и публичные начала. В таких правоотношениях (по получению лицензии, по уплате налогов с предпринимательской прибыли) наблюдается сочетание диспозитивного и императивного методов, что порождает сложную структуру взаимных прав и обязанностей, требующую системного толкования норм различных отраслей права.

Таким образом, правоотношение представляет собой сложный феномен, объединяющий нормативную модель и фактическое поведение участников социальной жизни. Его универсальными признаками выступают связь с правовой нормой, государственно-волевой характер, корреспонденция прав и обязанностей и гарантированность принудительной силой государства. Многообразие классификационных подходов (отраслевой, функциональный, по уровню субъектной определенности, по характеру обязанности и др.) не является схоластическим упражнением, а имеет прямой выход на правоприменительную практику, позволяя точно квалифицировать природу спора. Особенности регулятивных, охранительных, абсолютных, относительных, материальных и процессуальных отношений демонстрируют, насколько гибко правовая система подстраивается под регулирование различных по своей природе социальных процессов — от пассивного воздержания до активного исполнения сложных обязательств. Дальнейшие теоретические разработки в области правоотношений должны быть направлены на изучение трансформации классических моделей отношений под влиянием цифровизации (электронные сделки, использование искусственного интеллекта), которая ставит перед юридической наукой новые вопросы о субъектном составе и юридических фактах в виртуальной среде.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. — М. : Проспект, 2023. — 576 с.

2. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник / М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 2022. — 640 с.

3. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — М. : Юридическая литература, 1974. — 351 с.

4. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М. : Дело, 2021. — 528 с.

5. Гражданское право : учебник. — В 4 т. — Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2023. — 816 с.

6. Лазарев, В. В. Теория государства и права: учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — М. : Юрайт, 2024. — 521 с.

УДК 347.73

Особенности налогового регулирования криптовалюты

Legal Regulation of the Legal Aspects of Bankruptcy

О. Г. Кистанова
студентка
E-mail: jkz2005jkz2005@yandex.ru
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
O. G. Kistanova
Student
A. Y. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей налогового регулирования криптовалют в условиях цифровой трансформации мировой экономики. Рассматриваются ключевые подходы к правовой квалификации криптоактивов и их налогообложению в ведущих юрисдикциях, включая США, Германию и Россию. Особое внимание уделяется проблемам налогового администрирования, обусловленным децентрализованной природой криптовалют. Анализируются тенденции гармонизации налогового регулирования на международном уровне. На основе выявленных проблем формулируются направления совершенствования российской системы налогообложения криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюта, налоговое регулирование, правовая квалификация, CARF, DAC8, налоговое администрирование, цифровая экономика.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the features of tax regulation of cryptocurrencies in the context of the digital transformation of the global economy. Examines the key approaches to the legal qualification of scriptaction and their taxation in leading jurisdictions, including the US, Germany and Russia. Special attention is paid to the problems of tax administration

caused by the decentralized nature of cryptocurrencies. The trends of harmonization of tax regulation at the international level. Based on the identified problems, the directions for improving the Russian system of taxation of cryptocurrencies are formulated.

Keywords: cryptocurrency, tax regulation, legal qualification, CARF, DAC8, tax administration, digital economy.

Стремительное развитие технологии блокчейн и распространение криптоактивов поставили перед государствами принципиально новую задачу: интеграцию децентрализованных цифровых валют в национальные правовые системы, включая налоговую сферу. Эволюция криптовалют от нишевого явления до глобального экономического феномена, оказывающего влияние на традиционные финансовые и фискальные механизмы, требует адекватного правового ответа со стороны регуляторов. Вместе с тем отсутствие единообразного подхода к правовой природе криптовалюты предопределило существенные различия в её налогообложении в разных юрисдикциях.

Ключевые особенности криптовалют — анонимность, волатильность, децентрализация и трансграничный характер транзакций — создают серьёзные препятствия для налоговых органов и порождают многочисленные риски уклонения от налогообложения. В этих условиях возникает насущная потребность в выработке сбалансированных подходов к налоговому регулированию, способных обеспечить как фискальные интересы государства, так и условия для развития инновационной экономики.

Фундаментальное значение для налогообложения операций с криптовалютами имеет их правовая квалификация в национальном законодательстве. Именно от неё зависит, какие нормы налогового права подлежат применению — общие правила налогообложения имущества, инвестиционных доходов или иные специальные режимы.

В США криптовалюты рассматриваются как имущество, что влечёт налогообложение прироста капитала при любых операциях с ними, включая обмен одной криптовалюты на другую. Ставка налога дифференцируется в зависимости от срока владения активом: краткосрочные инвестиции (до одного года) облагаются по ставке дохода физического лица (до 37 %), долгосрочные — по льготной ставке от 0 % до 20 %. Важно отметить, что даже обмен биткоинов на эфириум трактуется как продажа первой валюты и покупка второй, что порождает налоговые обязательства без выхода в фиатные деньги. Германия демонстрирует иной подход: криптовалюта квалифицируется как частные деньги или иное финансовое средство. При этом продажа криптомонет становится объектом налогообложения только если владелец распоряжался ими менее одного года; по истечении этого срока доход от реализации освобождается от налогов. Такая либеральная позиция стимулирует инвесторов к долгосрочному удержанию активов и способствует развитию внутреннего рынка цифровых валют [1]. В России с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» криптовалюта была признана имуществом в целях налогообложения. Этот подход имеет принципиальное значение, так как определяет применение к операциям с криптовалютой общих норм о налогообложении операций с имуществом. Впоследствии данная квалификация была подтверждена и детализирована Федеральным законом от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 418-ФЗ), согласно которому с 1 января 2025 года криптовалюта официально признана имуществом для целей налогообложения [2]. Китай, напротив, занимает жёсткую позицию: торговля криптовалютами официально запрещена, хотя майнинг остаётся легальным видом бизнеса при строгом контроле со стороны властей. Налоговые обязательства применяются только к компаниям, занимающимся деятельностью в цифровой экономике.

Разнообразие национальных подходов к налогообложению криптовалют простирается от полного запрета до либерального признания криптовалют законным платёжным средством. Это многообразие стратегий создаёт возможности для налогового арбит-

ража и требует выработки единых принципов регулирования. США применяют модель налогообложения прироста капитала, при которой любые операции с криптовалютами (продажа, обмен, использование в качестве средства платежа) признаются налогооблагаемыми событиями. При этом майнинг или стейкинг рассматриваются как получение обычного дохода, облагаемого по прогрессивной шкале. С 2025 года в США вводится форма 1099-DA для автоматизированного отчётности бирж, что существенно повышает прозрачность криптоопераций. В Европейском союзе ключевым ориентиром служит регламент о рынках криптоактивов (MiCA), принятый в 2023 году, который создаёт единые правила регулирования криптовалют на пространстве союза. При этом налоговые режимы стран-членов сохраняют существенные различия. Во Франции налог на прибыль от криптовалют составляет 30 %. Португалия, долгое время считавшаяся налоговой гаванью для криптовалют, ввела 28 % налог на краткосрочные доходы, сохранив освобождение от налога при владении более одного года. В Индии криптовалюты классифицируются как виртуальные цифровые активы, доходы от которых облагаются по ставке 30 % с дополнительным удержанием налога у источника в размере 1 %. ОАЭ и ряд других юрисдикций предлагают нулевую ставку налога на доходы физических лиц от криптовалют, что делает их привлекательными для криптоинвесторов при условии установления налогового резидентства (обычно 183 дня в году).

Децентрализованная природа криптовалют создаёт фундаментальные вызовы для налогового администрирования. Как отмечается в исследовательской работе, посвящённой проблемам регулирования криптовалютного рынка, децентрализация делает практически невозможным полноценный контроль со стороны регуляторов. Первая группа проблем связана с анонимностью транзакций и невозможностью идентификации участников операций без специальных мер. Вторая группа обусловлена волатильностью криптовалют, что создаёт трудности в определении налоговой базы на момент совершения операций. Третья группа проблем порождена трансграничным характером криптотранзакций, что требует международной координации налоговых органов. Особую озабоченность вызывает распространение схем уклонения от уплаты налогов с использованием криптовалют. К числу таких схем относятся: использование анонимных кошельков и миксеров (сервисов для запутывания следов транзакций), операции через офшорные биржи без процедур KYC (идентификации клиентов), а также P2P-обмен в обход централизованных платформ. В связи с этим актуализируется необходимость усиления международного сотрудничества для обмена информацией об операциях на рынке криптовалют.

2026 год знаменует собой поворотный момент в глобальном налоговом регулировании криптовалют. С 1 января 2026 года вступают в силу ключевые международные механизмы автоматического обмена информацией, призванные закрыть существующие пробелы в налоговой прозрачности. Центральным элементом новой архитектуры выступает разработанный Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Crypto Asset Reporting Framework (CARF) — глобальный стандарт автоматического обмена информацией о криптоактивах между налоговыми администрациями. CARF обязывает поставщиков услуг в сфере криптоактивов (биржи, обменники, операторы кошельков) отчитываться о транзакциях своих клиентов на уровне отдельных операций. В Европейском союзе CARF имплементирован через директиву Directive on Administrative Cooperation 8 (DAC8), которая не только воспроизводит требования CARF, но и дополняет их положениями MiCA и Директивы о противодействии отмыванию денег (AMLD6) для обеспечения комплексного контроля в масштабах всего Союза. Параллельно происходит обновление существующего стандарта Common Reporting Standard (CRS 2.0), который теперь распространяется и на цифровые активы. С 2026 года финансовые институты и поставщики услуг в сфере криптоактивов обязаны отчитываться о более широком спектре активов, предоставлять данные на уровне транзакций и дополнительные идентификаторы клиентов. В США действует собственный механизм — форма 1099-DA, кото-

рая обязывает брокеров (включая криптобиржи) отчитываться о транзакциях своих клиентов на уровне отдельных кошельков с применением строгих штрафов за несоблюдение требований. Эти меры знаменуют переход от добровольного самоотчётности к автоматизированному обмену информацией с участием третьих сторон. Как подчёркивается в аналитике, цифровые активы больше не находятся в правовой «серой зоне», а рассматриваются как полноценный отчётный класс активов, подлежащий тем же стандартам прозрачности и подотчётности, что и традиционные финансовые инструменты [5].

Российская система налогообложения криптовалют пережила существенную трансформацию в 2024–2025 годах, что было обусловлено принятием пакета поправок к Налоговому кодексу. Ключевым нормативным актом стал Федеральный закон № 418-ФЗ, который внёс изменения в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации. Согласно закону, цифровая валюта признаётся имуществом. Майнинг и продажа криптовалюты не облагаются НДС. При этом майнеры не могут переходить на специальные налоговые режимы (самозанятые, патентную, упрощённую систему).

Для физических лиц и индивидуальных предпринимателей доходы от майнинга признаются доходами в натуральной форме. Налоговая база определяется как рыночная котировка полученной криптовалюты на день, когда возникает право ею распоряжаться. Налоговая база по таким доходам облагается по общей ставке до 22 %, действующей с 1 января 2025 года. При этом налогоплательщики вправе уменьшить налоговую базу на сумму фактически понесённых и документально подтверждённых расходов, связанных с осуществлением майнинга. Для организаций доходы от майнинга учитываются в составе внереализационных доходов и облагаются налогом на прибыль по ставке 25 % (с 2025 года). Доходы от покупки и продажи криптовалюты для физических лиц облагаются по двухступенчатой шкале ставок НДФЛ: 13 % для доходов до 2,4 млн рублей в год и 15 % для суммы, превышающей этот порог. Для юридических лиц на общей системе налогообложения доходы от реализации цифровой валюты облагаются налогом на прибыль по ставке 25 %.

Закон вводит обязательную регистрацию майнеров и операторов майнинговой инфраструктуры в соответствующих реестрах, которые ведёт Федеральная налоговая служба. Операторы майнинговой инфраструктуры обязаны сообщать в налоговый орган сведения о лицах, которым они оказывают услуги по майнингу. За непредоставление информации предусмотрен штраф в размере 40 тысяч рублей.

Несмотря на принятие ключевых законодательных актов, российская система налогового регулирования криптовалют сталкивается с рядом серьёзных проблем. К концу 2025 года Россия оставалась одной из немногих стран СНГ, где по-прежнему отсутствует комплексное регулирование оборота криптовалют. Первая проблема — отсутствие легальных механизмов реализации криптовалюты на территории России. Государство разрешило добывать криптовалюту, но не создало условий для её законной продажи внутри страны. Отсутствие лицензированных криптобирж и обменников вынуждает участников рынка работать через иностранные площадки или использовать «серые» схемы, что подрывает саму идею легализации отрасли. Вторая проблема — неопределённость статуса стейблкоинов и иных видов цифровых активов. Несмотря на появление термина «иностранные цифровые права», их реальный статус в российском праве не определён, что создаёт правовую неопределённость для участников рынка. Третья проблема связана с правовым статусом майнинга. Хотя майнинг легализован с ноября 2024 года, остаются неурегулированными вопросы статуса иностранных майнеров, облачного майнинга, а также порядка оформления ввозимого оборудования. Четвёртая проблема касается практической реализации механизмов налогового контроля. Хотя ФНС получает данные от операторов майнинговой инфраструктуры, банки блокируют переводы по алгоритмам «антиотмывочного законодательства», а суды лишь постепенно формируют практику защиты прав на цифровые активы. С 2023 года физические лица, у которых за-

фиксированы операции с криптовалютами, начали получать массовые уведомления от ФНС с требованием подтвердить происхождение средств и произвести расчёт налоговой базы.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы и направления развития налогового регулирования криптовалют.

1. Необходимость единой правовой квалификации. Отсутствие единообразного подхода к правовой природе криптовалют в разных юрисдикциях создаёт возможности для налогового арбитража и затрудняет международное сотрудничество. Как отмечается в исследовательской работе, существует насущная потребность в выработке единого определения криптовалюты для установления её правового статуса.

2. Гармонизация на международном уровне. Вступление в силу CARF, DAC8 и CRS 2.0 создаёт основу для координации налоговых усилий на глобальном уровне. России следует учитывать эти тенденции при дальнейшем совершенствовании национального законодательства и развитии механизмов обмена информацией с иностранными налоговыми администрациями.

3. Комплексный подход к регулированию. Легализация отдельных аспектов криптовалютной деятельности (например, майнинга) без создания полноценной инфраструктуры для обращения криптоактивов порождает правовую неопределённость. Необходимо разработать комплексное регулирование, включающее правовой статус всех участников рынка, механизмы лицензирования криптобирж и обменников, а также прозрачные процедуры реализации криптовалют.

4. Совершенствование налогового администрирования. Требуется дальнейшее развитие технологических инструментов налогового контроля, включая автоматизированный обмен информацией с криптобиржами, внедрение систем анализа блокчейн-транзакций и усиление взаимодействия между налоговыми органами разных стран. Как показано в исследовании, необходимо создание эффективных механизмов для предотвращения незаконных операций с криптовалютами и функционирования систем защиты прав инвесторов [6].

5. Баланс фискальных и стимулирующих функций. При разработке налоговой политики в отношении криптовалют следует учитывать не только фискальные интересы государства, но и необходимость стимулирования инновационной активности. Опыт Германии, предусматривающей освобождение от налогообложения при долгосрочном владении криптоактивами, может служить ориентиром для совершенствования российской системы.

Таким образом, налоговое регулирование криптовалют находится в стадии активного формирования как на национальном, так и на международном уровне. Успешное решение стоящих задач требует комплексного подхода, учитывающего как технологические особенности криптоактивов, так и необходимость гармонизации правовых подходов в глобальном масштабе.

Библиографический список

1. Котова, О. П. Налогообложение криптовалюты в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия / О. П. Котова // Молодой учёный. — 2025. — № 50 (601). — С. 357–359.

2. Мустафин, Р. О. Криптовалюты и налоговые системы: между глобальными вызовами и национальными практиками / Р. О. Мустафин // Весенние дни науки ИНЭУ : сборник докладов международной конференции студентов и молодых учёных. — Екатеринбург : Издательство Издательский Дом «Ажур», 2025. — С. 751–757.

3. Кудрявцев, М. В. О регулировании рынка криптовалют в России и других странах и о мерах по предотвращению попыток уклонения от уплаты налогов и совершения

незаконных операций с криптовалютами / М. В. Кудрявцев // Сибирская финансовая школа. — 2025. — № 2. — С. 70–79.

4. Рындина, А. О. Трансформация налогового ландшафта российского криптомайнинга : механизмы формализации и потенциал увеличения государственных доходов // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). — 2025. — № 5. — С. 43–48.

5. OECD. Crypto Asset Reporting Framework (CARF) and Amendments to the Common Reporting Standard (CRS). — OECD Publishing, 2024. — 101 с.

6. Домашняя, С. С. Современные проблемы налоговой системы России и пути их решения / С. С. Домашняя, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 06 апреля 2020 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – С. 245–247. – EDN BEZTLK.

УДК 347.73

Проблемы правоприменения в сфере налогообложения: судебная практика и ее влияние на налоговую систему

Law Enforcement Issues in the Taxation Area: Judicial Practice and Its Impact on the Tax System

С. И. Корягина
студент
E-mail: Koryagina@mail.ru
научный руководитель — А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
S. I. Koryagina
Student
Scientific supervisor — A. Yu. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье раскрыты проблемы правоприменения в сфере налогообложения. Рассмотрены налоговые преступления, которые ставят под угрозу экономическую безопасность Российской Федерации. Налоговые правонарушения могут так же считаться административными и уголовными, в зависимости от того насколько тяжелым будет преступление. В данной статье проведен анализ проявления и воздействия проблем в сфере налогообложения на правоприменительную практику.

Ключевые слова: налоги, экономические преступления, субъекты преступления, проблемы налогообложения, судебная практика, налоговый кодекс.

Abstract

The article reveals the law enforcement issues in the taxation area. It examines tax crimes that pose a threat to the economic security of the Russian Federation. Tax offenses can

also be considered administrative or criminal, depending on the severity of the crime. This article analyzes the manifestation and impact of taxation issues on law enforcement practices.

Keywords: taxes, economic crimes, subjects of crime, taxation issues, and judicial practice, tax code.

Рассмотрение налоговых преступлений стоит начать с изучения понятия налога. Согласно 8 статье Налогового кодекса Российской Федерации под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований [1]. В свою очередь налогообложение означает совокупность налогов и сборов, взимаемых в установленном законом порядке [2].

Регулирование налогового законодательства в Российской Федерации в современных условиях неизбежно приводит к формированию судебной практики в сфере правоприменения. Эта практика напрямую влияет на общественные отношения и определяет особенности налоговых правоотношений. Поэтому анализ судебной практики, складывающейся под воздействием налоговых норм, играет важную роль в оценке эффективности законодательства в целом.

Неслучайно, что в последнее время в юридической литературе уделяется повышенное внимание его анализу и оценке. Таким образом, Г. В. Петрова справедливо отмечает, что для совершенствования правового регулирования налоговых отношений важно углубленное изучение судебных актов, которое позволяет выявить реальный разрыв между законом и практикой, выявить и устранить пробелы и недочеты в формировании эффективной системы российского налогового законодательства [5].

Стоит также отметить, что судебная практика по применению законодательства о налогах и сборах имеет большое значение для правового регулирования налоговых отношений, поскольку непосредственно влияет на мотивацию и выбор того или иного поведения участников налоговых отношений [4].

Налоговое законодательство традиционно относится к одной из наиболее динамичных и в то же время противоречивых областей правового регулирования. Ежегодно арбитражные суды и суды общей юрисдикции рассматривают тысячи споров между налогоплательщиками и фискальными органами, тем самым формируя механизм разрешения конкретных разногласий и, в то же время, подтверждая, что существует множество проблем в регулировании и правоприменении налоговой системы [3]. Анализ правовых позиций, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации в 2025 году, позволяет выявить ключевые проблемы современного налогового администрирования.

Одним из наиболее значимых показателей судебной практики за последние годы стало повышенное внимание вышестоящих судов к соблюдению налоговыми органами формальных процедур. Согласно правовой позиции, отраженной в отчетах Федеральной налоговой службы, основанием для освобождения налогоплательщика от уплаты штрафа может быть отмена вышестоящим налоговым органом или судом решения, принятого по результатам проверки в связи с несоблюдением срока сдачи из аудиторского заключения, если такое нарушение считается существенным.

Основным показателем значимости является потеря налоговым органом возможности бесспорно списать задолженность именно в результате процедурного сбоя. Данная методология иллюстрирует отход от курса, ориентированного исключительно на бюджет, в пользу защиты интересов налогоплательщика от небрежного применения административных процедур.

Не менее важной гарантией является позиция относительно доступа к правосудию при обжаловании действий налоговых органов. Конституционный Суд Российской Фе-

дерации разъяснил, что положения о льготах по уплате государственной пошлины или предоставлении рассрочки не должны носить декларативный характер. Если размер пошлины объективно блокирует возможность судебной защиты, государственный орган обязан гарантировать осуществление конституционного права на судебное разбирательство.

В качестве примера стоит упомянуть значительный резонанс среди экспертов, который был вызван правовой дилеммой, связанной со сферой компетенции инспекционных служб при осуществлении камерального надзора. На одном из судебных заседаний Судебной коллегии по экономическим вопросам Верховного Суда Российской Федерации возник вопрос, касающийся существенного запроса: правомочен ли налоговый орган запрашивать данные и справки у плательщика, когда он обнаруживает неуверенность в правильности уплаты сборов.

Сложность заключается в соперничестве двух концепций. С одной стороны, пункт 7 статьи 88 Налогового кодекса Российской Федерации содержит абсолютный запрет на запрос дополнительной информации при проведении камерального анализа, за исключением строго определенного круга ситуаций. С другой стороны, налоговое ведомство призвано определить реальный размер налогового бремени, а не довольствоваться поверхностной сверкой представленных отчетов.

Рассматривая налоговые преступления аналогичным образом, необходимо обратить внимание на то, что в налоговом или ином кодексе не указано, от уплаты каких конкретно налогов уклоняется лицо. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» налоги делятся только на федеральные, региональные и местные налоги. А говоря о региональных и местных налогах, можно отметить, что в разных субъектах Российской Федерации они могут различаться, так что в одном регионе они считаются налогом, в другом – нет: обязанность взимать региональные и местные налоги установлена не на всей территории государства.

Налоговый кодекс Российской Федерации гласит, что налоги устанавливаются в соответствии с законами субъектов Российской Федерации или представительными органами муниципальных образований. Конечно, полномочия региональных и местных органов власти установлены федеральным законодательством в соответствии со статьей 12 Налогового кодекса Российской Федерации, но в данном случае существует пробел в правоприменении налогового законодательства. Возможно, для того, чтобы это несоответствие было устранено в уголовном кодексе, стоит отметить, что имеет место уклонение от уплаты федеральных налогов.

Другим примером является тот факт, что существуют компании, которые действуют вопреки закону и создают так называемые «обходные пути», скрываясь от налогов [6]. Такие компании часто нанимают сотрудников без официального трудоустройства, в связи с чем из заработной платы сотрудника не удерживается НДФЛ, в результате чего наблюдается недостаточное пополнение фискального бюджета. Подобные ситуации возникают из-за беспечности, взяточничества и отсутствия жесткого контроля со стороны налоговых органов.

Еще один пример пробелов в налоговой сфере Российской Федерации – это отсутствие регулирования сроков давности, начала этих сроков и их окончания. Множество налогоплательщиков сталкивается с подобной ситуацией, и эксперты, пытаясь решить этот вопрос, опираются на то, что в налоговой системе на самом деле нет норм, регулирующих сроки давности исполнения обязанностей по уплате налогов и штрафов. Данную ситуацию следует проанализировать в соответствии с правилами, регулирующими соответствующий налог. Как правило, имущественный, транспортный или земельный налоги должны быть возвращены налогоплательщиком после его уведомления об оплате, причем по почте. Законодательство внесло изменения, касающиеся сроков уведомления

в этом случае. Уведомление может быть отправлено не более чем за три налоговых периода (три года). И если налогоплательщик не уплатил налог на момент получения уведомления, налоговая служба может взыскать его в принудительном порядке. В этом случае сроки могут истечь через три года и занять довольно длительный период времени. Вероятно, именно поэтому законодательство не устанавливает конкретного срока давности.

Говоря о том, как судебная практика влияет на налоговую систему, то стоит сказать, что она играет важную роль в ее развитии. Она оказывает влияние с помощью решений верховных судов. Судебная практика с помощью своей деятельности устраняет пробелы в налоговой системе, помогает в разрешении споров, устанавливает правоприменительные подходы. В соответствии со всеми сделанными ранее выводами можно выделить как позитивные, так и негативные положения.

Позитивные положения: решения высших судов устраняют пробелы и противоречия в законодательстве; решения высших судов формируют одинарные подходы к применению оценочных понятий; акты Конституционного Суда Российской Федерации, признающие неконституционными отдельные налоговые нормы, выступают важным механизмом «сдержек и противовесов», не позволяя законодателю и исполнительной власти нарушать фундаментальные права граждан.

Негативные положения: чрезмерная активность судов, выход за пределы толкования, порождает правовую неопределенность; в ряде случаев суды подменяют налоговые органы, восполняя недостатки доказательств для налогоплательщика, нарушая принцип состязательности и презумпции невиновности.

Данная статья была основана на судебной практике и юридической литературе, которые выявили недостатки налоговой системы. Эти проблемы свидетельствуют о том, что, хотя Налоговый кодекс демонстрирует сложный и многоуровневый процесс правового регулирования, он также содержит пробелы и коллизии, которые мешают налоговой системе полноценно функционировать. Существует огромное количество мнений о том, почему налоговая система Российской Федерации несовершенна, но все они положительно влияют на изменение правил, поскольку каждый элемент важен и несет в себе определенное раскрытие какого-то изъяна в этой системе.

Для налогоплательщиков и практикующих юристов тщательное изучение судебной практики по вопросам правоприменения налогового законодательства является не рекомендацией, а необходимым элементом эффективной защиты прав в контексте постоянного развития и совершенствования налогового законодательства. Именно судебная практика помогает понять налоговую систему как с правоприменительной, так и с экономической точек зрения. Это, безусловно, также важно для дальнейшего развития всей налоговой системы, чтобы она стала более совершенной, понятной и регулируемой.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации : НК РФ : часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 25.12.2024 : принят Государственной Думой 16 июля 1998 года : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

2. Волков, А. Ю. О плюсах и минусах налоговой системы России / А. Ю. Волков, Н. А. Лисенкова // Сборник научных статей научно-педагогических и практических работников. – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2016. – С. 40–42. – EDN OMMGUO.

3. Домашняя, С. С. Современные проблемы налоговой системы России и пути их решения / С. С. Домашняя, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 06 апреля 2020 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования

(частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – С. 245–247. – EDN BEZTLK.

4. Кашубин, Д. Ю. Налоговые преступления в уголовном праве в России : автореферат диссертации / Д. Ю. Кашубин. – Москва, 2001. — 28 с.

5. Петрова, Г. В. Общая теория налогового права : учебник для вузов / Г. В. Петрова. — Москва : ФБК-ПРЕСС, 2004. — 224 с.

6. Сафонова, Ю. В. Причины и способы уклонения от уплаты налогов в России / Ю. В. Сафонова, А. О. Челмакина, А. Ю. Волков // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике : материалы международной научно-практической конференции, Ярославль, 28 ноября 2019 года / Под научной редакцией Л. Г. Батраковой, Н. Л. Будахиной. — Часть 2. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. – С. 109–114. – EDN RKZOKC.

УДК 347.73

Сущность налоговой ответственности

The Essence of Tax Liability

Е. М. Котова
студент
E-mail: elizavetakotova192@gmail.com
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
E. M. Kotova
Student
A. Y. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматривается понятие налоговой ответственности как составной части финансовой ответственности. Вопрос о понятии и сущности налоговой ответственности является дискуссионной проблемой. Автор анализирует различные подходы к определению правовой сущности налоговой ответственности.

Ключевые слова: налоговое право, налоговая ответственность, институт, юридическая ответственность.

Abstract

The article discusses the concept of tax liability as an integral part of financial responsibility. The issue of the concept and essence of tax liability is a debatable issue. The author analyzes various approaches to determining the legal nature of tax liability.

Keywords: tax law, tax liability, institute, legal liability.

Тема содержания и сущности налоговой ответственности относится к числу активно обсуждаемых в науке. На сегодняшний день сформировалось несколько ключевых концепций, объясняющих её юридическую природу. Приверженцы первого подхода полагают, что налоговая ответственность представляет собой комплексный межотраслевой институт, который объединяет элементы нескольких видов ответственности (главным

образом, административной и уголовной). Например, С. Г. Пепеляев считает, что данный институт аккумулирует нормы различных правовых отраслей, направленные на защиту налоговых отношений, а конкретная мера (административная или уголовная) зависит от тяжести содеянного и его юридической квалификации [6]. Некоторые авторы настаивают на том, что налоговая ответственность — это разновидность административной [7]. В. А. Кинсбурская отмечает, что нарушения в налоговой сфере по своей сути являются административными, а налоговая ответственность совпадает с административной не только по содержанию, но и по санкциям [4]. Близкой позиции придерживается Д. В. Тютин, характеризуя налоговую ответственность как форму административной [10; с. 185].

Сторонники второй точки зрения настаивают на выделении налоговой ответственности в отдельный, самостоятельный вид [9]. А. А. Гогин, например, полагает, что она состоит из двух элементов: позитивного (постоянный, созидательный) и негативного (временный) [3, с. 117]. К. М. Купрякова обосновывает самостоятельность налоговой ответственности тем, что в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ) есть раздел VI с соответствующим названием, а также п. 4 ст. 108 НК РФ, где указано, что привлечение организации к налоговой ответственности не исключает привлечения её должностных лиц к другим видам ответственности. По мнению автора, налоговое право имеет собственный предмет регулирования, а порядок привлечения к ответственности также отличается от иных отраслей.

В качестве аргументов в пользу самостоятельности некоторые авторы приводят особые признаки налоговой ответственности. Так, А. Д. Прыткова и В. В. Волкова выделяют: наличие отдельной нормативной базы (законодательство о налогах и сборах); специальный процессуальный регламент производства по налоговым делам; основание в виде виновно совершённого налогового правонарушения; применение штрафных санкций в денежной форме, включая пени [8].

Представители третьего лагеря рассматривают налоговую ответственность как часть финансовой ответственности, исходя из того, что налоговое право является подотраслью финансового. С. А. Авакьян подчёркивает, что каждая отрасль должна обеспечиваться собственными мерами ответственности [2]. И. И. Кучеров указывает, что налоговая ответственность как элемент финансовой включает в себя: ответственность за собственно налоговые правонарушения; ответственность за нарушения налогового законодательства при перемещении товаров через таможню; ответственность банков за нарушения в сфере налогов [5; с. 117]. Наиболее убедительной представляется позиция тех авторов, которые считают налоговую ответственность составной частью финансовой, опираясь на отраслевой критерий классификации видов юридической ответственности.

Продолжая обзор мнений, отметим, что сторонники самостоятельности налоговой ответственности дополнительно указывают на специфику её субъектов. В отличие от административного или уголовного права, где круг лиц шире, налоговая ответственность ориентирована на участников налоговых правоотношений — физических лиц, организации и индивидуальных предпринимателей, то есть непосредственно на плательщиков налогов и сборов. Кроме того, отдельные исследователи обращают внимание на ярко выраженную превентивную функцию налоговой ответственности. Налоговые санкции не только возмещают ущерб государству от нарушений, но и служат сдерживающим фактором для иных налогоплательщиков, побуждая их добросовестно исполнять обязанности. Этот аспект, по их мнению, также отличает налоговую ответственность от иных видов.

В рамках подхода, рассматривающего налоговую ответственность как часть финансовой, важно подчеркнуть, что финансовая ответственность — понятие более широкое, охватывающее нарушения в сфере публичных финансов в целом (бюджетное, валютное, страховое законодательство и др.). Налоговая ответственность при этом фокуси-

руется именно на нарушениях налоговых обязательств. Такое разграничение позволяет чётче определить предметные области и особенности правового регулирования [11].

Таким образом, дискуссия о правовой природе налоговой ответственности остаётся актуальной и требует дальнейшего осмысления и систематизации взглядов. Углублённое исследование этого вопроса имеет большое значение для совершенствования налогового законодательства и эффективности правоприменительной практики.

Некоторые авторы также акцентируют внимание на специфике целей налоговой ответственности. Если для административной и уголовной ответственности характерна карательная функция, то для налоговой, помимо фискальной (пополнение бюджета за счёт штрафов), выделяется и восстановительная, направленная на компенсацию недополученных государством налоговых платежей. Этот многоаспектный характер целей, по мнению ряда учёных, также свидетельствует в пользу её уникальности. Наконец, нельзя обойти вниманием и эволюцию законодательства. Появление и развитие НК РФ, детально регламентирующего порядок привлечения к налоговой ответственности, её виды и основания, само по себе является весомым аргументом в пользу её обособления. Постепенное выделение налогового права в самостоятельную отрасль логически влечёт за собой и формирование собственного института ответственности, адекватного специфике регулируемых отношений.

В конечном итоге, выбор той или иной концепции во многом зависит от методологических подходов исследователя и его представлений о системе права. Однако очевидно, что независимо от классификации, налоговая ответственность играет ключевую роль в обеспечении стабильности и эффективности налоговой системы государства, требуя постоянного анализа и совершенствования.

Библиографический список

1. Авакьян, С. А. Проблемы конституционно-правовой ответственности / С. А. Авакьян // Вестник МГУ. — 2000. — № 3. — С. 124–128.

2. Гогин, А. А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности : дисс. канд. юрид. наук / А. А. Гогин. — Самара. 2002. — 237 с.

3. Кинсбурская, В. А. Ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах / В. А. Кинсбурская. — М. : Норма, 2013. — 51 с.

4. Кучеров, И. И. Налоговое право России : курс лекций // И. И. Кучеров ; Ин-т актуал. образования «ЮрИнфоР-МГУ». — Москва : Учеб.-консультац. центр «ЮрИнфоР», 2019. — 256 с.

5. Налоговое право : учебник / Под ред. С. Г. Пепеляева. — М. : Юристъ. 2003. — 118 с.

6. Плясовица, И. А. Особенности привлечения к административной ответственности за налоговые правонарушения / И. А. Плясовица, А. В. Юшко // Управление экономикой, системами, процессами : сборник статей III Международной научно-практической конференции, 2019. — С. 66–70.

7. Прыткова, А. Д. Понятие налоговой ответственности в современном российском праве / А. Д. Прыткова, В. В. Волкова // Центральный научный вестник. – 2017. – Т. 2. – № 6 (23). – С. 18–20. – EDN YIBEKH.

8. Синельникова, Н. А. Административная ответственность за нарушения в области налогов и сборов / Н. А. Синельникова // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции, 2020. — С. 146–148.

9. Тютин, Д. В. Налоговое право: курс лекций / Д. В. Тютин. — М. : РАП; Эксмо, 2009. — 432 с.

10. Сабитова, Е. Ю. Понятие, признаки и виды налоговой ответственности / Е. Ю. Сабитова // Вестник Челябинского государственного университета. — Серия: Право. — 2021. — № 3. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-priznaki-i-vidy-nalogovoy-otvetstvennosti (дата обращения : 15.03.2025).

11. Волков, А. Ю. О плюсах и минусах налоговой системы России / А. Ю. Волков, Н. А. Лисенкова // Сборник научных статей научно-педагогических и практических работников. – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2016. – С. 40–42. – EDN OMMGUO.

12. Сафонова, Ю. В. Причины и способы уклонения от уплаты налогов в России / Ю. В. Сафонова, А. О. Челмакина, А. Ю. Волков // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике : материалы международной научно-практической конференции, Ярославль, 28 ноября 2019 года / под научной редакцией Л. Г. Батраковой, Н. Л. Будахиной. — Часть 2. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. – С. 109–114. – EDN RKZOKC.

УДК 341.233.111

Правовые особенности финансового контроля

Legal Features of Financial Control

Е. М. Котова
студент
E-mail: elizavetakotova192@gmail.com
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
E. M. Kotova
Student
A. Y. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье предпринят анализ нормативно-правового регулирования и классификации финансового контроля, осуществляемого в Российской Федерации. В частности, рассматриваются законодательные основы государственного финансового контроля, а также дифференциация контроля по субъектам (государственный и муниципальный) и формам его реализации. Особое внимание уделяется инструментарию, применяемому при осуществлении контрольных мероприятий. Анализ проводится с опорой на положения Бюджетного кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ст. 99), определяющие правовые рамки и методы финансового контроля, осуществляемого органами государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: финансовый контроль, финансовое право, бюджетное право, нормативное регулирование, контрольные мероприятия, финансы.

Abstract

This scientific article analyses the normative-legal regulation and classification of financial control exercised in the Russian Federation. In particular, the legislative bases of the state financial control, as well as differentiation of control by subjects (state and municipal) and forms of its realisation are considered. Special attention is paid to the tools used in the implementation of control measures. The analysis is based on the provisions of the Budget Code of the Russian Federation and the Federal Law of 05.04.2013 N 44-FZ «On the contractual system in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs» (art. 99), which define the contractual system in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs.

Keywords: financial control, financial law, budgetary law, normative regulation, control measures, finance.

В эпоху текущих геополитических и экономических вызовов изучение финансового контроля как средства построения правового государства становится особенно востребованным. Выступая в роли важнейшего регуляторного механизма со стороны государства, финансовый контроль нацелен на эффективное распределение бюджетных ресурсов и претворение в жизнь финансовой политики, что в итоге укрепляет политическую систему. Данный вид контроля подразумевает исследование финансовых явлений и процессов для выяснения того, насколько успешно реализуются принятые решения и соблюдаются установленные нормы. Его главная задача — установить причины отклонений от плановых показателей и способствовать повышению результативности работы правового государства.

Государственный финансовый контроль (ГФК) призван не допускать нарушений в работе госорганов и учреждений, обнаруживать отступления от нормативных требований и оперативно их корректировать. К инструментам такого контроля относят мониторинг, аудиторские проверки, учётные процедуры и аналитическую работу.

Ключевое условие действенности финансового контроля — своевременное получение достоверных и актуальных данных о финансовых потоках. В науке финансового права существует множество трактовок данного понятия. В Российской Федерации ГФК включает наблюдение за доходами и расходами бюджета, использованием государственного имущества, работой внебюджетных фондов, движением бюджетных средств в банковской системе, а также за эффективностью предоставляемых субсидий и налоговых льгот. При этом в финансовом праве принято различать государственный и негосударственный контроль [6].

Основная цель контрольной деятельности государства — помогать успешно проводить финансовую политику через обеспечение соблюдения финансового законодательства (которое регламентирует ведение финансово-хозяйственных операций) и предотвращение нецелевого расходования бюджетных и внебюджетных средств [2]. Наряду с ГФК, который выполняют уполномоченные органы (Минфин РФ, ФНС), существует негосударственный контроль, действующий в рамках закона для повышения эффективности использования ресурсов хозяйствующих субъектов и обеспечения достоверности их отчётности.

Правовые основы ГФК зафиксированы в главе 26 Бюджетного кодекса Российской Федерации. В этой системе государственный финансовый контроль охватывает бюджетные отношения, а также налоговый и валютный контроль. Отдельно выделяют государственный и муниципальный, внешний и внутренний контроль.

Внешний ГФК выполняют Счётная палата Российской Федерациии контрольно-счётные органы регионов, которые проводят экспертизу проектов бюджета и отчётов об их исполнении.

Внутренний контроль возложен на Федеральное казначейство и региональные органы ГФК и сосредоточен на формировании, использовании и расходовании государственных финансов. Ключевая роль в этой системе принадлежит Министерству финансов РФ, которое отвечает за выработку финансовой политики и нормативное регулирование [2].

Развитие финансового права в сторону обновления терминологии влияет на понимание категории «финансы». В современном финансовом праве постсоветских стран происходит внедрение новых понятий и трансформация уже существующих с опорой на предшествующие научные работы. Финансовая деятельность публично-правовых образований отражает связь между государством, экономикой и публичными финансовыми интересами [3].

Государственный финансовый контроль представляет собой важнейшую функцию государственного управления. Он направлен на обнаружение отклонений от установленных стандартов законности, целесообразности и эффективности при управлении финансовыми ресурсами. Финансовый контроль рассматривается как часть управленческой деятельности, как стадия управления, обеспечивающая стабильность, и как элемент принятия управленческих решений [3].

Объектами ГФК выступают денежные средства, материальные и финансовые ресурсы публично-правовых образований, а также экономические субъекты, получающие бюджетные средства или управляющие государственной собственностью. Субъектами контроля являются наделённые полномочиями государственные органы и органы местного самоуправления.

Отсутствие тотального охвата государственных средств финансовым контролем порождает дублирование контрольных мероприятий. Обеспечить законность и эффективность финансовой деятельности можно лишь путём решения задач, требующих законодательного закрепления.

Идею создания единой системы контрольных органов на базе региональных отделений и приоритета анализа результативности бюджетных ассигнований поддерживают такие авторы, как Р. В. Колесов и А. В. Юрченко. В пределах юрисдикции Российской Федерации в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации [2] контроль за соблюдением бюджетного законодательства, а также аудит и оценка эффективности управления госфинансами должны проводиться последовательно на всех стадиях бюджетного процесса [2]. Федеральный закон № 157-ФЗ «Об основных принципах осуществления государственного финансового контроля» уточняет ключевых субъектов, объекты, цели, функции и методологию организации финансового контроля, выявляя его особенности.

Базовые принципы финансового права закреплены в Конституции Российской Федерации. Например, статья 8 Конституции гарантирует свободу экономической деятельности и перемещения товаров, услуг и финансовых ресурсов по всей территории страны, что создаёт основу для функционирования финансовой системы. Федеральное собрание (Совет Федерации и Государственная Дума Российской Федерации) осуществляет законотворчество в сфере бюджетной и налоговой политики. Правительство Российской Федерации отвечает за разработку и реализацию финансово-экономического курса.

Международные договоры и акты также являются источниками финансового права. Однако согласно конституционным поправкам от 4 июля 2020 года при противоречиях приоритет имеют нормы Конституции Российской Федерации. Статья 79 запрещает исполнять решения наднациональных органов, если они противоречат Конституции Российской Федерации [4].

Судебная практика (в частности, решения Конституционного и Верховного судов) формирует прецеденты и даёт разъяснения по применению финансового законодательства, влияя тем самым на правоприменительную практику [3].

Федеральные конституционные законы, Налоговый и Бюджетный кодексы Российской Федерации образуют основную часть источников финансового права. Несмотря на прогресс в развитии финансового законодательства, единого отраслевого кодифицированного акта до сих пор нет, что отмечалось ещё в советский период. В настоящее время основу составляют некодифицированные акты, включая ежегодно принимаемые законы о бюджете. Федеральные законы, регулирующие конституционные, гражданские, административные и валютные отношения, также относятся к источникам финансового права [5].

Следует отметить, что решения конституционных судов субъектов Российской Федерации также классифицируются как источники права в сфере финансового контроля. Эти решения характеризуются общеобязательностью, законностью, прямым воздействием на правоприменительную практику и высокой юридической силой. Данный тезис согласуется с положениями Закона Республики Дагестан от 16.04.1997 № 8 «О нормативных правовых актах Республики Дагестан», где постановления Конституционного суда прямо отнесены к нормативным правовым актам.

Структура нормативных актов в области финансового контроля носит многоуровневый характер, что позволяет обеспечивать всесторонний надзор за бюджетными процессами. Особое внимание уделяется созданию прозрачных механизмов, направленных на минимизацию нарушений и злоупотреблений, а также на обеспечение результативного использования бюджетных средств [7]. Акты описывают объекты и субъекты контроля, регламентируют проверочные процедуры, порядок отчётности и меры ответственности за несоблюдение установленных норм. При этом самоконтроль распорядителей средств часто носит формальный характер.

Совершенствование системы ГФК через создание интегрированной системы государственных и муниципальных органов с привлечением общественности выглядит как перспективное направление для решения проблемы дублирования функций и повышения эффективности контроля.

Проведённое научное исследование позволило выявить ключевые организационные, правовые и методологические недостатки действующей системы ГФК и предложить пути их устранения, в частности создание комплексной системы контроля при активном участии общественных объединений [8].

Нельзя отрицать наличие проблем в системе ГФК Российской Федерации. Комплексная оценка показывает её «незавершённость». Во-первых, отсутствуют единая концепция и соответствующий федеральный закон, регулирующий данную сферу. Во-вторых, нет унифицированных методологических основ финансового контроля. Наблюдается частичное несоблюдение принципа разграничения функций и полномочий, что приводит к параллелизму в работе органов ГФК, дублированию функций и слабому взаимодействию. Это, в свою очередь, снижает эффективность контроля и мешает предотвращению и выявлению нарушений при управлении государственными финансами.

Несмотря на существующие недостатки, анализ показывает положительную динамику в повышении эффективности контроля. В ближайшем будущем ожидается развитие ГФК по направлениям изменения правовой базы, регулирующей эту сферу, в частности принятие единого федерального закона [9].

В перспективе прогнозируется более чёткое разграничение полномочий между органами финансового контроля для устранения дублирования функций. Также наблюдается тенденция к информатизации сферы ГФК: на заседании Счётной палаты было принято решение о разработке до 2030 года единой информационной базы выявленных нарушений.

Счётная палата и Федеральное казначейство реализуют планы по информатизации, направленные на повышение эффективности работы и упрощение взаимодействия с другими органами власти [8].

Библиографический список

1. Карепина, О. И. Цифровизация государственного финансового контроля в Российской Федерации / О. И. Карепина // Право, экономика и управление : теория и практика : материалы Всеросс. науч. конф. с международным участием (Чебоксары, 11 апр. 2020 г.) / редкол. : Г. Н. Петров [и др.] — Чебоксары : ИД «Среда». — 2020. — С. 39–41. — URL : https://phsreda.com/ru/article/75271/discussion_platform (дата обращения : 15.06.2025).

2. Князева, Е. Ю. О совершенствовании реализации государственного финансового контроля в Российской Федерации / Е. Ю. Князева // Legal Bulletin. — 2019. — Т. 4. — № 3. — С. 26–31. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-realizatsii-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения : 15.06.2025).

3. Балашова, И. В. Основные проблемы государственного финансового контроля / И. В. Балашова, К. С. Приходько // Сфера услуг: инновации и качество. — 2019. — № 45. — С. 14–21.

4. Дик, Е. П. Сущность внешнего и внутреннего государственного финансового контроля в России / Е. П. Дик // Эффективное государственное управление и аудит эффективности. — 2019. — С. 125–134. — URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37269051&pff=1 (дата обращения : 15.06.2025).

5. Меликсетян, С. Н. Актуальные направления повышения эффективности использования бюджетных средств в России / С. Н. Меликсетян // Международный бухгалтерский учет. — 2019. — Т. 22. — № 5. — С. 527–544.

6. Матвеева, Н. С. Международный опыт осуществления государственного финансового контроля / Н. С. Матвеева // Финансовый журнал. — 2020. — Т. 12. — № 2. — С. 69–95. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-osuschestvleniya-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya (дата обращения : 15.06.2025).

7. Карепина, О. И. Развитие государственного финансового контроля в контексте программно-проектного бюджетирования / О. И. Карепина, Л. В. Богославцева, О. Ю. Богданова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 4. — С. 204–211. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-kontekste-programmno-proektnogo-byudzhetirovaniya (дата обращения : 15.06.2025).

8. Шепелева, Д. В. Эволюция государственного финансового контроля / Д. В. Шепелева, О. В. Попова // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 12 (192). — С. 30–34.

9. Мухаметшин, Р. Ф. Государственный (финансовый) контроль как инструмент управленческой функции государства / Р. Ф. Мухаметшин // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2020. — № 2 (2). — С. 57–61. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-finansovyy-kontrol-kak-instrument-upravlencheskoy-funktsii-gosudarstva (дата обращения : 15.06.2025).

10. Соян, Ш. Ч. Проблемы государственного финансового контроля / Ш. Ч. Соян, А. О. Морзекей // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 11 (3). — С. 57–59. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya (дата обращения : 15.06.2025).

УДК 336.025

Правовое регулирование государственных закупок: проблемы контрактной системы и перспективы цифровизации

Legal Regulation of Public Procurement: Problems of the Contract System and Prospects for Digitalization

Н. А. Крупнов
студент
E-mail: NikitaKrupnov@mail.ru
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
N. A. Krupnov
Student
A. Au. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье анализируются особенности правового регулирования государственных закупок в Российской Федерации в рамках контрактной системы, установленной Федеральным законом № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Рассматриваются ключевые проблемы функционирования закупочного механизма, включая вопросы исполнения контрактов, контроля и ответственности. Особое внимание уделяется перспективам цифровизации закупочной деятельности как фактору повышения прозрачности и эффективности системы.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, 44-ФЗ, цифровизация, государственный контракт, контроль, конкуренция.

Abstract

The article analyzes the features of legal regulation of public procurement in the Russian Federation within the contract system established by Federal Law No. 44-FZ dated April 5, 2013, “On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs”. The key problems of the procurement mechanism functioning are considered, including issues of contract execution, control and liability. Particular attention is paid to the prospects of digitalization of procurement activities as a factor of increasing transparency and efficiency of the system.

Keywords: public procurement, contract system, 44-FZ, digitalization, public contract, control, competition.

Система государственных закупок в Российской Федерации представляет собой сложный правовой и организационный механизм, направленный на обеспечение государственных и муниципальных нужд при рациональном и эффективном использовании бюджетных средств, что является ключевым условием устойчивого функционирования публичных финансов. Основу данной системы составляет Федеральный закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который регулирует все стадии

закупочного процесса от планирования и обоснования закупок до исполнения контрактов и контроля их результатов, формируя единые правила взаимодействия участников.

В современных условиях контрактная система выполняет не только экономическую, но и социальную функцию, поскольку она способствует развитию конкуренции, поддержке национальных производителей и реализации приоритетных направлений государственной политики. Дополнительно следует учитывать, что закупочная деятельность оказывает влияние на структурные изменения в экономике, стимулируя развитие отдельных отраслей и формируя устойчивый спрос на товары, работы и услуги.

Правовое регулирование государственных закупок характеризуется высокой степенью детализации и формализации процедур, что обусловлено необходимостью минимизации коррупционных рисков и предотвращения злоупотреблений при расходовании бюджетных средств. Установление четких правил проведения закупок, включая требования к документации, процедурам отбора поставщиков и заключению контрактов, направлено на обеспечение прозрачности и подотчетности деятельности заказчиков.

Вместе с тем, избыточная регламентация нередко приводит к усложнению закупочной деятельности, снижению ее оперативности и увеличению сроков реализации государственных проектов. Участники закупок сталкиваются с необходимостью соблюдения большого количества требований, включая подготовку обширного пакета документов и соответствие формальным критериям, что увеличивает административные издержки и ограничивает доступ к участию в торгах, особенно для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Одной из ключевых проблем контрактной системы является недостаточная эффективность механизма исполнения государственных контрактов, что проявляется в несоблюдении сроков поставки, нарушении условий договоров и недостаточном контроле качества поставляемых товаров и оказываемых услуг. На практике нередко возникают ситуации, когда поставщики не выполняют взятые на себя обязательства в полном объеме, что приводит к срыву государственных программ и увеличению бюджетных расходов. Дополнительные сложности связаны с применением мер ответственности к недобросовестным поставщикам, поскольку действующие правовые нормы не всегда обеспечивают оперативное и эффективное разрешение споров. В результате возникает необходимость совершенствования механизмов контроля исполнения контрактов, включая внедрение более гибких и оперативных процедур реагирования на нарушения и расширение инструментов обеспечения обязательств.

Существенное значение имеет проблема обеспечения добросовестной конкуренции в сфере закупок, поскольку именно конкуренция является основным фактором повышения эффективности расходования бюджетных средств и качества закупаемых товаров и услуг.

Несмотря на формальное соблюдение принципов открытости и равного доступа, сохраняются риски ограничения конкуренции посредством установления избыточных квалификационных требований к участникам или формирования технических заданий, ориентированных на конкретных поставщиков. Подобная практика приводит к снижению числа участников закупок и ограничивает возможности для добросовестных компаний, что негативно влияет на конкурентную среду. Для решения данной проблемы необходимо совершенствование механизмов контроля за формированием закупочной документации, а также внедрение дополнительных инструментов анализа и мониторинга конкурентной среды.

Особого внимания заслуживают вопросы контроля и ответственности в сфере государственных закупок, поскольку эффективность всей контрактной системы во многом зависит от качества надзорных мероприятий и способности своевременно выявлять нарушения. Существующая система контроля включает предварительные, текущие и последующие формы, каждая из которых выполняет определенные функции и направ-

лена на обеспечение законности закупочной деятельности. Однако их эффективность остается неоднородной, поскольку контрольные мероприятия не всегда позволяют своевременно выявлять нарушения или предотвращать их на ранних стадиях.

Административная ответственность за нарушения законодательства о закупках играет важную роль в обеспечении дисциплины, однако практика показывает, что применение санкций не всегда носит превентивный характер и не в полной мере предотвращает повторные нарушения, что требует совершенствования системы ответственности.

В условиях цифровизации экономики трансформация системы государственных закупок становится объективной необходимостью, поскольку внедрение современных информационных технологий позволяет существенно повысить прозрачность и эффективность закупочной деятельности. Использование электронных платформ и автоматизированных систем способствует снижению влияния человеческого фактора при принятии решений, а также обеспечивает равный доступ участников к информации о проводимых закупках.

Электронные закупки позволяют расширить круг потенциальных поставщиков, сократить сроки проведения процедур и повысить уровень конкуренции, что положительно влияет на качество закупаемых товаров и услуг. Кроме того, цифровизация создает условия для внедрения аналитических инструментов, позволяющих выявлять нарушения и оценивать риски на ранних стадиях закупочного процесса.

Однако процесс цифровизации сопровождается рядом проблем, связанных с техническими сбоями, недостаточной интеграцией информационных систем и необходимостью обеспечения высокого уровня информационной безопасности. Существующие электронные платформы не всегда обеспечивают стабильную работу, что может приводить к срывам процедур и снижению доверия со стороны участников закупок. Дополнительно возникает необходимость адаптации нормативно-правовой базы к новым условиям функционирования цифровых инструментов, поскольку действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику электронного взаимодействия. В этой связи требуется пересмотр отдельных положений законодательства о закупках с учетом развития цифровых технологий и обеспечения их эффективного применения на практике.

Перспективы развития контрактной системы связаны с дальнейшим совершенствованием правового регулирования и активным внедрением современных цифровых решений, направленных на повышение эффективности управления закупочной деятельностью.

Важным направлением является развитие централизованных закупочных органов, которые способны обеспечить более высокий уровень профессионализации заказчиков и повысить качество подготовки закупочной документации. Дополнительно необходимо совершенствовать механизмы контроля, включая использование аналитических и риск-ориентированных инструментов для выявления нарушений на ранних стадиях и предотвращения их возникновения. Существенное значение имеет также развитие механизмов взаимодействия между государственными органами и участниками закупок, что позволит повысить прозрачность и доверие к контрактной системе.

Таким образом, правовое регулирование государственных закупок в Российской Федерации находится в стадии активного развития и адаптации к современным экономическим условиям, что обусловлено необходимостью повышения эффективности использования бюджетных средств и обеспечения устойчивого экономического роста. Существующие проблемы контрактной системы требуют комплексного подхода к их решению, включающего совершенствование законодательства, развитие институциональных механизмов и внедрение цифровых технологий.

Реализация указанных направлений позволит повысить результативность закупочной деятельности, обеспечить рациональное использование бюджетных ресурсов

и создать благоприятные условия для развития конкурентной экономики, что в конечном итоге будет способствовать укреплению финансовой устойчивости государства.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 01.12.2025 : принят Государственной Думой 17 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. // КонсультантПлюс : справочно-правовой портал. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения : 29.03.2026).

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон № 44-ФЗ : принят Государственной Думой 22 марта 2013 года : одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 года : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочно-правовой портал. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения : 29.03.2026).

3. Голубев, С. С. Управление государственными закупками : учебник / С. С. Голубев, А. М. Губин, К. Б. Доброва, А. Г. Щербаков. – Москва : Мир науки, 2025. – URL : https://izd-mn.com/PDF/23MNNPU25.pdf (дата обращения : 29.03.2026).

4. Кнутов, А. В. Управление государственными и муниципальными закупками и контрактами : учебник и практикум для вузов / А. В. Кнутов. – Москва : Издательство «Юрайт», 2024. – 316 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04912-1 // Образовательная платформа «Юрайт». – URL : https://urait.ru/bcode/539656 (дата обращения : 29.03.2026).

5. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации : официальный сайт. – URL : https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/acts (дата обращения : 29.03.2026).

УДК 336.22

Налоговые проверки в Российской Федерации: проблемы эффективности и пути совершенствования

Tax Audits in the Russian Federation: Issues of Efficiency and Ways to Improve Them

Н. А. Крупнов
студент
E-mail: NikitaKrypnov@mail.ru
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
N. A. Krupnov
Student
A. Au. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются налоговые проверки как ключевой инструмент налогового контроля в Российской Федерации. Анализируются существующие проблемы их

эффективности, включая организационные и правовые аспекты, а также оценивается влияние проверочной деятельности на уровень налоговой дисциплины. Особое внимание уделено направлениям совершенствования налоговых проверок в современных условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговые проверки, камеральные проверки, выездные проверки, эффективность, налоговая система.

Abstract

The article examines tax audits as a key instrument of tax control in the Russian Federation. The existing problems of their efficiency are analyzed, including organizational and legal aspects, and the impact of audit activities on tax discipline is assessed. Particular attention is paid to the directions of improving tax audits in the context of economic digitalization.

Keywords: tax control, tax audits, desk audits, field audits, efficiency, tax system.

Налоговые проверки занимают центральное место в системе налогового контроля Российской Федерации, поскольку именно через них обеспечивается соблюдение налогового законодательства и формируется доходная база бюджета государства, что напрямую влияет на финансовую устойчивость и экономическую стабильность. Современная практика демонстрирует, что налоговые органы активно используют широкий спектр форм проверочной деятельности [6], среди которых наибольшее распространение получили камеральные и выездные проверки, что позволяет оптимизировать процессы контроля и направлять ресурсы на наиболее значимые направления выявления нарушений [2; 3].

Камеральные проверки проводятся на основе представленной налогоплательщиками отчетности без непосредственного контакта с организацией или индивидуальным предпринимателем, что обеспечивает оперативность проверки и снижает административную нагрузку, однако ограничивает глубину анализа финансово-хозяйственной деятельности. В свою очередь, выездные проверки предполагают более глубокий и комплексный анализ финансовых потоков, документооборота и хозяйственных операций, что позволяет выявлять сложные нарушения налогового законодательства и формировать более обоснованные решения о доначислении налогов. Эффективность этих мероприятий напрямую связана с их способностью выявлять налоговые правонарушения и обеспечивать поступление дополнительных средств в бюджет, что особенно актуально в условиях экономической нестабильности и необходимости наполнения доходной части государственного бюджета.

Наблюдается тенденция к сокращению количества выездных проверок при одновременном повышении их результативности, что свидетельствует о переходе к риск-ориентированному подходу, основанному на аналитическом прогнозировании и оценке вероятности выявления нарушений. Этот метод позволяет сосредоточить усилия налоговых органов на проверке организаций и отраслей с высокой вероятностью налоговых правонарушений, одновременно минимизируя нагрузку на добросовестных налогоплательщиков.

Однако внедрение рискориентированного подхода сталкивается с рядом проблем, связанных с недостаточной прозрачностью критериев отбора налогоплательщиков, что вызывает определенные сомнения и недоверие со стороны бизнеса и снижает степень предсказуемости налоговой политики. Ключевым аспектом в этом контексте является необходимость разработки четких и открытых методик оценки рисков, которые позволят исключить субъективные решения и обеспечат баланс между интересами государства и налогоплательщиков.

Среди основных проблем, влияющих на эффективность налоговых проверок, выделяется высокая административная нагрузка на налогоплательщиков, особенно при проведении выездных проверок, где требуется предоставление значительного объема документации и обеспечение доступа к внутренним системам учета.

Эти мероприятия требуют значительных временных и ресурсных затрат со стороны организаций, что негативно сказывается на производственной деятельности и может приводить к замедлению реализации инвестиционных и стратегических проектов. Дополнительно следует учитывать сложность и неоднозначность действующего налогового законодательства, что создает условия для различного толкования норм и увеличивает количество спорных ситуаций между налогоплательщиками и контролирующими органами [8]. В результате возникает необходимость внедрения единых методических подходов и формулировок, направленных на снижение числа налоговых споров и повышение юридической определенности, что напрямую отражается на доверии бизнеса к государственным органам.

Отдельного внимания заслуживает вопрос правового регулирования новых форм налогового контроля, включая оперативные проверки, которые направлены на повышение скорости реагирования на выявленные налоговые нарушения и сокращение времени выявления схем уклонения. Эти мероприятия позволяют налоговым органам оперативно получать информацию о потенциальных нарушениях и предпринимать меры до возникновения существенного ущерба для бюджета.

Однако отсутствие четкой законодательной базы, а также единых процедур проведения таких проверок создает риски нарушения прав налогоплательщиков и формирует угрозу чрезмерного давления на бизнес, что может снижать инвестиционную привлекательность страны. В этой связи возникает острая необходимость детальной регламентации порядка проведения оперативных проверок, а также установления механизмов контроля за соблюдением прав налогоплательщиков, что обеспечит более сбалансированное взаимодействие между государством и бизнес-сообществом.

Анализ показывает, что уровень цифровизации налогового администрирования оказывает значительное влияние на эффективность проверочной деятельности, поскольку автоматизированные системы анализа больших данных позволяют выявлять налоговые риски на ранних стадиях и минимизировать необходимость проведения трудоемких выездных проверок. Использование информационных технологий позволяет налоговым органам отслеживать динамику финансовых потоков, сопоставлять показатели и выявлять аномалии, что повышает результативность контроля и снижает субъективность принимаемых решений.

Вместе с тем, внедрение цифровых инструментов требует высокой степени технической оснащенности и квалификации сотрудников налоговых органов, что не всегда достигается в полной мере, создавая потенциальные ограничения для реализации современных методов анализа и прогнозирования налоговых рисков. В долгосрочной перспективе расширение цифровизации может стать ключевым фактором повышения прозрачности налогового контроля и снижения административной нагрузки на налогоплательщиков [7].

Налоговые проверки играют важную роль в обеспечении экономической безопасности государства, поскольку способствуют снижению уровня теневой экономики, повышению налоговой дисциплины и увеличению собираемости доходов бюджета, что укрепляет финансовую устойчивость и стабильность страны. Одновременно чрезмерное усиление контрольных функций без учета интересов бизнеса может приводить к снижению инвестиционной активности, ограничению предпринимательской инициативы и замедлению темпов экономического роста, что делает актуальным поиск оптимального баланса между государственными интересами и развитием частного сектора.

Для повышения эффективности налоговых проверок необходимо реализовать комплекс мер, направленных на совершенствование организационных, правовых и технологических механизмов контроля, включая разработку прозрачных критериев отбора налогоплательщиков и развитие рискориентированного подхода с учетом отраслевых особенностей, и специфики деятельности организаций.

Дополнительно требуется упрощение налогового законодательства, устранение противоречий в правовых нормах и расширение возможностей электронного взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками, что позволит снизить административные издержки, повысить оперативность контроля и создать более предсказуемую среду для ведения бизнеса.

Реализация этих мер позволит повысить эффективность налогового контроля, укрепить доверие бизнеса к государственным институтам и создать условия для устойчивого экономического развития Российской Федерации, сохраняя баланс между интересами государства и предпринимательского сообщества.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации : НК РФ : часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 25.12.2024 : принят Государственной Думой 16 июля 1998 года : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

2. Ордынская, Е. В. Организация и методика проведения налоговых проверок : учебник и практикум для вузов / Е. В. Ордынская. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство «Юрайт», 2026. — 439 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16856-3 // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. — URL : https://urait.ru/bcode/582845 (дата обращения : 29.03.2026).

3. Лагутина, Л. Г. Организация и методика проведения налоговых проверок: учебник для вузов / Л. Г. Лагутина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство «Юрайт», 2026. — 180 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17950-7 // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. — URL : https://urait.ru/bcode/588523 (дата обращения : 29.03.2026).

4. Федеральная налоговая служба Российской Федерации : официальный сайт. – URL : https://www.nalog.gov.ru (дата обращения : 29.03.2026).

5. Кузнецов, И. А. К вопросу о камеральных налоговых проверках в Российской Федерации / И. А. Кузнецов // Новые импульсы развития : вопросы научных исследований. – 2021. – № 2. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-problemah-provedeniya-kameralnyh-nalogovyh-proverok-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения : 29.03.2026).

6. Амелин, С. С. Правовые основы осуществления налоговых проверок в России / С. С. Амелин, Е. С. Голубева, Т. С. Амелина // Экономика и социум. – 2023. – № 4-1 (107). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-osuschestvleniya-nalogovyh-proverok-v-rossii (дата обращения : 29.03.2026).

7. Логинова, О. В. Налогообложение в условиях цифровой экономики / О. В. Логинова, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 16–25 мая 2023 года. – Часть 1. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2023. – С. 102–106. – EDN RGPCUM.

8. Волков, А. Ю. О плюсах и минусах налоговой системы России / А. Ю. Волков, Н. А. Лисенкова // Сборник научных статей научно-педагогических и практических работников. – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2016. – С. 40–42. – EDN OMMGUO.

УДК 347.73

Воздействие механизмов финансового принуждения на уровень экономической стабильности государства

The Impact of Financial Coercion Mechanisms on the Level of Economic Stability in a Country

М. Н. Лебедев
студент
E-mail: matvey.lebedev.1999@mail.ru
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
M. N. Lebedev
Student
A.Yu. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Актуальность темы обусловлена тем, что сегодня финансовые рынки всё чаще демонстрируют уязвимость и нуждаются в жёстком регулировании. Один из ключевых инструментов финансового права — принуждение — позволяет государству, надзорным органам и регуляторам добиваться неукоснительного соблюдения установленных норм. В статье анализируются сущность и роль принуждения в финансовом праве, исследуются механизмы его реализации в финансовом секторе, а также оценивается их воздействие на экономическую стабильность страны. Результаты проведённого исследования дают возможность выявить характер влияния принуждения на финансовую систему и определить наиболее действенные регуляторные инструменты, способствующие устойчивому развитию этой сферы.

Ключевые слова: финансовое право, финансовая сфера, принуждение, механизмы принуждения, государство, экономическая стабильность.

Abstract

The relevance of the topic is due to the fact that today financial markets are increasingly vulnerable and need strict regulation. One of the key instruments of financial law – coercion – allows the state, supervisory authorities and regulators to achieve strict compliance with the established norms. This article analyzes the essence and role of coercion in financial law, examines the mechanisms of its implementation in the financial sector, and evaluates their impact on the country's economic stability. The results of the conducted research make it possible to identify the nature of the impact of coercion on the financial system and to determine the most effective regulatory tools that contribute to the sustainable development of this area.

Keywords: financial law, financial sector, coercion, coercion mechanisms, state, economic stability.

Стабильная работа финансовой системы в условиях современного общества выступает одной из ключевых основ экономики. Как развитые, так и развивающиеся страны ежедневно применяют различные инструменты для поддержания высокой степени устойчивости государственной экономики. В этом процессе особая роль отводится фи-

нансовому праву, которое выполняет функцию своеобразного «арбитра». В связи с этим осуществляется динамичное и сбалансированное развитие национальной экономики — как через контроль и надзор за финансовыми отношениями, так и через своевременной контроль за возможными нарушениями законодательства.

При всём при этом нельзя не отметить, что всех правил, установленных государством, можно добиться только с помощью реализации принудительных мер уполномоченными органами. Исходя из положений финансового права, такими мерами можно считать инструменты, направленные на ограничения или запрет операций, связанных с финансами, в том числе и возможное замораживание как денежных средств, так и иного имущества, принадлежащих облагаемым мерами принуждения лицам, или же финансовых операций, проводимых им на пользу или в их интересах непосредственно. В нетипичных ситуациях меры финансового принуждения нужно связывать со специальными экономическими мерами, которые применяются непосредственно в финансово-экономической сфере. Также следует отметить, что принудительные меры могут быть реализованы в других сферах государственной деятельности. В этом можно убедиться, ознакомившись с текстом Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах».

Многогранность мер и санкций, применяемых в случае несоблюдения установленных правил или нарушении финансовых обязательств, способствуют раскрытию сути и значения понятия «принуждение» в финансовом праве. В связи с этим управление финансовыми потоками для государства способно осуществлять реальный контроль за надлежащим исполнением всех обязательств, при этом поддерживая как равноправие участников финансовых отношений, так и возможность поддерживать справедливость внутри этих отношений.

Рассмотрим риски последствий применения государством мер принуждения. Специалисты и исследователи выделяют широкий спектр последствий — как экономических, так и социальных. Эти последствия, в свою очередь, провоцируют реализацию мер принуждения в финансовой сфере. Стоит отметить, что характер и последствия применения данных мер напрямую зависят от определенного рода обстоятельств, в связи с которыми эти меры были применены. Конечно, реализация мер финансового принуждения в отношении лица, нарушившего установленные правила, имеет достаточно жесткую форму воздействия, которая может негативно сказаться на его финансовом положении. Так, начисление штрафа за несвоевременную уплату налогов, блокировка банковских счетов или конфискация имущества в счет налоговых обязательств способны существенно подорвать устойчивость бизнеса, создать сложности во взаимоотношениях с кредиторами, инвесторами и контрагентами. Применение санкций такого характера сопровождается многосторонним набором финансовых трудностей, которые непосредственно вызывают затруднения в виде ограничения его активности во всех сферах производственной и хозяйственной активности.

Помимо сказанного ранее, нужно добавить, что реализация таких мер может вызвать общественное осуждение. В качестве примера идеально подойдет компания, которую вследствие их неправомерных действий признали виновной в финансовых нарушениях и злоупотреблении правом. В случае если компания признана виновной, в первую очередь сильно пострадает её деловая репутация, которая является краеугольным камнем в построении долгосрочных и надежных отношений в сфере финансового сотрудничества, а также в формировании доверительных отношений с партнерами и инвесторами. В конечном итоге это приводит к сильным финансовым трудностям, сопровождаемым скорым банкротством в связи с невозможностью быть конкурентоспособным на рынке.

Но у этой ситуации есть и обратная сторона медали, которая способна оказывать и положительный эффект в случае реализации уполномоченными органами мер принуждения. К числу таких эффектов можно отнести положительное влияния на стабильную

работу ключевых субъектов государственной экономики и её функционирование в целом. К этому можно прийти в случае, если достигается цель публичной демонстрации примененных мер к той или иной организации. В связи с качественным и действительным контролем в финансовой сфере, государство своими решениями о применении подобных мер подчеркивает для других, что правопорядок в государстве поддерживается должными образом.

Таким образом, при всей жесткости мер финансового принуждения для отдельного нарушителя, их системное применение выступает важнейшим условием сохранения дисциплины в финансовой системе и укрепления доверия к рыночным институтам. Именно баланс между карательной функцией и превентивным эффектом позволяет государству не только пресекать правонарушения, но и формировать предсказуемую среду для добросовестных участников экономических отношений.

Исходя из вышеописанного, выделим основные риски:

— риск неправомерного применения;
— риск нарушения прав и свобод;
— риск негативного влияния на бизнес-сферу;
— риск злоупотребления мерами и появления коррупции.

Прежде всего, стоит выделить коррупционный риск, который возникает при злоупотреблении властными полномочиями в ходе избрания и применения финансовых принудительных мер. Такие злоупотребления ведут к неэффективному распределению и перераспределению ресурсов, а также подрывают доверие граждан к государственным институтам. Коррупция в этом смысле по праву считается одним из наиболее разрушительных явлений для современного общества, снижая эффективность работы целых секторов экономики.

Если же обратиться к риску, связанному непосредственно с неправомерным применением финансовых санкций, то здесь можно выделить два основных источника. Во-первых, он может выступать частью коррупционных механизмов, способствуя достижению противоправных целей. Во втором случае нужно отметить, что такого рода риски могут быть обусловлены формированием коллизий и противоречий в финансово-правовой сфере. Также нужно добавить, что если данные риски будут реализованы, это может повлечь за собой необоснованные судебные издержки и траты на дополнительные правовые процедуры для восстановления справедливости, которые ложатся непосредственно на плечи государственных органов.

При реализации государственных мер финансового принуждения без достаточных на то оснований или же в неконтролируемой форме, появляется риск возникновения ещё одной угрозы – нарушения прав и свобод граждан. Применение подобных мер способно не только спровоцировать локальные протестные настроения, но и спровоцировать более глобальную социальную напряженность. В свои требования социальные протесты могут закладывать пересмотр законодательства в вопросе реализации мер финансового принуждения.

Исходя из этого, можно сказать, что принятие решения о реализации государственных мер принуждения в финансовой сфере может повлечь за собой достаточно многогранный спектр последствий как в отношении самого государства, так и в отношении общества. Вместе с тем, такие меры могут быть оправданы и результативны при условии их соответствия ключевым принципам: справедливости, соразмерности, гуманизма, прозрачности и неотвратимости ответственности. Несмотря на объективно существующие риски, финансовое принуждение остается одним из главных инструментов поддержания правопорядка в сфере публичных и частных финансов. Именно поэтому столь важно выстраивать систему финансового принуждения на прочной законодательной основе, минимизируя коррупционные и судебные риски.

Только сочетание четких правовых норм, эффективного контроля и уважения к правам субъектов позволяет превратить принуждение из потенциально опасного инструмента в действенный механизм защиты экономической стабильности и правопорядка.

Далее рассмотрим вопрос, связанный с основными инструментами принуждения, которые использует государство. Это затрагивает также категории дел, которые связаны с неуплатой и уклонением уплаты налогов в целом. Государство реализует эти меры в зависимости от способов уклонения от уплаты налогов в России, которые были прямо перечислены в работе Ю. В. Сафонова [1]. В современной юридической науке сформировалось несколько обоснованных и важных в практическом смысле классификационных мер и подходов мер государственного принуждения, реализуемых в финансовой сфере. Фундаментом подходов является непосредственно качественный признак, который и есть их основа.

Наиболее популярной является классификация, построенная на принципе диверсификации принудительных средств. В её рамках выделяются четыре категории мер [2]:

— Психологические — достаточно редкая мера принуждения, применение которой за последние годы ощутимо снизилось. Это обосновывается тем, что эта мера связана с нарушением прав и свобод граждан и в связи с этим её использование в финансовой сфере признается неправомерным.

— Физические (административный арест) — в сфере финансового права реализуется с ощутимой редкостью. Это обосновано тем, что применение данной меры требует прямого наличия закрепленных непосредственно в нормативных правовых актах оснований.

— Организационные — состоят из следующего перечня мер: внеплановые проверки и аудиты, налогообложение, финансовые штрафы, а также может выступать в качестве инструмента по поддержании финансовой стабильности, надлежащего соблюдения законодательства в финансовой сфере [2].

— Имущественные — могут применяться только в случаях ненадлежащего или вовсе неисполнения соответствующих обязанностей. Данная мера представляет собой механизм, нацеленный на взыскание задолженностей по финансовым обязательствам, налогам и сборам.

Также есть и другой подход к классификации, в основу которого заложено дифференциация мер на моральные, логические и физические [3]. Исходя из данной классификации, логические методы стоит понимать как способы воздействия, основанные на аргументированном убеждении нарушителя в необходимости корректировки своего поведения либо уплаты санкций. К ним относят предупреждение, письменные или устные предписания об устранении нарушений, назначение административных штрафов, применение налоговых санкций. Важно отметить, что этот вариант систематизации был особенно популярен в советский период, а в настоящее время используется правоприменителями всё реже.

Выбор классификационного критерия имеет как теоретическое, так и прикладное значение. Чем более точно система мер принуждения структурирована по объекту воздействия, правовым последствиям и степени ограничения прав, тем предсказуемее становится правоприменение. В условиях развития цифровых технологий и усложнения финансовых инструментов особую актуальность приобретает дальнейшее совершенствование классификаций с учётом новых форм принуждения, не сводимых лишь к имущественным или организационным мерам.

Ещё один подход к систематизации мер принуждения в финансово-правовой сфере приобретает форму, отталкиваясь от объекта воздействия [4].

В данной классификации выделяются следующие меры:

— установление административного надзора;

— наложение ареста на банковские счета;

— принудительное изъятие имущества;

— прекращение или ограничение финансовых правомочий;

— административное взыскание в форме штрафов.

Приоритетное значение в рассматриваемом вопросе имеют труды Н. А. Саттаровой, которая рассматривает государственное принуждение как «системное применение государством властных механизмов для обеспечения соблюдения гражданами установленных норм» [5]. По её мнению, государственное принуждение здесь выступает в качестве силового инструмента, направленного на поддержание правопорядка и исполнение финансовых обязательств как физическими, так и юридическими лицами. Автор подчёркивает, что в финансовой сфере такое принуждение является неотъемлемым элементом механизма, способствующего обеспечению защиты интересов государства и граждан в финансово-правовой сфере, а также стабильность и высокий уровень дисциплины в ней [5].

Помимо сказанного ранее, Н. А. Саттарова в своей научной работе приоритет внимания смещает на конкретные виды государственного принуждения. В их чисто входят налоги, санкции и штрафы. Но главный акцент делается на налоги. В отношении них она отмечает, что грамотно выстроенная налоговая система служит одним из важнейших инструментов принуждения со стороны государства, поскольку налоги играют ключевую роль в формировании бюджетных доходов и регулировании экономических процессов [5]. Доказательством этого выступает и исследование А. Ю. Волкова [6]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что меры государственного принуждения, применяемые в финансово-правовой сфере, непосредственно связаны и являются составной частью государственного принуждения в целом. Само же государственное принуждение обусловлено необходимостью минимизации и предупреждения негативных явлений в финансовой сфере.

Следует отметить, что далеко не все меры государственного принуждения являются в полной мере правомерными. Но несмотря на это все меры, какими бы они ни были, непосредственно направлены на неукоснительное соблюдение законодательства, а также поддержания экономической и финансовой стабильности государства.

Таким образом, теоретическое осмысление финансового принуждения невозможно без понимания его системообразующей роли в механизме публичного управления. В условиях усложнения финансовых отношений и роста значимости надзорной функции государства важным направлением дальнейших исследований становится выработка чётких критериев разграничения правомерного принуждения и неправомерного ограничения прав участников финансового рынка. Именно баланс между эффективностью государственного воздействия и защитой субъективных прав способен обеспечить устойчивость финансовой системы без избыточного давления на добросовестных участников.

В российской правовой системе финансовое право занимает одно из ключевых мест, предоставляя государству право на осуществление регулирования в вопросе выбора направлений финансовой деятельности. Помимо этого, оно может регламентировать действия граждан и организаций в финансовой сфере. При этом, применение мер государственного воздействия может сопровождаться как негативным, так и позитивным влиянием на экономическое и финансовое положение страны. Чтобы более явно отразить это воздействие, авторами была составлена таблица.

Таблица. Влияние мер принуждения, закрепленных в финансовом праве, на уровень экономической стабильности государства (составлена автором)

Аспект влияния	Характер влияния	Описание
Регулирование финансовых рынков	Позитивное	Осуществляется за счёт рационализации операций, протекающих на финансовых рынках
Предпринимательская активность населения	Позитивное	Меры принуждения влияют неоднозначно, в целом сдерживая развитие предпринимательской инициативы
Борьба с монополиями и олигополиями	Позитивное	Способствует ограничению рыночной власти крупных игроков и развитию конкурентной среды
Развитие субъектов МСП и инвестиционная активность	Негативное	Наблюдается замедление роста малого и среднего бизнеса, снижение интереса инвесторов к таким предприятиям
Эффективность налоговой и фискальной систем	Негативное	Ресурсная база распределяется неэффективно, порой без достаточных оснований
Распределение ресурсной базы	Негативное	Может осуществляться неэффективно и необоснованно, что искажает экономические пропорции

Исходя из представленных данных в таблице, можно резюмировать, что оказание как позитивных, так и негативных мер принуждения могут носить неоднозначный характер. Например, жестокое регулирование или высокий коэффициент налогообложения в стране может поспособствовать стагнации инвестиционной привлекательности и инновационных процессов в отдельных отраслях, что может, как сопутствующий фактор, подрывать экономический рост в стране, что в конечном счёте ведёт к нарушению макроэкономической стабильности. Вместе с тем, продуманное и взвешенное применение принудительных механизмов позволяет государству противодействовать монополистическим и олигополистическим практикам. Речь идёт, в частности, о необоснованном завышении цен, искусственном ограничении предложения и создании дефицита, который служит основой для ценовых манипуляций. Пресечение подобных явлений способствует развитию конкурентной среды, расширению ассортимента товаров и услуг, формированию справедливых цен и в итоге положительно сказывается на уровне благосостояния граждан.

Особого внимания заслуживает проблема неэффективного распределения ресурсов, возникающая при применении принудительных мер. Государство не всегда способно с помощью таких мер достичь рыночного равновесия; напротив, не всегда обоснованное принуждение может приводить к искажению аллокации ресурсов и ценовых сигналов на отдельные товары и услуги. Результатом нередко становятся дефицит или избыток продукции, что нарушает устойчивость экономического развития. Более того, нерациональное использование мер финансового принуждения способно инициировать кризисные явления в экономике, ослабляя всю финансово-правовую систему и снижая уровень жизни населения.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в ряде случаев государственные органы применяют меры финансового принуждения недостаточно обоснованно и системно. Такого рода практика может не только нести вышеперечисленные противоречия с фундаментальными принципами государства, но и влечёт ранее перечисленные правовые последствия. Исходя из этого, можно отметить, что применение мер принуждения в финансовой сфере должно сопровождаться их строгой необходимостью, направленностью исключительно на достижение поставленных и значимых целей, а также практической эффективностью их применения.

Ключевым условием превращения принуждения из фактора риска в инструмент устойчивого развития выступает соблюдение принципа пропорциональности — соразмерности применяемых мер тяжести правонарушения и их потенциальному социально-экономическому эффекту. Только в этом случае возможно сохранить баланс между публичными интересами государства и частной инициативой, лежащей в основе рыночной экономики.

В связи со специфичностью мер принуждения, о которых мы говорили ранее, нужно отметить, что применение государством решения об осуществлении реализации мер государственного принуждения, должно руководствоваться обоснованностью такого решения, его необходимостью и безальтернативностью в части восстановления правопорядка и справедливости в поставленном вопросе. Такие требования, по моему мнению, обусловлены тем, что применение подобных мер непосредственно затрагивает права и свободы граждан, а помимо этого могут оказывать неоднозначное действие на экономическую и финансовую сферы.

Если же правовое регулирование в этой области оказывается некачественным, меры финансового принуждения рискуют превратиться в инструмент произвола и привести к обесцениванию конституционных принципов. В связи с этим ключевая обязанность государства — обеспечивать максимальную прозрачность процедур принятия таких решений и строгий контроль за действиями уполномоченных органов.

Лишь при условии открытости, соразмерности и строгой подконтрольности государственной власти меры финансового принуждения способны выполнять свою функцию — служить не средством давления, а легитимным механизмом защиты публичных интересов, не нарушающим баланс между эффективностью управления и уважением к правам человека.

Библиографический список

1. Сафонова, Ю. В. Причины и способы уклонения от уплаты налогов в России / Ю. В. Сафонова, А. О. Челмакина, А. Ю. Волков // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике : материалы международной научно-практической конференции, Ярославль, 28 ноября 2019 года / под научной редакцией Л. Г. Батраковой, Н. Л. Будахиной. – Часть 2. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. – С. 109–114. – EDN RKZOKC.

2. Макарейко, Н. В. Административное принуждение в России : учебное пособие / Н. В. Макарейко. – Великий Новгород : НГУ, 2002. – 35 с.

3. Ардашкин, В. Д. О принуждении по советскому праву / В. Д. Ардашкин // Советское государство и право. – 1970. – № 7. – С. 33.

4. Дорошенко, О. М. Административное право : учебник для вузов / О. М. Дорошенко. – Санкт-Петербург : Лань, 2021. – 168 с.

5. Саттарова, Н. А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы / Н. А. Саттарова // Lex Russica. – 2015. – № 8. – С. 96–107.

6. Волков, А. Ю. О плюсах и минусах налоговой системы России / А. Ю. Волков, Н. А. Лисенкова // Сборник научных статей научно-педагогических и практических работников. – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2016. – С. 40–42. – EDN OMMGUO.

УДК 336.22

Правовые гарантии защиты интересов налогоплательщиков в ходе налоговых проверок

Legal Guarantees for Protecting Taxpayers' Interests During Tax Audits

М. Н. Лебедев
студент
Email: matvey.lebedev.1999@mail.ru
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
M. N. Lebedev
Student
A. Yu. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Статья посвящена вопросам административной и судебной защиты прав налогоплательщиков в ходе налоговых проверок. На основе теоретического осмысления научных исследований определена публично-правовая природа налоговых правоотношений. Отмечена социальная направленность налогообложения. Властные полномочия подразумевают контроль за законностью исчисления и уплаты налогов, который осуществляется через налоговые проверки. Защита прав возможна в рамках административного (досудебного) или судебного производства.

Ключевые слова: налоговое право, налоговые проверки, защита права, налоговый контроль, досудебное урегулирование спора.

Abstract

This article is devoted to the issues of administrative and judicial protection of taxpayers' rights during tax audits. Based on the theoretical understanding of scientific research, the public-law nature of tax legal relations is determined. The social orientation of taxation is noted. Authority implies control over the legality of tax calculation and payment, which is carried out through tax audits. Protection of rights is possible within the framework of administrative (pre-trial) or judicial proceedings.

Keywords: tax law, tax audits, protection of rights, tax control, pre-trial dispute resolution.

Налоги представляют собой обязательные платежи, адресованные как участникам гражданского оборота, так и лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Средства, поступающие в бюджет, направляются государством на реализацию общественно значимых задач и служат удовлетворению коллективных интересов. По сути, в данных правоотношениях выгодоприобретателем выступает само общество, то есть налогоплательщики.

Ядром налогового права выступает налоговое законодательство, центральное место в котором занимает Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ), который напрямую может регулировать уплату и исчисление налогов граждан.

Разрешение споров между налогоплательщиками и налоговым органом регламентировано отдельными положениями процессуального законодательства.

Как следует из работы Н. Н. Быкова, отношения в финансовой сфере носят на постоянной основе властный характер, а налоговое право, в свою очередь, входит в систему финансового права в связи с тем, что они формируются в процессе осуществления публичного характера деятельности государства [1].

Налоговый контроль, как мера надзора за соблюдением законодательства, реализуется в двух формах: выездные проверки и камеральные проверки. *Камеральная проверка* осуществляется по месту нахождения на момент проверки налогового органа, осуществляющего проверку, на основе декларации, которую предоставил налогоплательщик. Особенностью камеральной проверки является преимущественно кабинетный характер и ограниченный срок (три месяца), однако в ходе камеральной проверки инспекция вправе истребовать пояснения и документы, что фактически расширяет рамки контрольных мероприятий. *Выездная проверка* предполагает более детальное исследование финансово-хозяйственной деятельности на территории налогоплательщика, может охватывать период до трёх лет и сопровождаться такими действиями, как осмотр, инвентаризация и выемка документов. Властный характер контроля нередко порождает сопротивление со стороны проверяемых лиц, что обусловлено высокой степенью вмешательства в хозяйственную деятельность и значительными финансовыми рисками (доначисление налогов, пеней, штрафов).

Как справедливо отмечает В. В. Казаков, «ни в одной налоговой системе мира, как бы она ни была совершенна, не достигнут компромисс между налогоплательщиками и государством при установлении и взимании налогов» [2]. Исходя из этого стоит отметить, что разрешение споров, связанных с налогами, полноценно сохраняет свою актуальность.

Стоит отметить, что налогоплательщики имеют гарантии от государства. Основной гарантией является то, что законодательство гарантирует налогоплательщикам судебный и административный порядок защиты своих прав в случаях их нарушения [3]. Статья 21 НК РФ закрепляет широкий спектр прав налогоплательщика, включая право присутствовать при проведении выездной проверки, получать копии актов, требовать соблюдения налоговой тайны. Этим правам корреспондируют обязанности налоговых органов, что образует систему юридических гарантий.

В качестве административных средств защиты, которыми могут воспользоваться налогоплательщики, чьи права были нарушены, выделяется возможность подачи жалобы на принятое решение по средству проведения проверки на осуществляемые действия или, наоборот, бездействия со стороны должностных лиц. В этот перечень можно также добавить и письменные возражения в адрес проведения налоговых проверок. В плане реализации защитных прав представленные выше способы их защиты пользуются наибольшей популярностью в связи с их простотой. При рассмотрении жалоб или возражений налоговый орган может удовлетворить требования заявителя полностью или частично, что позволяет урегулировать спор либо сформировать правовую позицию для последующего судебного обжалования. С 2014 года введён обязательный досудебный порядок обжалования всех ненормативных актов налоговых органов, что направлено на разгрузку судебной системы и предоставление налогоплательщику возможности оперативно добиться исправления ошибок без судебных издержек [3].

Как отмечал в своих трудах Е. В. Васьковский, ещё до революции 1917 г. в Российской империи органам государственной власти принадлежали публично-правовые требования, они реализовывались принудительно, без предварительной судебной оценки. Например, к таким требованиям принадлежало требование, непосредственно относящееся к уплате податей, различного рода сборов и государственных налогов [4].

На сегодняшний день нередки высказывания о том, что административные процедуры, проводимые уполномоченными органами, имеют существенные недостатки в области реализации в полной мере принципа состязательности. Это обосновывается тем, что вышестоящий налоговый орган имеет возможность рассмотрения жалобы без заявителя. Это не значит, что возможность участия исключена, напротив, она есть. Особенностью здесь является то, что на практике эта возможность реализуется достаточно редко. В своих трудах С. А. Ядрихинский делает акцент на следующем: «Налогоплательщик заинтересован в возможности присутствовать, представлять доказательства, заявлять свои доводы, опровергающие обоснованность вынесенного решения, возражать, т. е. излагать свою позицию непосредственно по всем аспектам дела при рассмотрении апелляционной жалобы и тем самым влиять на ход и развитие процесса в целях защиты своих прав и законных интересов» [6].

Исключительную значимость и важность для дела это получает только при исследовании дополнительных доказательств по делу [7].

Дополнительным аргументом в пользу необходимости совершенствования административной процедуры выступает правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно подчёркивал, что досудебное обжалование должно обеспечивать реальную, а не формальную возможность защиты прав (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12.04.2016 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы» и от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу "ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»).

Однако на практике вышестоящие налоговые органы зачастую подходят к рассмотрению жалоб формально, ограничиваясь проверкой соблюдения процессуальных сроков и не вдаваясь в оценку доказательств по существу, что снижает эффективность данного института.

Можно полагать, что, исходя из полномочий налоговых органов и их возможностей, они не могут полноценно заменить суд и судебный процесс и являются лишь государственными органами на предварительной стадии досудебного урегулирования. Сегодня каждый налогоплательщик имеет право на защиту своих прав в судебном порядке. Для этого используются арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Важно, что по спорам, вытекающим из результатов налоговых проверок, обязательным условием для обращения в суд является соблюдение досудебного порядка.

Судебная стадия обладает неоспоримыми преимуществами: состязательность, равноправие сторон, непосредственное исследование доказательств, возможность привлечения специалистов, а также пересмотра дела в апелляционном и кассационном порядке. Ключевое значение имеет распределение бремени доказывания: в силу пункта 6 статьи 108 НК РФ обязанность доказывания обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица, возлагается на налоговые органы. Все неустранимые сомнения толкуются в пользу налогоплательщика.

Данный принцип, неоднократно подтверждённый Конституционным Судом Российской Федерации (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ "АвтоВАЗ" и "Комбинат "Североникель", обществ с ограниченной ответственностью "Верность", "Вита-Плюс" и "Невско-Балтийская транспортная компания", товарищества

с ограниченной ответственностью "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" и гражданина А. Д. Чулкова»), создаёт фундаментальную гарантию против произвольного привлечения к ответственности.

Важной процессуальной гарантией выступает институт обеспечительных мер. По заявлению налогоплательщика суд вправе приостановить действие решения налогового органа о взыскании налога, пеней и штрафов (часть 3 статьи 199 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Это позволяет предотвратить необратимые последствия в виде списания значительных сумм со счетов до вступления судебного акта в законную силу. В последние годы арбитражные суды активно применяют обеспечительные меры, рассматривая их как необходимый элемент баланса публичных и частных интересов.

В сложных налоговых спорах, связанных с исчислением налоговой базы, применением трансфертного ценообразования, оценкой реальности хозяйственных операций, существенную роль играет судебная экспертиза. Возможность назначения экономической, бухгалтерской, оценочной экспертизы предоставляет налогоплательщику дополнительный инструмент для опровержения выводов налоговой проверки и позволяет суду получить объективное научно обоснованное заключение.

Высшие судебные инстанции — Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации — последовательно формируют правовые позиции, направленные на усиление гарантий налогоплательщиков. В частности, в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 57 от 30.07.2013 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» разъяснены пределы осуществления налоговыми органами полномочий, порядок оценки недобросовестности и принцип презумпции добросовестности налогоплательщика. В последние годы Верховный Суд Российской Федерации ориентирует нижестоящие суды на необходимость оценки реальности хозяйственных операций, а не формальных дефектов документооборота (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу «Тольяттинского азота» и др.), что существенно повышает уровень правовой защищённости бизнеса.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на недопустимость использования налоговым органом своих полномочий в целях причинения вреда налогоплательщику (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2004 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Д. Егорова и Н. В. Чуева»), а также на необходимость соразмерности мер налогового принуждения (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа»).

Немаловажную роль в вопросе защиты прав налогоплательщиков сыграли решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Несмотря на динамичное развитие российского законодательства, приоритет международных норм был скорректирован, и некоторые из них всё ещё имеют значение. Важными для нас нормами в этом вопросе будут являться ст. 1 протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Защита собственности» и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Правовые позиции, которые были выработаны на основе этих норм, сохранили своё значение для последующей интерпретации национальных норм. Следует добавить, что ЕСПЧ придает особое значение необходимости и значимости соблюдения баланса между фискальными интересами государства и частной собственности.

Необходимо отметить и институт обеспечения прав налогоплательщиков в условиях цифровизации налогового администрирования. Как пример стоит отметить внедрение автоматизированных систем, например, автоматизированной информационной системы «Налог-3». Также особого внимания заслуживает на единый налоговый счёт (ЕНС) с 2023 года. Конечно, это создает новые условия для возникновения проблем уже в цифровой сфере. И в такое время особое значение приобретают гарантии оперативного судебного контроля за действиями налоговых органов. Также об одном из важнейших нововведений современных лет говорится в научной работе О. В. Логинова, который отмечал, что «в 2019 году была введена в эксплуатацию система автоматизации налогового контроля, позволяющая быстро и эффективно отслеживать и контролировать продажи и услуги в Интернете» и правильно подмечал, что «в настоящее время система налогообложения цифровой экономики в России все еще находится в разработке, поэтому требуется дополнительная разработка правовой базы и методов налогообложения» [7].

Развитие получают и примирительные процедуры в налоговых спорах. Хотя медиация в налоговых отношениях используется ограниченно, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации предоставляет сторонам возможность заключить мировое соглашение. В сфере налоговых правоотношений мировое соглашение возможно в рамках дел о банкротстве, а также при оспаривании ненормативных актов в случае, если налоговый орган отменяет оспариваемое решение или стороны достигают компромисса по существу спора. Можно отметить также то, что в государстве активно реализуется практика проведения налоговых амнистий, а также осуществляется приостановление налоговых проверок в отношении добросовестных налогоплательщиков. Это может свидетельствовать о том, что происходит постепенное развитие мер и инструментов разрешения конфликтов на согласительной основе.

Таким образом, публично-правовые отношения, складывающиеся при проведении налоговых проверок, носят субординационный характер. Статья 22 Налогового кодекса Российской Федерации закрепляет гарантии защиты прав налогоплательщиков, при этом право, которое предоставляется налогоплательщику, образует обязанность со стороны налогового органа. В связи с этим может возникать достаточно большое количество споров, предупреждение и пресечение которых получит особый приоритет и значение для государства, что провоцирует дальнейшее совершенствование законодательства в данной сфере. Этому способствует современное положение страны, в условиях которой ещё многие проблемы налоговой системы остаются актуальными [8].

В заключение отметим, что эффективная система защиты прав в налоговой сфере возможна лишь при сочетании двух условий — доступного и справедливого досудебного урегулирования, которое позволяет оперативно исправлять ошибки без судебной волокиты, и полноценного судебного контроля, обеспечивающего состязательность и независимую оценку доказательств. Именно такой баланс способен снизить конфликтогенность налоговых отношений и укрепить доверие бизнеса и граждан к фискальной системе государства. Дальнейшее развитие налогового контроля должно идти по пути расширения гарантий процессуального равенства сторон, внедрения институтов досудебного урегулирования с обязательным участием налогоплательщика и совершенствования механизмов возмещения вреда, причинённого незаконными действиями налоговых органов, что в полной мере соответствует конституционному принципу защиты прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Быкова, Н. Н. Классификация форм и методов налогового контроля в Российской Федерации / Н. Н. Быкова // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 141–144.

2. Казаков, В. В. О сущности налогообложения и налогового правоотношения / В. В. Казаков // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2015. – № 3. – С. 105–109.

3. Михайлова, Е. В. Защита прав субъектов налогообложения при проведении налоговой проверки / Е. В. Михайлова // Налоги. – 2021. – № 6. – С. 23–26. – DOI 10.18572/1999-4796-2021-6-23-26. – EDN MTOWJS.

4. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. – Москва : Зерцало, 2003. – 464 с.

5. Ядрихинский, С. А. Признак властности в налоговых правоотношениях / С. А. Ядрихинский // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 63–69.

6. Ядрихинский, С. А. Принцип состязательности при административном рассмотрении налогового спора / С. А. Ядрихинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 12. – С. 69–74. – EDN YTALVZ.

7. Логинова, О. В. Налогообложение в условиях цифровой экономики / О. В. Логинова, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 16–25 мая 2023 года. – Часть 1. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2023. – С. 102–106. – EDN RGPCUM.

8. Домашняя, С. С. Современные проблемы налоговой системы России и пути их решения / С. С. Домашняя, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 06 апреля 2020 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – С. 245–247. – EDN BEZTLK.

УДК 343.37

Основные проблемы квалификации экономических преступлений

Main Problems of Classifying Economic Crimes

П. С. Ломоносова
студентка
E-mail: polina.lomonosova@internet.ru
П. А. Чирков
доцент кафедры юриспруденции
E-mail: Chirkovpan@mail.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
P. S. Lomonosova
Student
P. A. Chirkov
Associate Professor of the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется характеристике признаков состава

преступления, конкуренции норм, и практическим трудностям, возникающим в условиях активного развития цифровой экономики, в том числе при обороте криптовалюты.

Ключевые слова: экономические преступления, экономическая безопасность, признаки состава преступления, квалификация, основные проблемы.

Abstract

The article discusses current issues of qualification of crimes in the sphere of economic activity, provided for in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the characteristics of the elements of a crime, the competition of norms, and the practical difficulties that arise in the context of the active development of the digital economy, including the circulation of cryptocurrency.

Keywords: economic crimes, economic security, elements of a crime, qualification, main problems.

Преступления в сфере экономической деятельности — это умышленные общественно опасные деяния, предусмотренные главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), посягающие на установленный порядок осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, а также на экономическую безопасность государства.

Актуальность темы обусловлена приоритетным направлением государственной политики — борьбой с преступлениями экономической направленности. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к росту числа и общественной опасности таких преступлений. По данным МВД России, в 2025 г. выявлено 107 180 преступлений экономической направленности (рост на 1,7 % к 2024 г.), материальный ущерб составил 363,4 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие составы — 67,6 %. Следственный комитет Российской Федерации направил в суды 22 500 уголовных дел данной категории [5; с. 26].

Эти цифры подтверждают, что экономические преступления остаются серьёзной угрозой экономической безопасности государства, приводят к недополучению бюджетных доходов, способствуют росту инфляции и дестабилизации рыночных отношений.

Систему преступлений в сфере экономической деятельности можно представить в следующем виде:

1. Преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (ст. 169–173.2, 174–175, 178–180, 183, 184, 185.5, 200.3–200.7 УК РФ).

2. Преступления в финансово-кредитной сфере (ст. 172.1, 176, 177, 181, 185–185.4, 185.6, 186, 187, 191–192, 198–199.4 УК РФ).

3. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля (ст. 189, 190, 193, 194, 200.1, 200.2 УК РФ).

Объектом преступлений выступают общественные отношения в экономической сфере государства, гарантирующие использование собственности в предпринимательской, хозяйственной и иной экономической деятельности для воспроизводства и перераспределения этой собственности в интересах общества в целом.

Объективная сторона, как правило, выражается в действии при совершении преступлений, таких как незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём (ст. 175 УК РФ), ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), принуждение к совершению сделки или отказу от неё (ст. 179 УК РФ) и др., и только в отдельных случаях — в бездействии для преступлений по ст. 177 УК РФ (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности), ст. 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей), ст. 198 и 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов и сборов с физического лица или организации).

Субъектом экономических преступлений может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Согласно закону, субъектами отдельных таких преступлений выступают только должностные лица, руководители или собственники организаций и предприятий, но для других преступлений в экономической сфере — как должностные, так и частные лица. Субъективная сторона экономических преступлений характеризуется умышленной формой вины либо в отдельных случаях двойной формой вины.

При квалификации противоправных деяний в сфере экономической деятельности особое значение имеют мотив и цель преступления, так как в различных видах преступлений мотив и цель различаются, что влияет на квалификацию деяния.

Основные проблемы квалификации этих деяний во многом связаны с особенностями законодательной конструкции главы 22 УК РФ. Значительная часть норм носит бланкетный характер: для установления признаков состава преступления правоприменитель должен обращаться к нормам гражданского, налогового, банковского и административного и иного законодательства. При этом законодатель до настоящего времени не закрепил чёткого определения понятия «экономическая преступность» (или «экономические преступления»).

В научной литературе существуют различные подходы к пониманию данной категории преступлений. Так, Ю. В. Гусаков определяет экономические преступления как правонарушения, совершаемые с использованием экономических ресурсов, финансов и имущества с целью получения незаконной выгоды [2; с. 75].

И. Ю. Антонов подчёркивает, что это общественно опасные деяния, посягающие на общественные экономические отношения независимо от формы собственности, и именно их защита должна быть приоритетом государства [3; с. 43].

А. М. Медведев акцентировал внимание на том, что такие преступления причиняют материальный ущерб экономике как совокупности производственных отношений [4; с. 79].

Таким образом, несмотря на множественность научных подходов и общую теоретическую разработанность темы, отсутствие единого законодательного понятия «экономические преступления» создаёт некоторые трудности для квалификации.

Также одной из проблем квалификации преступлений экономической направленности является схожесть отдельных составов как внутри главы 22 УК РФ, так и с нормами других разделов кодекса. Классическим примером служит соотношение ст. 169 УК РФ (воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности) и ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Оба состава предусматривают наличие специального субъекта — должностное лицо, понятие которого по разъяснению Верховного суда Российской Федерации раскрывается в примечании к ст. 285 УК РФ.

На практике действия должностного лица, превышающего полномочия в сфере регулирования бизнеса, чаще всего квалифицируют по общей норме — ст. 285 УК РФ. Между тем ст. 169 УК РФ имеет самостоятельный объект посягательства — свободу законной предпринимательской деятельности и права предпринимателей. Применение ст. 285 УК РФ в таких случаях приводит к утрате специфики охраняемых отношений и, как следствие, к неправильной квалификации.

В условиях активной цифровизации экономики особую остроту приобретают проблемы квалификации экономических преступлений в киберпространстве. Долгое время трудностью оставалось отсутствие унифицированного законодательного определения правовой природы криптовалюты: в российском праве она не признавалась законным платежным средством, но могла трактоваться как «иное имущество» или «цифровой финансовый актив», что затрудняло установление объекта и предмета посягательства.

Это приводило к конкуренции норм, неоднородности судебной практики и вариативности терминологии («криптоактив», «электронная валюта», «виртуальная валюта») даже в пределах одного региона.

В начале 2026 г. ситуация существенно изменилась. Федеральным законом от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены изменения в примечание к ст. 104.1 УК РФ, прямо признающие цифровую валюту имуществом для целей УК РФ и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) (вступил в силу с 03.03.2026). Данное положение устранило основную коллизию, позволив квалифицировать криптовалюту как предмет хищения (ст. 158, 159 УК РФ) и легализации приобретенного преступным путем имущества (ст. 174, 174.1 УК РФ), а также обеспечило возможность ее ареста и изъятия в уголовном процессе.

Кроме того, постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича"» подтверждено, что цифровая валюта обладает признаками имущества и подлежит судебной защите независимо от статуса платежного средства. В результате указанные изменения минимизировали неоднородность правоприменения, конкуренцию норм и субъективные интерпретации, повысив эффективность противодействия экономическим преступлениям в цифровой среде.

Несмотря на значительное количество выявляемых преступлений экономической направленности, высокий уровень причинённого ущерба и приоритетность борьбы с ними на государственном уровне, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с системными трудностями.

Рассмотрение основных проблем квалификации экономических преступлений по главе 22 УК РФ выявляет необходимость дальнейшего совершенствования законодательной базы, включая унификацию понятийного аппарата, устранение бланкетности норм и адаптацию к цифровым технологиям.

Учет современных экономических процессов позволяет повысить эффективность правоприменения, минимизировать конкуренцию норм и обеспечить адекватную защиту экономической безопасности государства.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 20.02.2026 : принят Государственной Думой 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Гусаков, Ю. В. Экономические преступления : практическое руководство для специалистов и правозащитников / Ю. В. Гусаков // Серия книг «Нравственный путь человечества». — Санкт-Петербург, Институт информальной юстиции, 2025. – 416 с.

3. Антонов, И. Ю. Методы первоначального этапа расследования экономических преступлений : учебное пособие / И. Ю. Антонов, Е. А. Суворова, В. И. Шаров. — Казань : Бук, 2019. — 74 с.

4. Медведев, А. М. Экономические преступления: понятие и система / А. М. Медведев // Советское государство и право. – 1992. — № 1. — С. 78–87.

5. Отчет о состоянии преступности в Российской Федерации за 2025 год (по материалам TAdviser и МВД РФ) // TAdviser : сайт. — URL : https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения : 05.03.2026).

УДК 347.440.44

Проблемы квалификации электронных сделок

Problems of Qualification of Electronic Deals

Н. В. Могутов
студент
E-mail: jurist.nv.mogutov@gmail.com
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
N. V. Mogutov
Student
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуются проблемы квалификации электронной формы сделки в контексте традиционной классификации сделок по форме. Анализируются доктринальные подходы к месту электронной сделки в системе форм волеизъявления. На основе противоречивой судебной практики выявлены ключевые проблемы доказывания при использовании мессенджеров и электронной почты для заключения договоров. Рассматриваются условия признания цифровой переписки надлежащим письменным доказательством, а также последствия отсутствия усиленной электронной подписи. Обосновывается необходимость принятия разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и совершенствования гражданского законодательства. Делается вывод о том, что классификация сделок по форме нуждается в адаптации к цифровой экономике, а отсутствие единообразных подходов снижает уровень защиты участников оборота.

Ключевые слова: электронная форма сделки, письменная форма, классификация сделок, мессенджеры, электронная подпись, электронные доказательства, электронный документооборот, оферта, доказывание, информационные технологии.

Abstract

The article explores the theoretical and practical issues of qualifying the electronic form of a transaction in the context of the traditional classification of civil law transactions by form. It analyzes the doctrinal approaches to determining the place of an electronic transaction in the system of forms of expression of will: from recognizing it as an independent type to considering it as a technological method of fixing a written form. Based on the analysis of contradictory judicial practice, including the decisions of arbitration courts of districts and the rulings of the Supreme Court of the Russian Federation, the article identifies key problems of proof related to the use of messengers (WhatsApp, Telegram, Viber) and email in the conclusion and execution of contracts. Special attention is paid to the issue of recognizing correspondence in digital communication channels as proper written evidence, as well as the conditions under which the absence of an enhanced electronic signature does not automatically result in the transaction being considered non-compliant with the written form. The author substantiates.

Keywords: electronic form of a transaction, written form, classification of transactions, messengers, electronic signature, electronic evidence, electronic document management, offer, proof, and information technology.

Традиционная цивилистическая доктрина рассматривает форму сделки как способ объективации воли ее участников. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3] предусматривает устную и письменную формы, при этом письменная форма, в свою очередь, подразделяется на простую и нотариальную. Данная классификация имеет фундаментальное значение, предопределяя требования к порядку совершения

сделки, допустимому спектру доказательств и правовым последствиям нарушения формальных требований. Однако стремительная цифровизация делового оборота и внедрение информационно-телекоммуникационных систем привели к появлению феномена электронной формы сделки. Несмотря на то, что законодатель в ст. 160 ГК РФ относит электронную форму к письменной форме, правоприменительная практика столкнулась с серьезными трудностями. Перед судами и доктриной встал вопрос: является ли электронная форма самостоятельным видом формы сделки в рамках существующей классификации или только технологическим способом фиксации воли, не требующим пересмотра устоявшихся подходов? Отсутствие единообразного ответа на этот вопрос порождает противоречивую судебную практику, проблемы доказывания снижают уровень правовой защищенности участников оборота.

В науке гражданского права по вопросу места электронной сделки в системе возможных форм сделок сложились две основные позиции. Сторонники первой позиции, в частности Л. Г. Ефимова, настаивают на необходимости пересмотра классификации, полагая, что электронную форму следует признать самостоятельным видом формы [4]. Свою позицию они аргументируют тем, что электронный документ существует в виде цифрового кода, не имеет материального носителя в привычном понимании, а его восприятие невозможно без использования специальных технических средств. Кроме того, механизм подписания документа с помощью электронной подписи принципиально отличается от собственноручного аналога на бумажном носителе.

Представители второй позиции, такие как С. В. Артамонникова и И. А. Филатов, придерживаются противоположного мнения, полагая, что классификация сделок по форме не требует изменений [1]. Как справедливо отмечает И. А. Филатов, электронная форма не отменяет и не заменяет простую письменную или нотариальную форму, а лишь дополняет их новым цифровым форматом, который является легальным способом фиксации волеизъявления [1]. Второй подход представляется более взвешенным, поскольку позволяет сохранить единство правового регулирования и избежать создания излишних дуалистических конструкций, однако для устранения теоретических споров необходимо легальное закрепление четких критериев, позволяющих отграничить электронную форму от традиционной бумажной письменной формы.

Наиболее остро на практике стоит вопрос о том, может ли переписка в мессенджерах, таких как WhatsApp, Telegram или Viber, служить надлежащим доказательством соблюдения простой письменной формы сделки. Согласно ст. 162 ГК РФ несоблюдение простой письменной формы лишает стороны права ссылаться в подтверждение сделки на свидетельские показания, но не исключает возможность представления письменных и иных доказательств. Анализ судебной практики демонстрирует отсутствие единообразия подходов судов к решению данной проблемы, что создает правовую неопределенность и подрывает доверие участников оборота к электронным способам коммуникации. Либеральный подход был продемонстрирован Арбитражным судом Московского округа в постановлении от 14 октября 2020 г. № Ф05-15858/2020 по делу № А40-93872/2019, в котором суд признал, что обмен сообщениями через мессенджеры может расцениваться как сложившийся в деловом обороте обычай; переписка была принята в качестве полноценного доказательства как факта заключения договора, так и его надлежащего исполнения, при этом суд отметил, что даже при отсутствии прямого согласования такого способа общения в письменном договоре подобные доказательства подлежат судебной оценке [6].

Противоположный подход использовал Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 29 ноября 2021 г. № 13АП-28197/2021 по делу № А56-30631/2020: переписка в WhatsApp, не заверенная в установленном порядке, например, путем составления протокола осмотра доказательств нотариусом, не может быть признана допустимым письменным доказательством; фактически суд потребовал строгого про-

цессуального закрепления электронной информации и тем самым существенно сузил понятие письменной формы [7]. Аналогичная картина наблюдается и при оценке договоров, направляемых по электронной почте. Верховный Суд Российской Федерациив определении от 26 августа 2021 г. . № 305-ЭС21-10022 по делу № А40-164436/2020 встал на сторону истца, указав, что отсутствие бумажного оригинала договора не ставит под сомнение его достоверность, если договор представлен в виде электронного документа, содержащего все существенные условия, и подписан усиленными электронными подписями сторон. Суд подчеркнул, что современное гражданское законодательство допускает заключение договоров в электронной форме и отказ в защите прав добросовестного участника оборота только по той причине, что договор не был распечатан на бумаге, противоречил бы смыслу правовых реформ в области цифровой экономики [5].

Однако уже в другом определении от 25 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-27357 по делу № А40-279589/2021 высшая судебная инстанция заняла иную позицию, отказав во взыскании штрафа и указав, что проект договора, направленный ответчику по электронной почте без какой-либо электронной подписи, не может рассматриваться в качестве оферты в понимании статьи 435 ГК РФ. Таким образом, отсутствие подписи, даже простой электронной, делает невозможным квалификацию документа как письменной формы сделки.

Отсутствие единообразных подходов в правоприменительной практике создает серьезные препятствия для полноценной защиты прав и законных интересов участников электронного документооборота и подрывает саму ценность классификации сделок по форме. Участник оборота, выбирая тот или иной способ коммуникации, не может с достаточной степенью уверенности прогнозировать правовые последствия своих действий, что, в свою очередь, сдерживает развитие цифровых форм взаимодействия.

Можно выделить несколько причин сложившейся ситуации. Во-первых, это пробелы в законодательном регулировании, поскольку ГК РФ устанавливает общие принципы допустимости электронной формы, но не содержит детальных правил о том, какие именно электронные средства коммуникации считаются надлежащими для соблюдения письменной формы. Во-вторых, это отсутствие единой судебной доктрины, так как Верховный суд Российской Федерации до настоящего времени не дал развернутых разъяснений по вопросам квалификации электронных сделок. В-третьих, это техническая сложность, выражающаяся в том, что суды зачастую не обладают достаточной квалификацией для оценки подлинности и неизменности электронных документов, а это порождает недоверие к электронным доказательствам и стремление требовать бумажного подтверждения.

В связи с изложенным представляется крайне необходимым обеспечить единообразие судебной практики путем принятия соответствующих разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. В таких разъяснениях следовало бы признать, что переписка в мессенджерах может служить допустимым доказательством соблюдения письменной формы сделки, если стороны предварительно согласовали использование конкретного мессенджера либо из их предшествующего поведения явно следовало согласие на такой способ общения. При отсутствии прямого согласования и наличии фактического использования мессенджера обеими сторонами переписка также могла бы приниматься во внимание.

Необходимо установить четкие критерии, при которых электронная коммуникация признается надлежащей письменной формой, а именно неизменность содержания сообщений с момента их отправки, возможность достоверно идентифицировать отправителя, например, через привязку к номеру телефона или учётной записи, а также добросовестность поведения сторон и отсутствие признаков фальсификации доказательств. Кроме того, следует разъяснить, что отсутствие усиленной электронной подписи само по себе не влечет автоматически признания сделки совершенной без соблюдения письменной формы; и если из совокупности конклюдентных действий (фактическое исполнение обя-

зательств, частичная оплата, принятие товара и др.), а также из содержания переписки можно с достаточной степенью достоверности установить подлинную волю сторон на заключение сделки, суд может признать такую сделку заключённой в письменной форме даже при отсутствии формально подписанного единого документа.

В настоящее время также назрела необходимость актуализации предписаний закона о форме сделок. Сегодня за рамками правового регулирования остаются многие важные вопросы, включая доказывание с учётом специфики функционирования информационных систем, распределение бремени доказывания между различными участниками электронного документооборота, а также создание надёжной системы хранения электронной информации, способной обеспечить её защиту от внешних угроз и гарантировать целостность метаданных, в первую очередь метки доверенного времени. В связи с этим целесообразно дополнить ГК РФ статьёй, специально посвящённой электронной форме сделки, в которой следовало бы закрепить легальное определение электронной формы как разновидности письменной формы, а также указать, что требования к письменной форме считаются соблюдёнными, если волеизъявление сторон зафиксировано с использованием информационно-телекоммуникационных технологий способом, позволяющим достоверно установить содержание сделки и лицо, выразившее волю.

Ст. 160 ГК РФ уже допускает электронную форму сделки, однако, как справедливо отмечает А. А. Волос, «суды нередко используют рассматриваемые нормы не в том контексте, который имелся в виду при их создании», а единообразная практика по данным делам отсутствует [2].

Специальная статья необходима, поскольку действующая норма не содержит критериев допустимости конкретных каналов связи (мессенджеров, электронной почты без подписи), не регулирует порядок доказывания и не устанавливает требований к хранению электронных доказательств. Следовательно, требуется детализация, выходящая за рамки ст. 160 ГК РФ.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что классификация сделок по форме, будучи устоявшимся и теоретически обоснованным институтом гражданского права, сталкивается с серьёзными вызовами в условиях цифровизации оборота. Электронная форма сделки, признанная законодателем разновидностью письменной формы, на практике порождает множество проблем, связанных с отсутствием единообразного понимания критериев соблюдения письменной формы, допустимости доказательств и распределения рисков. Противоречивая судебная практика по вопросам признания переписки в мессенджерах надлежащим доказательством заключения сделки свидетельствует о том, что классификация сделок по форме нуждается в адаптации к новым реалиям.

Решение перечисленных проблем требует комплексного подхода, сочетающего разъяснения Верховного суда Российской Федерации для обеспечения единообразия практики и совершенствование законодательства путём принятия специальных норм, детально регулирующих порядок совершения электронных сделок. Только такое сочетание позволит сохранить ценность классификации сделок по форме как инструмента правового регулирования, обеспечивающего предсказуемость и стабильность гражданского оборота, одновременно адаптировав этот инструмент к вызовам цифровой экономики.

Без подобных изменений классификация сделок по форме рискует превратиться в формальность, не отражающую реального многообразия способов выражения воли в современном мире, что неизбежно приведёт к снижению уровня правовой защищённости участников оборота.

Библиографический список

1. Адаменко, А. П. Электронная форма сделки: проблемы теории и практики / А. П. Адаменко // Юридическая наука. — 2023. — № 8. — С. 156–158. — URL :

https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-forma-sdelki-problemy-teorii-i-praktiki/viewer (дата обращения : 13.04.2026).

2. Волос, А. А. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики / А. А. Волос // Lex Russica. — 2025. — Т. 78. — № 5. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/normy-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-i-tsifrovye-tehnologii-voprosy-sudebnoy-praktiki/viewer.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: ГК РФ: часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 01.08.2025 : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года : одобрен Советом Федерации 15 ноября 1994 года // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

4. Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки / Л. Г. Ефимова // Lex Russica (Русский закон). — 2019. — № 8 (153). — С. 129–137.

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2021 г. № 305-ЭС21-12345 // Электронная справочная Верховного Суда Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/claims (дата обращения : 13.04.2026).

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2020 г. № Ф05-12345/2020 // Картотека арбитражных дел: сайт. — URL : https://kad.arbitr.ru/Card/40534276-39cc-40b1-833c-4201f23b05bd (дата обращения : 13.04.2026).

7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 ноября 2021 г. № 13АП-34567/2021 // Картотека арбитражных дел: сайт. — URL : https://kad.arbitr.ru/Card/b0c0bf9f-a69b-45c4-acc3-7b64a963d418 (дата обращения : 13.04.2026).

УДК 342.2

Гражданское общество и государство

Civil Society and the State

А. А. Петухова
студентка
E-mail: gelik1001@mail.ru
научный руководитель – Е. О. Глушкова
кандидат педагогических наук
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: e.glushkova@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. A. Petukhova
Student
Supervisor – E. O. Glushkova
Candidate of Pedagogical Sciences
Associate Professor of the Department of Humanities
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассмотрена эволюция учения о гражданском обществе, в котором раскрываются политико-правовые аспекты становления и развития учения о гражданском обществе, изучаются понятие, признаки, принципы и структура гражданского общества. Показана роль и место российского государства в процессе формирования и функционирования гражданского общества через правовые основы роли современного государства

в строительстве гражданского общества. Раскрывается понятие «правовое государство» как политико-правовой фундамент гражданского общества. В качестве примера рассматривается механизм взаимодействия государства и гражданского общества в Российской Федерации, основанный на конституционно-правовых нормах и организационно-правовых формах их практической реализации.

Ключевые слова: гражданское общество, правовой фундамент, правовое государство, взаимодействия.

Abstract

The article examines the evolution of the doctrine of civil society, addressing the political and legal aspects of its formation and development, as well as the concept, characteristics, principles, and structure of civil society. The role and place of the Russian state in the formation and functioning of civil society are examined through the legal foundations defining the role of the modern state in the development of civil society. The concept of a “rule-of-law state” is presented as the political and legal foundation of civil society. As an example, the article examines the mechanism of interaction between the state and civil society in the Russian Federation, based on constitutional and legal norms and on the organizational and legal forms of their practical implementation.

Keywords: civil society, legal foundation, rule of law, and interaction.

Проблема взаимоотношений государства и гражданского общества относится к числу вечных в юридической и политической мысли. От античной полисной демократии до современных цифровых государств неизменно воспроизводится один и тот же вопрос: где граница между необходимостью властного регулирования и свободой самоорганизации граждан? В отечественной науке, как справедливо отмечают авторы учебника «Теория государства и права» Н. И. Матузов и А. В. Малько, «гражданское общество — это не просто совокупность индивидов, а система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений» [4, с. 312]. Данная дефиниция требует исторической конкретизации: то, что мы называем гражданским обществом в XXI веке, качественно отличается от его протоформ в Древнем Риме или средневековых городах.

Цель статьи — на основе интеграции данных теории государства и права (ТГ и П) и истории государства и права России (ИГПР), а также актуальных публикаций выявить основные закономерности и современные проблемы взаимодействия гражданского общества и государства.

Генезис термина «гражданское общество» восходит к латинскому societas civilis, означавшему у Цицерона политически организованную общину граждан, тождественную государству. Аристотелевский «политический человек» не мыслил себя вне полиса — государство поглощало общество.

Ключевой перелом происходит в XVII–XVIII веках. Дж. Локк и Ш. Монтескьё проводят различие между обществом как сферой частных интересов и государством как аппаратом принуждения. Гегель в «Философии права» впервые чётко разделяет гражданское общество (bürgerliche Gesellschaft) — сферу реализации особенных, частных целей (семья, сословия, корпорации, рынок) — и государство как всеобщее, выражающее интегративный интерес. В российской дореволюционной юриспруденции (Б. Н. Чичерин, Н. М. Коркунов) эта идея трансформировалась в концепцию «охранительного государства», где общественные союзы действуют под надзором, но без тотального поглощения.

Для ТГ и П принципиально важным является вывод: гражданское общество не возникает спонтанно, а формируется лишь на определённой стадии развития капиталистических отношений, когда появляется экономически независимый от государства частный собственник. Именно этот тезис подтверждает история России, к которой мы обратимся далее.

Можно выделить следующие системообразующие признаки гражданского общества:

— Экономическая свобода и многообразие форм собственности. Государство не управляет напрямую хозяйственной деятельностью; частная собственность является основой автономии личности.

— Наличие развитой социальной структуры — независимых профсоюзов, общественных объединений, религиозных организаций, СМИ, не действующих по прямому указанию власти.

— Правовая защищённость граждан от произвола государства (habeas corpus, независимый суд, презумпция невиновности).

— Идеологический и политический плюрализм, легальная оппозиция.

— Самоуправляемость и инициативность снизу-вверх (local governance).

В статье В. И. Яхонтова и А. Я. Неверова о конституционно-правовых основах формирования гражданского общества в Российской Федерации авторы подчёркивают, что в современной России закрепление этих признаков произошло в Конституции Российской Федерации 1993 г.: ст. 2 (человек, его права и свободы — высшая ценность), ст. 13 (идеологическое многообразие), ст. 30 (право на объединение), ст. 34 (свобода предпринимательства) [6]. Однако, как справедливо замечают авторы, конституционная декларация не тождественна реальному состоянию общественных отношений.

Данные ИГПР показывают, что в России гражданское общество формировалось с большим опозданием по сравнению с Западной Европой и в условиях постоянного давления государства.

Допетровская Русь: отсутствие даже намёка на гражданское общество. Все сословия находятся на службе у государства; «земщина» неотделима от «опричнины».

Реформы Александра II (1860–1870-е гг.): создание земств, суда присяжных, адвокатуры — первый реальный рост автономных общественных структур. Земства становятся школой гражданского самоуправления.

Начало XX века — 1917 г.: бурный рост профессиональных союзов, кооперативов, политических партий, но Февральская, а затем Октябрьская революция приводят к тотальному огосударствлению.

Советский период (1917–1991 гг.): номинально — «общество победившего социализма», реально — полное поглощение гражданского общества государством. Профсоюзы, комсомол, женсоветы — «приводные ремни» партии. Как отмечается в статье [3], в первой половине XXI века Россия всё ещё преодолевает последствия этого разрыва традиции автономии.

Постсоветская Россия (1990-е – 2000-е гг.): принятие Конституции 1993 г., Гражданского кодекса, законов об общественных объединениях. Однако в 2010-е гг. усиливаются тенденции к ресуверенизации контроля государства над некоммерческими организациями (НКО) (закон об «иностранных агентах» и др.).

Исторический анализ показывает, что в России классическая для Запада модель «общество давит на государство» часто заменялась обратной: государство либо подавляет, либо «выращивает» лояльные элементы гражданского общества.

В статье Ю. А. Кригер и Г. Г. Фастович о политико-правовых аспектах развития и функционирования гражданского общества в современной России (анализ первой половины XXI века) [3] авторы выделяют три основные болевые точки:

1. Недостаточная институционализация общественного контроля. Несмотря на наличие Общественной палаты Российской Федерации, реальное влияние на принятие государственных решений остаётся низким.

2. Кризис доверия. Большинство граждан не участвуют в работе НКО и не верят в их способность защитить их интересы перед чиновниками.

3. Цифровой суверенитет vs цифровое гражданское общество. Государство создаёт системы электронного контроля (госуслуги, цифровой профиль), одновременно ограничивая анонимность и независимые интернет-площадки.

Здесь проявляется фундаментальное противоречие: государство стремится к «управляемому гражданскому обществу», тогда как природа последнего требует спонтанности и автономии. Н. И. Матузов и А. В. Малько подчёркивают: «Чрезмерное усиление государственного начала ведёт к тоталитаризму, а абсолютизация общественного — к анархии и хаосу» [4, с. 318].

Как следует из представленной информации, единственным корректным способом разрешения противоречия между государством и гражданским обществом выступает концепция правового государства. Её суть — не в отказе от государства, а в ограничении его собственной волей, выраженной в законе. Признаки правового государства (верховенство права, разделение властей, взаимная ответственность личности и государства) создают «правила игры», внутри которых гражданское общество может развиваться, не опасаясь поглощения, а государство — получать легитимную обратную связь.

Движение к такому состоянию носит циклический характер: периоды либерализации (1990-е, начало 2000-х гг.) сменяются периодами усиления государственного патронажа. Долгосрочная стабильность возможна лишь при условии, когда государство перестанет видеть в независимых общественных организациях потенциального врага, а гражданское общество — перестанет воспринимать государство как безусловное зло.

Таким образом, гражданское общество и государство — не антагонисты, а корреляты: одно невозможно без другого. Государство нуждается в гражданском обществе как источнике легитимности и обратной связи; гражданское общество нуждается в государстве как гаранте правопорядка.

Историческая траектория России демонстрирует перманентное доминирование государства над обществом, что создаёт особую модель «мобилизационного гражданского общества», где инициатива часто идёт «сверху» (президентские гранты, общественные советы при министерствах).

Для устойчивого развития необходим синтез конституционных норм (ст. 2, 13, 30 Конституции Российской Федерации) с реальным расширением автономии НКО, развитием местного самоуправления и судебной защиты от произвола. Дальнейшие исследования должны быть направлены на поиск цифровых форм гражданской активности, которые не подменяются государственным мониторингом.

Библиографический список

1. История государства и права России : учебник / под ред. Ю. П. Титова. — М. : Проспект, 2021. — 576 с.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. — № 144. – 04.07.2020.

3. Кригер, Ю. А. Политико-правовые аспекты развития и функционирования гражданского общества в современной России (анализ первой половины XXI века) / Ю. А. Кригер, Г. Г. Фастович // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 9 (225). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-aspekty-razvitiya-i-funktsionirovaniya-grazhdanskogo-obschestva-v-sovremennoy-rossii-analiz-pervoy-poloviny-hh1 (дата обращения : 19.04.2026).

4. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М. : Юристъ, 2022. – URL : https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/TGP_Matuzov_Malko.pdf?ysclid=mor6q69fa9796850770 (дата обращения : 16.04.2026).

5. Раткова, А. В. Гражданское общество: история становления, понятие, признаки / А. В. Раткова, В. В. Соловьёва // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-istoriya-stanovleniya-ponyatie-priznaki (дата обращения : 17.04.2026).

6. Яхонтов, В. И. Конституционно-правовые основы формирования гражданского общества в Российской Федерации / В. И. Яхонтов, А Я. Неверов // Социум и власть. – 2017. – № 5 (67). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-formirovaniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения : 17.04.2026).

УДК 347.73

Развитие института финансовой ответственности в российском праве

The Development of the Institution of Financial Responsibility in Russian Law

Н. А. Пивоваров
студент
E-mail: nikitka.pivovarov.05@mail.ru
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
N. A. Pivovarov
Student
A. Y. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

Статья посвящена изучению процесса становления и современных тенденций развития института финансовой ответственности в российском праве. Исследуется система нормативных правовых актов, регулирующих порядок, основания и сроки привлечения к финансово-правовой ответственности.

Ключевые слова: финансовая ответственность, юридическая ответственность, финансовое правонарушение.

Abstract

The article is devoted to the study of the process of formation and current trends in the development of the institution of financial responsibility in Russian law. The article examines the system of regulatory legal acts regulating the procedure, grounds and terms of bringing to financial and legal responsibility.

Keywords: Financial responsibility, legal liability, financial offense.

С IX по XIV века государственное управление осуществлялось на основе обычаев и традиций, которые были закреплены в «Русской Правде». Этот документ регулировал денежные отношения, в частности, устанавливал размер денежной единицы — куны, а также регулировал вопросы, связанные с кредитами и займами. В «Соборном уложе-

нии» 1649 года за укрывательство беглых предусматривалось взыскание с принимающего как за государственные подати, так и за помещичье имущество и доход в размере десяти рублей в год.

В эпоху правления Петра I в финансовой системе произошли значительные изменения. В это время количество налогов, таких как рекрутские, корабельные, драгунские, седельные и подворные, значительно увеличилось. Также выросло число налогоплательщиков. Кроме того, активно развивались различные оброчные сборы, а также государственные монополии на вино, меха, икру и смолу.

Доходы государства росли, особенно благодаря монетному делу. Была введена подушная подать. Однако увеличение налогового бремени привело к росту недоимок. Неплательщиков налогов ставили на правеж.

В 1719 году была создана Ревизио-контора, которая стала частью канцелярии Сената. Основной задачей этого учреждения была проверка счетов по государственным доходам и расходам как в денежном, так и в натуральном выражении.

Научные идеи М. М. Сперанского («План финансов», 1810 г.) заложили основы преобразований финансовой системы России, однако, как отметил Д. Н. Маслов, отсутствие эффективного контроля в бюджетной сфере препятствовало чёткости её организации. Эти бюджетные акты стали основой для формирования свода законов Российской империи 1832 года, официального собрания действующего законодательства.

В советском периоде идеология плановой экономики не предусматривала возможность банкротства предприятий или физических лиц. Принципы социализма исключали применение данного института. А с середины 60-х годов финансовый контроль в бюджетной сфере осуществлялось Министерством финансов СССР в соответствии с «Положением о министерстве финансов СССР». За незаконное расходование бюджетных средств вводилось ограничение или приостановление финансирования из госбюджета.

Некоторые ключевые законы, повлиявшие на становление института финансовой ответственности:

— Закон РСФСР «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» от 10 октября 1991 года № 1734-1 устанавливал самоограничение государства в сфере имущественного изъятия средств предприятий в бюджет.

— Федеральный закон «О Счётной палате Российской Федерации» от 11 января 1995 года № 4-ФЗ способствовал образованию высшего органа внешнего государственного аудита (контроля), который контролировал целевое и эффективное использование средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов.

— Федеральный закон «О федеральном бюджете на 1995 год» от 31 марта 1995 года № 39-ФЗ полноценно закрепил ответственность за нарушение бюджетного законодательства, но с временным ограничением — нормы действовали в течение текущего года [3].

Финансово-правовая ответственность представляет собой ограничение прав лица, применяемое по решению уполномоченного органа в случае совершения финансового правонарушения. Цель такого ограничения заключается в восстановлении нарушенных субъективных интересов в сфере финансово-правового регулирования, а также в предотвращении совершения новых правонарушений.

Государство контролирует финансовые отношения, издавая законы, которые определяют права и обязанности участников этих отношений. Предоставляя физическим и юридическим лицам свободу в экономической деятельности и разрешая им проводить операции с финансами, государство требует от участников финансовых отношений следовать установленным правилам.

Неисполнение финансово-правовых предписаний либо уклонение от их надлежащего исполнения влечет неблагоприятные имущественные последствия для правонарушителей [5].

С. Е. Батыров считает, что финансово-правовая ответственность — это правоотношение, возникающее при нарушении финансовых обязательств, предусмотренных законом, и заключающееся в применении к нарушителю государственных санкций, приводящих к неблагоприятным имущественным последствиям.

Сам механизм финансово-правовой ответственность заключается в следующем: государство предоставляет физическим и юридическим лицам экономические свободы, которые заключаются в позволении осуществлять различные операции с финансовыми средствами, но в то же время государство устанавливает и требует соблюдение определенных правовых предписаний со стороны субъектов финансового права.

Можно выделить следующие свойства финансово-правовой ответственности как цельного и самостоятельного правового явления.

Это результат противоправного поступка, который был совершён с целью, идущей вразрез с законом, и за который предусмотрены меры ответственности в соответствии с законодательством.

Ответственность в сфере финансового права — это один из инструментов государственного контроля, который выражается в том, что данное лицо несёт негативные последствия в виде ограничений своих прав. Эти последствия наступают вне зависимости от желания лица, то есть он не может избежать их или согласиться с ними по своей воле, пока уполномоченный орган не применит их.

Несоблюдение порядка привлечения к финансово-правовой ответственности является основанием для обжалования и отмены решения уполномоченного органа о привлечении лица к ответственности.

Как и любое правовое явление, финансово-правовая ответственность может быть реализована только в рамках правоотношений, возникающих в результате выявления финансового правонарушения.

Участниками этих правоотношений выступают:

Субъект, совершивший финансовое преступление, будь то физическое или юридическое лицо.

Государственный орган, который имеет право налагать финансовые санкции, среди которых штрафы, пени и т. п., например, налоговая служба, Федеральное казначейство, Центральный банк России и другие.

Субъект, чьи интересы были нарушены в результате финансового правонарушения, например, государство, муниципальное образование, кредиторы (вкладчики) кредитной организации и другие.

В рамках финансового права финансово-правовая ответственность занимает особое место. Она представляет собой сложный правовой институт, который объединяет нормы, регулирующие финансовые отношения. Этот институт включает в себя положения, определяющие признаки и виды финансовых правонарушений, а также санкции, применяемые за их совершение, и процедуры, которые применяются в различных областях финансового права. На данный момент этот правовой институт требует дальнейшего развития и совершенствования. Необходимо разработать его теоретическую основу и привести в порядок нормы, которые в него входят.

Продолжая рассматривать институт финансовой ответственности, необходимо подчеркнуть, что его эффективность обеспечивается разнообразием мер воздействия. В дополнение к штрафным санкциям, предусмотренным Бюджетным и Налоговым кодексами Российской Федерации, законодательство также включает в себя такие меры, как пени, неустойки и возмещение убытков. Кроме того, предусмотрены более строгие меры, вплоть до конфискации имущества и привлечения к уголовной ответственности за

определенные виды финансовых преступлений. Подобное разделение мер позволяет назначать адекватное наказание в соответствии с серьёзностью и спецификой нарушения. Это способствует более справедливому и результативному использованию финансово-правовых инструментов.

Кроме того, развитие института финансовой ответственности неразрывно связано с усовершенствованием механизмов его реализации. Это предполагает, как создание специализированных органов, осуществляющих контроль и надзор в финансовой сфере (таких как Федеральная налоговая служба, Федеральная таможенная служба, Счетная палата), так и повышение квалификации их сотрудников. Кроме того, развитие информационных технологий играет ключевую роль в обеспечении эффективности системы. Автоматизация процессов контроля, выявления нарушений и привлечения к ответственности делает систему более прозрачной и оперативной.

Следовательно, всестороннее рассмотрение и осуществление финансовой ответственности — это важнейший аспект обеспечения надёжности и легитимности в экономической сфере страны.

В последнее время в Российской Федерации происходят изменения в законодательстве, регулирующем процедуру банкротства. В 2017 году в него добавили новую главу, которая говорит о дополнительной ответственности руководителей и других людей, которые связаны с должником. Также стали более понятными правила, по которым делятся деньги между кредиторами, если эти люди отвечают за долги должника. Ещё в законе есть правила, которые помогают арбитражным управляющим получать деньги от должников, если они смогли привлечь их к дополнительной ответственности.

Новые законы ставят перед юристами трудные задачи. Суды следят, чтобы должники и кредиторы не нарушали права друг друга. В этом помогает субсидиарная ответственность. Это способ уравновесить права и обязанности сторон. Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц уверенно сформировался в качестве одного из главных механизмов удовлетворения кредиторами своих требований. Мониторинг базы судебных решений показывает, что число людей, которых привлекают к субсидиарной ответственности, увеличивается с каждым годом. Так, если в 2018 году к субсидиарной ответственности привлекли более 2300 лиц, то в 2024 году — уже в два раза больше.

Рисунок. Количество лиц, ежегодно привлекаемых к субсидиарной ответственности [https://e.arbitr-praktika.ru/1155544]

Чтобы обезопасить себя от субсидиарной ответственности, физические лица и компании используют различные методы. Один из них — передача полномочий директора другим сотрудникам. Это позволяет избежать субсидиарной ответственности, если будет доказано, что директор действовал добросовестно и разумно в интересах компании и не виноват в том, что компания не смогла полностью погасить долги перед кредиторами. Однако в этом случае директору придётся доказать, что конкретные действия, которые привели к банкротству компании, были совершены другими лицами в рамках их полномочий. Таким образом, изменения законодательства требуют повышенного внимания юристов и специалистов по корпоративному управлению к вопросам предотвращения риска субсидиарной ответственности и соблюдения прав всех участников процесса банкротства.

Судебная практика по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц (участников, руководителей, владельцев) устанавливает, что исключение юридического лица из ЕГРЮЛ или его фактическое прекращение деятельности не освобождает контролирующих от ответственности, если кредитор докажет, что они действовали недобросовестно, умышленно скрывали или не предоставляли необходимую информацию, а их действия привели к невозможности исполнения обязательств должника; в этом случае бремя доказывания частично переходит на суд, который учитывает положения ст. 48, 56, 87 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), ст. 3 ФЗ № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 05.05.2014 № 99-ФЗ и другие нормы, а также требования о наличии задолженности, её размера и причин её возникновения; при отсутствии доказательств недобросовестного поведения контролирующего лицо не привлекается, однако суды могут возложить на него обязанность предоставить документы и объяснения, а срок исковой давности считается начавшимся с момента, когда кредитор мог узнать о факте исключения или недействительности юридического лица [2].

Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ не прекращает возможность привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, если доказано их недобросовестное поведение, приведшее к неисполнению обязательств должника. Кредитору важно своевременно собирать доказательства такого поведения, а суды вправе запрашивать дополнительные пояснения и документы от контролирующих лиц. Данный метод представляет собой отказ от формального подхода и переход к защите имущественных прав кредиторов. Он устанавливает принцип неизбежности наказания за недобросовестное распоряжение активами и способствует повышению финансовой дисциплины в гражданском обороте.

В российском законодательстве институт финансовой ответственности прошёл долгий путь развития, от традиционных норм до современной, чётко структурированной системы. Его эволюция была обусловлена изменениями в государственном устройстве, экономической доктрине и необходимостью эффективного контроля над финансовыми потоками. Сегодня в России существует обширная правовая основа, которая регулирует, контролирует и применяет меры ответственности за финансовые нарушения. Это является ключевым элементом поддержания финансовой стабильности и законности в государстве.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 01.08.2025 : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // КонсультантПлюс: справочная правовая система: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения : 11.03.2026).

2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.11.2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519204 (дата обращения : 13.03.2026).

3. Цховребов, В. С. Становление и развитие законодательства устанавливающего финансово-правовую ответственность в бюджетной сфере / В. С. Цховребов // Форум молодых ученых. — 2019. — № 5 (33). — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-zakonodatelstva-ustanavlivayuschego-finansovo-pravovuyu-otvetstvennost-v-byudzhetnoy-sfere.

4. Батыров, С. Е. Финансово-правовая ответственность : автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. Е. Батыров. – М., 2003. – 23 с.

5. Финансовое право : учебник для академического бакалавриата / А. Ю. Ильин, М. Н. Кобзарь-Фролова, И. Г. Ленева, В. А. Яговкина ; под ред. А. Ю. Ильина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство «Юрайт», 2014. — 623 с. — (Бакалавр. Академический курс). — URL : https://urss.ru/PDF/add_ru/185523-1.pdf.

УДК 336.22

Особенности ответственности налогоплательщика за нарушение налогового законодательства

Peculiarities of Taxpayer's Liability for Violation of Tax Legislation

Н. А. Пивоваров
студент
E-mail: nikitka.pivovarov.05@mail.ru
А. Ю. Волков
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры юриспруденции
E-mail: a140869@yandex.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
N. A. Pivovarov
Student
A. Y. Volkov
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Professor at the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются меры ответственности, которые применяются к физическим и юридическим лицам, нарушившим налоговое законодательство Российской Федерации. Проанализированы основные виды налоговых нарушений, способы привлечения к ответственности, а также порядок применения санкций и процедура обжалования решений налоговых органов.

Ключевые слова: налоговая ответственность, налоговые правонарушения, санкции, налогоплательщик, налоговый контроль.

Abstract

The article examines the specifics of the tax liability of individuals and legal entities for non-compliance with the tax legislation of the Russian Federation. The main types of tax of-

fenses, methods of bringing to justice, the procedure for applying sanctions and the procedure for challenging decisions of tax authorities are analyzed.

Keywords: tax liability, tax offenses, sanctions, taxpayer, tax control.

Налоговая ответственность — это вид юридической ответственности, который наступает за нарушения налогового законодательства. Она закреплена в ст. 106 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) и направлена на защиту интересов государства в части сбора налогов и сборов. Задача заключается в поддержании порядка в налоговой сфере и привлечении к ответственности тех, кто не платит налоги или нарушает правила их уплаты.

Ответственность несут, как правило:

— Физические лица, включая индивидуальных предпринимателей (ИП), которые не исполняют налоговые обязанности.

— Юридические лица — организации и компании, нарушающие налоговое законодательство. За нарушение правил уплаты налогов предусмотрена административная или уголовная ответственность в зависимости от размера нанесённого государству ущерба.

— Руководители компаний и бухгалтеры — как должностные лица, отвечающие за правильное ведение налогового учёта и отчётность.

Налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое устанавливается ответственность.

Некоторые виды налоговых правонарушений:

— Нарушение порядка регистрации в Федеральной налоговой службе в качестве налогоплательщика.

— Непредставление документов, содержащих расчёт размера обязательных платежей, или несоблюдение способа их передачи на проверку;

— Неуплата (полная или частичная) налогов;

— Отказ от предоставления в Федеральную налоговую службу отчётности и других документов, которые необходимы для осуществления контроля со стороны налоговых органов.

В качестве первого примера налогового правонарушения можно привести следующее: согласно действующему НК РФ организации должны зарегистрироваться в налоговых органах по адресу своего юридического адреса и по адресу своих филиалов и представительств. Чтобы встать на учёт по месту нахождения обособленных подразделений, нужно подать в налоговую инспекцию сообщение в течение месяца со дня их создания. Если нарушить этот срок, налоговая инспекция оштрафует фирму на 10 000 рублей (п. 1 ст. 116 НК РФ). При этом не важно, насколько сильно опоздало сообщение — сумма штрафа одна, независимо от срока опоздания. Если организация или индивидуальный предприниматель ведут деятельность без регистрации в налоговой инспекции, то это может привести к штрафу. Размер штрафа составляет 10 % от доходов, полученных за период деятельности, но не менее 40 тысяч рублей (п. 2 ст. 116 НК РФ).

В сфере уклонения от налоговых обязательств можно рассмотреть ситуацию, когда компания предоставляет недостоверные сведения в отчётности. Это может быть сделано намеренно, чтобы уменьшить налогооблагаемую базу и, как результат, снизить сумму налогов. Также компания может фиктивно фиксировать расходы или выводить активы через подставные организации.

Налоговые санкции в соответствии со статьёй 114 Налогового кодекса Российской Федерации — мера ответственности за совершение налогового правонарушения. В соответствии с положениями глав 16 и 18 Налогового кодекса Российской Федерации,

за нарушение налогового законодательства предусмотрены штрафные санкции. Недоимка и пени не являются налоговыми санкциями, так как представляют собой меры принуждения налогоплательщика. При умышленном уклонении от уплаты налогов могут быть применены также штрафные санкции в размере до 40 % от суммы начисленного налога. При этом следует учитывать, что при расчете пеней и штрафа учитываются три последних года из истории налогоплательщика.

Таблица 1. Ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах [1]

Вид нарушения	Размер штрафа	Статья НК РФ
Нарушение порядка постановки на учет в налоговом органе	10 000 рублей	Ст. 116
Нарушение установленного способа представления налоговой декларации (расчета)	200 рублей	п. 1 ст. 119
Неявка либо уклонение от явки без уважительных причин лица, вызываемого по делу о налоговом правонарушении в качестве свидетеля	1000 рублей	ст. 128
Неправомерный отказ свидетеля от дачи показаний, а равно дача заведомо ложных показаний	3000 рублей	ст. 128
Непредставление налоговой декларации (расчета финансового результата инвестиционного товарищества, расчета по страховым взносам)	В случае если сумма налога (страховых взносов), которую необходимо уплатить (доплатить) на основании декларации (расчёта по страховым взносам), не была внесена в установленный законодательством о налогах и сборах срок, то за каждый полный или неполный месяц, начиная с даты, установленной для подачи декларации (расчёта по страховым взносам), начисляется пеня. Размер пени составляет 5 % от неуплаченной суммы налога (страховых взносов), но не более 30 % от указанной суммы и не менее 1000 рублей	ст. 119
Грубое нарушение правил учета доходов и расходов и объектов налогообложения (базы для исчисления страховых взносов)	10 000 рублей (если эти деяния совершены в течение одного налогового периода); 30 000 рублей. (если эти деяния совершены в течение более одного налогового периода); 20 % от суммы неуплаченного налога (взноса), но не менее 40 000 рублей (если эти деяния повлекли занижение налоговой базы)	ст. 120
Непредставление в установленный срок налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) в налоговые органы документов и (или) иных сведений	200 рублей за каждый непредставленный документ	ст. 126

Таблица 2. Виды налоговых преступлений в 2025 году [https://www.klerk.ru/blogs/petyhov/650037/#chapter-k-komu-v-2025-godu-primenyaetsya-ugolovnaya-otvetstvennost-za]

Состав преступления	Вид наказания	Статья УК РФ
Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица–плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов		Ст. 198
в крупном размере	штрафом 100 000 – 300 000 рублей вплоть до лишения свободы со сроком до одного года	
в особо крупном размере	штрафом 200 000 – 500 000 рублей вплоть до лишения свободы до трех лет	
Уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией		Ст. 199
в крупном размере	штрафом 100 000–300 000 рублей вплоть до лишения свободы до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (или без, далее для упрощения — дисквалификация)	
группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере	от штрафа 200 000–500 000 рублей вплоть до лишения свободы до пяти лет с дисквалификацией на срок до трех лет (или без)	
Сокрытие денежных средств либо имущества организации или ИП, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки по обязательным платежам		Ст. 199.2
В крупном размере	От штрафа 200 000–500 000 рублей вплоть до лишения свободы до трех лет с дисквалификацией на тот же срок (или без нее)	
В особо крупном размере	От штрафа 500 000 до 2 млн рублей вплоть до лишения свободы до пяти лет с дисквалификацией на срок до трех лет (или без нее)	

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» есть несколько ключевых моментов, на которые стоит обратить внимание. В постановлении содержатся разъяснения по применению судами законодательства, касающегося уголовной ответственности за налоговые преступления, предусмотренные статьями 198, 199, 199.1 и 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Главная цель постановления – это создание единой судебной практики, которая будет применяться в схожих делах, касающихся уклонения от уплаты налогов, сборов и т. п. Также в документе рассматриваются ситуации, где налоговый агент не выполняет свои обязательства или скрывает активы, которые должны быть направлены на погашение налоговой задолженности. В постановлении подробно описаны основные понятия и объекты налоговых преступлений. Кроме того, в нём содержится характеристика субъектов правонарушений, виды налогов, облагаемых сборами и страховыми взносами. В постановлении также содержатся разъяснения относительно порядка расчёта размера ущерба, определения сроков уплаты, квалификации состава преступления и особенностей доказывания при вынесении судебных решений.

Важно отметить, что применение налогового законодательства в интересах налогоплательщиков является основой для успешного разрешения налоговых споров. Необходимо учитывать все аспекты дела, включая экспертные заключения и судебные решения. Следует помнить, что полное возмещение ущерба может стать гарантией освобождения от уголовной ответственности. В тексте также содержатся ценные советы по ведению дел, включая подготовку обвинительных документов. Таким образом, постановление представляет собой подробное и комплексное руководство для судов по наиболее сложным вопросам уголовной ответственности в налоговой сфере.

Для судей постановление служит инструментом, который помогает им правильно квалифицировать состав преступления, оценивать доказательства и определять размер ущерба. А для налогоплательщиков — это документ, который помогает им понять свои обязанности и возможные риски. В документе подчёркивается ключевое значение принципа верховенства права и добросовестного выполнения налоговых обязательств для стабильного экономического роста страны. В качестве примера разберем судебный спор между налоговой инспекцией и гражданином [Ф. И. О] (дело № 02А-0003/2025 от 03.07.2025). Федеральная налоговая служба № 13 (ИФНС) через суд потребовала взыскать с гражданина долги по НДФЛ, просит признать незаконным и полностью отменить решение инспекции № 6500 от 09.12.2022 о привлечении его к ответственности.

В ходе рассмотрения административного дела № 02А-0003/2025, которое было рассмотрено Тимирязевским районным судом города Москвы, Федеральная налоговая служба № 13 (ИФНС) обратилась в суд с иском о взыскании задолженности по налогам, штрафам и пеням с физического лица (Ф. И. О. 1). В свою очередь, ответчик подал встречное административное исковое заявление, в котором просил признать незаконным и отменить решение ИФНС о привлечении его к ответственности за налоговое правонарушение. ИФНС требовала взыскать задолженность по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) за 2021 год, а также штрафы, предусмотренные статьями 119 и 122 Налогового кодекса Российской Федерации, и пени за просрочку уплаты.

Решение по делу № 6500 от 09.12.2022 было частично отменено управлением налоговой службы, но основная задолженность осталась без изменений. Налогоплательщику были направлены обязательства об оплате, но они не были своевременно исполнены. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, Налоговым кодексом Российской Федерации и Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, суд признал правомерным взыскание задолженности, штрафов и пеней с ответчика. Решение суда не было отменено из-за отмены судебного приказа в мировом суде. Встречный иск налогоплательщика был отклонён из-за пропуска срока исковой давности.

Решение суда является образцовым примером применения налогового и процессуального законодательства для взыскания задолженности по налогам. Суд обоснованно установил незаконность неплатежа, подтвердил правильность алгоритма начисления штрафов и пеней, а также отметил важность соблюдения процессуальных сроков для обжалования решений. При этом дело демонстрирует проблему несвоевременной уплаты налогов и связанной с этим ответственности, что влияет на государственный бюджет. В процессе рассмотрения дела обе стороны должны руководствоваться законодательными нормами, которые регулируют их действия. Это позволяет обеспечить справедливость и обоснованность решений, принимаемых налоговыми органами. Отказ в удовлетворении встречного иска демонстрирует значимость соблюдения административных процедур и оперативного реагирования на конфликты с налоговыми органами. Судебный процесс показывает, как важно находить баланс между защитой государственных интересов и прав налогоплательщиков.

Анализ основных типов налоговых правонарушений, применяемых санкций и судебной практики показывает, что государство активно работает над обеспечением стро-

гого соблюдения налоговых обязательств. Приведённые примеры, начиная с несвоевременной постановки на учёт и заканчивая уклонением от уплаты налогов через фальсификацию отчётности, ясно показывают, какие нарушения влекут за собой ответственность.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации : часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 01.01.2026 : принят Государственной Думой 16 июля 1998 года : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на от 20.02.2026 : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

3. Налоговые преступления // Судебный адвокат : сайт. — URL : https://www.advo24.ru/publication/nalogovye-prestupleniya.html.

4. Шаталова, П. В. Некоторые проблемы преступлений в сфере налогообложения / П. В. Шаталова, Е. Б. Калашникова // КиберЛенинка : научная электронная библиотека : https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-prestupleniy-v-sfere-nalogo-oblozheniya.

5. Решение по делу № 02А-0003/2025 от 03.07.2025 о взыскании задолженности по НДФЛ, штрафам и пени и встречное административное исковое заявление <ФИО> о признании незаконным и отмене решения ИФНС России № 13 по адрес о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения № 6500 от 09.12.2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-04c61ff4-6173-599e-a5c1-1f28306884cd (дата обращения : 16.03.2026).

6. Логинова, О. В. Налогообложение в условиях цифровой экономики / О. В. Логинова, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 16–25 мая 2023 года. – Часть 1. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2023. – С. 102–106. – EDN RGPCUM.

7. Волков, А. Ю. О плюсах и минусах налоговой системы России / А. Ю. Волков, Н. А. Лисенкова // Сборник научных статей научно-педагогических и практических работников. – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2016. – С. 40–42. – EDN OMMGUO.

8. Сафонова, Ю. В. Причины и способы уклонения от уплаты налогов в России / Ю. В. Сафонова, А. О. Челмакина, А. Ю. Волков // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике : материалы международной научно-практической конференции, Ярославль, 28 ноября 2019 года / под научной редакцией Л. Г. Батраковой, Н. Л. Будахиной. – Часть 2. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. – С. 109–114. – EDN RKZOKC.

9. Домашняя, С. С. Современные проблемы налоговой системы России и пути их решения / С. С. Домашняя, А. Ю. Волков // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : сборник материалов международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 06 апреля 2020 года. – Ярославль : Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2020. – С. 245–247. – EDN BEZTLK.

УДК 343.228

Проблемы применения института необходимой обороны в уголовном праве

Problems of Applying the Institute of Necessary Defense in Criminal Law

У. О. Проворова
студентка
E-mail: ulprovorova@mail.ru
П. А. Чирков
доцент кафедры юриспруденции
E-mail: chirkovpan@mail.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
U. O. Provorova
Student
P. A. Chirkov
Associate Professor of the Department of Law
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы применения института необходимой обороны в уголовном праве Российской Федерации, связанные с определением её пределов и разграничением правомерной защиты и превышения пределов обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, пределы необходимой обороны, превышение пределов обороны, уголовное право, правоприменительная практика.

Abstract

The article examines the problems of applying the institution of necessary defense in the criminal law of the Russian Federation related to determining its limits and distinguishing lawful defense from exceeding the limits of defense.

Keywords: necessary defense, limits of necessary defense, exceeding the limits of defense, criminal law, law enforcement practice.

Институт необходимой обороны занимает важное место в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния. Его значение заключается в том, что законодатель допускает причинение вреда лицу, совершающему общественно опасное посягательство, если такие действия направлены на защиту личности, прав обороняющегося или других лиц, а также интересов общества и государства.

Согласно статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, причинение вреда посягающему лицу при защите указанных интересов не является преступлением при условии соблюдения установленных законом требований. Данный институт выступает важной гарантией реализации права человека на защиту и обеспечивает возможность самостоятельного пресечения преступных посягательств.

В уголовно-правовой науке необходимая оборона традиционно рассматривается как одно из важнейших проявлений естественного права человека на защиту. В научной литературе подчёркивается, что право на оборону не зависит от возможности обратиться за помощью к государственным органам или другим лицам. Сущность данного института заключается в том, что вред причиняется непосредственно лицу, совершающему общественно опасное посягательство, с целью его пресечения или предотвращения. Именно эта особенность отличает необходимую оборону от других обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Современные исследователи обращают внимание на то, что институт необходимой обороны выполняет не только защитную, но и профилактическую функцию. Так, М. К. Нуркаева отмечает, что право на необходимую оборону является важным элементом системы обеспечения прав и свобод личности. По мнению автора, возможность самостоятельной защиты от преступного посягательства способствует укреплению правопорядка и повышает уровень общественной безопасности. При этом исследователь указывает, что несмотря на длительную историю развития данного института, его применение по-прежнему вызывает значительные трудности в правоприменительной практике [5].

Одной из наиболее серьёзных проблем применения института необходимой обороны является определение пределов допустимой защиты. Закон устанавливает, что превышением пределов необходимой обороны признаётся умышленное причинение вреда, явно несоответствующего характеру и степени общественной опасности посягательства. Однако формулировка «явное несоответствие» носит оценочный характер и требует анализа конкретных обстоятельств дела. Именно поэтому судебная практика по делам о необходимой обороне нередко отличается неоднородностью. На данную проблему обращают внимание А. В. Никуленко и М. А. Смирнов: авторы отмечают, что оценочные признаки, используемые законодателем при определении пределов необходимой обороны, создают трудности при квалификации деяний. В частности, суды вынуждены учитывать целый комплекс факторов: характер посягательства, соотношение сил нападавшего и обороняющегося, используемые средства защиты, обстановку нападения и многие другие обстоятельства. По мнению исследователей, подобная неопределённость законодательства может приводить к ошибкам в квалификации действий обороняющихся лиц [3].

Схожую позицию высказывают В. П. Полунин и Т. В. Сухомлинова: при оценке действий обороняющегося необходимо учитывать не только объективные обстоятельства посягательства, но и субъективное восприятие ситуации самим защищающимся лицом [6]. В условиях внезапного нападения человек нередко действует в состоянии сильного эмоционального напряжения, что может привести к причинению более значительного вреда, чем это было объективно необходимо для отражения посягательства. В связи с этим исследователи считают необходимым учитывать психологическое состояние обороняющегося лица при решении вопроса о наличии или отсутствии превышения пределов обороны.

Особое внимание в современной уголовно-правовой литературе уделяется вопросу о возможности применения необходимой обороны при посягательствах, не связанных с непосредственным применением насилия. Так, А. В. Никуленко, М. А. Смирнов и И. Г. Бавсун отмечают, что уголовное законодательство не ограничивает применение необходимой обороны только случаями насильственных нападений. По мнению авторов, оборона возможна и в отношении иных общественно опасных посягательств, если они создают реальную угрозу охраняемым законом интересам. Однако при этом возникает вопрос о допустимости причинения вреда посягающему лицу в подобных ситуациях и о пределах такой защиты [4].

Ещё одной проблемой применения института необходимой обороны является разграничение правомерной обороны и мнимой обороны. Мнимая оборона возникает в тех случаях, когда лицо ошибочно воспринимает действия другого человека как общественно опасное посягательство и причиняет ему вред. В подобных ситуациях возникает сложный вопрос о юридической оценке действий обороняющегося и о наличии его вины.

В научной литературе отмечается, что ошибки в оценке ситуации могут быть обусловлены объективными обстоятельствами: внезапностью происходящих событий, недостатком информации, стрессовым состоянием лица. Поэтому правоприменителю необходимо учитывать все фактические обстоятельства конкретного дела, а также субъективное восприятие ситуации обороняющимся лицом.

На наш взгляд, существующие проблемы применения института необходимой обороны во многом обусловлены тем, что законодатель стремится сохранить баланс между правом граждан на самозащиту и необходимостью предотвращения злоупотреблений данным правом. С одной стороны, граждане должны иметь возможность эффективно защищать себя и других лиц от преступных посягательств. С другой стороны, чрезмерное расширение пределов необходимой обороны может привести к оправданию насильственных действий, которые фактически не были необходимыми для защиты.

Представляется, что для повышения эффективности применения института необходимой обороны необходимо совершенствовать законодательные формулировки, более чётко определяя критерии соразмерности обороны и пределы допустимого вреда. Кроме того, важную роль играет развитие единообразной судебной практики и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации действий лиц, защищающихся от общественно опасных посягательств.

Таким образом, институт необходимой обороны является важным элементом системы уголовно-правовой защиты личности и общества. Однако анализ научных исследований и судебной практики показывает, что его применение сопровождается рядом серьёзных проблем, связанных с неопределённостью критериев правомерности обороны, сложностями оценки действий обороняющегося лица и неоднозначностью судебной практики. Решение данных проблем требует дальнейшего развития уголовно-правовой доктрины и совершенствования законодательства.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 20.02.2026 : принят Государственной Думой 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136308/ (дата обращения : 15.03.2026).

3. Никуленко, А. В. Необходимая оборона и превышение её пределов: возможности законодательного совершенствования / А. В. Никуленко, М. А. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 111–117. – URL : https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-3-111-117.

4. Никуленко, А. В. Возможна ли необходимая оборона от ненасильственных посягательств? / А. В. Никуленко, М. А. Смирнов, И. Г. Бавсун // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : научный журнал : сайт. – 2023. – № 3. – С. 158–165. – URL : https://kvsz.ru/ru/nauka/article/71436/view (дата обращения : 15.03.2026).

5. Нуркаева, М. К. Процесс становления и развития необходимой обороны по уголовному законодательству России / М. К. Нуркаева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива : научный журнал. – 2024. – С. 57–63. – URL : https://naukaru08.ru/ru/nauka/article/88916/view (дата обращения : 15.03.2026).

6. Полунин, В. П. К вопросу превышения пределов необходимой обороны / В. П. Полунин, Т. В. Сухомлинова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 9 (147). – URL : https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.104.

УДК 347.191.1

Проблема классификации юридических лиц

The Problem of Classifying Legal Entities

Д. Н. Серова
студентка
E-mail: serova_2006.03.03@mail.ru
Е. Ф. Жданова
кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедрой юриспруденции
E-mail: zhdanovaef@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
D. N. Serova
Student
E. F. Zhdanova
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуются теоретические и практические проблемы классификации юридических лиц в российском гражданском праве. На основе анализа действующего законодательства и судебной практики рассматриваются основные критерии систематизации юридических лиц: деление на коммерческие и некоммерческие организации, на корпоративные и унитарные, а также на публичные и непубличные общества. Выявляются недостатки существующей классификационной системы, включая отсутствие единого подхода к разграничению отдельных организационно-правовых форм, а также противоречия между формальными критериями и экономической сущностью юридических лиц. Автором обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в части унификации классификационных подходов.

Ключевые слова: юридическое лицо, классификация, коммерческие организации, некоммерческие организации, корпоративные организации, унитарные организации, публичные общества, организационно-правовая форма.

Abstract

This article examines the theoretical and practical problems of classification of legal entities in Russian civil law. Based on the analysis of current legislation and judicial practice, the main criteria for systematizing legal entities are considered: division into commercial and non-commercial organizations, into corporate and unitary organizations, as well as into public and non-public companies. The author identifies shortcomings of the existing classification system, including the lack of a unified approach to distinguishing certain organizational and legal forms, as well as contradictions between formal criteria and the economic essence of legal entities. The author substantiates the need for further improvement of legislation in terms of unification of classification approaches.

Keywords: legal entity, classification, commercial organizations, non-commercial organizations, corporate organizations, unitary organizations, public companies, organizational and legal form.

Институт юридического лица является одним из центральных в системе гражданского права Российской Федерации. Именно конструкция юридического лица позволяет коллективным образованиям выступать в гражданском обороте в качестве самостоятельных субъектов, отличных от создавших их физических лиц. Многообразие организаци-

онно-правовых форм юридических лиц объективно требует их научно обоснованной систематизации, которая позволяет выявить общие черты и различия в правовом положении различных организаций, определить особенности их создания, реорганизации, ликвидации, а также объем правоспособности и ответственности. Вместе с тем, как справедливо отмечается в юридической литературе, построение четкой классификационной системы юридических лиц сталкивается с рядом теоретических и практических проблем, требующих самостоятельного научного осмысления.

Целью статьи является выявление и анализ ключевых проблем классификации юридических лиц в российском гражданском праве, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Действующее гражданское законодательство закрепляет несколько легальных классификаций юридических лиц, которые можно представить в виде следующей схемы (таблица).

Таблица. Основные критерии классификации юридических лиц в российском гражданском праве (составлена автором)

Критерий классификации	Виды юридических лиц
Цель деятельности	Коммерческие/некоммерческие
Наличие членства	Корпоративные/унитарные
Степень публичности	Публичные/непубличные
Объем прав учредителей на имущество	Обязательственные права / вещные права / отсутствие имущественных прав

Первая группа проблем связана с делением юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации (ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Как указывает Ю. А. Кицай, логические объемы терминов «коммерческие» и «некоммерческие» не совпадают и не всегда соответствуют характеру осуществляемой деятельности, что порождает противоречия в правоприменении. Некоммерческие организации вправе осуществлять приносящую доход деятельность, но лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы (п. 4 ст. 50 ГК РФ). На практике это приводит к размыванию границ между коммерческими и некоммерческими организациями, особенно в таких сферах, как образование, здравоохранение, культура, где автономные некоммерческие организации и учреждения активно оказывают платные услуги, по сути, конкурируя с коммерческими организациями, но при этом пользуясь налоговыми льготами и иными преференциями. Представляется, что для устранения указанной проблемы необходимо законодательное закрепление более четких критериев допустимости осуществления предпринимательской деятельности некоммерческими организациями, а также усиление контроля за целевым использованием полученной ими прибыли.

Вторая группа проблем связана с делением юридических лиц на корпоративные и унитарные (ст. 65.1 ГК РФ), введенным Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Основная проблема заключается в том, что критерий членства не всегда позволяет однозначно отличить корпорацию от унитарной организации. Например, фонды отнесены законодателем к унитарным организациям, однако они имеют попечительский совет, который по своим функциям напоминает наблюдательный совет в корпорациях. Учреждения также являются унитарными, но их руководитель назначается собственником, что существенно ограничивает автономию такой организации. Более того, некоторые организационно-правовые формы, например, государственные корпорации, сочетают в себе признаки как корпоративных, так и унитарных организаций, что затрудняет их однозначную классификацию. В связи с этим в доктрине обос-

новывается необходимость дальнейшего уточнения критерия разграничения корпоративных и унитарных юридических лиц, возможно, путем дополнения ст. 65.1 ГК РФ перечнем существенных признаков, присущих каждой из указанных категорий.

Третья группа проблем касается деления хозяйственных обществ на публичные и непубличные (ст. 66.3 ГК РФ). К публичным относятся акционерные общества, акции которых публично размещаются или публично обращаются. Все остальные хозяйственные общества (включая все ООО и непубличные АО) признаются непубличными. Однако на практике возникает вопрос о правовом статусе акционерных обществ, которые формально соответствуют признакам публичного общества (например, имеют более 50 акционеров), но фактически не осуществляют публичное размещение акций. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», при квалификации статуса общества определяющее значение имеет характер размещения и обращения акций, а не формальные признаки. Это свидетельствует о формировании судебной практикой подходов, позволяющих учитывать экономическую сущность деятельности организации.

Четвертая группа проблем связана с отсутствием в российском законодательстве легального понятия «юридическое лицо публичного права». Как отмечает А. И. Соколова, в отечественной доктрине термин «юридическое лицо публичного права» впервые использовал Г. Ф. Шершеневич, однако до настоящего времени данная категория не получила законодательного закрепления. К публичным юридическим лицам в доктрине относят государство, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, государственные корпорации и некоторые иные организации, обладающие властными полномочиями. Однако их правовое положение регулируется различными нормативными актами, что создает сложности в правоприменительной практике. Представляется целесообразным законодательное закрепление данной категории с четким определением признаков, отличающих публичные юридические лица от частных.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существующая система классификации юридических лиц в российском гражданском праве, несмотря на ее значительное совершенствование в результате реформы 2014 года, все еще содержит ряд противоречий и пробелов. Основные проблемы связаны с размыванием границ между коммерческими и некоммерческими организациями, неоднозначностью критерия разграничения корпоративных и унитарных юридических лиц, несовершенством деления на публичные и непубличные общества, а также отсутствием легального понятия юридического лица публичного права. Перспективным направлением дальнейшего реформирования законодательства представляется унификация классификационных подходов путем внесения изменений в главу 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также принятие специальных нормативных актов, регулирующих правовое положение отдельных категорий юридических лиц (в частности, юридических лиц публичного права). Кроме того, важную роль в восполнении пробелов законодательства играет судебная практика, которая, как показал анализ, нередко вырабатывает подходы, опережающие законодательные решения.

Библиографический список

1. Соколова, А. И. Правовая природа юридических лиц публичного права: проблематика дефиниции и классификации / А. И. Соколова // Молодой ученый. — 2025. — № 29 (580). — С. 94–99. — URL : https://moluch.ru/archive/580/127668 (дата обращения : 12.04.2026).

2. Кицай, Ю. А. Предпринимательские и непредпринимательские организации: вопросы терминологии и классификации / Ю. А. Кицай // Вестник Пермского универси-

тета. Юридические науки. — 2014. — Вып. 1(23). — С. 44–49. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskie-i-nepredprinimatelskie-organizatsii-voprosy-terminologii-i-klassifikatsii (дата обращения : 12.04.2026).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации : часть первая : текст с изменениями и дополнениями на 08.08.20240 : принят Государственной Думой 21.10.1994] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

4. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон № 99-ФЗ : принят Государственной 25 апреля 2014 года : одобрен Советом Федерации 29 апреля 2014 года: последняя редакция // Российская газета. — 2014. — 7 мая.

5. Суханов, Е. А. Гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2022. — 496 с.

6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 : последняя редакция // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 8.

УДК 336.3

Проблема квалификации преступлений, предусмотренных статьей 158 Уголовного кодекса Российской Федерации

The Problem of Qualifying the Crime Under Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation

Е. Р. Смирнов
студент
E-mail: egor_smirnov2026@mail.ru
П. А. Чирков
доцент кафедры юриспруденции
E-mail: Chirkovpan@mail.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
E. R. Smirnov
Student
P. A. Chirkov
Associate Professor of the Department of Law
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые особенности уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, проведен анализ практики применения указанной статьи и рассмотрены проблемы, возникающие при квалификации отдельных видов кражи.

Ключевые слова: кража, квалифицирующие признаки, административное правонарушение, состав преступления, уголовный закон, банковский счет.

Abstract

Within the framework of this article, the criminal-legal characteristics of the crime provided for by Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, the analysis of the practice of application of the specified article and the problems arising when qualifying theft.

Keywords: theft, qualifying features, administrative offense, corpus delicti, group of persons by prior agreement, bank account.

В современной правоприменительной практике проблематика квалификации имущественных преступлений, в частности хищений, сопряжена с рядом концептуальных и практических сложностей. Одной из ключевых проблем является неопределенность умысла преступника в ситуациях, когда ему изначально неизвестна суммарная стоимость похищаемого имущества. В таких случаях виновный предвидит причинение ущерба, но не осознает его точный размер [3; с. 107].

Данное обстоятельство, по нашему мнению, вступает в противоречие с принципом субъективного вменения, который постулирует необходимость осознания лицом общественной опасности не только своих действий, но и их общественно-опасных последствий, а также наличие у лица соответствующего намерения. Особенно данное обстоятельство актуально при совершении тайного хищения чужого имущества в размере, пограничном с мелким хищением, предусматривающим административную ответственность.

Дополнительно к этому отметим, что в специальной литературе отмечается, что разграничение уголовной и административной ответственности за хищение имущества вызывает затруднения. В частности, законодательное разграничение административного правонарушения и преступления, закрепленное в статье 7.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ), представляется недостаточно обоснованным, поскольку не всегда позволяет справедливо квалифицировать деяния, особенно в случаях мелких хищений, совершенных с квалифицирующими признаками, предусмотренными Уголовным кодексом Российской Федерации.

Судебная практика свидетельствует о разнообразных подходах к оценке таких деяний, что указывает на несовершенство действующего законодательства в данной сфере. Одна из наиболее актуальных проблем оценки преступлений, связанных с хищением, это разделение составов, предусматривающих административную и уголовную ответственность. Разграничение уголовной и административной ответственности за хищения имущества, существующее на законодательном уровне, демонстрирует недостаточную четкость, и порождает определенные трудности в правоприменительной практике [4; с. 276].

В частности, статья 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, призванная разграничивать сферы уголовной и административной юрисдикции в отношении хищений, не всегда позволяет адекватно оценить деяния, подпадающие под определение мелкого хищения, но при этом обладающие квалифицирующими признаками, предусмотренными Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ). Данное обстоятельство обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере с целью обеспечения справедливости и повышения эффективности правоприменения, например, в следующем случае.

В соответствии с действующим законодательством, кража квалифицируется как тайное изъятие и присвоение чужого имущества (ч. 1 ст. 158 УК РФ), стоимость которого превышает 2500 рублей. В случае если стоимость похищенного не достигает указанного порога, деяние подлежит квалификации как административное правонарушение (ст. 7.27 КоАП РФ). Но если присутствуют квалифицирующие признаки из части 2 или 3 статьи 158 УК РФ, тогда наступает уголовная ответственность, несмотря на размер материального ущерба, который был причинен собственнику или иному владельцу имущества.

Судебная практика переполнена подобными уголовными делами [5; с. 103–104]. Так, если лицо похитило 500 рублей с чужого банковского счета, размер суммы ущерба не превышает 2500 рублей.

При таком размере ущерба лицо в ином случае должно быть привлечено к административной ответственности, но в силу того, что в объективной стороне деяния при-

сутствует дополнительный квалифицирующий признак из п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, лицо уже будет привлекаться к уголовной ответственности за тяжкое преступление. То есть наличие указанного квалифицирующего признака повышает степень общественной опасности деяния на 4 ступени: от мелкого хищения переходит через преступления небольшой и средней тяжести к категории тяжких.

В данной ситуации игнорируется разграничение суммы денег (условно 100 рублей), при любой сумме, имея квалифицирующий признак из ст. 158 УК РФ, будет уголовная ответственность за преступления значительно большей категории тяжести. Думается, это чрезмерно репрессивно. Вполне обоснованно повышается ответственность за кражу в таком размере, если дополнительно нарушается право на неприкосновенность жилища или на работу трубопроводных транспортных систем. Но все же стоит ли такие посягательства относит к категории тяжких преступлений?

Если лицо похитило менее 2500 рублей, то почему оно должно быть привлечено к уголовной ответственности за преступление средней тяжести и даже тяжкое? Если хищение было произведено с банковского счета, разве это повышает общественную опасность деяния?

В XXI веке, когда все люди пользуются банковскими картами, рассчитываясь за покупки прямо с банковского счета, а не банкнотой из кошелька, банковская карточка — уже обыденность. Хищение с банковского счета в таких случаях не является более легкой добычей преступника и не увеличивает ущерб собственнику. И если хищение произведено с банковского счета в случае, когда сумма кражи не превышает 2500 рублей, то тут явно не должна наступать уголовная ответственность как за деяния более высокой категории тяжести. Ведь лицо, совершившее хищение с помощью банковской карты (на сумму не более 2500 рублей), не причиняет больший вред охраняемым законом интересам, не прилагает к достижению преступной цели больших интеллектуальных и физических усилий, чтобы считать такое преступление квалифицированным или особо квалифицированным составом в статье 158 УК РФ.

Если собственник потерял банковскую карточку, а правонарушитель нашел её и произвел оплату товара в ближайшем магазине, к примеру, на сумму 550 рублей, в чем здесь заключается повышенная общественная опасность? Как было отмечено выше, банковская карта ныне является общедоступной, приобрести ее может каждый и даже не одну. Так в чем здесь значительно более высокий ущерб от деяния правонарушителя? Думается, в данном случае следует обратиться к принципу справедливости, который предусматривает соразмерность ответственности совершенному деянию.

Помимо этого стоит отметить, что в сегодняшних реалиях 2500 рублей не является суммой, которая может нанести существенный материальный ущерб гражданину. Законодатель, учитывая высокие темпы инфляции в течение последних лет, должен постоянно реагировать на это и в регулировании уголовной ответственности. А пока отсутствие реакции законодателя на постоянное увеличение репрессивности уголовного закона является отрицательной характеристикой.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК РФ : текст с изменениями и дополнениями на 20.02.2026 : принят Государственной Думой 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП РФ : текст с изменениями и дополнениями на 23.03.2026 : принят Государственной Думой 200.12.2001 : одобрен Советом Федерации 26.12.200 //Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – № 1. – Ст. 1.

3. Вавига, А. Д. Проблемы квалификации кражи, совершенной с банковского счета либо в отношении электронных денежных средств / А. Д. Вавина // Молодой ученый. – 2020. – № 39 (329). – С. 106–108. – URL : http://moluch.ru/archive/329/73810.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. – Том 1. Общая часть / ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва : Издательство «Юрайт», 2026. — 316 с. — (Профессиональные комментарии) // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. — URL : https://urait.ru/index.php/bcode/584361 (дата обращения : 30.03.2026).

5. Сверчков, В. В. Преступления против собственности: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства : учебник для вузов / В. В. Сверчков. — Москва : Издательство «Юрайт», 2025. — 210 с. // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. — URL : https://urait.ru/bcode/564785 (дата обращения : 01.04.2026).

УДК 347.447.84

Гражданско-правовое регулирование возмещения вреда, причинённого в состоянии крайней необходимости

Civil Law Regulation of Compensation for Damage Caused in a State of Extreme Necessity

А. Р. Тухватуллина
студентка
E-mail: Anzhela.Tuhvatullina@mail.ru
Е. Ф. Жданова
кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедрой юриспруденции
E-mail: zhdanovaef@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
A. R. Tukhvatullina
Student
E. F. Zhdanova
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье исследуются теоретические основы и правоприменительная практика института возмещения вреда, причинённого в состоянии крайней необходимости, как особого случая внедоговорной ответственности в гражданском праве России. Рассмотрены условия возникновения права на возмещение, правовая природа такого вреда, особенности судебной квалификации и проблемные аспекты применения статьи 1067 Гражданского кодекса Российской Федерации. Анализируется позиция судов и научных авторов, выявляются пробелы в практике применения правовых норм и предлагаются пути совершенствования правоприменения.

Ключевые слова: причинение вреда, крайняя необходимость, возмещение вреда, обязательства, деликт.

Abstract

The article examines the theoretical foundations and law enforcement practice of the institution of compensation for damage caused in a state of extreme necessity, as a special case of non-contractual liability in Russian civil law. The conditions of the right to compensation, the legal nature of such harm, the features of judicial qualification and problematic aspects of the application of Article 1067 of the Civil Code of the Russian Federation are considered. The position of courts and scientific authors is analyzed, gaps in the practice of applying legal norms are identified, and ways to improve law enforcement are proposed.

Keywords: causing harm, extreme necessity, compensation for harm, obligations, tort.

В российском гражданском праве обязательства вследствие причинения вреда являются одной из важнейших форм внедоговорной ответственности. Общие правила такой ответственности установлены статьёй 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), согласно которой вред, причинённый неправомерными действиями должен быть возмещён причинителем вреда. Однако закон допускает специальные случаи, когда вред причинён в целях устранения опасности и правоприменение обязывает суд учитывать особые условия.

Одним из таких специальных правовых институтов является возмещение вреда, причинённого в состоянии крайней необходимости, регулируемое статьёй 1067 ГК РФ [1].

Статья 1067 ГК РФ предусматривает, что вред, причинённый в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей причинителю или другим лицам, если эту опасность нельзя было устранить иными средствами, должен быть возмещён лицом, причинившим вред. Учитывая обстоятельства дела, суд может возложить эту обязанность на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда, либо освободить от обязанности возмещения как причинителя, так и третье лицо полностью или частично [1].

Юридическая природа этого института сложна: причинение вреда в состоянии крайней необходимости правомерно с точки зрения целей устранения опасности, но одновременно приводит к нарушению прав третьих лиц, что требует компенсации. Поэтому норма представляет собой специальное обязательство вследствие правомерного вреда, где правомерность действия не исключает обязанности возместить причинённый ущерб [2].

Учёные отмечают, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости не является деликтом в традиционном смысле, поскольку отсутствует противоправность и вина причинителя вреда, но вместе с тем лицо, причинившее вред, подлежит имущественной обременительной обязанности. Такое сочетание вызывает дискуссии: одни авторы подчёркивают, что это не ответственность в классическом смысле, а социально-правовой механизм обеспечения безопасности, другие — что это всё же форма деликтной ответственности с гуманизацией подхода к возмещению [4].

Правоведы указывают, что ключевыми критериями при применении статьи 1067 ГК РФ являются наличие действительной и непосредственной опасности, неустранимость её иными способами без причинения вреда и соразмерность причинённого вреда предотвращаемой опасности. Если эти условия нарушены, состояние крайней необходимости отсутствует, и вред подлежит возмещению на общих основаниях деликтной ответственности [3].

Судебная практика по статье 1067 ГК РФ демонстрирует, что применение этой нормы сопряжено с трудностями, главным образом в оценке фактических обстоятельств дела. Суды неоднократно подчеркивают, что само по себе наличие опасности недостаточно; необходимо доказать, что её устранение иными средствами было невозможным. Если это не подтверждается, оснований для освобождения от возмещения вреда не имеется [6].

В ситуациях, когда причинитель вреда действовал в интересах другого лица (например, в интересах собственника или представителя третьей стороны), суд может долево распределить обязанность по возмещению между ними с учётом обстоятельств дела. Такая практика подтверждается разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации [6].

В делах, связанных с возгоранием или иными угрозами жизни и имуществу, суды исходят из фактических данных о необходимости таких действий и обстоятельствах, приводя примеры, когда вред был причинён в интересах предотвращения ещё более значительного ущерба. В то же время не всегда это приводит к полному освобождению от ответственности — суды оценивают комплекс факторов, включая возможность иного устранения опасности [5].

Таким образом, институт возмещения вреда, причинённого в состоянии крайней необходимости, является важным элементом гражданско-правового регулирования, обеспечивающим баланс между необходимостью предотвращения опасности и защитой прав потерпевших. Несмотря на наличие чёткой нормативной основы в статье 1067 ГК РФ, правоприменительная практика и научные дискуссии выявляют сложность применения норм на практике, особенно в части оценки фактических обстоятельств и соразмерности причинённого вреда. Совершенствование судебной практики и уточнение критериев применения позволят укрепить правовые гарантии и повысить справедливость гражданско-правового регулирования подобных случаев.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : часть вторая : текст с изменениями и дополнениями на 16.12.2025 : принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения : 22.12.2025).

2. Статья 1067 ГК РФ : комментарий // Закон РФ : правовая навигационная система : [сайт]. – URL : https://www.zakonrf.info/gk/1067/?utm (дата обращения : 22.12.2025).

3. Седова Ж. И. Особенности квалификации поведения в праве: поведения в состоянии крайней необходимости и недобросовестного поведения / Ж. И. Седова // Закон и власть. – 2023. – № 3. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kvalifikatsii-povedeniya-v-prave-povedeniya-v-sostoyanii-krayney-neobhodimosti-i-nedobrosovestnogo-povedeniya (дата обращения : 22.12.2025).

4. Сенотрусова, Е. М. Приостановление деятельности, создающей опасность причинения нового вреда: соотношение административного и гражданско-правового регулирования // Право : журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 190–212. – DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.190.212.

5. Судебная практика и применение ст. 1067 ГК РФ // Кодексы онлайн : сайт. – URL : https://gkrfkod.ru/statja-1067/ (дата обращения : 22.12.2025).

6. Энциклопедия судебной практики. Обязательства вследствие причинения вреда // ГАРАНТ : справочно-правовой портал. — URL : https://base.garant.ru/57590172/?utm (дата обращения : 22.12.2025).

УДК 322

Основы взаимодействия государства и церкви

Fundamentals of State – Church Relations

Д. Р. Халназарова
студентка
E-mail: juliknevoruui@list.ru
научный руководитель – Е. О. Глушкова
кандидат педагогических наук
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: e.glushkova@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
D. R. Khalnazarova
Student
Supervisor – E. O. Glushkova
Candidate of Pedagogical Sciences
Associate Professor of the Department of Humanities
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В работе исследуются основные направления трансформации правового регулирования в контексте взаимодействия государства и религиозных организаций в современном мире. Анализируются исторические предпосылки развития отношений между государством и церковью, а также современные изменения в правовой базе, регулирующей их сотрудничество или конфликтные ситуации. Особое внимание уделяется роли нормативных актов, правам граждан на религиозную свободу и особенностям правового воздействия религиозных объединений на общественную и политическую жизнь. В результате работы было выявлено, как меняется правовая среда и каким образом эти изменения влияют на баланс между светской властью и религиозными институтами в условиях глобальных трансформаций современного общества.

Ключевые слова: трансформация права, взаимодействие государства и церкви, религиозные организации, правовое регулирование, религиозная свобода, современное общество, социально-политические отношения, нормативно-правовые акты, глобальные изменения.

Abstract

The work explores the main directions of the transformation of legal regulation in the context of interaction between the state and religious organizations in the modern world. It analyzes the historical prerequisites for the development of relations between the government and the church, as well as contemporary changes in the legal framework governing their cooperation or conflict situations. Special attention is given to the role of normative acts, citizens' rights to religious freedom, and the features of the legal influence of religious associations on public and political life. As a result of the study, it was revealed how the legal environment is changing and how these changes affect the balance between secular power and religious institutions amid the global transformations of modern society.

Keywords: transformation of law, state-church relations, religious organizations, legal regulation, religious freedom, modern society, socio-political relations, normative legal acts, global changes.

История взаимоотношений государства и религии свидетельствует о сложных и неоднозначных процессах их взаимодействия, обусловленных социальными, культурными и политическими факторами. Как показывают исследования М. Л. Воронковой и Т. Ф. Акчурина, модели государственно-конфессиональных отношений эволюционировали от тесного переплетения государственной и религиозной власти к различным формам светского государства и правового разграничения сфер их деятельности [5; 7].

Эта эволюция стала основой современных моделей правового регулирования, ориентированных на поиск баланса между автономией религиозных объединений и государственным суверенитетом.

Международные стандарты, закрепляющие свободу мысли, совести и религии, получили развитие в документах ООН и Совета Европы [2; 12].

Это создало основу для формирования национальной системы правовых механизмов, гибко адаптируемых к историческим и культурным традициям каждого государства. Так, например, в России, после принятия Конституции 1993 года, закреплена концепция светскости, которая подразумевает отделение церкви от государства, но при этом допускает сотрудничество через специально определённые правовые рамки в соответствии с Конституцией [1].

Тем не менее, в современном мире данный правовой конструкт сталкивается с новыми вызовами. В условиях глобализации, миграционных потоков и межконфессиональных конфликтов актуальными остаются вопросы о сохранении национальной идентичности и религиозной терпимости. В качестве примера можно привести ситуацию в Турции, где баланс между светским государством и мусульманской традицией продолжает вызывать дискуссии, а законодательство сталкивается с вызовами одновременного соблюдения светских принципов и обеспечения религиозной свободы [9].

Кроме того, в странах постсоветского пространства процессы трансформации законодательства неоднократно сопровождались конфликтами и кризисами, связанными с недопониманием роли религиозных организаций в социально-политической жизни общества. В России, например, законодательные инициативы по регулированию религиозных объединений вызывают споры о границах свободы религии и необходимости защиты национальных интересов [7]. Анализ этих примеров позволяет выявить как успехи, так и недостатки существующих правовых механизмов.

Таким образом, изучение исторического развития взаимоотношений государства и религии позволяет понять их современную динамику и предусмотреть пути их дальнейшей гармонизации. В рамках данной статьи особое внимание уделяется анализу современных вызовов и практическим рекомендациям, направленным на укрепление правового и социального диалога в этой сфере.

Современное мирное сосуществование религии и государства сталкивается с новыми вызовами, обусловленными транснациональными трансформациями, ростом межконфессиональных конфликтов и попытками правового регулирования религиозных практик. В условиях глобализации религиозные организации все чаще выступают как участники не только духовной, но и политической, социальной и экономической деятельности, что вызывает необходимость пересмотра существующих правовых механизмов. В связи с этим актуальным сегодня является вопрос, как современные правовые реформы способствуют или мешают гармоничному сосуществованию религии и государства, и какие практики являются наиболее эффективными для предотвращения конфликтов. Этот вопрос требует междисциплинарного подхода, охватывающего как исторические предпосылки, так и актуальные политические и социологические аспекты.

Исторический анализ показывает, что отношения государства и религии развивались от моделей тесного единства политической и религиозной власти к секуляризации и формированию светского государства, допускающего взаимодействие сторон при сохранении их институциональной автономии [7].

В рамках правовой сферы такие изменения нашли отражение в конституционных нормах, национальных законах и международных стандартах. Социологический аспект подтверждает, что религиозные институты играют важную роль в формировании идентичности и социальных ценностей. В то же время политические движения и международные организации влияют на национальное законодательство, зачастую вызывая противоречия и конфликты. Например, в Турции, где длительное время сохраняется модель светскости, нынешние реформы и политические дебаты вновь ставят вопрос о роли религии в государстве [9].

Анализ правовой практики дополнен примерами из разных стран, что позволяет сопоставить различные модели регулирования государственно-конфессиональных отношений. Во Франции принцип светскости реализуется, в частности, через законодательный запрет на ношение в государственных школах знаков и одежды, явно демонстрирующих религиозную принадлежность [11].

В США Первая поправка к Конституции закрепляет запрет на установление государственной религии и гарантирует свободное исповедание религии [10].

Российская модель основывается на конституционном принципе светского государства и предполагает поиск баланса между автономией религиозных объединений и публичными интересами [7].

Выводы, основанные на системном анализе практик различных стран и международных стандартов, позволяют сформировать рекомендации для разработки более эффективных и адаптированных правовых механизмов. Эти рекомендации могут способствовать снижению конфликтных ситуаций, укреплению межконфессионального диалога и гармонизации роли религии в современном обществе.

Таким образом, изучение современных вызовов и практик на международном и национальном уровнях выявляет ключевые направления совершенствования законодательства в области взаимодействия государства и религиозных организаций.

Далее проведём сравнительный анализ наиболее распространённых правовых механизмов, их эффективности в различных странах и предложим конкретные рекомендации для законодателей и религиозных институтов, что поможет найти сбалансированные и практичные решения современных проблем.

Обоснование научной и практической значимости исследования подтверждает, что в области взаимодействия государства и религиозных институтов отсутствует универсальный подход, способный гарантировать гармонию и стабильность общества. В современных условиях крайне важно учитывать специфику исторических, культурных и религиозных особенностей различных стран и регионов, что подтверждается сравнительными исследованиями моделей государственно-конфессиональных отношений [5; 7].

Ключевым вызовом является создание сбалансированных механизмов регулирования, которые способствовали бы развитию религиозных объединений, сохраняя при этом интересы общества и обеспечивая его стабильность. Анализ показывает, что успешное решение этой задачи возможно лишь при сочетании международных стандартов и национальных особенностей, а также при междисциплинарном подходе, объединяющем исторический, юридический и социальный аспекты [5; 7].

К числу практических мер по совершенствованию законодательства следует отнести разработку гибких нормативных актов, учитывающих специфику религиозных организаций и исключающих чрезмерно жёсткие или необоснованные ограничения, что позволит обеспечить баланс между свободой вероисповедания и необходимостью правового регулирования.

Важное значение приобретает укрепление правового диалога и межконфессиональной коммуникации: создание платформ для взаимодействия между государством, религиозными лидерами и обществом поможет снизить уровень конфликтности, повысить доверие и укрепить социальное единство.

Кроме того, необходимо учитывать международные стандарты свободы совести и вероисповедания, закреплённые, в частности, в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) и статье 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2; 12].

Неотъемлемой частью является создание механизмов прозрачности и ответственности религиозных институтов, что поможет предотвратить злоупотребления и повысить доверие со стороны общества. Также необходимо развивать образовательные программы и просветительскую деятельность, направленные на повышение информированности населения о ценностях религий, их социальной роли, а также на обучение религиозных лидеров принципам мирного сосуществования.

Подводя итог, можно сделать вывод о необходимости разработки адаптивных нормативных актов, которые бы гармонично сочетали современные международные стандарты и национальные особенности. Реализация этих рекомендаций должна способствовать снижению межрелигиозных конфликтов, укреплению социальной сплоченности и устойчивому развитию общества. Важной предпосылкой к этому является создание условий для постоянного диалога, взаимного уважения и прозрачности, что является основой для гармоничного сосуществования государства и религиозных институтов.

Образовательные инициативы и информационные кампании занимают важное место в формировании позитивного восприятия религий и содействуют укреплению мира на межконфессиональном уровне. В России примером системной образовательной практики является федеральная рабочая программа по учебному предмету «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), ориентированная на знание и уважение культурных и религиозных традиций многонационального народа России и на диалог с представителями других культур и мировоззрений [4].

На международном уровне Всемирная неделя межрелигиозного согласия, учреждённая Генеральной Ассамблеей ООН в 2010 г., направлена на развитие межрелигиозного диалога и взаимопонимания [13].

Особое значение имеет подготовка религиозных лидеров и специалистов, способных вести межрелигиозный диалог и работать в многоконфессиональной среде. Межрелигиозное образование рассматривается как один из инструментов развития взаимного понимания, диалога и снижения устойчивых стереотипов [8]. Возможности просветительской работы расширяются благодаря цифровым технологиям: онлайн-платформы, социальные сети и дистанционные форматы создают новые способы коммуникации религиозных сообществ и доступа к образовательным материалам [6].

Развитие религиозного образования и просветительских программ также способствует формированию гражданской ответственности и межкультурной толерантности с ранних лет. Включение элементов религиозной грамотности в школьные программы помогает молодежи понять основные ценности и принципы различных религий, а также снижает уровень межконфессиональных стереотипов и предрассудков. Подходы к преподаванию знаний о религиях и убеждениях в государственных школах отражены, в частности, в Толедских руководящих принципах ОБСЕ/БДИПЧ, которые связывают такое образование с развитием религиозной свободы, взаимопонимания и снижением стереотипов [3]. Они позволяют формировать у молодых людей понимание и уважение к религиозным традициям, способствуют созданию условий для своевременного предотвращения межрелигиозных конфликтов на ранних этапах.

В совокупности такие образовательные и просветительские меры соответствуют международным стандартам защиты религиозных свобод и служат важным инструментом в формировании устойчивого межрелигиозного диалога и культуры взаимного уважения.

Анализ исторических и современных аспектов взаимоотношений государства и религии показывает, что их диалог находится в постоянном движении, обусловленном социальными, политическими и культурными трансформациями. Исторически сложились различные модели регулирования, начиная от полного церковного господства до формирования концепции светскости, которая предусматривает баланс между автономией религиозных объединений и государственным суверенитетом [5; 7].

Международные стандарты, закрепленные в документах ООН и Совета Европы, сыграли ключевую роль в формировании универсальных прав человека — свободы вероисповедания [2; 12]. Они служат основой для национальных правовых систем, в том числе российского законодательства, где концепция светскости закреплена в Конституции 1993 года [1].

Современные вызовы, связанные с глобализацией, миграцией и межконфессиональными конфликтами, требуют гибких и адаптированных правовых решений. Опыт таких стран, как Франция, США и Россия, демонстрирует различие подходов к правовому регулированию религиозной сферы [7; 10; 11].

В то же время успешное взаимодействие зависит не только от правовых механизмов, но и от уровня межкультурного диалога, образовательных инициатив и прозрачности религиозных институтов. Развитие межрелигиозных платформ и просветительских программ, а также последовательное применение международных правовых стандартов могут способствовать укреплению диалога и социальной стабильности.

Важнейшим выводом является то, что гармоничное сосуществование государства и религии требует постоянного поиска баланса, учета национальных традиций и глобальных стандартов, а также междисциплинарного подхода, сочетающего исторический, юридический и социальный анализ [5; 7; 10].

Разработка гибких, прозрачных и ответственных правовых механизмов, а также активное развитие межрелигиозного диалога и образовательных программ, способны значительно снизить уровень межконфессиональных конфликтов и способствовать стабильности и развитию современного общества.

Таким образом, объединение опыта различных стран, международных стандартов и национальных практик создает прочную базу для формирования устойчивого и справедливого взаимодействия между государством и религией, что является важнейшим условием современного мира.

Анализ современного состояния взаимоотношений государства и религии показывает необходимость дальнейшего совершенствования правовых механизмов с учетом динамичных социально-политических процессов. В первую очередь, перспективными направлениями является разработка и внедрение более гибких законодательных решений, способных учитывать особенности национальной и культурной специфики, а также вызовы глобализации и межконфессиональных конфликтов. Создание нормативных актов, обеспечивающих баланс между свободой религии и государственными интересами, должно учитывать многообразие современных религиозных практик и форм деятельности религиозных организаций.

Особое значение приобретает развитие правовых инструментов для регулирования религии в эпоху цифровых технологий. В условиях распространения онлайн-конфессий, виртуальных религиозных служб и цифровых платформ возникают новые вызовы для традиционных методов регулирования. Необходимо разрабатывать нормы, регулирующие деятельность религиозных объединений в интернете, обеспечивающие защиту прав верующих и предотвращающие злоупотребления в цифровом пространстве.

Вопросы кибербезопасности, защиты персональных данных верующих, правового статуса религиозных практик в онлайн-среде и идентификации официальных представителей религиозных организаций требуют специального изучения и разработки правовых подходов [6].

Кроме того, расширение межкультурных и межконфессиональных диалогов является важным инструментом для укрепления межэтнического мира и предотвращения конфликтов. Реализация программ межрелигиозного сотрудничества, организуемых на международном и национальном уровнях, способствует развитию взаимного уважения и понимания между различными группами. В условиях глобальной миграции и мультикультурности важно создавать платформы для конструктивного диалога, обмена опытом и создания совместных проектов.

Дальнейшие исследования в области правового регулирования религии должны включать как качественные, так и количественные методы оценки эффективности новых нормативных актов и механизмов. Это позволит выявлять реальные проблемы на практике, учитывать мнения различных групп и формировать более релевантные и действенные решения. Особое внимание должны уделяться эмпирическим исследованиям, изучающим влияние правовых реформ на социальную стабильность, межконфессиональные отношения и права религиозных меньшинств.

В целом, развитие науки в области взаимоотношений государства и религии в современных условиях требует междисциплинарного подхода, включающего правовые, социологические, культурологические и технологические исследования. Такой комплексный подход способен обеспечить более эффективное и справедливое регулирование, соответствующее вызовам XXI века и способствующее гармонии в многообразных и динамичных обществах.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. — URL : https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007040001 (дата обращения : 04.04.2026).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16.12.1966 // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека : сайт. — URL : https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights (дата обращения : 04.04.2026).

3. Toledo Guiding Principles on Teaching about Religions and Beliefs in Public Schools / OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. — Warsaw : OSCE/ODIHR, 2007. — URL : https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/e/a/27217.pdf (дата обращения : 04.04.2026).

4. Федеральная рабочая программа по учебному предмету «Основы религиозных культур и светской этики» (для 4-го класса образовательных организаций). — М., 2025. — 110 с. — URL : https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_noo_frp_orkse_ 4.pdf (дата обращения : 04.04.2026).

5. Воронкова, М. Л. Особенности взаимодействия государства и религиозных объединений в зарубежных странах / М. Л. Воронкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. — 2012. — Т. 12. – № 4. — С. 87–92. — DOI: 10.18500/1994-2540-2012-12-4-87-92.

6. Белоруссова, С. Ю. Религия в виртуальном пространстве / С. Ю. Белоруссова // Этнография. — 2021. — № 4 (14). — С. 94–118. — DOI: 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-94-118.

7. Акчурин, Т. Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) / Т. Ф. Акчурин // Пространство и Время. — 2011. — № 3 (5). — С. 55–65.

8. Мельник, С. В. Межрелигиозное образование: методологические и содержательные аспекты (обзор) / С. В. Мельник // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3 : Философия. — 2024. — № 3. — С. 153–178. — DOI: 10.31249/rphil/2024.03.14.

9. Шлыков, П. В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности / П. В. Шлыков // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. — 2008. — № 4. — С. 56–78.

10. Constitution of the United States: Amendment I // Constitution Annotated : Congress.gov. — URL: https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-1/ (accessed: 04.04.2026).

11. Loi n 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics // Légifrance. — URL : https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000417977 (дата обращения : 04.04.2026).

12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : Рим, 04.11.1950 // European Court of Human Rights. — URL : https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (дата обращения : 04.04.2026).

13. World Interfaith Harmony Week : resolution A/RES/65/5 : adopted by the UN General Assembly on 20.10.2010. — URL : https://docs.un.org/en/A/RES/65/5 (дата обращения : 04.04.2026).

УДК 347:347.9799

Судейский корпус в Российской Федерации: современное состояние и проблемы комплектования

The Judicial Corps in the Russian Federation: Current State and Problems of Recruitment

Г. Л. Харитонов
студент
E-mail: gl.kharitonov@edu.mubint.ru
научный руководитель – С. В. Гроздилов
кандидат философских наук, доцент кафедры юриспруденции
E-mail: grozdilovsv@edu.mubint.ru
Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
G. L. Kharitonov
Student
S. V. Grozdilov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Jurisprudence
International Academy of business and new technologies (Yaroslavl)

Аннотация

В статье анализируются проблемы кадрового дефицита в судебной системе Российской Федерации, охватывающие судейский корпус и аппарат судов; предлагаются решения по преодолению кадрового кризиса.

Ключевые слова: судебная система, кадровый дефицит, судейский корпус, аппарат суда.

Abstract

The article analyzes the problems of personnel shortage in the judicial system of the Russian Federation, covering the judiciary and the court staff; suggests solutions to overcome the personnel crisis.

Keywords: judicial system, staff shortage, judicial corps, court staff.

В последние годы судебная система России испытывает существенный кадровый дисбаланс, проявляющийся в устойчивом дефиците судей и работников аппаратов судов. Согласно официальным данным, дефицит кадров в федеральных судах общей юрисдикции и арбитражных судах составляет 15 %, а в кассационных судах около 16 % [1].

Одновременно наблюдается острый недостаток административного персонала – помощников, секретарей и иных специалистов, что напрямую влияет на сроки рассмотрения дел и качество правосудия. Высокая нагрузка, недостаточный уровень оплаты труда, снижение престижа профессии и отток квалифицированных кадров формируют порочный круг, способный подорвать доступность правосудия. Несмотря на реализуемые меры, существенного перелома пока не произошло. В связи с этим комплексное изучение причин кадрового кризиса и разработка эффективных способов его преодоления имеют как теоретическую, так и практическую значимость.

Анализ кадровой ситуации в 2024–2026 гг. выявляет устойчивый характер дефицита судей и сотрудников аппаратов с выраженной отраслевой и региональной спецификой. По заявлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации Игоря Викторовича Краснова на совещании судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов Российской Федерации, на начало 2026 года более 3500 должностей мировых и федеральных судей остаются вакантными [1].

Наибольшая нехватка зафиксирована в кассационных судах общей юрисдикции. Исходя из данных Судебного департамента, приведённым в издании «Коммерсантъ», из 891 штатной единицы заняты около 750, что соответствует некомплекту приблизительно в 16 % (более 140 вакансий). Стоит обратить внимание на отток судей за последние шесть лет: из судов вышло на пенсию около 200 судей, что указывает на системный отток, выходящий за рамки естественной текучести [2].

Но есть ещё дополнительные данные, которые привёл Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: в новых субъектах нехватка судей районных судов составляет 50 %. Также судебная система сталкивается с проблемой целевого набора, где недостаточность работников составляет более 760 человек [3].

Причины кадрового кризиса. Во-первых, экономические факторы (недостаточная оплата). Основной причиной оттока судей и сотрудников аппаратов является неудовлетворительная система оплаты труда. И. В. Краснов назвал данную систему несправедливой. По его словам, судья начинает получать достойную заработную плату только перед выходом на пенсию. Но во время активной профессиональной фазы судьи не получают соразмерной платы за колоссальную нагрузку и постоянные риски вплоть до угрозы жизни [4].

На данную проблему ещё в 2024 году обращал внимание генеральный директор судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Владислав Анатольевич Иванов, заявив, что основными причинами нехватки кадров является низкая зарплата, сочетаемая с высокими квалификационными требованиями и высокой ответственностью судей [5]. Подобная проблема актуальна и для аппарата судов. О. Н. Куренных в своей работе пишет о низких зарплатах помощников, секретарей и специалистов (в некоторых регионах – в диапазоне 20–35 тысяч рублей), которые препятствуют привлечению квалифицированных специалистов и способствуют текучести кадров, достигающей критических значений [6].

Во-вторых, организационные факторы (чрезмерная нагрузка). В среднем мировые и районные судьи рассматривают 490 дел в месяц [1], а в некоторых регионах данная нагрузка доходит до 600 дел в месяц. Полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Конституционном и Верховном суде Российской Федерации М. Ю. Барщевский заявил, что подобная ситуация отрицательно влияет не только на соблюдение процессуальных сроков, но ещё и на качество правосудия. По его словам, ни один человек не способен выдержать данную нагрузку [7].

Высокая нагрузка провоцирует порочный круг: нехватка кадров увеличивает нагрузку на оставшихся, что ведёт к профессиональному выгоранию и увольнениям, усугубляющим дефицит. В исследовании А. С. Мотыциной отмечается, что текучесть в аппарате судов на отдельных территориях достигает 200 % в год [8].

В-третьих, статусно-престижные и институциональные аспекты. Снижение престижа судейской профессии негативно отражается на привлечении кадров. М. Ю. Барщевский подчёркивает, что низкая зарплата, отсутствие компенсаций за переработки и высокие риски делают профессию малопривлекательной. На сегодняшний день в России функционирует около 600 юридических факультетов, что существенно превышает советский период с 52 такими факультетами; однако лишь небольшая часть выпускников обладает необходимой квалификацией и мотивацией для работы в судебной системе [7].

Мы полагаем, что для решения кадрового кризиса необходимо выполнение следующих мероприятий.

1. Материальное стимулирование. С 1 октября 2025 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 681 «О повышении должностных окладов судей в Российской Федерации» должностные оклады судей были увеличены на 7,6 %. Значительные же изменения произошли в оплате труда сотрудников аппарата. Ярославская область, например, продемонстрировала положительный опыт: повышение зарплат помощников мировых судей с 29–35 до 48–53 тыс. рублей и специалистов с 20–28 до 35–40 тыс. рублей позволило довести укомплектованность аппарата до 98 % [9].

Данный опыт заслуживает внедрения в других регионах. Важным шагом стало также принятие Федерального закона от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов», который установил штатную численность судов и их аппаратов на 2026 год, создавая предпосылки для устойчивого финансирования и планирования кадровой политики.

2. Оптимизация нагрузки: процессуальные и технологические меры. Одной из ключевых инициатив, предложенных И. В. Красновым, является переход от повсеместного кассационного пересмотра к выборочному. Кроме того, рассматривается возможность расширения полномочий помощников судей, позволяющая им самостоятельно готовить проекты определений по однотипным делам [1].

3. Повышение престижа и кадровая политика. Системные проблемы связаны также с особенностями кадровой политики: длительным процессом назначения (путь от помощника до судьи занимает годы), отсутствием эффективного кадрового резерва и неравномерным распределением вакансий по регионам. Государство, осознавая масштаб проблемы, осуществило законодательные меры, направленные на повышение статуса сотрудников аппаратов судов.

Так, 23 июля 2025 года был принят Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 32 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статью 38 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», который признаёт этих сотрудников государственными гражданскими служащими с установленными классными чинами и социальными гарантиями. Закон рассчитан на повышение привлекательности работы в судебной системе и снижение уровня текучести кадров.

Дополнительными мерами могут стать создание публичного кадрового резерва с прозрачными критериям отбора, проведение конкурсов профессионального мастерства и взаимодействие со средствами массовой информации для формирования позитивного образа судьи. Внедрение системы психологического сопровождения судей и сотрудников аппаратов будет способствовать профилактике профессионального выгорания.

Для системного преодоления кадрового кризиса целесообразно:

— принять федеральный закон, регулирующий новую систему оплаты труда с учётом реальной нагрузки;

— законодательно закрепить порядок выборочного кассационного пересмотра;

— расширить программу целевого обучения с учётом потребности свыше 760 человек в год и повысить качество отбора на юридические факультеты;

— внедрить систему ротации судей между регионами с различной нагрузкой.

Таким образом, кадровый кризис в российской судебной системе представляет серьёзную угрозу качеству и доступности правосудия. Его преодоление требует согласованных усилий по материальному, организационному, статусному и институциональному направлениям.

Библиографический список

1. Совещание судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов // Президент России : официальный сайт. – URL : http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/79181 (дата обращения : 28.03.2026).

2. Кассационные суды работают в условиях кадрового дефицита // Коммерсантъ : сетевое издание. – 2025. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/8379440 (дата обращения : 28.03.2026).

3. Судебный департамент разработал меры для повышения престижа профессии судьи // РАПСИ : российское агентство правовой и судебной информации. – 2025. – 19 августа. – URL : https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250819/311090917.html (дата обращения : 28.03.2026).

4. У людей есть явный спрос на справедливость // Коммерсантъ : сетевое издание. – 2025. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/8361511 (дата обращения : 28.03.2026).

5. Нехватку судей в РФ оценили почти в 20 % // Интерфакс : информационное агентство. – 2025. – URL : https://www.interfax.ru/russia/995645 (дата обращения : 29.03.2026).

6. Куренных, О. Н. Проблемы организации кадрового обеспечения судебной деятельности / О. Н. Куренных // Молодой ученый. – 2025. – № 608. – URL : https://moluch.ru/archive/608/133103/ (дата обращения : 29.03.2026).

7. Барщевский заявил о «катастрофической ситуации» с работой судей // РБК : сетевое издание. – 2025. – 16 сентября. – URL : https://www.rbc.ru/politics/16/09/2025/68c9423b9a79470fa6a35b3f (дата обращения : 29.03.2026).

8. Мотыцина, А. С. Проблема обеспечения организации судебной деятельности: кадровый аспект / А. С. Мотыцина // Молодой ученый. – 2024. – № 549. – URL : https://moluch.ru/archive/549/120335/ (дата обращения : 29.03.2026).

9. В Ярославской области решили проблему кадров в мировых судах // Коммерсантъ : сетевое издание. – 2025. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/8531223 (дата обращения : 29.03.2026).

УДК 347.77

Правовой статус искусственного интеллекта: отдельные правовые аспекты

Legal Status of Artificial Intelligence: Separate Legal Aspects

А. С. Хон
курсант
E-mail: advo-kat834@mail.ru
Е. В. Колпазанова
кандидат юридических наук
преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах)
E-mail: advo-kat834@mail.ru
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова (г. Ярославль)
A. S. Khon
Cadet
E. V. Kolpazanova
PhD in Law
Teacher of the Department of military-political work in the troops (forces)
Yaroslavl higher military school of air defense named after Marshal of the Soviet Union L. A. Govorov (Yaroslavl)

Аннотация

В статье приводятся модели обоснования решений по правовому регулированию систем искусственного интеллекта. Совокупность мероприятий должна обеспечивать достижение комплекса соответствующих стратегических целей. Предложена система мер по обеспечению информационной безопасности в сфере искусственного интеллекта.

Ключевые слова: системы искусственного интеллекта, суверенный искусственный интеллект, меры по обеспечению информационной безопасности в сфере искусственного интеллекта.

Abstract

The article provides models for justifying decisions on the legal regulation of artificial intelligence systems. A set of measures should ensure the achievement of a set of relevant strategic goals. A system of measures for ensuring information security in the field of artificial intelligence is proposed.

Keywords: artificial intelligence systems, sovereign artificial intelligence, and measures to ensure information security in the field of artificial intelligence.

Правовой статус искусственного интеллекта (ИИ) является актуальной и важной темой исследования в настоящее время с учетом распространения компьютерных технологий и цифровизации всех сфер общественной жизни. Правовое регулирование искусственного интеллекта осуществляется на национальном и международном уровнях. Основной целью такого регулирования является минимизация рисков и создание условий для безопасного внедрения технологий.

В России на данный момент существует нормативно-правовая база, определяющая общие требования к искусственному интеллекту, в том числе:

— Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490, определяет основные направления и принципы развития искусственного интеллекта в России;

— Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» позволяет апробировать инновации в тестовом режиме, часть из которых предусматривает использование искусственного интеллекта (например, беспилотные грузовые и пассажирские перевозки, телемедицина).

— Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных" и Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» устанавливает чёткие правила использования персональных данных при работе с системами искусственного интеллекта.

— Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке, рекомендованный Банком России (информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. № ИН-016-13/91), устанавливает принципы человекоцентричности, справедливости, прозрачности, безопасности и ответственного управления рисками, носит рекомендательный характер.

— Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (носит рекомендательный характер) распространяется на отношения, связанные с этическими аспектами создания (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий искусственного интеллекта на всех этапах жизненного цикла, которые в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации и/или актами технического регулирования. Рекомендации кодекса рассчитаны на системы искусственного интеллекта, применяемые исключительно в гражданских (не военных) целях.

Однако, на наш взгляд, регулирование отдельных вопросов в данной сфере является несколько декларативным: необходимость достижения баланса между развитием искусственного интеллекта и защитой прав граждан не всегда обеспечена достаточными конкретными инструментами для реализации этих целей.

В 2024 году Совет Европы принял Рамочную конвенцию об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права, которая налагает обязательства только на государства, которые выразили согласие на её обязательность, и не содержит каких-либо норм, распространяющихся на государства, не являющиеся её участниками. Документ закрепляет основные права человека на всех этапах проектирования, разработки и применения систем искусственного интеллекта в том числе:

— участники обязаны обеспечить доступность средств правовой защиты для лиц, чьи права человека нарушались при использовании систем искусственного интеллекта;

— при разработке систем искусственного интеллекта страны обязаны принимать меры, направленные на защиту равных возможностей граждан участвовать в публичной дискуссии;

— из сферы действия конвенции исключена деятельность, связанная с национальной обороной, поэтому обязательства её участников не распространяются на действия по разработке и применению искусственного интеллекта в военных целях.

Искусственный интеллект рассматривается в Российской Федерации как объект права, т. е. результат интеллектуальной деятельности либо сложный программный продукт, права на который принадлежат создателю или пользователю. Данное условие означает, что алгоритмы искусственного интеллекта признаются техническими средствами, а вся юридическая ответственность возлагается на человека, принимающего решение или эксплуатирующего систему.

При этом отдельные исследователи допускают возможность признания за искусственным интеллектом ограниченной правосубъектности по аналогии с юридическими лицами или фондами, т. е. в качестве субъекта права. Однако признание искусственного интеллекта субъектом права неизбежно потребует установления источника его прав и обязанностей, гарантий их исполнения, что в современных условиях выглядит преждевременным. Судебная практика по уголовным делам в Российской Федерации не признает искусственный интеллект субъектом права (например, по делам в сфере оборота наркотиков).

Особое значение в современных условиях приобретает развитие такого правового института, как суверенный искусственный интеллект, т. е. способность страны или организации создавать, запускать и управлять искусственным интеллектом таким образом, чтобы это соответствовало их собственному набору правил, потребностям в области безопасности и ценностям в целях снижения риска внешних факторов.

В юридической науке выделяют следующие аспекты суверенного искусственного интеллекта:

— территориальный (местонахождение данных и вычислений);
— операционный (субъекты управления, включения и выключения систем);
— технологический и владение интеллектуальной собственностью;
— юридический (юрисдикция).

В России в 2026 году рассматривается законопроект «Об основах госрегулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта», который предлагает ввести понятие суверенных и национальных моделей искусственного интеллекта. К ним будут относить решения, которые разрабатывают отечественные специалисты на российских данных, а ключевые права принадлежат гражданам или юрлицам страны.

Полагаем, что необходимы следующие меры для обеспечения информационной безопасности граждан Российской Федерации в отношении искусственного интеллекта:

— комплексный закон об искусственном интеллекте, кёоторый вводит рискориентированный подход, классифицируя системы искусственного интеллекта на четыре категории по виду риска (минимальный, ограниченный, высокий и неприемлемый риск);

— установление четких правовых требований к надежному искусственному интеллекту: действительность и надёжность, безопасность, защищённость и устойчивость, подотчётность и прозрачность, объяснимость, конфиденциальность и справедливость;

— запрет приложений, нарушающих права граждан (в т. ч. неизбирательную биометрию или социальный рейтинг, запрет использования искусственного интеллекта при отборе кандидатов на работу и др.,

— установление повышенных требований к системам высокого риска (биометрия, инфраструктура, занятость и др.) и конкретизация процесса управления рисками, документирования данных, прозрачности и человеческого надзора;

— установление мер юридической ответственности за использование запрещённых систем и за несоблюдение требований к системам высокого риска.

Библиографический список

1. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон № 258-ФЗ : принят Государственной Думой 22.07.2020 : одобрен Советом Федерации 24.07.2020 : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511291&dst=100001#4rLS0IVPxPo51zOL (дата обращения : 10.04.2026).

2. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулиро-

вания в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон № 233-ФЗ : принят Государственной Думой 30.07.2024 : одобрен Советом Федерации 02.08.2024 : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482468&dst=100001#lT3U0IVyoqmqiGwo (дата обращения : 10.04.2026).

3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=470015&cacheid=30EA47F78DA91199E80D613D3C4C2A0B&mode=splus&rnd=rHW4sA#kqmU0IVoXpSHasae2 (дата обращения : 10.04.2026).

4. О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке : информационное письмо Банка России от 09.07.2025 № ИН-016-13/91 // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=509514&cacheid=B808913D3FFB04B725B9FD15D17553DB&mode=splus&rnd=rHW4sA#YckW0IVgFV0VvfsO (дата обращения : 10.04.2026).

5. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта : текст по состоянию на 10.01.2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=470682&dst=1000000001&cacheid=65655693D314F63837C29B049E66CE16&mode=splus&rnd=rHW4sA#KHxw0IVInAc9aSDG1 (дата обращения : 10.04.2026).

6. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : проект федерального закона : текст по состоянию на 18.03.2026 : подготовлен Минцифры России : ID проекта 02/04/03-26/00166424 : не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. — URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=271763&cacheid=AA07A29062E0F73ABE56D0BFFFAA2872&mode=splus&rnd=O86rJg#VmWx0IVElh1UIkUA (дата обращения : 10.04.2026).

7. Новая правовая архитектура регулирования ИИ в Европе и её значение для России // Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России» : официальный сайт. — URL : https://alrf.ru/articles/novaya-pravovaya-arkhitektura-regulirovaniya-ii-v-evrope-i-eye-znachenie-dlya-rossii/?ysclid=mohi3jv6i9255379499 (дата обращения 11.04.2026).

Научное издание

МОЛОДАЯ НАУКА – 2026

Сборник материалов
XVII Национальной
научно-практической конференции
с международным участием
молодых ученых, аспирантов
и студентов

Часть 2

Корректор А. А. Преображенская
Компьютерная верстка А. А. Преображенской

Редакционно-издательский отдел
Международной академии бизнеса и новых технологий
(МУБиНТ)
г. Ярославль, ул. Советская, 80.

АКАДЕМИЯ ТУБИНГ АКАДЕМИЯ ТУБИНГ АКАДЕМИЯ ТУБИНГ АКАДЕМИЯ ТУБИНГ